

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
ГЕНРИХА ГЕЙНЕ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Подъ редакцію и съ біографическимъ очеркомъ
Петра Вейнберга.

Съ приложеніемъ двухъ портретовъ Гейне.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1904 г.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА.**
1904.

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА. Измайловский просп., 29.

ДОБАВЛЕНІЯ
КЪ
СТИХОТВОРЕНІЯМЪ.

I.
ПѢСНИ ЛЮБВИ.

1.

Отсюда далеко жилъ въ прежни годы я;
Теперь мнѣ домъ пройти—квартира ужъ твоя.
А вѣдь до этихъ поръ мнѣ думалось нерѣдко:
Ахъ, отчего ты не моя сосѣдка!

2.

ЛЮБОВНЫЙ ПРИВѢТЪ.

О, чудо-дѣвушка, полна
Такого ты очарованья,
Что радъ бы посвятить тебѣ
Я все свое существованье.

Струится, будто лунный свѣтъ,
Изъ глазъ твоихъ свѣтъ кротко ясный,
И щеки алыя горять
Румянцемъ юности прекрасной.

Двойной же рядъ твоихъ зубовъ
По блеску съ жемчугомъ сравнится—
Но драгоценный самый перлъ
Отъ всѣхъ въ груди твоей таится.

Едва увидѣлъ я тебя,
Вдохнула, дивное созданье,
Благоговѣйную любовь
Въ меня ты съ перваго свиданья.

3.

ЛЮБОВНАЯ ЖАЛОБА.

Одиноко я страдаю
Подъ покровомъ тьмы ночной;
Смѣхъ и радость мнѣ несносны,
Какъ и самый свѣтъ дневной.

Одиноко я рыдаю
Въ непробудной тишинѣ,
Но тоски меня грызущей
Не залить слезами мнѣ.

А когда-то, въ годы дѣтства,
Я рѣзвился, какъ дитя,
Не испытывалъ печали
И на жизнь смотрѣлъ, шутя.

Мнѣ весь міръ казался садомъ,
И рвался я въ этотъ садъ,
Гдѣ жасминъ, фіалки, розы
Льютъ свой тонкій ароматъ.

Часто въ полѣ любовался
Я струящимся ручьемъ,
А теперь, къ ручью нагнувшись,
Вижу блѣдный образъ въ немъ.

Съ нею встрѣтившись однажды,
Я сталъ блѣденъ, какъ больной;
Сердце замерло—случилось
Что-то чудное со мной.

Долго ангелы покой мой
Неотступно стерегли,
Но умчались боязливо
Въ небо звѣздное съ земли.

Вкругъ меня растеть мракъ ночи,
Тѣни грозныя однѣ,
А въ груди какъ будто шепчетъ
Тайный голосъ, чуждый мнѣ.

Неизвѣданныя мѹки
Выношу я и терплю;

Пожирающее пламя
Гложет внутренность мою.

Постепенно я стараю,
Не вернутся силы вновь...
Полюбуйся, какъ жестока
Ты ко мнѣ была, любовь!

4.

ДУШЕВНОЕ ТОМЛЕНІЕ.

Подъ тѣнью липъ гулетъ молодежь,
У каждаго подруга подъ рукой...
Но отчего же, Боже, отчего-жъ
Лишь я брожу одинъ съ своею тоской?

Волнуюсь я, и грусть моя сильна,
Когда другой съ возлюбленной идетъ...
И у меня подруга есть одна,
Но только далеко она живетъ.

Разлуку съ ней терпѣлъ я долгій срокъ,
Но больше у меня терпѣнья нѣтъ:
Возьму свой посохъ я и узелокъ,
И посмотрѣвъ отправлюсь бѣлый свѣтъ.

Пойду впередъ, все впередъ, пока
Не встанетъ шумный городъ предо мной
И не блеснетъ знакомая рѣка;
Въ томъ городѣ три башни за стѣной.

Тамъ пропадетъ моя тоска-змѣя,
Тамъ радость я желанную найду,
Тамъ подъ руку съ подругой нѣжной я
Подъ липами душистыми пойду.

5.

БѢЛЫЙ ЦВѢТОКЪ.

Скромный избравши въ саду уголокъ,
Блѣдный цвѣточекъ скрывался въ тѣни.
Зиму смѣнили весенніе дни—
Все же былъ блѣденъ тотъ блѣдный цвѣтокъ;
Блѣдный цвѣточекъ казался весной
Блѣдной невѣстой больною.

Блѣдный цвѣточекъ мнѣ какъ-то непталь:
«Милый мой братецъ, сорви меня ты!»
«Нѣтъ, не сорву,—я ему отвѣчалъ:—
Надобны мнѣ не такіе цвѣты:
Нуженъ цвѣтокъ мнѣ пунцовый, и всюду,
Всюду искать его буду.»

Блѣдный цвѣтокъ отвѣчалъ: «Для чего-жъ.
Будешь искать ты? не стоитъ труда,
Хоть до могилы ищи—не найдешь
Этотъ пунцовый цвѣтокъ никогда.
Милый, сорви меня—будешь доволенъ:
Я, какъ и ты, тоже болепъ».

Блѣдный цвѣтокъ умолялъ меня такъ,
Что торопливо его я сорвалъ,
И—мой душевный разсѣялся мракъ.
Стихи страданья, спокойнѣй я сталъ.
И мое сердце изнывшее снова
Ожило, вѣрить готово.

6.

Е Й.

Связавъ въ одинъ букетъ, мной собранный впервые,
Мои пунцовые и бѣлые цвѣты,
Что выросли изъ ранъ сердечныхъ въ дни былые,
Хочу, чтобъ отъ меня ихъ получила ты.

Прими-жъ съ улыбкою пѣвучія посланья.
Я не могу лечь въ гробъ, лишиться свѣта дня,
Чтобъ о себѣ самомъ хоть слѣдъ воспоминанья
Тебѣ не завѣщать. Такъ поминай меня.

Но сожалѣніе мнѣ было бы обидно:
Жизнь бѣдная моя была ужъ тѣмъ завидна,
Что въ сердцѣ образъ твой носилъ я много лѣтъ;

И ждать меня еще другое утѣшенье:
Я стану охранять твой сонъ до пробужденья
И посылать тебѣ свой дружескій привѣтъ.

7.

Цвѣты головки поднимаютъ
Къ сіянью солнечныхъ лучей,

И рѣки бѣгъ свой направляютъ
Къ простору синему морей.

А пѣсни всѣ на крыльяхъ грѣзы
Я шлю къ возлюбленной моей...
Мои стenanія и слезы
Снесите, пѣсни, тоже ей.

8.

Звѣзды ночи золотыя, поклонитесь моей милой
И скажите, что я тотъ же—какъ и нѣкогда—унылый,
Съ болью въ сердцѣ безпримѣрной
И попрежнему ей вѣрный.

9.

День цѣлый я думалъ о милой моей,
Я думалъ о ней и полночи;
Когда же сомкнулись усталыя очи,
Примчало меня сновидѣнiе къ ней.

Прѣтеть, какъ весенняя роза, она,
Сидитъ такъ спокойно, склонивши головку
Къ канвѣ и, безмолвнаго счастья полна,
Прилежно на ней вышиваетъ коровку.

И смотритъ такъ кротко... Загадочно ей,
Что значитъ мой видъ безнадежно унылый?
«Какъ блѣденъ ты, Генрихъ! Скажи мнѣ скорѣй,
Скажи мнѣ, гдѣ боль твоя, милый?»

И смотритъ, такъ кротко... не можетъ понять
О чемъ ея милый безмолвно рыдаетъ...
«Какъ горько ты плачешь! Скажи, кто страдать,
Мой Генрихъ, тебя заставляетъ?»

И взоръ ея кротко спокоенъ... А я—
Почти въ агоніи. «Страдать такъ жестоко
Пришлось отъ тебя, дорогая моя,
А боль—въ эту грудь забралася глубоко».

Тутъ, вставши торжественно съ мѣста, она
На грудь положила мнѣ руку—
И вдругъ уничтожила страшную мѹку,
И весело я пробудился отъ сна.

10.

Когда у милой я сижу,
Тогда мой духъ орломъ парить;
Тогда я богачомъ гляжу,
Мнѣ цѣлый міръ принадлежить.

Когда же нужно оставлять
Завѣтный этотъ уголокъ,
Я унываю и опять,
Какъ прежде, нищенски убогъ.

11.

Подъ Липами, мой другъ, найдешь
Ты сердцу пищи много:
Красавицъ здѣсь не перечесть,
Усыяна дорога.

Да, здѣсь ихъ самый пышный цвѣтъ,
Украшенныхъ шелками...
Недаромъ назвалъ ихъ поэтъ
«Ходячими цвѣтками».

Какія шади на плечахъ!
А шляпки, а платочки!
И что за дивный блескъ въ очахъ!
А шеи-то, а щечки!

12.

Я давно не вѣрю въ небо,
До него мнѣ дѣла нѣтъ!
Лишь въ твои глаза я вѣрю—
Это мой небесный свѣтъ.

Я давно не вѣрю въ Зевса
Посреди земныхъ тревогъ,
Лишь въ твое я сердце вѣрю—
Это мой единый богъ.

Я давно не вѣрю въ бѣса
И въ жестокость адскихъ мукъ—
Я въ твой взоръ и въ злое сердце
Только вѣрю, милый другъ.

13.

Въ жару любви, въ нѣмой ночной тиши
О, милая моя, исполнена огня,
Меня въ своихъ объятяхъ задуши,
Прильни ко мнѣ, обвейся вкругъ меня.

И обвила—скорбѣть теперь не смѣй!—
И обвила тебя со всѣхъ сторонъ
Прелестная изъ всѣхъ коварныхъ змѣй—
Счастливейшій Лаокоонъ!

14.

Никакъ позабыть не могу я,
Какъ прежде, мой другъ дорогой,
Владѣлъ я тобой нераздѣльно
И тѣломъ владѣлъ, и душой.

Ахъ, тѣломъ твоимъ и понынѣ
Желалъ бы владѣть я въ тиши,
А душу зарой ты хоть въ землю—
И такъ во мнѣ много души.

Ее пополамъ я разрѣжу,
Въ тебя половину вдохну—
Тогда мы единое тѣло
И душу составимъ одну.

15.

До боли губы мнѣ нацѣловала ты,
Такъ поцѣлуями ихъ исцѣли ты снова;
И—дѣло вѣдь не къ спѣху!—не бѣда,
Когда до вечера не будешь ты готсва.

Ночь цѣлая еще у насъ есть впереди,
Подруга милая, и не одно мгновенье
Въ ночь длинную мы посвятимъ съ тобой
Лобзаньямъ пламеннымъ и чарамъ наслажденья.

16.

Когда меня ты обняла украдкой,
Моя душа умчалась къ небесамъ.
Ее летѣть оставилъ я, а самъ
Сосалъ съ губъ милыхъ нектаръ сладкій.

17.

Дитя мое, меня конфузишь ты, когда
Подъ Липами мнѣ кланяешься смѣло.
Вотъ какъ домой придемъ мы—ну, тогда
Совсѣмъ другое дѣло.

18.

Отвагой былою охваченъ я вновь,
И въ сердцѣ, какъ прежде, бунтуетъ любовь!
Мнѣ чудится—конь подо мною, и я
Мчусь въ домъ, гдѣ живетъ дорогамъ моя.

Отвагой былою охваченъ я вновь,
И бѣшеной злобой волнуется кровь!
Мнѣ чудится—въ битву гоню я коня:
Готовъ мой противникъ и ждетъ онъ меня.

Несусь я, лечу я, какъ вѣтеръ степной,
Лѣса и поляны несутся со мной...
Противника злого и крошку мою—
Обоихъ погибость ждетъ въ этомъ бою!

19.

Я-бъ хотѣлъ, чтобъ мои пѣсни
Стали нѣжными цвѣтами:
Я бы ихъ послалъ подругѣ,
Чтобъ склонилась къ нимъ устами.

Я-бъ хотѣлъ, чтобъ мои пѣсни
Въ поцѣлуи обратились:
И они бы у желанной
Въ ямкахъ щечекъ пріютились.

Я-бъ хотѣлъ, чтобъ мои пѣсни
Молодымъ горошкомъ были:
Я сварилъ бы супъ, какого
Еще въ мирѣ не варили.

20.

Цвѣточки милые! Опять
Хочу я съ вами помириться;
Давайте снова пѣть, болтать
И беззаботно веселиться.

Ты, бѣлый колокольчикъ; ты,
Гвоздика—пестренькая грудка,
Вы, розы пурпурной листы,
Ты, голубая незабудка,

Идите всѣ ко мнѣ! Всегда
Я радъ вамъ, милые, сердечно;
Съ тобой лишь, злая резеда,
Останемся мы въ спорѣ вѣчно.

21.

Я пѣсни творю небольшія
Для милой, желанной моей;
Расправивъ звучащія крылья,
Летать мои пѣсенки къ ней.

Творить небольшихъ ребятишекъ
Тебѣ твой почтенный супругъ;
Бѣгутъ они къ мамѣ вирирыжку
Черезъ садикъ, и рощу, и лугъ.

Съ большимъ удовольствіемъ люди
Внимаютъ всѣмъ пѣснямъ моимъ;
Когда-жъ ребятишки завоюютъ,
То жутко приходится имъ.

И тотъ, кто пропѣлъ эту пѣсню,
Лежитъ одинокъ и унылъ...
Охотнѣй бы онъ ребятишекъ,
Чѣмъ пѣсни свои сотворилъ.

22.

Надъ ручьемъ склонилась грустно
Ты, любви моей лилея,
Никакой надежды въ сердцѣ
Уже больше не лелѣя.

«Ахъ, оставь меня! Я знаю
Цѣну ласкъ лицемѣрной,
Знаю, что кузину розу
Полюбилъ ты, другъ невѣрный».

23.

Почтенная барышня! Слабый, больной
Сынъ музъ прибѣгаетъ къ вамъ съ просьбой единой:

Позвольте прижаться ему головой
У вашей груди лебединой!

«Но... судары! Ко мнѣ обращаться публично
Какъ смѣли вы съ просьбой такой неприличной?»

24.

Божественъ мигъ, когда я подавлялъ
Въ себѣ свои грѣховныя стремленья,
Когда же въ этомъ я не успѣвалъ,
То все-жъ испытывалъ большое наслажденье.

25.

Ты прекрасная хозяйка.
Въ домѣ стройно все идетъ,
Все въ порядкѣ—кухня, погребъ,
И воздѣланъ огородъ.

А въ саду твоёмъ расчищень
Всюду каждый уголокъ,
И идетъ солома даже
При твоёмъ хозяйствѣ впрокъ.

Но воздѣлано лишь сердце
У тебя, чтобъ полюбить,
И ни съ кѣмъ пустынной спальни
Ты не хочешь раздѣлить.

26.

Тебѣ, равнодушной и вялой, всегда
Должна была страпной казаться
Моя необузданно дикая страсть
Готовая всюду прорваться.

Удобства шоссеиной дороги въ любви
Искала ты, встрѣтись со мною;
Я вижу, ты подъ руку съ мужемъ идешь
Почтенной, брюхатой женою.

27.

Какая ложь въ объятыхъ скрыта!
Какъ ты хитра нечестно!
Обманывать—всегда намъ любо,
И быть обманутымъ приятно.

Къ чему твоя самозащита?
Вѣдь ты, я знаю, лицемѣришь.
Хочу твоимъ я вѣрить кознямъ
И клясться тѣмъ, чему ты вѣришь.

28.

РЕМСГЕТЪ.

«О, милый, дорогой поэтъ,
Чьи пѣсни насъ очаровали!
Зачѣмъ его здѣсь съ нами нѣтъ!
Его бы мы зацѣловали!»

А я, межъ тѣмъ, какъ обо мнѣ
Мечтаютъ дамочки такъ мило—
За сотни верстъ, въ чужой странѣ
Живу и дни влачу уныло.

Что пользы сѣверу, коль ахъ!
На югѣ солнце чудно грѣеть.
Отъ поцѣлуевъ на словахъ
Вѣдь тощій духъ не потолстѣеть.

29.

РЕМСГЕТЪ.

Громадный известковый утесъ, похожій на прекрасную, бѣлую грудь женщины, висится надъ моремъ, влюбленное море льнется къ нему, шутливо плещетъ и брызжетъ на него, и обнимаетъ его своими могучими руками-волнами. На этомъ бѣломъ утесѣ стоитъ высокій городъ, и тамъ, на высокомъ балконѣ, стоитъ прекрасная женщина и играетъ веселыя мелодіи на испанской гитарѣ.

Подъ балкономъ стоитъ нѣмецкій поэтъ, и когда милыя мелодіи нисходятъ до него, его душа невольно аккомпанируетъ имъ, и изъ нея хотятъ вырваться слова:

«О, будь я дикое море,
А ты—тотъ высокій утесъ!»

По намъ нѣмецкій поэтъ не пропѣлъ этихъ словъ, а только подумалъ ихъ. Во-первыхъ, у него не хватило голоса, во-вторыхъ, онъ былъ слишкомъ робокъ... Когда въ тотъ же самый вечеръ онъ провожалъ прекрасную женщину на прогулкѣ вдоль морского берега, онъ не произнесъ ни одного слова.

Волны еще страстиѣ льнули къ бѣлой груди утеса, а
мѣсяць бросалъ на воду свои длинныя лучи—точно золотой
мостъ въ обѣтованную землю.

30.

Когда два сердца разобьются,
На небѣ звѣздочки смѣются,
Смѣются въ выси голубой
И говорить между собой:

«Отъ всей души другъ друга любить
Бѣдняжки-люди, но и губить
Себя любовью; имъ она
На гибель только и дана.

«Изъ насъ никто не ощущаетъ
Любви, которая терзаетъ
Людскія души и умы—
И оттого безсмертны мы».

31.

Во всяческихъ образахъ я
Всегда близъ тебя, дорогая моя;
Но вѣчно я мучусь и вѣчно
Ты это терзаешь меня безконечно.

Когда на травѣ цвѣтника
Безпечною ножкою ты мотылька
Раздавишь—не слышишь ты, что ли,
Какъ въ это мгновенье я плачу отъ боли?

Когда ты срываешь цвѣтокъ
И съ хохотомъ дѣтскимъ оцѣпешь листокъ
За листочкомъ—не слышишь ты, что ли,
Какъ въ это мгновенье я плачу отъ боли?

Когда, при срываньѣ такомъ,
Вонзается роза колючимъ шипомъ
Въ твой палець—не слышишь ты, что ли,
Какъ въ это мгновенье я плачу отъ боли?

И въ собственномъ горлѣ твоемъ
Не слышишь ты развѣ и ночью, и днемъ,
Болѣзненныхъ звуковъ?.. Ахъ, это
Въ душѣ твоей стоны и слезы поэта!..

НАКАНУНЪ СВАДЬБЫ.

I.

Ты смотришь на меня, о, дѣвушка моя,
Все отгадавшими, прекрасными глазами...
Да, ты права! Есть бездна между нами:
Ты такъ добра—такъ гадокъ я!

Такъ гадокъ я, такъ желчь мою волнуетъ кровь!
Въ даръ отъ меня лишь смѣхъ холодный получала
Та, что была всегда и кротость, и любовь,
И даже, ахъ, ни разу не солгала!

II.

О, ты всегда былъ ловкій малый,
Всѣ ходы, переходы зналъ,
Вездѣ, гдѣ мы къ одной шли цѣли,
Дорогу мнѣ перебивалъ.

Теперь ты мужъ моей невѣсты—
Ужъ это черезчуръ смѣшно;
Смѣшнѣе только то, что мнѣ же
Тебя поздравить суждено.

III.

«О, любовь надѣляетъ блаженствомъ,
О, любовь намъ богатство даетъ!»
Такъ въ священной имперіи римской
Сотни тысячъ гортаней поетъ.

Ты, ты чувствуешь смыслъ этихъ нѣсепъ,
Другъ любезный—и въ сердцѣ твоемъ
Имъ находится откликъ веселый
Въ перспективѣ съ торжественнымъ днемъ,

Днемъ, когда съ краснощекой невѣстой
Ты пойдешь къ алтарю, и отецъ,
Умиленно дѣтей соединяя,
Поднесетъ вамъ солидный ларецъ,

Гдѣ червонцы, билеты, брильянты
Вѣкъ считай, не окончится счетъ...
«О, любовь надѣляетъ блаженствомъ,
О, любовь намъ богатство даетъ!...»

IV.

Земля одѣлась вся въ роскошные цвѣты,
Зеленый лѣсъ вверху соплелъ свои листы
Побѣдной аркою; пернатый хоръ гремитъ,
Пѣснь встрѣчи радостной изъ устъ его летитъ.

Примчалась чудная красавица-весна;
Глаза ея блестятъ, вся кровь огнемъ полна;
Ее вамъ нужно бы на свадьбу пригласить—
Тамъ, гдѣ цвѣтетъ любовь, приятно ей гостить.

V.

Весна подарковъ навезла,
Чтобъ брачный праздникъ справить;
Она невесту съ женихомъ
Пріѣхала поздравить.

У ней запасъ жасминовъ, розъ,
Душистыхъ травъ, а вмѣстѣ—
И селерей для жениха,
И спаржа въ даръ невестѣ.

33.

Какою гармоніей милой
Всѣ члены роскошные полны!
На стройной красавицѣ-шейкѣ
Качается чудо-головка.

Чаруетъ и трогаетъ вмѣстѣ
Лицо, на которомъ смѣшались
И женщины взгляды сладострастный,
И чистой малытки улыбка.

Когда-бъ на плечахъ твоихъ только
Мѣстами, какъ тѣни густыя,
Пыль нашей земли не лежала,
Сравнилъ бы тебя я съ Венерой,

Съ богиней Венерой, что вышла
Изъ юпитъ въ красотѣ лучезарной,
Сѣвка, какъ цвѣтокъ, а при зломъ,
Конечно—и вымыта чистю.

34.

«О, глазки, прекрасныя смертныя звѣзды!»
Вотъ, сколько я нынче припомнить могу,
Какъ въ пѣсенкѣ пѣлось, что слышалъ когда-то
Въ Италіи я, на морскомъ берегу.

Ту пѣсенку пѣла, чиня свои сѣти,
Рыбачка—и взгляда шалунья моя
Съ меня не спускала, пока не прижаѣся
Губами къ пурпурному ротику я.

И пѣсенка эта, и море, и сѣти—
Въ души у меня все воскресло опять,
Когда я съ тобой повстрѣчался впервые;
Но долженъ я также тебѣ цѣловать.

35.

Прорывается звуками пѣсни
Все, что мыслю и чувствую я.
Ахъ, Амуръ, богъ-малютка, я знаю
Это все вѣдь работа твоя!

Да, въ театрѣ души моей нынче
Ты великимъ маэстро живешь;
Что почувствую я, что помыслю,
Ты на музыку тотчасъ кладешь.

36.

Какое желтыхъ розъ значенье?
Любовь съ досадою въ борьбѣ,
Досада—для любви мученье,
Любить и портить кровь себѣ

37.

(отрывокъ).

Блаженный мигъ, когда подъ нанимъ поцѣлуемъ
У почки съ треногомъ раскроются листы;
Когда-жъ во блескѣ всемъ созрѣвшей красоты
Достался намъ цвѣтокъ—не меньше мы лисуемъ.

38.

Печально и вмѣстѣ забавно,
Когда убѣждаемся мы,

Что любить два сердца другъ друга,
По вѣрить не могутъ умы.

Ты слышишь ли, крошка, какъ много
Любви въ моемъ сердцѣ? Она
Головкой качаетъ: «Богъ знаетъ,
Кому та любовь отдала!»

39.

Блаженства человѣкъ исполнишь
И очень человѣкъ слабѣетъ,
Когда, имѣя трехъ любовницъ,
Онъ только двѣ ноги имѣетъ.

Къ одной изъ нихъ бѣгу я утромъ,
Къ другой—при наступленьи ночи,
А третья въ полдень ужъ приходитъ
Сама ко мнѣ... Совсѣмъ нѣтъ мочи!

Прощай, возлюбленная тройка!
Я только двѣ ноги имѣю...
Иду въ деревню наслаждаться
Природой милою моею!

40.

Въ жизни съ дурами я опасался сходиться,
Думалъ—толку отъ дуръ невозможно добиться;
Но когда обратился я къ умнымъ—онѣ
Больше глупыхъ бѣды понадеяли мнѣ.

Черезчуръ ужъ умны эти умныя были—
Ихъ вопросы меня изъ себя выводили;
А какъ спросишь самихъ про важнѣйшій предметъ,
Засмѣются—на томъ и покончатъ отвѣтъ.

41.

Въ мартѣ началась любовь моя—
Заболѣлъ умомъ и сердцемъ я;
Но когда зеленый май явился,
Со своей печалью я простился.

Вечеркомъ, въ бесѣдкѣ скрытой той,
Что стоитъ за липою густой,
Я сидѣлъ съ красавицей моею
И въ любви открылся передъ нею.

Пахли розы. Сладко межъ вѣтвей
Пѣсню пѣлъ надъ нами соловей;
Только мы ни слова не слышали—
О вещахъ мы важныхъ толковали.

Мы клялись другъ друга вѣкъ любить...
А часы все продолжали плыть;
День погасъ, и звѣзды заблестѣли,
И въ слезахъ мы въ темнотѣ сидѣли

42.

О, какъ быстро возникаетъ
Изъ минутныхъ ощущеній
Много связей неразрывныхъ
Безграничныхъ увлеченій!

Этой дамой ежедневно
Я все больше увлекаюсь;
И что я въ нее влюбился,
Въ этомъ я не сомнѣваюсь.

Что душа ея прекрасна—
Это лишь предположенье;
Но насчетъ красотъ тѣлесныхъ
Я въ глубокомъ убѣжденъ.

Эти бедра! эти губы
Съ ихъ чарующей улыбкой!
Этотъ лобъ и носъ! Кака
Предель въ этой гальѣ гибкой!

43.

Какъ прекрасна ты, всю душу
Предо мною открывая
И возвышенныя чувства
Въ сладкой рѣчи изливая!

Повѣствуя мнѣ, что душу
Въ чистотѣ всегда хранила,
Что громаднѣйшія жертвы
Чести сердца приносила!

Что тебѣ и за миллионы-бъ,
Какъ всѣ женщины ни слабы,
Не купилъ никто на свѣтѣ—
Что скорѣй ты умерла бы!

Я стою передъ тобою
И вливаю эти звуки,
И, иѣмой статуей вѣры,
Цабожно скрестилъ я руки.

44.

Не пугайся, дорогая!
Не похитять насъ теперь:
Твой покой оберегая,
Ца замокъ я заперъ дверь.

Какъ бы вихрь ни злился яро,
Домъ ему не сокрушить;
Но чтобъ не было пожара,
Лучше лампу затушить...

Ахъ, позволь покрѣиче шею
Мнѣ твою обвинь вокругъ,
Шали шѣтъ—такъ я согрѣю,
Чтобъ не зябла ты, мой другъ!

45.

ПРОЩАЙ!

Какъ пеликанъ, тебя питаль
Я кровью собственной охотно,
Ты-жъ въ благодарность поднесла
Полынь и желчь мнѣ беззаботно.

И вовсе безъ желанья зла:
Минутной прихоти послушна,
Къ несчастью ты была всегда
Безпамятна и равнодушна.

Прощай! Не замѣчась ты
Что плачу я, что въ сердцѣ злоба...
Ахъ, дурочка! Дай Богъ тебѣ
Жить вѣтрепо, шутя, до гроба.

46.

Б Е Р Т А.

Она была дивно кротка,
Не знала, что значить обидѣть.
Такъ иѣжно писала ко мнѣ!
Привыкъ въ ней я англа видѣть.

Сбирались мы свадьбу сыграть;
Узнали родные. Коротокъ
Былъ умъ у овечки моей—
Не смѣла послушаться тетокъ.

И клятвъ не сдержала она.
Ей сердце мое все простило—
Она бы въ супружествѣ мнѣ
И жизнь, и любовь отравила.

При мысли о лживыхъ сердцахъ
Я Берту сейчасъ вспоминаю,
И только теперь одного—
Счастливыхъ родовъ ей желаю.

47.

ВЪ СОБОРѢ.

Дочь старшаго кистера въ церковь ввела
Меня черезъ двери портала;
Малютка блондинка и ростомъ мала,
Косыночка съ шейки унала.

Я видѣлъ за пѣсколькo пфенниговъ паръ
Лампады, кресты и гробницы
Въ соборѣ; по тутъ меня бросило въ жаръ
При взглядѣ на щечки дѣвицы.

И снова смотрѣлъ я туда и сюда—
На все, чѣмъ наполнены храмы;
На окна, гдѣ въ юбочкахъ—аллилуй!
Танцую, проносятся дамы.

Дочь старшаго кистера виѣстѣ какъ разъ
Со мною стояла здѣсь рядомъ;
У ней столь прозрачная парочка глазъ—
Я все въ нихъ проникъ своимъ взглядомъ.

Дочь старшаго кистера вновь чрезъ порталъ
Обратно меня провожала;
Красна была шейка, и ротикъ такъ малъ,
Косыночка съ шейки унала.

48.

.
.

.
.
Какъ лилейно бѣлы руки,
Волоса, что грезы вьются,
Отгвня ликъ румяный!
Красота здѣсь въ совершенствѣ.

Но сегодня (почему-то)
Показалось мнѣ, что талья
Ужъ не такъ стройна, какъ прежде.
Будь потоньше—было-бъ лучше.

49.

Раненый, больной, страдая
Лѣтомъ въ лучшую погоду,
Человѣка избѣгал,
Въ лѣсъ несу свою невзгоду.

Птички близъ меня въ долинахъ
Сострадательно смолкають,
Липы въ сумрачныхъ вершинахъ
Мнѣ сочувственно вздыхають.

На зеленый дернъ, въ печали,
Отдохнуть я съѣлъ немножко:
Съ горъ слова мнѣ прозвучали:
Кошка, дорогая кошка!

Кошка, дорогая кошка,
Злы твои, коварны игры;
Ты за что мнѣ, злая крошка,
Сердце рвешь, какъ рвали-бъ тигры!

Ужъ давно закрыто было
Это сердце для отрады;
Но любовь заговорила,
Чуть твои я встрѣтилъ взгляды.

Послѣ ты мяукать стала;
«Я тебѣ страшна немножко?»
Вѣрь мнѣ, вѣрь!» И повторяла:
«Я правдивѣйшая кошка»...

.
.

50.

Соловы поютъ безъ правилъ,
По свободному желанью;
Ты охотнѣе внимаешь
Канареекъ щобстанью.

Этихъ кроткихъ желтыхъ птичекъ
Кормишь въ клеткѣ ты; смотрю я,
Какъ онѣ клюютъ твой палечикъ,
Вѣрно сахаръ въ ручкѣ чул.

Что за милая картинка!
Небесамъ на услажденъе!
Я до слезъ растроганъ тожо
Въ глубочайшемъ умиленьѣ...

51.

Храни васъ Господа забота
Отъ слишкомъ злыхъ сердцебісій,
Отъ слишкомъ пахнущаго пота
И отъ желудкозасореній.

Подъ игомъ брака оставаясь,
Какъ въ первый день его живите,
Всегда любовью наслаждаясь,
И щедро дѣточекъ плодите.

52.

Теперь мой другъ, ужъ съ полнымъ правомъ
Ты можешь обо мнѣ сказать:
«Да, человекъ онъ съ сквернымъ нравомъ,
Коли способенъ причинять

«Боль даже мнѣ—не оскорбившей
Его ничѣмъ; душою всей
Его, напротивъ, защищавшей
Отъ обвиненій злыхъ людей;

«Мнѣ, чья душа была готовой
Ему любовь отдать навѣкъ,
Не будь такой онъ безтолковый,
Такой безумный человекъ.»

53.

Какъ ты и хнычешь, и смѣешься,
И какъ сердито губы дуешь,
Когда, не будучи влюбленной
Сама, однакоже, равнуешь!

Подай тебѣ въ такое время
Понюхать розу—ты оставишь
Ея листки, въ шини уткнешься,
Покуда носъ не раскрасавишь

54.

На груди букетъ трехцвѣтный;
Означаетъ вольность онъ;
Да, я рабство ненавижу,
Для свободы я рождень.

Не забудь, Марія третья,
Королева чувствъ моихъ:
Низложилъ не разъ позорно
И предшественницъ твоихъ.

55.

Снилась мнѣ дѣвушка: кудри какъ шелкъ,
Кроткія, ясныя очн...
Съ нею подъ липой просиживалъ я
Синія лѣтнія ночи.

Слово любви прерывала порой
Сладкая рѣчь поцѣлуя...
Звѣзды вздыхали средь темныхъ небесъ,
Словно ревниво тоскуя.

Я пробудился... Со мной никого,
Страшно мнѣ въ сумракѣ ночи;
Холодно, нѣмо глядеть на меня
Тусклыми звѣздными очн.

56.

КЪ ЖЕННИ.

Мнѣ тридцать пять ужъ стукнуло. Не знаю,
Шестнадцатый тебѣ пошелъ ли годъ?..
Когда гляжу я на тебя, о, Женни!
Забытый сонъ въ душѣ моей встанетъ.

И въ восемьсотъ семнадцатомъ, увидѣлъ
Прелестное созданье... Ты лицомъ
И становю мнѣ се напоминаешь
И также косу носишь ты кольцомъ.

И ей сказалъ: «Дождись меня; учиться
Иду правамъ я въ университетъ,
И возвращусь къ тебѣ оттуда скоро».
«Твоя павѣтъ я!» былъ ея отвѣтъ.

Четвертый годъ сидѣлъ я въ Геттингенѣ,
Четвертый годъ зубрилъ Пандекты я;
Какъ вдругъ письмо однажды получаю,
Что вышла замужъ милая моя.

Тогда былъ май. Въ долинахъ зеленѣвшихъ
Ужъ не одинъ благоухалъ цвѣтокъ;
Изъ дальнихъ стражъ вернувшись, птички пѣли,
И солнцу радъ былъ каждый червячокъ.

А я бродилъ болѣзненный и блѣдный,
Отъ горести совсѣмъ я пнемогъ,
И мѣли тѣ, что въ эту ночь извѣдать
Мнѣ довелось, могъ видѣть развѣ Богъ.

Но все прошло... Теперь какъ дубъ я крѣпокъ,
И временемъ могучимъ процвѣлъ.
Когда гляжу я на тебя, о, Женни!
Въ моей душѣ ты будишь старый сонъ.

57.

К И Т Т И.

I.

Въ платоническихъ влеченьяхъ
Наши души всеконечно
Скрѣплены духовной связью
Неразрывно и на вѣчно;

Даже въ случаяхъ разлуки
Вновь другъ съ другомъ безъ усилья
Могутъ встрѣтиться, имѣя
Быстромчающія крылья.

Сверхъ того онѣ безсмертны;
Вѣчность же—вѣковъ громада;

И кому искать есть время,
Тотъ находить все, что надо.

Но тѣламъ, тѣламъ несчастнымъ,
Крайне пагубна разлука;
Крыльевъ нѣтъ, ногъ только пара
И при этомъ смерти мѹка.

Обсуди все это, Китти,
И зимуй одна въ Парижѣ;
А весной мы вмѣстѣ въ Лондонъ...
Хорошенько обсуди жс.

II.

Китти, Китти умираетъ!
Ужъ глаза ея мутятся...
Но еще предъ смертью долженъ
Я, несчастный, съ ней разстаться.

Китти, Китти умираетъ!
Что могла неизбежна —
Ей не тайна; но о ближнихъ
Все она печется нѣжно

Надѣвать всегда зимою, —
Тѣ чулки мнѣ приказала,
Что она изъ теплой шерсти
Для меня сама связала.

III.

уходящее лѣто.

Желтѣетъ древесная зелень,
Дрожа, опадаютъ листы...
Ахъ, все увядаетъ, все меркнетъ —
Вся цвѣга, весь блескъ красоты!

И солнце вершины лѣсныя
Тоскливымъ лучомъ обдастъ.
Знать, въ немъ уходящее лѣто
Лобзаѣе прощальное шлепъ.

А я, я хотѣлъ бы заплакать,
Такъ грудь истомилась тоской..
Напомнила эта картина
Мнѣ наше прощанье съ тобой.

Я зналъ, разставаясь, что вскорѣ
Ты станешь жилищеи небесъ,
Я былъ уходящее лѣто,
А ты—умирающей лѣсъ.

V.

Сегодня я провелъ чудесно день,
И вечеромъ ко мнѣ судьба благоволила:
Какъ Кипти хороша, какъ хорошо вино!
А сердце ненасытно все же было.

Коралловыя губки жгли меня
Лобзаннями такъ страшно, такъ мятежно,
И темныя глаза въ мое лицо
Смотрѣли такъ умильно, кротко, гнѣвно...

И пзъ ся объятій ускользнуть
Успѣлъ я, лишь благодаря уловкѣ:
Ей руки крѣпко-накрѣпко связать
Я собственной косою плутовки.

V.

счастье во снѣ.

Когда благоухали розы
И пѣли въ рощахъ соловьи,
Съ любовью гнѣвною сжимали
Меня объятія твои,

Сорвала осень листья съ розы,
Далѣко прогнать соловей,
И ты тоже улетѣла,
И я одинъ съ тоской моей.

Какъ холодны, какъ длинны ночи!
Скажи—тебя ждать долго мнѣ?
Иль суждено былымъ блаженствомъ
Мнѣ наслаждаться лишь во снѣ?

VI.

Глаза, что мной давно забыты,
Хотятъ меня опутать вновь,
Опять я околдованъ взглядомъ,
Гдѣ свѣтитъ кроткая любовь.

Опять лобзанье этихъ губокъ
То время воскрешаетъ мнѣ,
Когда я днемъ былъ глухъ безмѣрно,
А ночь блаженствовалъ виолнѣ.

VII.

Тщеславье шепчетъ мнѣ, что тайно
Меня давно ужъ любилъ ты,
Но умъ твердить, что тутъ лишь чувство
Великодушной доброты;

Что должное воздать ты хочешь
Тому, кого не понялъ свѣтъ,
И что за общее гоненье
Вдвойнѣ тобою онъ прирѣтъ.

Ты такъ кротка, ты такъ прекрасна,
Твой взглядъ такъ вѣжливъ и глубокъ,
Твои слова такъ музыкальны,
И ароматны, какъ цвѣтокъ.

Ты чудной звѣздочкою съ неба
Мнѣ посылаешь свой привѣтъ,
Врачуешь скорбь мою и вносишь
Въ земную тьму блаженный свѣтъ.

VIII.

Прекрасенъ тихій блескъ вечерняго заката,
Но блескъ твоихъ очей прекраснѣе его.
Вечерняя заря и эти очи смотрять
Съ гнетущею тоской въглубь сердца моего.

Вечерняя заря — то символъ разставанья,
Сердечной темноты, сердечныхъ старыхъ рань...
Черезъ нѣсколько минутъ глаза твои отдѣлятъ
Отъ сердца моего широкій океанъ...

IX.

Письмо, что она написала,
Весьма умиротворяюще было
Любить она будетъ безмѣрно,
Ужасно, до самой могилы!

Жестоко скучаетъ бѣдняжка:
«Совсѣмъ отъ разлуки больна я,

Ты въ Англію долженъ прїѣхать,
Минуты одной не теряя».

X.

Быстрой козочкою мчится
Вдоль по Темзѣ наша барка.
Скоро, скоро я причаляю
У рѣнотки Реджентс-Парка.

Тамъ живетъ моя голубка,
Дорогая женка Китти;
Не найти бѣлѣ тѣльца
Ни въ Вестъ-Эндѣ, ни въ дѣломъ Сити.

Ждетъ она меня, и воду
Кипятить, и придвигаетъ
Стулъ къ камину. Все готово —
Вкусный чай меня встрѣчаетъ.

XI.

То счастье, что меня вчера еще лобзало,
Сегодня вдругъ пропало безъ слѣда...
Ахъ, небо вѣрною любовью никогда
На долгій срокъ меня не надѣляло!

Въ объятія мои ужъ по одну
Толкала любовнытства сила;
Но каждая, измѣнивши въ глубину
Моей души, сейчасъ же уходила.

Однѣ ушли, насмѣшливо шутя,
Другія—вздоргнувъ отъ испуга,
И Китти, только ты, покидая друга,
Рыдала, какъ дитя.

58.

ПѢСПЬ ПѢСНЕЛІ.

О, тѣло женское есть пѣснь
Въ альбомѣ міротворенья!
Самъ Зевсъ туда се вписалъ
Въ порывѣ вдохновенья.

И вдохновенный тотъ порывъ
Увѣчаемъ быть удачей;

Зевсъ какъ художникъ совладаль
Съ труднѣйшею задачею!

Да, тѣло женское есть пѣснь—
Высокая пѣснь пѣсней;
Упругихъ членовъ—пѣсни строфъ—
Что можетъ быть прелестнѣй?

А шель? Сколько мыслей въ ней,
И какъ построень ловко
На ней поэмы главный смыслъ—
Кудрявая головка!

Какъ остроумія полны
Бутоны груди чудной!
Какъ много дивной красоты
Въ цезурѣ междугрудной!

Округлость лядвей—знакъ, что ты,
Зевесь, творишь пластично;
И скобки съ фиговымъ листомъ
Придуманы отлично.

Твоя поэма не абстрактъ,
Въ ней плоть и кровь играютъ,
И губки, какъ двѣ риемы, въ тактъ
Смѣются и лобзаютъ.

Во всемъ поэзія видна,
Въ движеніяхъ блаженство!
И на челѣ ея лежитъ
Печать вѣссовершенства...

Склоняюсь въ прахъ передъ твоей
Поэмой неземною!
Мы—жалкіе писаки, Зевсъ,
Въ сравненіи съ тобою.

И погружаюсь я вполнѣ
Въ твоё произведенье:
Учу его, и день и ночь
Отдалъ на изученье...

Да, день и ночь учу его
И принялъ много мѹки:
Изошли ноги у меня
Въ избыткѣ сей науки.

КЪ ДОЧЕРИ МОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ.

Я смотрю на тебя—и глазамъ я не вѣрю своимъ...
 Чудный розовый кустъ представляется имъ;
 Ароматъ изъ него одуряющій
 Бьетъ въ мой мозгъ, что-то вдругъ воспоминающій...
 Былъ въ ту пору безуменъ и молодой я... Ахъ,
 Нынче старъ и безуменъ... Въ глазахъ
 Закололо... Теперь я словами
 Говорить принужденъ, да вдобавокъ—стихами...
 Тяжело мнѣ... Найду ли слова?
 Полно сердце мое и пуста голова!
 Дорогое дитя! Я гляжу на тебя—и такая
 Непонятная скорбь, на душѣ у меня пробѣгая,
 Въ глубинѣ сокровенныхъ ея тайниковъ
 Будитъ образы, спавшіе много годовъ.
 На поверхность ся вышлепаютъ сирены,
 Раскрывая съ улыбкой глаза, расправляя прекрасные
 члены,

И одна—красе всѣхъ шаловливыхъ подругъ;
 Какъ двѣ капли воды—ты, мой маленькій другъ!

Это юности сонъ съ благодатной весною своєю...
 Я смотрю на тебя и глазамъ своимъ вѣрить не смѣю...
 Вотъ она, дорогая сирена моя,
 Вотъ и взгляды, и звуки ея;
 Голоснокъ у ней ящерино-ласкающій,
 И большія и мелкія души плѣняющій;
 Отливаетъ зеленымъ въ глазахъ плутовскихъ—
 Глядя въ эти глаза, воспоминаешь дельфиновъ морскихъ;
 Бровь не очень густа, но высокой дугою,
 Точно арка побѣды, гдѣ все горделивой полно красотою,
 И на розовыхъ, милыхъ щекахъ,
 Близко, близко къ глазамъ помѣстились двѣ ямки... Но ахъ!
 Совершенства ни въ людяхъ, ни въ духахъ небесныхъ
 Не найдешь—и въ созданіяхъ самыхъ предестныхъ,
 Какъ старинныя сказки гласятъ,
 Недостатки какіе-нибудь да сидятъ:
 Господинъ Лузиньянтъ, тотъ, что въ пору былую
 Побѣдилъ чудно милую фею морскую,
 Упиваясь блаженствомъ съ подругой своею,
 Находилъ—и не разъ—хвостъ змѣиный у ней.

60.

У Т Р О М Ъ.

Моя милая хозяйка,
Моя добрая супруга
Приготовила мнѣ завтракъ—
Теплый кофе, бѣлыхъ сливокъ.

И сама мнѣ наливаетъ
Съ шуткой, лаской, милымъ смѣхомъ;
Ни одни уста на свѣтѣ
Не смѣются такъ прелестно!

Голосокъ такой же нѣжный
Лишь у англовъ найдется,
На землѣ же—развѣ только
У соловушекъ отборныхъ.

61.

ХОЛОДНЫЯ СЕРДЦА.

Какъ тебя въ картонномъ царствѣ
Въ блескѣ зрительнаго зала
Я увидѣлъ, ты Джессику,
Дочь Шейлока представляла,

Чистъ былъ голосъ твой холодный,
Лобъ такой холодный, чистый,
Ты сіяла, словно глетчеръ,
Въ красотѣ своей лучистой.

И еврей лишился дочки,
Ты нашла въ крещеномъ мужа...
Бѣдный Шейлокъ! А Лоренцо—
За него я плачу вчуужь!

Повстрѣчались мы вторично;
Вспыхнувъ страстію великой,
Сталъ твоимъ я донъ Лоренцо,
Стала ты моей Джессикой.

Какъ меня вино пьянило,
Такъ тебѣ—любви проказы,
И лобзалъ твои я очи,
Эти хладные алмазы.

Тутъ я началъ бредить бракомъ,
Точно вдругъ рехнулся разомъ.
Или близость донны Клары
Заморозила мнѣ разумъ?

Послѣ свадьбы очутился
Я въ Сибири. Что же это?
Холоднѣе свѣжной стужи
Ложе брачное поэта.

Я лежалъ такъ одиноко
Въ этихъ льдахъ, я мерзъ все хуже,
И мои продрогли пѣсни
Въ честь любви—отъ страшной стужи.

Къ пылкой груди прижимаю
Я подушку—съ снѣгомъ льдину,
Купидонъ стучить зубами,
А жена воротить спину.

* * *

Будутъ въ свѣтъ теперь рождаться,
Отморозивъ носъ, малютки—
Мною сложенные пѣсни,
Остроты мои и шутки.

Получивши насморкъ, муза
(Музы—нѣжные творенья)
Молвить: «Я уйду, мой Генрихъ,
Отъ мороза нѣтъ терпѣнья».

О, изъ льда Киприды храмы
Съ освѣщеніемъ гроновымъ!
Что-жъ меня магнитомъ тянетъ
Въ холодъ къ тѣмъ сердцамъ суровымъ?

62.

Отважный рискъ! Изъ-за каприза
Поставилъ жизнь на карту я—
И проигралъ... Но ты не смѣешь
Грустить, роптать, душа моя!

Саксонцы волю человѣка
Зовутъ «небесный міръ его»,
Жизнь мной убита, но исполнилъ
Я прихоть сердца моего.

Мое блаженство, правда, длилось
Одно мгновение; но тотъ,
Кто опьянѣлъ отъ наслажденья,
Ужли часы считать начнетъ?

Тамъ, гдѣ блаженство, тамъ и вѣчность;
Тутъ въ яркій и единый свѣтъ
Лучи любви всегда сольются,
Тутъ вредени и мѣста нѣтъ!

63.

Нѣтъ, ни одна на свѣтѣ дѣва
Мной не была соблазнена,
И ни одной я женщины не тронулъ,
Когда я зналъ, что замужемъ она.

О, будь не такъ, мое бы имя надо
Изъ книги жизни вычеркнуть навѣкъ,
И наплевать въ лицо мнѣ право
Имѣть бы каждый человѣкъ.

64.

Все пламя любви,
Такъ ярко горѣвшее въ нашей крови—
Куда улетаетъ оно,
Когда наше сердце совсѣмъ сожжено?

Туда улетаетъ назадъ,
Откуда впервые явилось—въ адъ,
Его посылающій къ намъ,
И вѣчно, проклятое, жарится тамъ.

65.

Сомнѣнья нѣтъ—любовный пылъ
Уходитъ къ чорту; часъ пробилъ!
О, измѣняетъ этотъ часъ
Все въ жизни къ лучшему для насъ!
Семья, водичкою своей,
Навѣки гаситъ жаръ страстей.
У жизни человѣкъ беретъ
Все то, что съ радостью даетъ
Она за деньги; въ волю онъ
И вкусно кушаетъ, и сонъ
Отъ глазъ мятешю не бѣжитъ,

Всю ночь въ теплѣ счастливоць спить
И видить сладостные сны
Близь добродѣтельной жены.

66.

Другъ, какое преступленье!
Измѣнилъ ты жирной Аниѣ
И отдался этой тощей,
Точно спичка, Марианнѣ.

Соблазниться мясомъ—это
Я оправдываю смѣло;
Но вести любовь съ костями—
Омерзительное дѣло.

Это злыя козни чорта,
Съ толку онъ сбиваетъ это:
Мы толстуху оставляемъ
И беремъ себѣ скелета.

67.

С Е Л И М Е Н А.

Не думай, что сѣверныя штуки твои
По глупости сносятся мною;
И ангеломъ тоже меня не считай,
Привыкшимъ прощать все дурное.

Твои всѣ коварства я, правда, терпѣлъ
Безмолвно, безъ гнѣва и злобы;
Другіе, конечно, на мѣстѣ моемъ
Тебя умертвили давно бы.

Тяжелъ этотъ крестъ! Но не сброшу его;
Во мнѣ никогда нетерпѣнья
Не встрѣтишь ты. Знай, что любви-моей цѣль—
Мои искупить прегрѣшенья.

Да, ты мнѣ чистилищемъ служишь. Но Богъ
Изъ пагубныхъ этихъ объятій
Исторгнетъ меня и навѣки спасетъ
Черезъ силу Своей благодати.

68.

Въ часахъ песочныхъ, вижу я,
Песку осталось мало...

Жена прекрасная моя,
Смерть ждать меня устала—

И хочеть вырвать изъ твоихъ
Объятій безпощадно,
Изъ тѣла душу хочеть взять,
Подстерегая жадно.

Смерть гонить душу, а душѣ
Покинуть жалко тѣло,
И, какъ блоха подъ ситомъ, вдругъ
Вѣдьяжка оробѣла.

Нѣтъ, смерти мнѣ не одолѣть,
Хоть корчусь, бьюсь на мѣстѣ...
Мужъ и жена, душа и плоть,
Не могутъ жить вѣкъ вмѣстѣ.

69.

Матильда подала букетъ
Съ улыбкой мнѣ.— Не нужно, нѣтъ!
Цвѣты душистые не милы,
Ужасны на краю могилы.

Они мнѣ будто говорятъ,
Что не вернется жизнь назадъ,
Что я, какъ трупъ непогребенный
Ложу, отъ міра отрѣшенный.

Я плачу, нюхая цвѣты;
Отъ жизни, полной красоты,
Любви и вѣшняго сіянья
Остались мнѣ одни рыданья.

Любилъ я театральныхъ крысъ
И пляску ихъ среди кулисъ,
А нынче крысы на кладбищѣ
Ужъ стерегутъ мое жилище.

Благоухающій букетъ
Напоминаетъ мнѣ балетъ
И будитъ хоръ воспоминаній—
Звукъ кастанцетъ, рукоплесканій...

Въ короткихъ юбочкахъ сальфидъ
Толпа передо мной скользитъ;

Но ихъ веселье, смѣхъ, быть-можетъ,
Еще сильнѣй меня тревожить.

Нѣтъ, прочь цвѣты! Ихъ аромать
Уноситъ мысль мою назадъ,
Въ былые годы... Сна не зная,
Я плачу, ихъ припоминая.

70.

Мнѣ было велѣно судьбой
Смотрѣть, ягненокъ, за тобой;
Съ тобой дѣлился я ѣдою,
Въ ручьѣ поилъ тебя водою,
Тебя я грѣлъ, ягненокъ мой,
У груди собственной зимой,
Когда дожди лились потокомъ,
Ручей ревѣлъ въ руслѣ глубокомъ
И, словно чередуясь съ нимъ,
Волкъ завывалъ. Но мной хранимъ,
Ты не дрожалъ и не боялся,
И если даже раздавался
Надъ нами громъ, ты мирно спалъ
И блеска молній не видалъ.
Теперь жить мало мнѣ осталось,
Я чую—смерть ко мнѣ поджралась,
И пастуху пришелъ конецъ.
Тебѣ я отдаю, Творецъ,
Свой посохъ... Моего барашка
Оберегай ты, чтобъ бѣдняжка
Съ знакомой не сходилъ тропы,
Не укололся о шины,
Руно не портилъ, беззаботный,
И грязи избѣгалъ болотной;
Пусть подъ ногами круглый годъ
Кормъ сочный онъ всегда найдетъ.
Пусть спать покойно, безмятежно,
Какъ спалъ, ко мнѣ прижавшись нѣжно.

71.

СКОРЬБЪ ВАВИЛОНСКАЯ

Смерть меня кличетъ, моя дорогая!
О, для чего, умирая,
О, для чего, умирая, любя,

Я не въ лѣсу покидаю тебя?..
Въ темноѣ лѣсу, гдѣ погибель таится,
Неотразимо грозна,
Волкъ завываетъ, коршунъ гнѣздится,
Съ бѣшенымъ хрюканьемъ бродить веприца,
Бураго вепря жена.

Смерть меня кличетъ... О, горе!
Лучше бы въ утломъ челнѣ
Бросилъ средь бурнаго моря
Я существо, драгоцѣнное мнѣ!..
Яростно воетъ и волны вздымастъ
Тамъ ураганъ;
Будить на днѣ и наверхъ высыластъ
Страшныхъ чудовищъ своихъ океанъ;
Все тамъ грозитъ неминутой пастью,
Мнится акула съ разинутой пастью,
Вынырнулъ жадный кайманъ..

Вѣрь мнѣ, о, другъ мой прекрасный!
Какъ ни опасно
Въ морѣ сердитомъ, во мракѣ лѣсномъ,
Вдвое опаснѣе—гдѣ мы живемъ.
Вѣрь мнѣ, ужаснѣе волка, веприцы,
Злѣе акулъ и всѣхъ чудницъ морскихъ
Звѣри Парижа, всемірной столицы,
Въ играхъ и пѣсняхъ, и пляскахъ своихъ.
Замерло сердце, и разумъ мутится..
Вкругъ сироты моей, дурью объятъ,
Этотъ блестящій Парижъ суетится
Дьяволамъ—рай, ангеламъ—адъ!

Что такъ жужжить вкругъ постели?
Черныя мухи—озлобленный рой..
Боже! откуда онѣ налетѣли!
Свѣтъ застилая, кишать предо мной..
На носъ и на лобъ садятся, кусаютъ..
Точно людскіе, глаза у пныхъ..
Эта вонь съ хоботомъ... Страшно мнѣ ихъ,
Прочь! отвѣжитесь!.. Еще налетаютъ..
Словно свинцомъ придавило мнѣ грудь..
Жить ужъ немного..
Стукъ въ головѣ, и возня, и тревога:
Знать, мой разумокъ сбивается въ путь!

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ БРАКЪ.

Разстаться мы должны, и искренно вполне
Теперь ты думаешь, что плачешь обо мнѣ,
Но, милая жена, ты этого не знаешь,
Что о самой себѣ ты слезы проливаешь.

Скажи, ты думала-ль о томъ когда-нибудь,
Для со мной тревожной жизни путь,
Что волею судьбы сошлись мы въ мирѣ оба
И что связала насъ она до двери гроба?
Вдвоемъ могли смотрѣть мы радостно впередъ,
Разъединенныхъ же обоихъ гибель ждетъ.

Намъ на роду одно написано, конечно,
Чтобы любили мы другъ друга безконечно.
Я на своей груди тебя бы охранилъ,
Самосознаніе и умъ твой разбудилъ,
Я вырвалъ бы тебя изъ прозябанья
И поднималъ, наконецъ, до высшаго призывья
И поцѣлуями, мой дорогой цвѣтокъ,
Тебя бы оживилъ, тебѣ дать душу могъ.

Теперь, когда вполне загадка разрѣшилась
И къ моему одру, подкравшись, смерть явилась,
Теперь не плачь о томъ—все кончено, мой другъ;
Я долженъ умереть, а ты заявнешь вдругъ,
Завянешь ранѣе, чѣмъ расцвѣсти успѣла,
Погаснешь, хоть еще вполне не пламенѣла
Невольнымъ трепетомъ, и страсть тебя не жгла;
И, наконецъ, умрешь, хоть вовсе не жила.

Теперь я знаю все... Я знаю, что была ты
Мнѣ очень дорога...—Въ предчувствіи утраты,
Когда съ тобою навѣкъ разлука такъ близка—
Такая мысль, клянусь, обидна и горька.
Сердечный мой привѣтъ печалень, какъ прощанье.
Мы навсегда должны разстаться. Нѣтъ свиданья
Для насъ обоихъ тамъ, въ пустынныхъ небесахъ.
Земная красота преобразится въ прахъ,
И вѣтеръ налетитъ, мгновенно уничтожа
Ея послѣдній слѣдъ... Съ тобою случится то же.

Судьба поэтовъ всѣхъ счастливей, можетъ быть,
И совершенно смерть не можетъ ихъ убить,
Не постигаетъ насъ, какъ всѣхъ, уничтожене,
Мы продолжаемъ жить и послѣ погребенья
Въ странѣ поэзи: тамъ можно насъ найти...
Прощай, прекрасный трупъ, навѣкъ; навѣкъ прости!

73.

М У Ш К Ъ.

Мнѣ приснилось, что въ лѣтнюю ночь вокругъ меня,
Въ лунномъ свѣтѣ, вдали отъ движенья,
Видны были развалины храмовъ, дворцовъ,
И обломки временъ возрожденья.

Изъ-подъ груды камней выступалъ рядъ колоннъ
Въ самомъ строгомъ дорическомъ стилѣ,
Такъ насмѣшливо въ небо смотря, словно имъ
Стрѣлы молній невѣдомы были.

Тамъ лежали порталы, разбитые въ прахъ,
На массивныхъ карнизахъ скульптуры,
Гдѣ смѣшались животныя вмѣстѣ съ людьми—
Сфинксъ съ Центавромъ, Сатиръ и Амуры...

Тамъ ничѣмъ не закрытый стоялъ саркофагъ,
Пощаженный вполнѣ разрушеньемъ,
И лежалъ въ саркофагѣ мертвецъ, какъ живой,
Блѣдный, съ грустнымъ лица выраженьемъ,

Съ напряженіемъ вытянувъ шею, его
На ладоняхъ несли карьятиды;
И изваяны были съ обѣихъ сторонъ
Барельефовъ различные виды.

Вотъ Олимпъ съ цѣлымъ сонмомъ безпутныхъ боговъ,
Сладострастно раскрывшихъ объемы:
Вотъ Адамъ рядомъ съ Евой, и фиговый листъ
Замѣняетъ имъ всякое платье;

Вотъ паденіе Трои, Елена, Парисъ,
Гекторъ самъ предъ воинственнымъ станомъ;
Моисей съ Аарономъ, Юднѣ и Эсѣиръ,
Олоферъ тоже рядомъ съ Аманомъ.

Вотъ Меркурій, Амуръ, Аполлонъ и Вулканъ,
И Венера съ кокетливой миной,

Вотъ и Бахусъ съ Пріамомъ, и толстый Сиденъ,
И Плутонъ со своею Прозеринной.

И осель Валаама былъ тутъ же (осель
Быль со сходствомъ большимъ изваянный)
Испытанье Творцомъ Авраама, и Лотъ
Съ дочерьми, окончательно пьяный;

Съ головою Крестителя блюдо; за нимъ
Въ танцѣ бѣшеномъ Иродіада;
Петръ апостоль съ ключами отъ райскихъ воровъ,
Сатана и вся внутренность ада;

И развратникъ Зевесъ въ похожденияхъ своихъ
Быль представленъ здѣсь—какъ онъ побѣду
Надъ Данасй дождсмъ золотымъ одержалъ,
Какъ сгубилъ, въ видѣ лебедя, Леду;

Тамъ съ охотою дикой Діана слѣшптъ,
А вокругъ нея нимфы и доги;
Геркулесъ въ женскомъ платьѣ за прилкой сидитъ
И кудель онъ прядетъ на порогѣ.

Тутъ же рядомъ Синай; у подонвы его
Вотъ Израиль съ своими быкамип;
Тамъ ребенокъ Христосъ съ стариками ведетъ
Богословскіе споры во храмѣ.

Мнеологія съ библіей рядомъ стоятъ,
И контрасты намѣренно рѣзки,
И какъ рама, кругомъ обвиваетъ ихъ плетенъ
Въ видѣ общей одной арабески.

Но не странно-ль? Мельтѣмъ какъ смогрѣлъ я, въ мечты
Погруженный душою дремавшей,
Мнѣ казалось, что самъ я тотъ блѣдный мертвецъ,
Въ саркофагѣ открытомъ лежавшій.

Въ головахъ же гробницы моей росъ цвѣтокъ,
Ярко желтый и вмѣстѣ лиловый,
Онъ по виду причудливъ, загадоченъ былъ,
Но дышалъ красотою суровой.

«Страстоцвѣтомъ» его называетъ народъ.
Выросъ будто—о томъ есть преданье—
Тотъ цвѣтокъ на Голгоѣ, когда Иисусъ
На крестѣ изнемогъ отъ страданья.

Какъ свидѣтельство казни, цвѣтокъ, говорятъ,
Всѣ орудія пытки Христовой
Отразилъ въ своей чашкѣ среди лепестковъ,
Обличить постоянно готовый.

Атрибуты Христовыхъ страстей въ томъ цвѣткѣ,
Какъ въ застѣнкѣ иномъ сохранились;
Напримѣръ: бичъ, веревки, терновый вѣнецъ,
Крестъ и чаша тамъ вмѣстѣ таились.

Надъ моею гробникою этотъ цвѣтокъ
Нагибался и, трупъ мой холодный
Охраняя, мнѣ руки и лобъ, и глаза
Цѣловалъ онъ съ тоской безысходной.

И по прихоти сна, тотъ цвѣтокъ страстоцвѣтъ
Образъ женщины принялъ мгновенно...
Неужели я, милая, вижу тебя?
Это ты, это ты несомнѣнно!

Ты была тѣмъ цвѣткомъ, дорогая моя!
По лобзаньямъ я могъ догадаться:
У цвѣтовъ нѣтъ такихъ жаркихъ, пламенныхъ слезъ,
Такъ не могутъ цвѣты цѣловаться.

Хоть глаза мои были закрыты, но я
Все же видѣлъ съ нѣмымъ обожаньемъ,
Какъ смотрѣла ты нѣжно, склонясь надо мной,
Освѣщенная луннымъ морцаньемъ.

Мы молчали, но сердцемъ своимъ понималъ
Я всѣ мысли твои и желанья:
Нѣтъ невинности въ словѣ, летающемъ съ устъ,
И цвѣтокъ любви чистой—молчанье.

Разговоры безъ словъ! Можно вѣрить едва...
Что въ бесѣдѣ безмолвной, казалось...
Та блаженно ужасная ночь, словно мигъ,
Въ сновидѣннѣ прекрасномъ промчалась.

Говорили о чемъ мы—не спрашивай, нѣтъ!..
Допытайся, добейся, отиѣта,
Что волна говоритъ набѣжавшей волнѣ,
Плачетъ вѣтеръ о чемъ до разсѣта;

Для кого лучезарно карбункуль блеститъ,
Для кого льютъ цвѣты ароматы...

И о чемъ говорилъ старецѣтъ съ мертвецомъ—
Не старайся узнать никогда ты.

Я не знаю, какъ долго въ гробницѣ своей
Я плѣнительнымъ сномъ наслаждался...
Ахъ, окончился онъ—и мертвецъ со своимъ
Безмятежнымъ блаженствомъ разстался.

Смерть! Въ могильной твоей тишинѣ только памъ
И дано находить сладострастье...
Жизнь страданья одни да порывы страстей
Выдастъ намъ безумно за счастье.

Но—о, горе!—исчезло блаженство мое;
Вкругъ меня шумъ внезапный раздался—
И въ испугѣ бѣжалъ дорогой мой цвѣтокъ...
Съ бранью топотъ ужасный смѣшался.

Да, я слышалъ кругомъ ревъ, и крики, и брань
И, прислушавшись къ дикому хору,
Распозналъ, что теперь на гробницѣ мои
Барельефы затѣяли сору.

Заблужденія старыя въ мраморѣ плить
Стали спорить кругомъ неустанно;
Моисея проклятыя въ томъ спорѣ слились
Съ бранью дикаго лѣщаго Пана.

О, тотъ споръ не окончится! Споръ красоты
Съ словомъ истины—онъ безпредѣлестъ;
Человѣчество будетъ разбито всегда
На двѣ партіи: варваръ и эллинь.

Проклинали, шумѣли, ругались они,
Увлеченные гнѣвомъ стариннымъ;
Но осель Валаамскій боговъ и святыхъ
Заглушилъ своимъ крикомъ ослинымъ.

Слушать дикіе звуки его, наконецъ,
Отвратительно стало и больно,
Возмутилъ меня этотъ глупѣйшій осель,
Крикнулъ я и—проснулся негольно.

74.

ЦВѢТОКЪ ЛОТОСА.

(къ Мушкѣ).

Мы, право, курьезная пара,
Сказать не въ обиду, другъ мой;
На ножкахъ слаба моя прелесть,
Возлюбленный—прямо хромою.

Она захирѣвшій котенокъ,
Онъ, какъ песикъ болѣзненный, тихъ;
Да, кажется, въ разумѣ даже
Какъ будто не ладно у нихъ.

По мнѣнію хворой бѣдняжки,
Она—нѣжный лотосъ цвѣтокъ,
А мѣсяцемъ томнымъ считаетъ
Себя ея блѣдный дружокъ.

И лотосъ свѣтилу свой вѣнчикъ
Откроетъ—весь трепеть и жаръ;
Но жизни взаимнѣ плодотворной
Стихи лишь получить онъ въ даръ.

75.

Своими думами тебя я оковалъ,
И все, что думалъ я, и все, о чемъ мечталъ,
Должна ты думать, ты должна мечтать—
Отъ духа моего тебѣ не убѣжать.

Онъ вѣсть на тебя всей страстью огневсѣй;
Куда ты ни идеешь—онъ слѣдомъ за тобой.
И днемъ, и ночью, и на тихомъ ложѣ сна
Лобзаніямъ его ты отдана.

Умру я, и тебя покину навсегда;
Зато мой духъ тебя не кинетъ никогда.
Я знаю это... Словно домовой,
Онъ будетъ жить въ твоёмъ сердечкѣ, ангелъ мой!

Устрой тамъ тепленькое гнѣздышко ему,
Мой другъ, блажному духу моему;
Хотя-бъ въ Японію бѣжала ты, въ Китай—
И тамъ дасть знать себя несчастный негодяй.

Онъ будетъ вѣдь всегда въ твоёмъ сердечкѣ жить,
И будешь ты всегда его съ собой носить,
И думать станешь то, чѣмъ я свой умъ питалъ.
Своими думами тебя я оговалъ!

76.

Вели мнѣ тѣло рвать клещами,
Терзай и раны растравляй,
Меня избить вели бичами,
Но ждать меня не заставляй.

Прибѣгни къ пыткамъ всевозможнымъ,
Вели мнѣ кости изломать,
Но ждать не заставляй напрасно:
Нѣтъ хуже пытки—ждать и ждать!

Вчера до вечера прождалъ я
Тебя, волшебница моя,
Но ты не шла—часы бѣжали,
И обезумѣлъ словно я.

Меня душило нетерпѣнье
Какъ змѣи; дрогнетъ лишь звонокъ—
Бросался я къ тебѣ на встрѣчу,
Но ты не шла... я ждать не могъ.

Ты не пришла—я бѣсновался,
А демонъ мнѣ шепталъ не разъ:
Какъ надъ тобой, безумецъ старый,
Смѣется дотосъ въ эту часъ!

77.

Слова, одни слова, а дѣла никакого!
И мяса никогда, о, куколка моя!
Всегда духовный кормъ и никогда жаркого,
И клецокъ никогда не вижу въ супѣ я,

Но можетъ-быть, мой другъ, тебѣ невыносима
Та сила дикая, что въ тѣлѣ есть у насъ
И, сдѣлавъ страсть конемъ, въ галопъ неудержимо
Несется, отдыха не зная ни на часъ.

Да, нѣжное дитя, меня беретъ забота,
Что, наконецъ, тебя совсѣмъ ужъ извѣдетъ

Вся эта дикая любовная охота,
Весь этотъ steeple-chase, что богъ Амуръ ведетъ.

Гораздо для тебя—готовъ я согласиться—
Здоровье имѣть больного мужа, чѣмъ
Съ любовникомъ такимъ, какъ я, не расхотѣлся,
Который двигаться не можетъ ужь совсѣмъ.

Поэтому храни ты нашъ союзъ сердечный,
Мой ангель дорогой, и для него живи.
Уходи за нимъ тебѣ весьма здоровъ конечно;
То родъ цѣлительный аптекарской любви.

78.

Смерть подошла! Теперь, теперь скажу я смѣло
То, что изъ гордости тайлъ внутри себя:
Лишь для тебя во мнѣ, Марія, для тебя
И билось сердце, и горѣло!

Мой гробъ готовъ. Идутъ въ могилу опускать...
Тамъ отдыхъ, наконецъ, найду я...
Но ты, Марія, ты—ты обо мнѣ, тоскуя
И плача, будешь вспоминать.

И даже, можетъ-быть, не разъ заломишь руки...
Утѣшься, другъ, всему, что честно, и умно,
И благородно—знать лишь муки
И жалко гибнуть суждено!

79.

ВОСПОМИНАНІЕ.

О, грустно милое мечты моей созданье!
Зачѣмъ ко мнѣ пришла ты вновь?
Ты смотришь на меня: покорная любовь
Въ твоихъ глазахъ—твое я чувствую дыханье...
Да, это ты! тебя, ахъ, знаю я,
И знаешь ты меня, страдальца моя!

Теперь я боленъ, сердце сожжено,
Разбито тѣло, все вокругъ темно...
Но не такимъ я былъ въ тѣ дни былые,
Когда тебя увидѣлъ я впервые.

Исполненъ свѣжихъ, гордыхъ силъ,
Я быстро шель дорогой шумной

Вослѣдъ мечтѣ моей безумной!
Весь міръ моимъ владѣньемъ былъ —
Сбирался шаръ земной я растоптать ногами
И свергнуть сводъ небесъ, усыпанный звѣздами!

О, Франкфуртъ! Много ты ословъ и злыхъ людей
Въ стѣнахъ своихъ хранишь; но несмотря на это;
Люблю тебя: ты далъ землѣ моей
Хорошихъ королей и лучшаго поэта,
И ты—тотъ городъ, гдѣ въ былыя времена
Со мною встрѣтилась она...

По главной улицѣ бродилъ я. Это было
Во время ярмарки. Толпа вокругъ меня
Волнами двигалась... Врань, пѣсни, болтовня —
Все это голову мою ошеломило
И я смотрѣлъ, какъ будто сквозь туманъ,
На этотъ пестрый океанъ.

И вдругъ—она! Съ блаженнымъ изумленьемъ
Увидѣлъ я небесный свѣтъ очей
И дуги мягкія бровей,
И станъ, колеблемый чарующимъ движеньемъ...
Она взглянула и прошла —
И сила страстная за ней меня влекла.
Все далѣе и далѣе тянуло...
Вотъ улочка, таинственно темна;
Здѣсь съ милою улыбкою она
Ко мнѣ головку повернула
И въ домъ вѣжала. Я скорѣй
Туда послѣдовалъ за ней.

Старуха-бабушка своею корыстной страсти
Цвѣтущее дити на жертву принесла;
Но милая себя мнѣ отдала
Не подъ напоромъ этой власти —
Нѣтъ, добровольно; и въ душѣ
Помина не было у ней о барышѣ.

Нѣтъ, нѣтъ, клянусь; во всемъ прекрасномъ полѣ,
А не въ однихъ лишь музахъ знатокомъ
Я сталъ давно, и не обманетъ болѣ
Меня никто смазливенькимъ лицомъ.
Такъ биться грудь притворная не станеть,
И такъ свѣтло ложь никогда не взглянетъ.

Какъ хороша она была!
Богиня гѣною морскою
Рожденная, не превзошла
Ее небесной красотою.

Ахъ, это не она-ль еще въ дни дѣтства, мнѣ,
Какъ чудный духъ являлася во снѣ?

Я не узналъ ея. Какой-то тьмою странной
Подернулся мой умъ... Спала душа моя
Въ оковахъ чуждыхъ чаръ... То счастье, что я
Искалъ вездѣ, всегда, такъ жадно, неустанно,
Лежало, можетъ-быть, у сердца моего,
И я—я не узналъ его!

Съ чудеснымъ существомъ, въ чудесномъ упоеньѣ
Прогрезилъ я три цѣлыхъ дня,
И—вновь безумное стремленье
Идти впередъ проснулось у меня...
Ахъ, милая еще прекраснѣй стала,
Когда предъ ней вѣсть страшная упала.

Когда, проснувшись вдругъ отъ сладостнаго сна,
Вся обезумѣвши отъ безысходной мѣки,
Съ распущенной косой, ломая дико руки,
Отчаянно звала она меня
И съ воплемъ пала предо мною,
Къ моимъ ногамъ прикинувъ головою.

Ахъ, Господи! Въ желѣзѣ шпоръ моихъ
Несчастливая своими волосами
Запуталась... я видѣлъ кровь на нихъ...
И—вырвался... Все кончилось межъ нами...
Я потерялъ тебя, ребенокъ мой,
И болѣе не встрѣтился съ тобой...

Минувшихъ дней безумное стремленье
Исчезнуло; но гдѣ бы ни былъ я,
Малютка бѣдная моя
Передо мной какъ грустное видѣніе...
Гдѣ ты теперь, въ какомъ глухомъ краю?
Я растопталъ, убилъ всю жизнь твою!..

II. РАЗНОЕ.

1.

ВЮННЕБЕРГІАДА.

Героическая поэма въ двухъ пѣсняхъ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Муза, мнѣ о томъ повѣдай,
Какъ сюда къ намъ былъ доставленъ
Поросенокъ шаровидный,
Вюннебергъ именованьемъ!

На лужайкахъ въ Изерлонѣ
Родился онъ, и корытце,
Изъ котораго питался,
Тамъ стоитъ еще понынѣ.

Каждодневно межъ собратій
Кувыркался онъ въ возозі;
Такъ плясать на заднихъ лапкахъ
Церніалю не удастся.

Видитъ мать, полна довольства,
Какъ сынокъ преуспѣваетъ:
Округляется животикъ,
Налились замѣтно щечки.

А отецъ въ восторгѣ слышитъ
Сына хрюканье свиное,
И въ родительское сердце
Проникаетъ звукъ любезный.

Но ужель въ грязи увянетъ
Цвѣтъ нѣжнѣйшій поросенокъ?
И скотовъ достойный отпрыскъ
Неужель сгниетъ безславно?

Такъ о будущности сына
Мать его съ отцомъ рядили,
И отстаивали мнѣнья
Кулаками и словами:

«Мой пузатикъ!—мужъ промолвилъ—
Съ хламомъ старая корзина!
Я клянусь и повторяю:
Сынъ мой долженъ быть насторомъ

«И туда, гдѣ извиваясь,
Въ синій Рейнъ впадаетъ Дюссель—
Изучать пошлю болвана
Богословскую науку.

«Тамъ живетъ мой другъ Астгёверъ;
Я, грядущее предвидя,
Угощаль его когда-то
Кофе, булками, печеньемъ.

«Тамъ живетъ и мощный Дамснъ,
И когда онъ потрясаетъ
Поэтическою плетью—
Всѣ юнцы его трепещутъ.

«Имъ надзоръ препоручаю
Я за сыномъ, ихъ примѣромъ
Онъ возьметъ себѣ—покуда
Брюхомъ самъ не просвѣтится».

Такъ супругъ супругѣ молвилъ,
Нѣжно лапку ей погладивъ
А она его въ объятъя
Заключила съ пыломъ страстнымъ.

Затыкай скорѣе, Муза,
Оба уха! Поросенка
Кипяткомъ изъ чана шпарятъ,
Онъ кричитъ, визжитъ ужасно.

Вотъ мальчишка парихмахеръ
А l'enfant завиль щетину,

И помады благовонье
Достигаетъ до Герсейма.

Вотъ съ собраньемъ комплиментовъ
И портной туда приплелся,
Фракъ неся древне-германскій,
Какъ носилъ еще Арминій.

Посреди приготовлений
Тьма ночная опустилась,
Протрубилъ пастухъ къ покою—
Всѣ спѣшать забраться въ стойла..

пѣснь вторая.

До зари работникъ Треффель
Оглашалъ каморку храпомъ,
Наконецъ, глаза продравши,
Ложе мягкое покинулъ.

На дворѣ нашель онъ въ сборѣ
Всѣхъ домашнихъ; окружая
Молодого господина,
Съ нимъ въ слезахъ они прощались.

Впаль въ задумчивость родитель,
Точно блохъ рѣчамъ внимая;
На колѣняхъ мать въ навозѣ
О сынкѣ своемъ молилась.

Громко хнычетъ судомойка:
Уѣзжаетъ другъ сердечный;
Онъ плѣнился въ ней когда-то
Толстыхъ лядвей красотою.

Братья хрюкаютъ: «Простимся!»
«До свиданья» котъ мяучить,
И осель вздыхаетъ нѣжно,
Къ другу юности ласкаясь;

Куры жалобно кудахчутъ;
Лишь козель молчитъ, довольный!
Въ немъ соперника терлетъ
Онъ у козочекъ красивыхъ.

Такъ стоялъ нашъ поросенокъ.
Окружаемый друзьями.

Нѣжностью свѣтились глазки,
Опустился грустно хвостикъ.

Тутъ поднялся смѣло Треффель:
«Что за бабы причитанья!
Даже быкъ достойный плачетъ,
Онъ, кого считалъ я мужемъ!

«Но измѣнить это Треффель!»
Такъ промолвилъ гнѣва полный,
Взявъ онъ за воротъ героя
И скрутилъ веревкой ноги;

Положилъ его на тачку
И повезъ легко и быстро
По горамъ и по долинамъ—
Къ дюссельдорфскому лицу.

(А теперь—дивитесь пуше:
Вамъ еврей повѣдалъ это,
Онъ *свинью* воспѣлъ въ поэмѣ—
Изъ терпимости чистѣйшей).

2.

ФРАНЦУ ФОНЪ Ц.

Въ край сѣверный влечетъ меня моя звѣзда;
Прощай и, вспоминая друга иногда,
Не измѣняй, мой братъ, поэзи, и милой
Невѣстѣ вѣренъ будь; считая слово силой
Могучей, охраняй, какъ охранять привыкъ,
Прекрасный и живой нѣмецкій нашъ языкъ...
А если посѣтишь когда-нибудь, быть-можетъ,
Ты берегъ сѣверный, гдѣ тишину встревожитъ
Дошедшій издали неясный тихій звукъ—
Къ нему прислушайся ты чутко, милый другъ,
И, можетъ статья, тамъ, предчувствую я это,
Услышишь пѣсню ты знакомаго поэта,
Тогда до звонкихъ струнъ коснись и ты слегка
И извѣсти меня скорѣй издалека,
Какъ поживаешь ты въ заботахъ шумной жизни,
Какъ поживаютъ всѣ мнѣ милые въ отчизнѣ,
Какъ поживаетъ та красотка, что у насъ
Плѣняла юношей восторженныхъ не разъ,
Склонявшихся всегда предъ ней благоговѣнно,

Какъ передъ розою имъ дорогаго Рейна,
И о родной странѣ мнѣ вѣсть пришли, поэтъ:
По-прежнему-ль она страна любви, иль нѣтъ?
И живъ ли старый богъ Германіи, иль снова
Работаютъ тамъ всѣ на пользу духа злого?
Когда ты залоешь о томъ въ родной странѣ
И пѣсня милая перелетитъ ко мнѣ
Черезъ морской просторъ и черезъ гладь морскую,
То въ сѣверномъ краю я сердцемъ возникую.

3.

Когда настанетъ часъ, что въ сердцѣ вспыхнетъ жаръ,
И переполнится грудь отъ волшебныхъ чаръ,
Тогда за карандашъ схватиться я спѣшу
И образъ полный чаръ словами я пишу.

4.

Когда я въ Оттензенѣ былъ,
То гробъ Клонштока посылалъ;
Тамъ публика нарядная стояла
И памятникъ цвѣтами убирала,
И улыбались всѣ, весьма довольны были,
Какъ будто Богъ вѣсть, что большое сотворили.
Но между ними на священномъ мѣстѣ я
Стоялъ безмолвно, и душа моя
Была глубоко подъ землей,
Гдѣ вѣчнымъ сномъ спалъ нашъ пѣвецъ святой.

5.

Рекомендую, другъ, тебѣ я книгу эту;
Читай ее, дивясь поэту,
Но ежели ее успѣешь ты понять,
То и тебя чортъ можетъ взять.

6.

Тамъ, гдѣ «Роланда уголокъ»,
Вверху, среди угрюмыхъ скалъ
Чудакъ влюбленный, одинокъ,
Сидѣлъ и сердце надрывалъ,
Вперяя взоръ въ монастырекъ,
Что Рейнъ спокойный отражалъ...

Фрицъ Бейгемъ, чаще вспоминай
Часы прекрасные, когда

Съ высотъ взирали мы на край,
Гдѣ рыцарь въ древніе года
Сидѣлъ въ тоскѣ, утративъ рай,
Бывъ раненъ въ сердцѣ навсегда.

7.

ФРИЦУ ФОНЪ-БЕЙГЕМЪ.

Мой Фрицъ живетъ теперь въ отчизнѣ ветчины,
Въ волшебной сторонѣ, бобы гдѣ процвѣтають,
Гдѣ пумперникели горячіе вкусны,
Гдѣ духъ поэта хилъ и гдѣ стихи хромають.

Мой Фрицъ, привыкнувшій въ ключѣ священномъ пить,
На водоюй идетъ съ коровимъ стадомъ нынѣ,
И долженъ на себѣ Фемиды возъ тащить—
Боюсь, чтобъ какъ-нибудь онъ не увязнулъ въ тинѣ.

Мой Фрицъ, привыкшій мчать Пегаса своего
По зелени полей, иль направлять его
Въ высь, гдѣ парятъ орлы и гдѣ роятся грозы—

Мой Фрицъ, когда душой желалъ бы отдохнуть,
Теперь пускается въ чиновничій свой путь
Межъ Мюнстеръ-Дорстеномъ на тощей клячѣ прозы.

8.

Безъ заботъ, печали и недуга
Человѣкъ лежитъ въ объятьяхъ друга;
Вдругъ къ нему опредѣленье рока
Принесло consilium; далеко
Отъ своихъ и близкихъ, и друзей
Уходить онъ долженъ поскорѣй.

9.

«КАРТИНА»

трагедія барона Э. фонъ Гувальда.

Лессинга-да Винчи «Натанъ» и «Галотти»,
Шиллера-Рафаэля «Валленштейнъ» и «Поза»,
«Фаустъ» и «Эгмонтъ» Гете-Буонаротти—
Вотъ что образцы тебѣ, Гувальдъ-Спинароза!

10.

«AUCASSIN und NICOLETTE»

или

«Любовь въ доброе старое время».

И. Ф. Кореффу.

Предъ нами развернулъ ты свой живой коверъ,
Гдѣ чудно вытканы блестящія фигуры;
Столкнулись межъ собой враждебныя натуры,
Крестъ съ полумѣсяцемъ ведетъ кровавый споръ.

Чу, трубный звукъ! Сейчасъ сраженіе начнется.
Въ темницѣ—узники изъ вѣрныхъ христіанъ,
Въ лугахъ Прованса звукъ свирѣли раздастся;
А вотъ и Кароагенъ, гдѣ шествуетъ султанъ.

Все тѣшитъ взоръ въ твоей заманчивой картинѣ,
И долго бродимъ мы какъ въ сказочной пустынь,
Пока любовь и свѣтъ не разгоняютъ тьмы;

Контрастовъ понялъ ты великое значенье
И въ наши времена намъ даль изображенье
Любви, какой теперь нигдѣ не видимъ мы.

11.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

На небѣ, гдѣ звѣзды пылаютъ,
Тѣ радости насъ ожидаютъ,
Которыхъ внизу у насъ нѣтъ;
Лишь смерти холодной объятъ
Согрѣть могутъ жизнь нашу, братья,
И ночь обращаютъ въ разсвѣтъ.

12.

А. В. ШЛЕГЕЛЮ.

I.

Сомнѣніе ума—червякъ нашъ самый злой,
Отчаянье въ себѣ—сильнѣйшая отравя;
Мозгъ жизни мнѣ они сжигали точно лава;
Подпоры жаждалъ я, какъ отпрыскъ молодой.

Тогда почувствовалъ къ нему ты сожалѣнье,
Обвиться вокругъ тебя ему позволилъ ты,

И если пустить онъ со временемъ цвѣты,
То будетъ лишь тебѣ обязанъ, безъ сомнѣнья.

Дай Богъ, чтобъ нѣкогда, одѣтъ листвою густой,
Онъ могъ украсить садъ прекрасной феи той,
Которая твоей богиней доброй стала.

Про этотъ чудный садъ мнѣ нянька толковала:
Тамъ звуки дивные по воздуху плывутъ,
Деревья говорятъ и всѣ цвѣты поютъ.

II.

Имуществомъ своимъ все недоволенъ ты:
Въ Рейнъ увлекла тебя о Нибелунгахъ сага,
Ты съ Темзы взялъ дары чудесной красоты,
Роскошнѣйшій букетъ собралъ въ равнинахъ Таго.

Богатства многія у Тибра ты открылъ,
На Снѣ въ честь твою хвалебный хоръ былъ друженъ,
Въ храмъ Браммы даже ты пробратся не забылъ
И требовалъ себѣ отъ Гангеса жемчужинъ.

Ты жаденъ, хоть дано всѣхъ болѣе тебѣ,
И мой благой совѣтъ—не докучай судьбѣ,
Удѣлъ скупца скорѣй смѣни на жребій мота,

Отъ жизни болѣе награды не ожидай
И щедро лучшему ученику отдай
Сокровища свои, которымъ нѣтъ и счета.

13.

ГЕОРГУ С. ВЪ ГЕТТИНГЕНѢ.

Осанка гордая, и очи ярко блещутъ,
Но кротость въ складѣ губъ почти всегда видна;
Всѣ мускулы лица и ходятъ и трепещутъ,
Но остается рѣчь спокойна и стройна

Такимъ на каедрѣ читалъ ты о правленѣ
Различныхъ государствъ, о внутренней борьбѣ
Германіи, ея разъединенѣ,
О жизни націи и о ея судьбѣ.

Мнѣ будетъ памятно твое изображеніе!
Подобный образъ, полный вдохновенья,
Въ нашъ грубый, жадный вѣкъ дороже намъ вдвойнѣ.

А то, что говорилъ ты мнѣ наединѣ
Съ отцовской нѣжностью въ минуту откровенья—
Я это сохранию въ сердечной глубинѣ.

14.

Ж. Б. РУССО.

Растроганный, могу-ль молчать я хладнокровно?
Ворвался въ грудь мою твой дружескій привѣтъ,
Обвѣявъ крыльями волшебными я словно
И вижу предъ собой картины прошлыхъ лѣтъ.

Струится старый Рейнгъ; по берегамъ толнятся
И отражаются въ немъ замки и лѣса,
Тамъ виноградники на солнцѣ золотятся,
Тамъ ароматъ цвѣтовъ несется въ небеса.

О, если бы я могъ, мой милый, быть съ тобою,
Который связанъ такъ давно съ моею судьбою,
Какъ плющъ, вьющійся вокругъ каменной стѣны!

О, если бы я могъ твое послушать пѣнье
На рейнскомъ берегу, въ часы отдохновенья,
Подъ щебетанье птицъ и тихій плескъ волны!

15.

Свѣтъ для меня былъ комнатою пытокъ,
Гдѣ за ноги повѣсили меня,
Гдѣ погубили силъ моихъ избытокъ
При помощи желѣза и огня.

Кричалъ отъ боли я сильнѣе съ каждымъ годомъ,
Изъ горла и изъ глазъ бѣжала кровь ручьемъ;
Тутъ дѣвушка дала мнѣ мимоходомъ
Еще ударъ послѣдній молоткомъ.

Ей было любонятно видѣть муки,
Конвульси, сводящія мнѣ руки,
Языкъ въ крови, страданье членовъ всѣхъ;

И боль моя, предсмертное хрипѣнье
Ей музыкой казались въ тѣ мгновенья,
И вызывали только грубый смѣхъ.

16.

ТРАГИКОМИЧЕСКІЙ СОНЕТЪ.

Какъ съ бѣдностью покончилъ бы я скоро,
Когда-бъ, по строгимъ правиламъ творцовъ,
Могъ кистью украшать плафонъ собора,
И стѣны пышныхъ замковъ и дворцовъ!

Мнѣ золота насыпали бы груды,
Когда-бъ на флейтѣ, скрипкѣ могъ играть
Чувствительно я такъ, что мнѣ повсюду
Любила бы толпа рукоплескать.

Но не дано богатство мнѣ судьбою:
Поэзія, я занятъ лишь тобою,
Безхлѣбная изъ всѣхъ любимицъ музъ!

Когда кругомъ пьютъ, удержу не зная,
Шампанское, я, жаждою страдаю,
Иль—гдѣ-нибудь занять деньжонокъ тщусь.

17.

НОЧЬ НА ДРАХЕНФЕЛЬСѢ.

Францу ф. Б.

Мы въ полночь добрались до замка, разогрѣли
Костеръ, и запылалъ онъ ярко въ тьмѣ ночной,
И бурши, сѣвъ въ кружокъ, веселымъ хоромъ пѣли
О славныхъ прошлыхъ дняхъ Германіи родной.

Мы кружками рейнвейнъ за край родимый пили,
А привидѣнія росли, смотря на насъ;
Носились тѣни дамъ и рыцарей—слѣдили
Какъ будто бы онѣ за нами въ этотъ часъ.

Изъ замка же до насъ то стоны доносились,
То крикъ зловѣщихъ совъ, что въ башняхъ пріютились.
И вѣтеръ сѣверный, какъ звѣрь сердитый, вылъ.

Такою, другъ мой, ночь пришлось провести недавно
На Драхенфельсѣ мнѣ; провелъ ее я славно,
Но только насморкъ тамъ и кашель получилъ.

18.

ФРИЦУ ШТЕЙНМАНУ.

Въ альбомъ.

Гдѣ гибнуть добрые, тамъ побѣждаютъ злые;
Въ дни наши, милый другъ хвалить наклоненъ свѣтъ
Не мирты въ зелени, а тополи сухіе;
Не пламя чистыхъ душъ, а яркій трескъ ракетъ.

Напрасно на Парнасъ ты будешь подыматься,
Сбирать тамъ образы, созвучія, цвѣты,
Напрасно до смерти ты будешь надрываться—
Толпѣ не нужно то, къ чему такъ рвешься ты.

Какъ бранный быкъ, сперва обзаведись рогами,
Чтобъ смѣло ратовать съ писаками-врагами;
И о себѣ въ трубу не забывай трубить,

Потомство позабуди, чернь только потѣшая,
Эффекты для своихъ созданій измышляя—
И будетъ, вѣрь, толпа въ райкѣ тебѣ кадить.

19.

СОНЪ И ЖИЗНЬ.

День пылалъ, и въ груди моей сердце пылало.
Я блуждалъ, и со мной мое горе блуждало,
А когда день потухъ, любопытствомъ влекомъ,
Къ пышной розѣ подкрался я ночью тайкомъ.

Я приблизился тихо и нѣмъ, какъ могила,
Лишь слеза за слезою струилась уныло...
Но едва я склонился надъ розою той—
Въ ея чашечкѣ лучъ мнѣ сверкнулъ золотой.

Я веселый заснулъ подъ кустомъ этой розы
И увидѣлъ манящія, чудныя грѣзы:
Мнѣ румяная дѣвушка снилась; надѣтъ
Былъ у ней на груди ярко алый корсетъ.

Мнѣ блестящее что-то она подарила;
Я подарокъ унесъ въ свѣтлый домикъ, гдѣ было
Шумно, весело; музыки слышался звукъ.
Суетился народецъ какой-то вокругъ.

Тамъ двѣнадцать танцоровъ безъ устали, въ залѣ
Крѣпко за руки взявшись, кружились, мелькали,

И едва одинъ танецъ кончался—опять
Начинали тотчасъ же другой танцовать.

И жужжала мнѣ музыка танцевъ: «Обратно
Не воротится часъ, проведенный пріятно,
И вся жизнь твоя, милый мой—грѣзы однѣ,
И теперешній часъ сонъ есть только во снѣ.»

Сонъ умчался, заря загоралась лѣниво;
А когда я на розу взглянулъ торопливо—
Вмѣсто искры, пылающей въ чашкѣ цвѣтка,
Я холоднаго только нашелъ червяка.

20.

Въ лѣсъ зеленый хочу я уйти поскорѣй,
Гдѣ пестрѣютъ цвѣты и поетъ соловей,
Оттого я хочу, что въ могилѣ сырой
И глаза мнѣ, и уши засыпать землей,
А тогда ужъ не видѣть мнѣ больше цвѣтовъ
И не слышать уже соловьевъ!

21.

Мою печаль, мое мученье
Я въ это влилъ произведение;
Когда раскроешь ты его—
Раскроешь вмѣстѣ съ нимъ глубь сердца моего.

22.

Руками сильными на двери царствѣ духовъ
Желѣзные запоры я сломалъ
Тамъ книга есть любви; я семь печатей
Таинственныхъ съ нея сорвалъ.
И то, что я узрѣлъ въ ея словахъ безсмертныхъ,
То въ этой пѣснѣ, другъ, душа твоя найдетъ.
Смерть унесетъ меня, мое исчезнетъ имя—
Но эта пѣснь моя во вѣки не умретъ.

23.

Я сладкую любовь искалъ,
И злая ненависть отвѣтомъ мнѣ была;
Я слезы лилъ, я проклиналъ,
И кровь моя изъ сотенъ ранъ текла.

И сволочь всякую я бралъ себѣ въ друзья;
Я съ нею день и ночь компанію водилъ—

И вотъ, какъ изучилъ все это я,
Тогда спокойно я «Ратклифа» сочинилъ.

24.

Философскій камень, дружбу и любовь
Часто прославляли, славить будутъ вновь;
Я и самъ ихъ славилъ и искалъ вездѣ,
Но,—увы!—не могъ ихъ сыскать нигдѣ.

25.

Зеленѣютъ лѣсъ и поле,
Свищеть птичка въ высотѣ—
Вотъ весна въ своей блестящей
Ароматной красотѣ.

И отъ свиста птички таетъ
Мой замерзшій духъ—и вотъ
У меня изъ сердца грустно
Пѣсня-жалоба встаетъ.

Птичка свищеть: «Что поешь ты
Такъ печально, такъ чудно?»
Ахъ, малютка, эту пѣсню
Я пою уже давно.

Я пою, съ печалью въ сердцѣ,
Въ темной роцѣ у ручья—
Эту пѣсню ужъ слыхала
Даже бабушка твоя!

26.

Любовь и ненависть, и дружба, и вражда—
По мнѣ всего, всего прошло не мало.
Но хоть бы что-нибудь изъ нихъ ко мнѣ пристало—
Остался я такимъ, какимъ и былъ всегда.

27.

Ты знаешь хорошо, о, мопсикъ,
Что крѣпко я тебя люблю;
Ты руку лижешь мнѣ, когда я
Тебя конфетами кормлю.

И по наружности, и въ сердцѣ
Псомъ остаешься ты всегда;

Мои приятели другіе
Всѣ лицемѣрятъ безъ стыда.

28.

И день и ночь стихи я сочинялъ—
И ничего въ итогѣ не добился;
Въ гармоніяхъ вѣкъ цѣлый утопалъ
И все-таки ни съ чѣмъ въ итогѣ очутился.

29.

Подымайтесь вы, старыя грёзы!
Открывайся, сердечная дверь!
Пѣсни сладкія, тихія слезы
Чудно рвутся наружу теперь.

Я пойду по зеленому лѣсу,
Гдѣ бѣжитъ ключевая вода,
Гдѣ олень горделивый гуляетъ
И разносятся пѣсни дрозда.

Я взойду на высокія горы,
На крутые утесы взойду,
Гдѣ развалины сѣрыя замка
Молчаливо стоятъ на виду.

Тамъ безмолвно сажусь я—и въ мысли
Мнѣ приходитъ былая пора,
Жизнь цвѣтущихъ былыхъ поколѣній
И минувшая пышность двора.

Та арена покрыта травой,
На которую смѣло входилъ
Гордый рыцарь и витязямъ лучшимъ
Пораженье въ борьбѣ наносилъ.

Плющъ растеть на высокомъ балконѣ,
Гдѣ прекрасныя дамы не разъ
Побѣдителей гордыхъ сражали
Красотою и силою глазъ.

Но и тѣмъ, и другимъ смерть умѣла
Нанести пораженье... Ахъ!
Этотъ рыцарь скелетный съ косою
Всѣхъ людей повергаетъ во прахъ.

30.

Въ облакахъ скользить луна
Померанцемъ колоссальнымъ,
Золотою полосой
Отражаясь въ морѣ дальнемъ.

Я вдоль берега брожу,
Волны гвнятся и бьются,
Звуки нѣжныхъ сладкихъ словъ
Изъ воды ко мнѣ несутся.

Ахъ, какъ эта ночь длинна!
Сердце полно жаждой ласки...
Нимфы, выйдите ко мнѣ
Пѣть, скользя въ волшебной пляскѣ!

Заласкайте вы меня,
Овладейте мной всецѣло,
Поцѣлуями мою
Душу выпейте изъ тѣла!

31.

Закутавшись въ тучи, спать боги
Въ туманѣ небеснаго свода;
Отсюда храпѣнье ихъ слышу...
У насъ же шумить непогода.

Разбить нашъ корабль хочетъ буря.
Ей подвиги любы такіе...
Ахъ, кто укротитъ эти вѣтры
И буйныя волны морскія!

Трещать корабельныя мачты;
Но я вкругъ смотрю безъ тревоги
И въ плащъ свой закутался плотно,
Чтобъ спать, какъ великіе боги.

32.

Море отдыхаетъ подь лучомъ луны,
Еле-еле слышенъ плескъ его волны,
Робко и уныло дышитъ грудь моя,
О старинной пѣснѣ думаю все я;

О старинной пѣснѣ, гдѣ поется мнѣ
О зарытыхъ въ морѣ на глубокомъ днѣ

Городахъ, откуда сквозь морской покровъ
Слышатся молитвы, звонъ колоколовъ.

Звоны и молитвы—я ручаюсь вамъ—
Не помогутъ этимъ бѣднымъ городамъ;
Ибо разъ что въ землю вещь схоронена,
Ужъ на свѣтъ не выйдетъ никогда она.

33.

Г Д Ъ?

Гдѣ, странникъ усталый, найду я
Послѣдній пріютъ для костей?
Подъ милыми липами Рейна?
Подъ пальмами южныхъ степей?

Въ глухой ли пустынѣ я буду
Схороненъ чужою рукой?
Въ песокъ ли зыбучій у моря
Улягусь на вѣчный покой?

Что нужды? Вѣдь Божіе небо
Останется вѣчно при мнѣ,
И звѣзды, какъ факелы, будутъ
Горѣть надо мной въ вышинѣ!

34.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

Не оскорбляй холоднымъ, жесткимъ тономъ
Ты юношу, что, всѣми отчужденъ,
За помощью пришелъ къ тебѣ съ поклономъ.
Быть-можетъ, сынъ боговъ безсмертныхъ онъ.

Когда-нибудь онъ вновь тебѣ предстанетъ
Съ сияніемъ вокругъ головы—и взоръ,
Гдѣ строгій ты прочтешь себѣ укоръ,
Для глазъ твоихъ невыносимымъ станетъ.

35.

КЪ СВѢДѢНІЮ.

Филистеровъ—этотъ народъ
Тупой, узкобойный, тяжелый,
Не слѣдъ никогда задѣвать,
Хотя бы и шуткой веселой!

Но тѣ, у которыхъ въ душѣ
Есть много и шири, и свѣта,
Подъ шуткой откроютъ всегда
Слова, и любви, и привѣта.

36.

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

Выводя ослевъ на сцену въ басенкахъ твоихъ,
Называй ты поименно каждаго изъ нихъ;
А иначе выйдетъ плохо: вдругъ изъ всѣхъ угловъ
Набѣгутъ къ твоей картинѣ дюжины ослевъ..
Зареветь сейчасъ же каждый, впадши въ ярый гнѣвъ:
«Ахъ, мои вѣды это уши! Этотъ меракій ревъ—
Голосъ мой! Осель-то этотъ—я, ей-Богу, я,
И меня сейчасъ узнаетъ родина моя,
Несмотря на то, что скрыто прозвище мое!
Я въ ослѣ представленъ этомъ, я... I-йо! I-йо!»
Одного скота хотѣлъ ты пощадить—и вотъ
На тебя сейчасъ же стадо цѣлое реветъ!

37.

ДУЭЛИ.

Два быка, затѣявъ жаркій споръ,
Оглашали ревомъ задній дворъ;
Оба были пылкіе ребята,
И въ жару сердитаго дебата
Вдругъ одинъ такъ гнѣвомъ воспылалъ,
Что ослевъ другого обругалъ;
А «осель»—ругательное слово у быковъ—
И у двухъ Джонъ Буллей боксъ уже готовъ.

На дворѣ, гдѣ та дуэль была,
Въ тотъ же часъ ругались два осла.
До того дошло ожесточенье,
Что одинъ, совсѣмъ лихась терпѣнья,
Заревѣлъ дичайшимъ языкомъ
И назвалъ противника быкомъ;
А ослы ужасно негодуютъ,
Если ихъ «быками» титулуютъ.
И дуэль устроилась: въ ключки
Рвется шерсть, и сыпятся пинки
Въ морду, въ бокъ, по временамъ и въ роухъ,
Какъ велитъ серьезной чести кодексъ.

Изъ сего какая же мораль?
Долженъ я—хоть это очень жаль—
Допустить, что часто, въ самомъ дѣлѣ,
Избѣжать никакъ нельзя дуэли.
Юный буршъ обязанъ дѣлать такъ,
Если кто сказалъ ему «дуракъ».

38.

ИЗЪ ОБЛАСТИ ТЕЛЕОЛОГИИ.

(отрывокъ).

Двѣ ноги мы имѣемъ отъ Бога
Для того, чтобъ идти все впередъ,
Чтобъ не могъ человѣчества ходъ
Прекращаться уже у порога.
Быть торчащимъ недвижно слугой
Мы могли-бъ и съ одною ногой.

Двое глазъ намъ даны для того,
Чтобъ сильнѣй освѣщался нашъ разумъ;
Для принятя на вѣру всего
Обошлись и однимъ бы мы глазомъ.
Двое глазъ Богъ намъ далъ, чтобъ могли
Всѣми благами этой земли
Безпрепятственно мы' любоваться.
Точно такъ же намъ очень годятся
При званьи въ толпѣ двое глазъ.
Будь при этомъ одинъ—каждый разъ
Наступали бы намъ на мозоли,
Отъ которыхъ особенно боли
Терпимъ мы, когда узокъ сапогъ.

Двѣ руки для того далъ намъ Богъ,
Чтобъ вдвойнѣ мы добро расточали,
А не вдвое повсюду хватали
Для себя и добычею рукъ
Наполняли желѣзный сундукъ,
Какъ межъ насъ не одинъ поступаетъ;
(Имена ихъ назвать—не хватаетъ,
Право, смѣлости; этихъ господъ
Мнѣ повѣсить весьма бы пріятно;
Но вѣдь это, къ несчастью, народъ
Все такой и богатый, и знатный,
Филантропы, сановники... Тутъ
И протекторовъ нашихъ найдутъ.

Изъ германскаго дуба покуда
Плахъ не, строятъ для знатнаго люда).

Носъ одинъ потому людямъ данъ,
Что будь два—опускать бы въ стаканъ
Не могли бы мы оба свободно —
И вино разливали-бъ бесплодно.

Ротъ одинъ Богъ намъ далъ оттого,
Что имѣть нездорово бы пару:
И съ однимъ-то чего ужъ, чего
Наболтать не имѣемъ мы дару!
Будь двуротъ человекъ—вѣрьте мнѣ,
Онъ и лгалъ бы, и жралъ бы вдвойнѣ.
Нынче въ ротъ колъ вы каши набрали,
Такъ молчите, пока не сожрали;
А при двухъ, дорогая моя,
Лгали-бъ мы и во время жранья.

Мы имѣемъ два уха отъ Бога —
И при этомъ смотрите, какъ много
Симметрии межъ нихъ! У людей
Не въ такихъ эти члены размѣрахъ,
Какъ у нашихъ пріятелей сѣрыхъ.
Для того у насъ пара ушей,
Чтобы мы не теряли ни звука
У Моцарта, и Гайдна, и Глюка.
Вотъ когда-бъ было намъ суждено
Наслаждаться твоей лишь, великій
Мейерберъ, геморойной музыкой—
Пусть имѣли-бъ мы ухо одно!

Такъ Бригиттѣ своей бѣлокурой
Говорилъ я. Вздохнула она
И сказала, раздумья полна:
«Ахъ, причины того, чтò натурой
Создается, стараться найти,
Проникать въ Провидѣнья пути
Дерзновенно критическимъ глазомъ—
Это значить вѣдь, другъ, умъ за разумъ
Заводить, это, какъ говорятъ,
Просвѣщать яйца курицы хотять.
Но напѣ братъ человекъ постоянно,
Чуть предъ нимъ чтò нелѣпо иль странно,

Предлагаетъ вопросъ: отчего?
Вотъ теперь я изъ словъ твоего
Объясненія вынесла много;
Я узнала, къ чему мы отъ Бога
Ногъ съ руками, и глазъ, и ушей,
Получили на долю по парѣ;
Носъ и ротъ же въ одномъ экземплярѣ.
Но къ чему, объясни мнѣ скорѣй,
Создалъ Богъ... . . . »

39.

ПО ТУ И ПО ЭТУ СТОРОНУ РЕИНА.

Рѣзвость мягкая и живость,
Граціозная болтливость,
Смѣхъ, чарующая ложь,
Лихорадки страстной дрожь,
Всѣ живой любви порывы —
Вотъ, французы, чѣмъ сильны вы!

Нѣмцы—какъ того не видѣть?—
Мастера лишь ненавидѣть.
Эту ненависть излить
Нужно намъ во что-бъ ни стало,
И чтобъ ядъ ея вмѣстить—
Гейдельбергской бочки мало.

40.

РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНІЕ.

Не враны питали Илью,
А вранами самъ онъ питался—
Такъ истинный свѣтъ я пролью
На фактъ, что намъ чудомъ казался.

Взамѣнъ голубей молодыхъ
Воронъ кушалъ старецъ въ пустынѣ,
Такъ точно, какъ съ вѣрою ихъ
Мы кушали сами въ Берлинѣ.

41.

Въ интрижкахъ съ дамами, другъ, скромность соблюдай,
Будь молчаливъ, —именъ отнюдь не называй.
Коли порядочны—чтобъ имъ не повредить,
Коли сомнительны—себя чтобъ не грязнить.

42.

И днемъ, и ночью (я имѣлъ на то причины)
Осмѣивались мной и дамы, и мужчины;
Не мале глупостей я въ жизни натворилъ,
Но дѣйствуя умно, сильнѣй себѣ вредилъ.

Дѣвица зачала и родила. Ну, что же?
Объ этомъ горевать и слезы лить негоже.
Кто не былъ дуракомъ хоть разъ за весь свой вѣкъ,
Тотъ не былъ никогда и умный человекъ.

43.

Жилъ на свѣтѣ чортъ; къ нему
Обезьянка разъ явилась
И назойливо за хвостъ
Дергать бѣднаго пустилась.

Растерялся чортъ; не зналъ,
Какъ спровадить гостью злую,
Вылъ, ревълъ—и наконецъ
Далъ монету золотую.

44.

Если ты съ дамой сошелся, любезный
дружокъ, сохраняя
Тайну и имя ея осторожно скрывай;
Ради ея, коли это съ порядочной жен-
щиной связь,—
Ради себя, колѣ находишь ты въ ней
пошловатую грязь.

45.

ЭДУАРДУ Г.

Ну, вотъ, наградами засыпанъ ты совсѣмъ:
Чины и ордена, быть-можетъ, даже званье
Сіятельства, въ гербѣ—дворянскій древній шлемъ...
Но для меня, ты все—ничтожное созданье.

На благородство чувствъ, которое умно
И ловко ты привилъ къ себѣ въ такомъ излишкѣ,
Я холодно смотрю, хотя блеститъ оно,
Какъ запонка—брильянтъ въ фидистерской манишкѣ.

Ахъ, подъ мундирною одеждой золотой
Сидитъ не кто иной—я знаю это вѣрно—

Какъ голый человѣкъ, весь хилый и больной,
Кряхтящій, стонущій, влачащій жизнь мизерно.

Я знаю, что, какъ всѣ, не можешь ты и дня
Безъ пищи обойтись, что нуждь другихъ природныхъ
Ты рабъ такой, какъ всѣ. Отстань же отъ меня
Съ трескучей болтовней о чувствахъ благородныхъ!

46.

П Э А Н Ъ.

(отрывокъ).

На лобъ твой, Мейерберъ, лавровые листы
Спустились черезчуръ ужъ низко; долженъ ты
Откинуть ихъ на мигъ и незакрытымъ ухомъ
Услышать лепетъ мой. О, да, смущенный духомъ,

Лишь лепетать передъ тобой

Могу, о мужъ великій мой,

Ты, чей высокій, чудный геній

Даетъ намъ столько наслажденій,

Чья слава громкая есть плодъ

Искусныхъ и большихъ работъ,

А не случайность лишь простая,

Не даръ, который, самъ не зная

Откуда, безъ труда, во снѣ,

Иной вдругъ ощутить на днѣ

Своей души—ну, взять Россини

Или Моцарта, напримѣръ.

Нѣтъ, дорогой нашъ Мейерберъ,

Маэстро славный нашъ въ Берлинѣ,

Ничѣмъ не одолженъ судьбѣ

Онъ создалъ славу самъ себѣ

Посредствомъ воли непреклонной

И мысли, съ знаньемъ сопряженной,

И политическихъ машинъ,

И самыхъ тонкихъ паутинъ;

И государь, его протекторъ

Титуломъ «генераль-директоръ,

Всей музыки» его снабдилъ

И вмѣстѣ съ этимъ надѣлилъ

Большою властью...

къ которой я осмѣливаюсь сегодня прибѣгнуть съ вѣрно-
подданническимъ почтеніемъ...

47.

К Л О П Ъ.

I.

Черный клопъ сидѣлъ на грошѣ
И съ тщеславьемъ банкира въ душѣ,
Задираючи носъ, говорилъ:
«Кого деньгами Богъ надѣлилъ
Тотъ имѣеть почетъ и значенье при этомъ;
Кто богатъ—признается всѣмъ свѣтомъ
И красавцемъ, и милымъ; изъ дамъ
Ни одна не откажетъ ни въ чемъ богачамъ.
Чуть любая мой запахъ почуветь—
Затрепещетъ сейчасъ, затоскуеть.
Много лѣтнихъ ночей
Я въ постели провелъ королевы своей,
И, мечась на перинахъ, бѣдняжка стонала
И себя все чесала, чесала».

Рѣзвый чижикъ услышалъ, его
Возмутило пѣвца хвастовство;
Онъ въ веселой досадѣ свой клювъ наточилъ
И насмѣшливой пѣснью поля огласилъ.

Грязный клопъ не имѣеть понятия о чести—
И прибѣгнувъ къ клоповьей онъ мести;
Распустилъ, что за то чижъ сердить на него,
Что чижу онъ займы не даетъ ничего.
Гдѣ-жъ мораль? Баснописецъ пока осторожно
Умолчить. Рисковать невозможно
Въ наше время, когда—посмотрите въ любую страну—
Всѣ богатые гады семью составляютъ одну,
На мѣшкахъ золотыхъ возсѣдаютъ
И дессаускiй маршъ триумфально играютъ.

II.

Да, взгляните въ любую страну—
Гады всюду семью составляютъ одну.
Но нигдѣ ихъ союзъ не таковъ,
Какъ въ средѣ музыкальныхъ клоповъ,
Сочинителей скверныхъ романсовъ (что такъ же совсѣмъ
не идутъ,
Какъ часы Шлезингера). Къ примѣру мы тутъ

Хоть въ Вѣнѣ возьмемъ—музыкантишекъ жалкихъ
Моцартъ,
Приходящій въ жестокой азартъ
Оттого, что великою славою нынѣ
Окруженъ Меѳарберъ, знаменитый маэстро въ Берлинѣ.
Тутъ интригамъ конца не найдешь.
Сочиняетъ статеечкы вошь
И за чистую монету
Контрабанднымъ путемъ ихъ пускаетъ въ газету;
Изгибается, ползаетъ, жжетъ
И при этомъ себѣ меланхоли видъ придаетъ.
Въ публикѣ часто къ лганью возникаетъ изъ жалости
вѣра:
Столько страданья всегда на лицѣ и въ глазахъ лицемѣра!
Въ положеніи такомъ, что подѣлаешь ты?
Слушай спокойно слова клеветы;
Ни гнѣва, ни жалобъ не надо.
Если растопчешь ты гнуснаго гада,
Воздухъ онъ вонью своей заразитъ,
Ноги твои загрязнить...
Лучше молчать. Отложу до другого я раза
Объясненье морали разсказа.

48.

ЦИТРОНІЯ.

Я помню дѣтскіе года—
Носилъ я платьице тогда;
То было въ дѣтствѣ, было встарь;
Учить я начиналъ букварь
И въ школѣ былъ одинъ мальчонокъ
Среди двѣнадцати дѣвчонокъ.
Малютки здѣсь на всѣ лады
Зубрили кое-какъ склады.
Въ свѣтелкѣ нашей по утрамъ
Шелъ настоящій птичій гамъ.
Учились эти всѣ вострушки
У Гиндермансъ, сѣдой старушки.
Она внушала дѣтямъ страхъ,
Съ длиннѣйшимъ носомъ и въ очкахъ,
Ну точно старая сова!
У ней тряслася голова
И розгу страшную, бывало.

Она изъ рукъ не выпускала.
А вспоретъ такъ, что ой-ой-ой!
Поднимуть ребятишки вой...
Да, на землѣ, намъ въ назиданье,
Прекрасное обречено страданью.

«Питронія»—волшебный край
Такъ я назвалъ, что невзначай
У старой Гиндермансъ узрѣлъ,
Когда на солнцѣ онъ горѣлъ.
Мѣстечко было идеально,
Лимонно-желто и овално,
Такъ мягкостью плѣняло взоръ,
Хоть былъ и гордый въ немъ задоръ.
Какъ разъ твой образъ, ну, ей-ей,
О, первый цвѣтъ любви моей!
И этотъ нѣжный идеаль
Я съ той поры не забывалъ.
За дѣтствомъ юность миновала,
Тамъ зрѣлыхъ лѣтъ пора настала.
Тогда—о, чудо изъ чудесъ!—
Мой дѣтскій сонъ опять воскресъ.
Теперь предсталъ онъ предо мною
Осуществленною мечтою.
Я счастливъ, я безумно радъ,
Заслышавъ прянный ароматъ.
Но—горе мнѣ!—что въ этомъ толку?
Коль черный занавѣсъ изъ шелку,
Дурацкій лоскутокъ одинъ,
Который тоньше паутинъ,
Сокрылъ отъ глазъ моихъ мой рай,
Цитронію, волшебный край!

Томиться я напрасно сталъ,
Какъ злополучный царь Танталъ.
Меня дразнило наслажденье
И ускользало въ то-жъ мгновенье.
Какъ-будто близокъ сочный плодъ,
А смотришь, онъ изъ рукъ уйдетъ!
Я проклиная червяка,
Что выпрялъ шелкъ для лоскутка,
Я проклиная и того
Ткача, злодѣя моего,

Что выткалъ занавѣсъ злосчастный,
Которымъ скрытъ эдемъ прекрасный,
Весь въ блескъ солнца дивный рай,
Цитронія—волшебный край!

Порой бесплодное томленье
Меня приводитъ въ изступленье.
Рукою дерзкой я готовъ
Откинуть шелковый покровъ
И сердца моего отраду
Схватить, преодолевъ преграду.
Но страшень мнѣ такой починъ,
Чему есть множество причинъ.
Теперь порывы въ этомъ родѣ
И необузданность—не въ модѣ.

Послѣсловіе.

Прочитаете позднѣе
Вы въ другихъ мѣстахъ яснѣе
И поймете, въ чемъ тутъ сила,
Что Цитроніею было.
Но разгаданъ кѣмъ поэтъ,
Тотъ не выдаетъ секретъ.
Вѣдь искусство — что такое,
Какъ не сине-голубое
Дыма облако? Цвѣтокъ,
Голубой, что одинокъ,
Въ романтичности чудесной,
Цвѣлъ когда-то въ звукахъ пѣсней
Офтердингера—вопросъ:
Что онъ былъ? Быть-можетъ, носъ
Синій тетушки поэта,
Умершей вдѣли отъ свѣта
Отъ чахотки? Иль онъ той
Былъ подвязкой голубой,
Что нечаянно упала
При дворѣ, въ разгарѣ бала,
Съ ножки дамы въ контрдансѣ?
Nonny soit qui mal у panse!

49.

А Л Л И Л У І Я.

На небѣ блещутъ звѣзды, и солнце, и луна,
И въ нихъ Творца величье мѣръ видитъ издавна:

Поднявши очи кверху, съ любовью неизмѣнной,
Толпа благословляетъ Создателя вселенной.

Но для чего я буду смотрѣть на небеса,
Когда кругомъ я вижу земныя чудеса
И на землѣ встрѣчаю Творца произведенья,
Которыя достойны людского изумленья?

Да, мнѣ земля дороже, быть-можетъ, потому,
Что есть на ней созданье такое, что ему
Подобнаго не будетъ и не было отъ вѣка;
Великое созданье... То—сердце человѣка.

Роскошно въ небѣ солнце въ игрѣ его лучей,
Мерцанье звѣздъ мы любимъ въ тѣмъ голубыхъ ночей,
Приковываетъ взоры кометы появленье,
И лунное сіянье полно успокоенья,

Но всѣ свѣтила вмѣстѣ отъ солнца до луны
Копеечною свѣчкой казаться намъ должны
Въ сравненіи съ тѣмъ сердцемъ, которое трепещетъ
Въ людской груди и свѣтомъ неугасимымъ блещетъ.

Оно въ миниатюрѣ—весь міръ: здѣсь вся земля,
Здѣсь горы есть, и рѣки, и тучныя поля,
Пустыни, гдѣ нерѣдко звѣрь дикій тоже воетъ
И бѣдненькое сердце грызетъ и беспокоитъ.

Здѣсь родники струятся и дремлютъ въ вешнемъ снѣ,
Лѣса, тропинки выются по горной крутизнѣ,
Садовъ цвѣтущихъ зелень подобна изумруду,
И для ословъ, барановъ есть пастбище повсюду.

Фонтаны бьютъ высоко, межъ тѣмъ въ тѣни вѣтвей
Неутомимо страстный, несчастный соловей,
Чтобъ улыбнулась роза, любви его отрада,
До горловой чахотки поетъ въ затишьи сада.

Здѣсь жизнь разнообразна, какъ и природа вся:
Сегодня свѣтитъ солнце, а завтра, морося,
Неугомонно льется дождь цѣлыми часами,
И стелются туманы надъ нивой и лѣсами.

Съ цвѣтовъ, вчера цвѣтущихъ, спадаютъ лепестки,
Бушуетъ вѣтеръ, полный убійственной тоски,
Снѣгъ хлопьями своими все покрываетъ скоро,
И замерзаютъ въ стужу и рѣки, и озера.

Тогда зима приходитъ, а съ ней и цѣлый рядъ
Забавъ и развлеченій, и—благо маскарадъ—
Маскированья зная великое искусство,
Кружатся и пьянѣютъ въ безумной пляскѣ чувства

Конечно, въ этомъ вихрѣ веселья иногда
Врасплохъ ихъ ловятъ горе, страданіе, вражда,
И о погибшемъ счастьѣ невольно вздохи рвутся,
Хоть всѣ кругомъ танцуютъ, рѣзвятся и смѣются.

Вдругъ что-то затрещало... Не бойся! это ледъ
Взломало; снова солнце свѣтъ благодатный льетъ,
И таять ледяная кора подъ солнцемъ стала,
Что наше сердце долго, какъ панцырь, окружала.

Должна исчезнуть скоро холодная зима,
Идетъ, идетъ—о, прелесть!—навстрѣчу намъ сама
Весна, природы праздникъ и милая обнова,
Любви жезломъ волшебнымъ разбуженная снова.

Величье Саваоа, создавшаго весь свѣтъ,
И на землѣ, и въ небѣ оставило свой слѣдъ,
Во всемъ великъ Создатель, и съ небывалой силой
Пою я аллилуія и Господи помилуй!

Божественно, прекрасно Имъ міръ весь сотворенъ,
А перлъ Его созданья есть наше сердце. Онъ
Вдохнулъ въ него безсмертный свой духъ — имъ сердце
бьется,
На нашемъ языкѣ любовью онъ зовется.

Прочь, лира древнихъ грековъ! Я къ ней не прикоснусь,
Не нужно прежнихъ пѣсенъ съ безпутной пляской музъ!
Благоговѣнно, скромно, исполненный смиренья,
Хочу я возвеличить Создателя творенья.

Прочь музыка и пѣсни язычниковъ слѣпыхъ!
Пусть звуки струнъ Давида, струнъ набожно простыхъ
Мнѣ будутъ тихо вторить, когда свою хвалу я
Начну псалмомъ священнымъ, запѣвши: аллилуія!

МОШЕННИКЪ И МОШЕННИЦА.

Межъ тѣмъ какъ Лаура лобзала меня
Со всѣмъ объніемъ нѣги и граціи,

Ея благовѣрный въ шкатулкѣ моей
Забралъ всѣ мои ассигнаціи.

Стою я съ пустыми карманами... Ахъ!
Ужли и Лауры лобзанья—предательство?
Нѣтъ правды на свѣтѣ! Такъ думалъ Пилать—
И руки умылъ въ доказательство.

Испорченный міръ! Я не долго въ тебѣ
Пробуду... Ужъ мною давно замѣчается,
Что тотъ, у кого въ кошелькѣ пустота,
Въ полумертвеца обращается!

О, честныя души! Къ вамъ рвется мой духъ
Въ поля елисейскія: въ этой обители
Нѣтъ нуждъ никакихъ, и потребности красть.
Не знаютъ поэтому жители.

51.

Боленъ, боленъ безнадежно
Шаръ земной, и неизбежно,
Чѣмъ земля была горда—
Все исчезнетъ безъ слѣда.

Не людскія-ль заблужденья,
Какъ міазмовъ испаренья,
Поднимаясь къ небесамъ,
Отравляютъ воздухъ намъ?

Какъ цвѣты, едва раскрывши
Лепестки, еще не живши,
Вянутъ, такъ во тьмѣ могилъ
Гибнетъ много юныхъ силъ.

Смерть среди героевъ бродитъ,
Ищетъ жертвъ и жертвъ находитъ;
Жабы жрутъ и рвутъ въ клочки
Ихъ лавровыя вѣнки.

Что вчера цвѣло, блестяло,
То сегодня ужъ истлѣло,
И молчитъ, кляня весь свѣтъ,
Негодующій поэтъ.

О, какъ мудры звѣзды! Краше
Имъ вдали сіять, чтобъ наше

Горе, стонъ скорбей людскихъ
Не могли достигнуть ихъ.

Звѣзды умныя! Имъ чужды
Наши слезы, наши нужды,
И пугаетъ ихъ больной,
Зараженный шаръ земной.

Имъ горѣтъ вверху спокойнѣй,
Міръ нашъ кажется имъ бойней,
Смрадной ямой, гдѣ кишатъ
Червяки и всякій гадъ.

Тамъ, въ эфирѣ оставаться
Лучше имъ, чѣмъ къ намъ спускаться,
Въ царство грѣшной суеты,
Злобы, лжи и пустоты.

Будеть въ звѣздахъ состраданье
Человѣчества страданье,
И слезою иногда
Сверху падаетъ звѣзда.

52.

Быль ясенъ весь мой день, ясна и ночь моя;
Народъ мой ликовалъ, какъ только брался я
За лиру стройную—и пѣснь моя звучала
Отвагой радостной и всюду зажигала

Живительный огонь. Теперь еще стою
Средь лѣта своего, но жатву всю свою
Я снесъ уже въ закромя—и вотъ, мнѣ кинуть надо
Все то, что было мнѣ и гордость, и отрада.

Ахъ, лира выпала изъ высохшей руки!
Стаканъ, который я къ губамъ еще недавно
Такъ бодро подносилъ—разбился на куски...

О, Господи! Какъ жить и весело, и славнѣ
Здѣсь, въ гнѣздышкѣ земномъ... какая благодать!
И какъ, о, Господи! противно умирать!

53.

M I S E R E R E .

Я завидую счастливымъ;
Но не жизни ихъ—о нѣтъ!

А тому, *какъ* оставляютъ
Эти люди здѣшній свѣтъ.

Весь въ цвѣтахъ сидитъ счастливецъ
На житейскомъ пирѣ; онъ
Въ пышной праздничной одеждѣ
И весельемъ окруженъ.

Вдругъ—рѣзнула смерть косою,
И счастливецъ, вслѣдъ за ней,
Весь въ цвѣтахъ, въ одеждѣ пышной,
Переходитъ въ міръ тѣней.

Онъ болѣзню не измученъ,
Онъ красивѣйшій мертвецъ,
И его ведетъ съ почетомъ
Прозерпина въ свой дворець.

Какъ завидна мнѣ ихъ доля!
Я семь лѣтъ уже влачусь
Въ страшной немочи—но смерти,
Видно, вѣчно не дождусь.

Сократи, судьба, мученья!
Пусть скорѣй я кину свѣтъ...
Вѣдь для мученика роли
У меня таланта нѣтъ.

О, судьба! позволь мнѣ сдѣлать
Замѣчаніе одно:
Такъ, какъ ты, распоряжаться
Нелогично и смѣшно.

Ну, возможно ли рѣзъ поэта
Духъ веселости вселить
И потомъ его внезапно
Всей веселости лишить?

Я смѣяться разучился,
Я печаленъ, какъ мертвецъ,
И въ католика, пожалуй,
Обращусь я, наконецъ.

И тогда завою громко,
Какъ чистѣйшій піетистъ:
Miserere! погибаетъ
Самый лучший юмористъ!

54.

ТѢЛО И ДУША.

Говорила тѣлу бѣдная душа:
«Для чего я буду, въ край иной снѣша,
Разставаться въ міръ навсегда съ тобою?
Смерть пусть лучше будетъ нашею судьбою.
Было неразлучно ты со мной всегда,
Душу одѣвало многіе года,
Словно дорогое праздничное платье.
Не хочу съ тобою врозь существовать я.
Горе мнѣ! Нагая, тѣла лишена,
Ставши отвлеченной, я парить должна
Праздно, обратившись въ атомъ жалкій, гдѣ-то
Тамъ, за облаками, въ тихомъ царствѣ свѣта,
Гдѣ въ холодныхъ залахъ неба день и ночь,
Безполезно сияясь скуку превозмочь,
Вѣчности блуждаютъ въ тишинѣ суровой
И стучать при этомъ обувью свинцовой...
О, какая мѣка! Лучше міръ земной...
Дорогое тѣло, будь всегда со мной!»

И душѣ печальной тѣло отвѣчало:
«Не грусти напрасно, въ этомъ пользы мало;
Я мирюсь съ судьбою, всё забывъ мечты,
Съ долею своею помирись и ты.
Я—свѣтильня лампы, и сгорѣть мнѣ надо,
Ты же—спиртъ: иная ждетъ тебя награда:
Ты умчишься кверху вѣчно молодой
И зажжешься въ небѣ яркою звѣздой.
Я—лишь только ветошь, или хламъ негодный,
Горсть земли—не больше—въ формѣ переходной,
И въ виду могилы чуждѣ мнѣ всякій страхъ:
Бывши прахомъ, снова обращусь я въ прахъ.
Такъ простимся. Право, очень можетъ стать,ся,
Что на свѣтломъ небѣ больше веселятся,
Чѣмъ предполагаютъ. Мчись же къ небесамъ.
Если ты съ Большою Медвѣдицей тамъ
Встрѣтишься, гуляя по дорогѣ млечной,
Отъ меня привѣтъ ей передай сердечный».

55.

КЪ «ЛАЗАРЮ».

I.

Брось свои ꙗносказанья
И гипотезы пустыя!
На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые!

Отчего подъ ношей крестной,
Весь въ крови, влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

Кто виной? Иль силѣ правды
На землѣ не все доступно?
Иль она играетъ нами?
Это подло и преступно!

Такъ мы спрашиваемъ жадно
Цѣлый вѣкъ, пока безмолвно
Не забудутъ намъ рта землею...
Да отвѣтъ ли это, полно?

II.

Съ любовью черная жена
Мою главу къ себѣ прижала—
И проступила сѣдина
Тамъ, гдѣ слеза ея бѣжала.

И я согнулся, изнемогъ,
Ослышъ отъ этого лобзанья,
И мозгъ въ хребтѣ моемъ изсохъ
Отъ алчнаго ея сосанья.

Теперь я трупъ, въ которомъ духъ
Еще томится, заключенный;
Но иногда, проснувшись, вдругъ
Онъ забушуетъ, раздраженный.

Къ чему проклятья? Ни одно
Изъ нихъ не умертвить и мухи!
Сноси, что свыше суждено,
Съ молитвою, въ смиренномъ духѣ.

III.

Ахъ, какъ медлительно ползеть
Ужасная улитка—время!
А я недвижно здѣсь лежу,
Влача болѣзни тяжкой бремя.

Ни солнца, ни надежды лучъ
Не проскользнетъ въ мое жилище;
Я знаю: мрачный мой пріютъ
Замѣнитъ мнѣ одно кладбище.

Быть-можетъ, я давно ужъ мертвъ,
И лишь мечты воображенья,
Ночные призраки одни,
Творятъ въ мозгу свое броженье.

Не духи-ль это древнихъ лѣтъ
Въ лучахъ языческаго свѣта?
И мѣстомъ сборища теперь
Имъ черепъ мертваго поэта.

И страшно сладкую игру,
Безумный пиръ ночной ватаги,
Поэта мертвая рука
Передаетъ потомъ бумагѣ.

IV.

Влачась когда-то въ край изъ края,
Цвѣтовъ не мало я видалъ;
Но ихъ, отъ лѣни, не срывая,
Я гордо мимо проѣзжалъ.

Теперь, страданьями разбитый,
Когда и гробъ ужъ мой готовъ,
Въ укоръ мнѣ злостно ядовитый
Я чую запахъ тѣхъ цвѣтовъ

Всѣхъ чаще желтая фіалка
Огнемъ горитъ въ моемъ мозгу;
Дѣвчонки бѣшеной мнѣ жалко—
Ее забыть я не могу.

Одно осталось утѣшенье
Въ виду могилы, послѣ бурь,

Что Лета приведетъ въ забвенье
Пережитую сердца дурь.

V.

Я видѣлъ, какъ дѣтски смѣялись,
Какъ гибли въ пороки онѣ,
Какъ въ мѣкахъ предсмертныхъ терзались—
И былъ равнодушенъ вполне.

Ихъ ранніе гробы съ тоскою
Я всё до кладбищъ проводилъ;
Но, вскорѣ утѣшась, не скрою,
Я ѣлъ съ аппетитомъ и пилъ.

Теперь же со скорбью и нѣжно
Я вспомнилъ усопшихъ подругъ,
И страсть къ нимъ, какъ пламень, мятежно
Изъ пепла возникнула вдругъ.

Особенно Юленьки слезы
Все вижу я въ сердцѣ моемъ.
Жестоко мучительны грѣзы,
Зову ее ночью и днемъ.

И мертвый цвѣтокъ прилетаетъ
На зовъ мой въ горячечномъ снѣ,
И снится, что онъ предлагаетъ
Взаимость посмертную мнѣ.

О, милое сердцу видѣнье,
Прижмись мнѣ къ устамъ и груди,
И горькое смерти мгновенье,
Цѣлуя меня, услади!

VI.

Я помню дѣвицей тебя бѣлокурой,
Вполнѣ благой, холодной натурой;
Напрасно и долго я ждалъ съ нетерпѣньемъ,
Чтобъ сердце забилося твое вдохновеньемъ,

Чтобъ ты вдохновеннымъ прониклась экстазомъ
Къ тому, съ чѣмъ враждуютъ и проза, и разумъ,
Во имя чего, недоступны страху,
Шли лучшіе люди на муку, на плаху!

Вдоль Рейна и чудныхъ садовъ съ виноградомъ,
Въ бесѣдѣ объ этомъ, гуляли мы рядомъ,
И солнце съ небснаго свода смѣялось,
Повсюду дыханье цвѣтовъ разливалось.

Пурпурныя розы, цвѣты полевые
Намъ слали лобзанья свои огневья;
Въ послѣдней былинкѣ, въ ничтожномъ растенн
Высокое, чистое зрѣло стремленье.

А рядомъ со мною—въ нарядѣ атласномъ,
Ты шла безъ волненья во взорѣ прекрасномъ,
Похожа на Нетшера кисти картину—
Нося подъ шнуровкой не сердце, а льдину.

VII.

Пускай присяжными разсудка
Не признана твоя вина,
И предо мною, о, малютка,
Ты даже словомъ не грѣшна;

Пусть, равнодушна и безгласна,
Не раздувала ты огня—
Но я зываю не напрасно,
Тебя въ душѣ моей вина.

Немолчный голосъ надъ собою
Въ полночныхъ грѣзахъ слышу я,
И говоритъ онъ, что тобою
Вся жизнь загублена моя.

И онъ громить тебя сурово,
Приводить множество уликъ,
И обвинительное слово
Лишь наяву смолкаетъ вмигъ.

Оно скрывается глубоко
Въ душѣ моей, и знаю я,
Одно мнѣ ясно,—что жестоко
Вся жизнь загублена моя!

VIII.

Нежданной молніей, вполнѣ
Открывшей мнѣ тотъ мракъ глубокий,
Гдѣ чуть дышу я, были мнѣ
Тобой начертанныя строки...

Среди обломковъ ты одна
Въ моемъ минувшемъ—образъ ясный,
Какъ мраморъ, божески прекрасный,
Но и какъ мраморъ, холодна!..

О каковы-жъ мои мученья,
Коль *этотъ* мраморъ тронуть! Онъ
Заговорилъ! и сожалѣнья
Слезю теплой окропленъ!..

А ты, мой Богъ! тебя напрасно
Молю я: узель развяжи,
Дай мнѣ покой и положи
Конецъ трагедіи ужасной.

IX.

Образъ сфинкса надѣленъ
Всѣми женскими чертами;
Лишь придатокъ для него—
Тѣло львиное съ когтями.

Мракъ могильный! Въ этомъ сфинкса
Вся загадка роковая,
И труднѣйшей не рѣшаль
Юкасты сынъ и Лайя.

Къ счастью, женщинѣ самой
Дать разгадку не подѣ силу,
Будь иначе—цѣлый міръ
Превратился бы въ могилу!

X.

Три старухи, одна съ другой схожи,
У дороги сидятъ,
И прядутъ, и сурово глядятъ...
Всѣ такія противныя рожи!

Прялка въ пальцахъ у первой старухи.
Ей приходится нитки сучить,
Нитку каждую надо смочить—
Оттого у ней губы отвислыя сухи.

Подъ руками второй все быстрѣе, быстрѣе
Пляшетъ веретено—

Какъ-то странно смѣшно...
Глаза у старухи сандала краснѣе.

Держить ножницы третья Парка;
И зловѣще мрачна,
Miserege мурлычить она...
Острый носъ у нея, на носу бородавка.

О, не медли! Не мучь моего ожиданья!
Перерѣжь поскорѣй
Эту нить злополучную жизни моей,
Чтобъ покончились страшныя эти страданья!

XI.

Меня не манить рай небесный
И жизнь въ блаженной сторонѣ:
Такихъ, какъ здѣсь, красивыхъ женщинъ
Не отыскать на небѣ мнѣ.

Какой тамъ ангелъ нѣжнокрылый
Замѣнитъ мнѣ мою жену?
Псалмы на облакахъ сдва ли
Тянуть охотно я начну.

Нѣтъ, лучше на землѣ, о, Боже,
Позволь мнѣ продолжать мой путь;
Лишь возврати здоровье тѣлу,
Да и о деньгахъ не забудь.

Конечно, этотъ міръ грѣховенъ,
Пороченъ и во многомъ дикъ;
Но я привыкъ къ юдоли плача,
Я къ мостовой земли привыкъ.

Мнѣ шумъ людской мѣшать не можетъ:
Я домосѣдъ и очень радъ
Съ своей женой не разставаться,
Надѣвши туфли и халатъ.

Не разлучай же съ ней меня ты!
Она болтаетъ—и люблю,
Я слышать голосъ тотъ пѣвучій,
И милый взглядъ ея ловлю.

Здоровья, Боже, дай и денегъ—
Мое желанье таково—

И дай побольше дней счастливыхъ
Вдвоемъ съ женою въ statu quo!

XII.

Дикимъ хаосомъ ходить въ мозгу у меня
И лѣса, и поля, и долины...
Улеглись наконецъ, улеглись и сошлись
Въ видѣ стройной и полной картины.

Вижу я городокъ... Это Годесбергъ... Да,
Это онъ, это онъ предо мною...
И опять подъ тѣнистою липой моей
Я сижу передъ старой корчмою.

Сухо въ горлѣ моемъ, точно я проглотилъ
Заходящее солнце... Эй! что же
Не несутъ мнѣ вина?.. Ну, хозяйнѣ, живѣй!
Да получше, смотри, подороже!

И течетъ благодатный напитокъ, течетъ
Прямо въ душу мою, заливая
По дорогѣ ужъ кстати и въ горлѣ пожаръ...
Что за чудная влага такая!

Эй, бутылку еще! Эту первую я
Безъ вниманія пилъ, безъ почтенья...
За разсѣянность эту прошу у тебя,
Благородная влага, прощенья!

Я разсѣяннo пилъ потому, что глядѣлъ
На утесъ, романтичности полный,
Гдѣ стоитъ Драфенхельсъ, величаво смотря
На зеленныя рейнскія волны.

Виноградарей пѣсни звучали вдали,
Доносясь посреди щебетанья
Порхуновъ-воробьевъ... Это все слушалъ я
И поэтому пилъ безъ вниманья.

Но теперь я усердно уткнулся въ стаканъ
И внимательно взоры вперяю
Въ дорогое вино—а порой, на него
И не глядя, прилежно глотаю.

Только странная штука! Вдругъ личность моя
Представляется мнѣ же двойною;

Съ двойникомъ мы сидимъ нераздѣльно, и онъ
Изъ стакана глотаетъ со мною.

Какъ онъ блѣденъ, бѣднякъ! Какъ онъ жалокъ и слабъ!
Какъ изсохъ! Только кожа да кости!
Онъ съ тоскливой насмѣшкой глядитъ мнѣ въ лицо
И меня раздражаетъ до злости.

Этотъ странный двойникъ увѣряетъ меня,
Будто съ нимъ составляемъ мы оба
Одного; будто этотъ одинъ—человѣкъ,
Недалеко стоящій отъ гроба;

Будто онъ не въ корчмѣ годесбергской сидитъ,
А въ далекомъ Парижѣ, печальный,
Изможденный тяжелой болѣзью... Ты лжешь,
Лжешь безстыдно, бродяга нахальный!

Лжешь! Взгляни на меня; я и свѣжъ, и румянь,
Какъ цвѣтущая роза; и знаю—
Много силы во мнѣ!.. Берегись разозлить!
Берегись—я обидѣ не спускаю!

Онъ, плечами пожавъ, отвѣчалъ: «О, дуракъ!»
Тутъ я вспыхнулъ—и съ бѣшенымъ жаромъ
Принялся наносить своему двойнику
Безопасно ударъ за ударомъ!

Только вещь непонятная: каждый ударъ,
Наносимый ему, ощущаю
Я на собственномъ тѣлѣ: чѣмъ больше я бью,
Тѣмъ сильнѣй самъ отъ боли страдаю!..

Въ этой дракѣ проклятой опять у меня
Пересохнуло горло... И снова
Я хочу закричать: «Эй, давайте вина!»
Но не въ силахъ промолвить ни слова...

Лихорадка трясеть... Какъ въ бреду, слышу я
Все слова чепухи безтолковой:
«Двѣ припарки еще... и микстуру давать
Въ день три раза по ложкѣ столовой!»

XIII.

Когда насосется ужъ досыта пьявка.
Насыпьте вы на спину соли—и вдругъ

Она отвалилась отъ вашего тѣла...
Но чѣмъ отъ тебя я избавлюсь, мой другъ?

Мой другъ, мой патронъ, кровенійца мой старый,
Ахъ, гдѣ бы мнѣ соли найти для того,
Чтобъ кончить съ тобою? Ты высосалъ нѣжно
Весь мозгъ изъ спинного хребта моего.

И какъ исхудалъ я, какъ высохъ! Несчастный,
Мизерный скелетъ! Но за то накормилъ
По горло я друга... Какой онъ румяный!
Какое брюшко у себя отростилъ!

О, Боже! Пошли мнѣ бандита любого!
Пусть разомъ зарѣжетъ меня молодецъ!..
Но этой противнѣйшей пьявки сосанье...
Нѣтъ силъ... Отпадетъ ли она, наконецъ?

XIV.

Въ сердцѣ гая сокрушительный пылъ,
Чашу любви я до дна осушилъ;
Этотъ напитокъ, что пуншъ съ коньякомъ:
Все онъ сжигаетъ своимъ огонькомъ.

Тепленькой дружбой теперь я согрѣтъ;
Слаще лѣкарства для горестей нѣтъ.
Съ чашкою добраго чая сходна—
Вносить отраду въ желудокъ она.

XV.

О, вѣчность, да какъ ты долга!
Длиннѣе, чѣмъ тысяча лѣтъ...
Ужь тысячу лѣтъ я горю,
А все окончанія нѣтъ.

О, вѣчность, да какъ ты долга!
Длиннѣе, чѣмъ тысяча лѣтъ...
Въ концѣ же концовъ сатаной
Сожрется съ котями и кожей поэтъ.

XVI.

Дни, года, вѣка ужасной пытки
Шагъ за шагъ, какъ сѣрья улитки,
Все ползутъ—и вдоль своей дороги
Далеко вытягиваютъ роги.

Иногда, въ пустынь безотрадной,
Въ темнотѣ могильно непроглядной,
Яркій свѣтъ блеснетъ съ волшебной силой,
Точно взглядъ моей подруги милой.

Но,—увы!—одно, одно мгновенье—
И ушло блаженное видѣнье,
Вновь меня оставивъ для сознанья
Моего великаго страданья!..

56.

«Вспоминать о немъ не надо!»
Не однажды говорила
Мнѣ Эсѣирь старуха. Эту
Фразу память сохранила.

Пусть о немъ забудутъ люди,
Какъ о выходцѣ изъ ада...
Онъ достоинъ быть проклятья...
Вспоминать о немъ не надо!

Сѣтуй, жалуйся ты, сердце,
Если въ этомъ есть отрада,
Но о немъ—о немъ ни слова...
Вспоминать его не надо!

Вспоминать о немъ не надо—
Въ пѣсняхъ, въ книгахъ... Въ царствѣ мрака,
Въ смрадной ямѣ, мною проклять,
Пусть гниетъ онъ, какъ собака.

Даже въ день, когда звукъ трубный
Мертвецовъ въ гробахъ разбудить
И на страшный судъ послѣдній
Собирать возставшихъ будетъ—

И начнетъ переключка
Всѣхъ идущихъ въ область ада,
Или въ рай обѣтованный—
Вспоминать о немъ не надо!

57.

MORPHINE.

Двухъ юношей прекрасныхъ близко сходство,
Хотя одинъ блѣднѣе и на видъ

Какъ-будто строже, царственнѣе даже,
Чѣмъ тотъ другой, который заключилъ
Такъ ласково меня въ свои объятя.
О, какъ тогда плѣнительна была
Его улыбка нѣжная и кроткій
Спокойный взглядъ! Не мудрено, что могъ
Его вѣнокъ изъ маковыхъ цвѣтовъ
И моего чела слегка коснуться
И, испуская чудный ароматъ,
Прогнать мою печаль... но не надолго.
Поправиться вполнѣ я лишь тогда
Могу, когда потушить тоже факель
И братъ другой, такой серьезный, блѣдный...
Прекрасенъ Сонъ, Смерть краше—хоть конечно,
Всего бы лучше вовсе не родиться.

58.

ЖАЖДА ПОКОЯ.

Пусть кровь изъ ранъ твоихъ течетъ
И жгучихъ слезъ потокъ струится:
Въ слезахъ для страждущей души
Бальзамъ живительный таится.

Когда не раненъ ты врагомъ,
Такъ рань себя своей рукою,
И Бога ты благодари,
Что слезы катятся порою!

Шумъ дня затихнетъ, ночь придетъ—
Ты въ ней ищи душѣ пріюта.
Въ ней не нарушатъ твой покой
Ни рѣчь глупца, ни хитрость плута.

Ты въ ней убѣжище найдешь
Отъ зла, коварства и обмана,
Отъ шума Оперы Большой,
Отъ скрипокъ, флейтъ и фортепьяно,

Отъ виртуозовъ, отъ толпы
Клакеровъ яростныхъ, отъ грома
Похваль, летящихъ за моря
Во славу генія Джьякомо.

О, гробъ! ты рай для тѣхъ ушей,
Чей шума нѣжный слухъ боится.

Смерть хороша, но во сто разъ
Еще бы лучше не родиться.

59.

В Ъ М А Ъ.

Друзья, которымъ я отдалъ себя вполнѣ,
Сильнѣе всѣхъ враговъ напакостили мнѣ...
Душа моя въ крови—а солнце съ вышины
Привѣтъ веселый свой шлетъ мѣсяцу весны.

Весна во всемъ цвѣту. Изъ зелени лѣсовъ
Несется весело звукъ птичьихъ голосовъ;
Смѣются дѣвственно дѣвицы и цвѣты...
О, мѣръ прекраснѣйшій, противно гадокъ ты!

Владѣнья Орковы милѣй мнѣ во сто разъ:
Контрастъ нелѣпый тамъ не оскорбляетъ глазъ,
Для страждущихъ сердецъ отраднѣй и вольнѣй
У мрачныхъ Стикса водъ, въ обители тѣней.

Меланхолическій и говоръ ихъ, и видъ,
И крики рѣзкіе чудовищъ-стимфалидъ,
И пѣнье дикое разгнѣванныхъ мегеръ,
И тутъ же лающій и воющій Церберъ—

Все это кстати такъ для бѣдствій и скорбей,
Въ долинѣ горестей, въ обители тѣней;
Средь Прозерпиновыхъ владѣній проклятыхъ
Все гармонируетъ съ слезами глазъ людскихъ.

А здѣсь-то! И цвѣты, и свѣтъ веселый дня,
Все это такъ язвить безжалостно меня;
Такъ жалокъ я среди весенней красоты—
О, мѣръ прекраснѣйшій, противно гадокъ ты!..

60.

Средневѣковую грубость
Вытѣсняетъ эстетичность;
Фортепьяно—нынче главный
Инструментъ образованья.

И желѣзныя дороги.
Для семейной жизни—благо:
Съ ними легче намъ держаться
Отъ родныхъ своихъ подальше.

Какъ мнѣ жалко, что сухотка
Моего хребта спинного
Скоро мнѣ велить покинуть
Миръ столь крупнаго прогресса!

61.

Какой-то демонъ злой въ злой часъ вооружилъ
Тебя своимъ ножомъ; кто этотъ демонъ—скрыто
Осталось для меня; но знаю я, что былъ
Отравленъ этотъ ножъ и рана ядовита.

Не разъ я думаю: изъ области тѣней
Ты долженъ, наконецъ, явиться въ царство свѣта,
Чтобъ убѣдить меня въ невинности твоей
И разъяснить мнѣ все, что требуетъ отвѣта.

Иди, иди скорѣй! Иначе самъ сойду
Я въ бездны адскія: тамъ счеты всѣ со мною
Покончишь ты, когда предстанемъ мы къ суду
Предъ сонмомъ всѣхъ чертей съ владыкой-сатаню!

Да, я спущусь туда! Повѣрь, не страшенъ мнѣ
Миръ ужаса и тьмы, какъ нѣкогда Орфею;
И гдѣ-бъ ни скрылся ты—хоть на послѣднемъ днѣ
Болота адскаго—найти тебя сумѣю!

Вотъ, вотъ она, страна, гдѣ мѹки видитъ глазъ
И воплямъ внемлетъ слухъ отъ краю и до краю!..
Мишурное тряпье великодушныхъ фразъ
Съ тебя, убійца мой, я, наконецъ, срываю!

Теперь узналъ я все, что долженъ былъ узнать,
И отпустить тебя готовъ съ моимъ прощеньемъ;
Но не могу никакъ тому я помѣшать,
Чтобъ черти плюнули въ твое лицо съ презрѣньемъ!

62.

Губами Иуды они цѣловали меня,
Вливали цѣлительный сокъ винограда
Въ стаканъ мой, но съ примѣсью тайнаго яда—
И дѣлали это друзья и родня.

Гниетъ мое мясо и падаетъ съ бѣдныхъ костей,
Уже я не въ силахъ подняться съ постели...
Ахъ, жизнь молодую такъ подло забили!
И это работа родныхъ и друзей.

Но я христіанинъ—церковная книга тому
Свидѣтель. Поэтому я предъ кончиной
Прошу вамъ за все съ добротой голубиной,
Вражды не оставляю въ себѣ ни къ кому.

Ахъ, такъ поступить мнѣ, признаться, весьма нелегко.
Хотѣлось бы лучше, о, милые братья,
Послать на прощаніе съ вами проклятье:
Чтобъ чортъ васъ побралъ и унесъ далеко!

63.

АФРОНТЕНБУРГЪ.

Года идутъ—но образъ твой,
Старинный замокъ, предъ очами—
Съ твоими башнями, стѣнами,
Съ твоей зачужанной толпой.

Надъ кровлей, въ воздухѣ чернѣя,
Вертѣлся флюгеръ и скрипѣлъ,
И кто лишь ротъ раскрыть хотѣлъ,
На флюгеръ взоръ кидалъ, блѣднѣя.

Не начиналъ никто рѣчей,
Не справясь съ вѣтромъ: всякъ страшился,
Чтобъ не зафыркалъ, не озлился
Старикъ придиричивый Борей.

Кто былъ умнѣй, не молвилъ слова:
Онъ зналъ, что эхо въ замкѣ томъ
Переиначить все готово
Своимъ фальшивымъ языкомъ.

Въ саду, средь зелени убогой,
Темнѣлъ гранитный водоемъ:
Онъ вѣчно былъ съ засохшимъ дномъ.
Хоть слезъ въ него катилось много.

Проклятый садъ! Въ немъ нѣтъ угла,
Гдѣ-бъ сердца злость не отравляла,
И гдѣ бы слезъ моихъ не пало,
Которымъ не было числа.

Не счесть и тяжкихъ оскорбленій!
Во всѣхъ углахъ я былъ язвимъ
То рѣчью, полной ухищреній,
То словомъ грубо площаднымъ.

Подслушать мой позоръ обидный
И жаба черная ползла
И злую рѣчь потомъ вела
Съ своею тетушкой ехидной.

И вся ихъ грязная родня—
Лягушки, крысы узнавали,
Какъ беспощадно оскорбляли
И какъ позорили меня.

Алѣли розы, расцвѣтая,
Но рано свѣла ихъ весна—
И, чѣмъ-то вдругъ отравлена,
Поблекла жизнь ихъ молодая.

Съ тѣхъ поръ зачахъ и соловей,
Чья пѣснь лилась надъ соннымъ садомъ,
Лаская розы въ мглѣ ночей...
И онъ отравленъ тѣмъ же ядомъ!

Проклятый садъ! проклятый, да!
Повсюду клейма отверженья!
И въ ясный день тамъ иногда
Меня пугали привидѣнья.

Порой мелькалъ мнѣ чей-то ликъ—
Зеленый, злобой искаженный...
И слышалъ вопли я и стоны,
Послѣдній хрипъ, предсмертный крикъ.

Террасой къ морю садъ кончался:
Тамъ о пяты крутой скалы
Хлестали буйные валы—
И валъ за валомъ сокрушался.

Скорбя, что воля хороша,
Стоялъ я часто тамъ. Синѣла
Морская даль. Во мнѣ душа
Рвалась, и билась, и кипѣла..

Кипѣла, билась и рвалась
Она, какъ этотъ валъ мятежный,
Что мчится, гордь, къ скалѣ прибрежной—
И вснать отходить, раздробясь.

О, сколько я судовъ крылатыхъ
Вдали сквозь слезы различал!

Меня изъ стѣнъ своихъ проклятыхъ
Проклятый замокъ не пускалъ.

64.

У кого въ груди есть сердце,
А въ томъ сердцѣ есть любовь,
Тотъ ужъ связанъ... Неподвижно
Я лежу—не встать мнѣ вновь.

Мой языкъ, когда умру я,
Тотчасъ вырвуть, можетъ-быть,
Изъ боязни, что воскреснувъ,
Стану вновь я говорить.

Мнѣ придется гнить въ могилѣ;
Молча, я сойду во тьму
И людей, меня терзавшихъ,
Ужъ не выдамъ никому.

65.

Ночью, съ бѣшеной угрозой,
Кулаки сжимаю я,
Но безсильно на подушку
Падаетъ рука моя.

Духъ разбить, разбито тѣло,
Смерть надъ жертвою стоять,
И никто изъ ближнихъ кровныхъ
За меня не отомститъ,

Ахъ, отъ нихъ и получилъ я
Мой ударъ смертельный, онъ
Былъ предательски рукою
Этихъ кровныхъ нанесенъ.

Имъ, какъ нѣкогда Зигфрида,
Удалось меня убить...
Злоба родственниковъ знаетъ,
Гдѣ героя уязвить.

66.

УМИРАЮЩІЙ.

Убито все въ груди моей:
И къ благамъ суетнымъ стремленью,

И ненависть, и отвращенье
Къ тому, что зло и гадко; ей
Ужъ нынче стали даже чужды
Моя нужда, чужія нужды;
Все, все лежитъ въ могильномъ снѣ—
И только смерть живетъ во мнѣ!

Спектакль оконченъ весь. Завѣсу
Спустили, и, прослушавъ пьесу,
Любезный нѣмецъ—зритель мой,
Идетъ, зѣваючи, домой.

О! милые друзья не глупы:
На ихъ столахъ дымятся супы,
И сядутъ ужинать они
Среди веселой болтовни.

Ахъ, древній витязь благородный,
Ахъ, какъ ты былъ глубоко правъ,
Изъ устъ Гомера провѣщавъ:
Филистеръ, никуда негодный,
Но свѣта бѣлаго жилецъ,
Счастливей въ горюшкѣ скромномъ,
Чѣмъ я, Пелидъ, герой-мертвецъ,
Владыка въ царствѣ ада темномъ.

67.

Ж. Б. РУССО.

(въ альбомѣ).

Залозь въ свою нору со страхомъ иезуитъ,
И деспотъ на гниломъ престольчикѣ дрожитъ,
Трясется у него коронка съ головою —
Вѣдь произнесено Руссо названье мною.

Но куколку, что есть для мистиковъ божокъ,
За значечко Руссо не принимай, сынокъ,
И не воображай ты, что Руссо свобода —
Супъ, демагогами варимый для народа

Фамилии своей всегда достоинъ будь!
Для блага родины твоя пусть дышитъ грудь
Свободой истинной и истинной свободной!
Бей словомъ и мечомъ съ отвагою благородной!

Свободу, и любовь, и вѣру назови
Своею троицей—и если миртъ любви
Похитилъ у тебя съ годами рокъ суровый,
Все-жъ при тебѣ вѣнокъ поэзіи лавровый.

68.

С О Н Е Т Ы.

I.

Рой мыслей, что одна въ другую вдѣта,
Какъ звенья цѣпи, отъ моихъ очей
Сонъ гонять прочь; ужъ сколько я ночей
Провелъ въ слезахъ и столахъ до разсвѣта!

Чѣмъ прекратится злая пытка эта?
Чѣмъ умерщвлю я стоголовыхъ змѣй,
Что вновь родятся, какъ ты ихъ ни бей?
Нашель, нашель! Создамъ два-три сонета!

Ужъ многихъ въ сонъ умѣлъ ввергать сонеть.
Испробую-жъ я силу ту благую—
Вѣдь тутъ совсѣмъ работы мысли нѣтъ.

Да, удалось! Покоя гавань чую
Ужъ близко я; всѣ мысли далеко;
Чуть началъ я—и сплю ужъ глубоко.

II.

Что можетъ быть отраднѣй, какъ гулять
Въ лугахъ, вослѣдъ за милою своею,
И прелести, удвоенныя *ею*,
Въ себя душой сочувственной вливаться;

Тамъ въ забытій блаженнѣйшемъ стоять,
Гдѣ травъ роса мочила ножку-фею;
Гряды цвѣтовъ, тѣнистую аллею—
Знакомыхъ ей, какъ старый другъ, встрѣчать.

Такой восторгъ на-дняхъ мнѣ былъ понятенъ:
Я въ «Вертеръ» ея слѣды открылъ
Въ коллекціи табачныхъ желтыхъ пятенъ,

И самъ табакъ тутъ нюхательный былъ
На всѣхъ листахъ—въ честь Гёте-ль возліянье,
Или для слезъ пролитыхъ посыпанье?

III.

Старуху-тетушку когда-то я имѣлъ,
Теперь уже давно ее взяла могила.
(Чистѣйшей дѣвою жила и опочила
Она и въ честь себѣ, и къ славѣ Божьихъ дѣлъ).

Изъ всѣхъ ея вещей досталась мнѣ въ удѣлъ
Кухетка; все она въ себѣ соединила—
Комфортъ и красоту; ручаться можно было,
Что тутъ кушетокъ всѣхъ корона и предѣлъ.

Какъ Весты жертвенникъ, была она священна
При жизни тетушки; лишь мухамъ да блохамъ
Практиковать любовь давалось право тамъ;

Теперь же—о позоръ, какая переменна!
Гдѣ дѣва старая лежала, тамъ при мнѣ
Лежатъ младыя, но—но не дѣвы всѣ онѣ!

IV.

Желалъ бы очень я всегда идти въ сравненье
Съ пѣвцомъ, котораго прозвали Фраунлобъ
За то, что преклонялъ онъ горделивый лобъ
Лишь передъ женщиной, жилъ ей лишь на служенье.

Ни шума грозныхъ битвъ, ни доблестныхъ особъ
Не славило нигдѣ поэта пѣснопѣнье;
И онъ обычное пріялъ вознагражденье—
Всѣ тѣ же женщины его свели во гробъ.

Я такъ же, какъ и онъ, прекраснымъ посвящаю
Всю жизнь мою; мой долгъ—увеселять лишь ихъ;
Во славу женщины слагается мой стихъ;

Онъ—вѣчный мой примѣръ, и мнѣ—я это знаю—
Придется, наконецъ, пріять такую-жъ мзду:
Отъ женщинъ именно въ могилу я сойду!

69.

ЛЕРНЕЙСКАЯ ГИДРА.

I.

Многоголовый змѣй съ шипѣньемъ выходилъ
Изъ недоступнаго Лернейскаго болота.

Парами смрадными наполненъ воздухъ былъ
Въ пещерѣ, гдѣ людей онъ хоронилъ безъ счета.

Безцѣльна здѣсь меча усердная работа:
Онъ голову одну отъ шеи отдѣлилъ—
Двѣ новыхъ выросли; жить страстная охота
Растить ихъ. Мечъ себя бесплодно иступилъ.

Гдѣ сталь не помогла, тамъ пусть огонь поможетъ,
И, быстрою рукою зажегши цѣлый лѣсъ,
Чудовище-змѣю изранилъ Геркулесъ.

Въ сожженномъ тѣлѣ кровь вращаться ужъ не можетъ.
Послѣдней головы героя врага лишилъ
И на болотномъ днѣ мечомъ ее зарылъ.

II.

Какъ! Тѣ, что сгнуло, вновь грозно выплываетъ?
Какъ! Сказка старая вновь можетъ быть слышна?
Что день похоронилъ; ночь снова пробуждаетъ?
И мѣсто тлѣннѣю жизнь уступить должна?

Въ болотѣ голова недвижно почиваетъ.
Но вотъ, какъ-будто бы очнувшись вдругъ отъ сна,
Зашевелилася, приподнялася она
И въ лучезарный свѣтъ изъ мрака выползаетъ.

Вотъ шея выросла подъ этой головой.
Вотъ туловище все за нею постепенно
Изъ грязи тянется—и снова змѣй живой,

Въ чешуйчатой своей одеждѣ дерзновенно
Шипить, зоветь на бой... Вставай, мой Геркулесъ,
Бери опять свой мечъ и свой горящій лѣсъ!

70

HERAKLES MUSAGETES.

Пѣлъ старый Линусъ, пѣлъ, хотя бы на мгновенье
Умолкнувъ; прославлялъ «Арминія вѣнецъ,
И мечъ его, и все, что сдѣлалъ Тевтъ-отецъ,
И Рейна-батюшки родное намъ кипѣнье».

И юный сынъ боговъ все слушалъ; наконецъ,
Онъ вышелъ изъ себя; тупое прославленье
Родной нѣмечины, какъ злое оскорбленье;
Звучить въ его ушахъ. «Проклятый враль-пѣвецъ!—

Кричитъ онъ въ ярости—да прекрати же эти
Бряцанья пошлыя: изъ-за чего поешь
Нелѣпость старую? Въ ней смысла ни на грошъ!

«Молчи! Не то—къ чертямъ! Не жить тебѣ на свѣтѣ!»
Взмахнулъ онъ палицей—и черепъ поколамъ,
И старый Линусъ пѣть не будетъ больше намъ!

71.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Приступить я долженъ нынче къ завѣщанью,
Такъ какъ жизнь приходитъ скоро къ окончанью.
Удивляюсь только, какъ уже давно
Сердце гнѣвомъ, скорбью не сокрушено.

Ты, краса всѣхъ женщинъ, Лиза, мой дружочекъ,
Оставляю старыхъ дюжину сорочекъ
Я тебѣ въ наслѣдство, сотню блохъ при нихъ
И миллионъ проклятій искреннихъ моихъ.

Друга, что совѣты мнѣ давалъ; но ровно
Ничего не сдѣлалъ, награжу любовно
Тоже я совѣтомъ: позаботься, братъ,
Завестись коровой и плоди телятъ.

.
.
.
.

Грѣзы о нѣмецкомъ равенствѣ, свободѣ—
Пузыри изъ мыла въ самомъ лучшемъ родѣ—
Отдаю на долю цензоровъ моихъ;
Пряникъ бы, конечно, былъ сытнѣй для нихъ.

Подвиги, которыхъ я свершить при жизни
Не успѣлъ, весь планъ мой для реформъ въ отчизнѣ
И лѣкарство—въ боляхъ отъ похмелья кладь,
Отдаю героямъ баденскимъ палатъ.

Стражу благочестья въ Штутгартѣ—онъ вмѣстѣ
Сторожъ и морали, охранитель чести—
Пару пистолетовъ (но пустыхъ) даю;
Пусть пугаетъ ими онъ жену свою.

Швабской школь тоже дать наслѣдство надо:
Ей дарю я оттискъ собственнаго з—а;
Моего лица вы не хотѣли взять—
Можете противнымъ взоры усладять.

Дюжину бутылокъ Зейдлицкаго средства
Славному поэту я даю въ наслѣдство
Для его спасенья; ахъ, ужъ съ давнихъ поръ
Мучить стихотворный бѣднаго запоръ.

Пунктъ теперь послѣдній: если такъ случится,
Что вещей всѣхъ этихъ взять не согласится
Ни одинъ наслѣдникъ—то угодно мнѣ,
Чтобы къ римской церкви перешли онѣ.

72.

ЭПИЛОГЪ.

«Насъ въ могилѣ грѣетъ слава».
Экій вздоръ нелѣпый! Право,
Больше теплоты пріятной
Въ поцѣлуѣ неопрятной
Толстой скотницы, хотъ въ носъ
Отъ нея и бьетъ навозъ.
Больше также услаждаетъ
Теплота, что согрѣваетъ
Намъ кишки, когда мы пьемъ
Пуншъ, глинтвейнъ или теплый ромъ
Въ самомъ грязномъ кабакишкѣ,
Гдѣ собираются воришки,
Плуты, всякій скверный сбродъ—
Все отъ висѣлицъ народъ
Убѣжавшій; но онъ дышитъ,
Онъ живеть, онъ видитъ, слышитъ,
И завидовать ему
Можно даже твоему
Сыну славному, Фетида!
Справедлива мысль Пелида:
Лучше здѣсь страдать рабомъ,
Чѣмъ тѣнямъ служить гребцомъ
Въ царство мрачное Плутона
По теченью Ахерона—
Хотъ воспѣлъ для насъ его
Стихъ Гомера самого.

III.

РОМАНСЫ и РАЗСКАЗЫ.

1.

ОСВЯЩЕНІЕ.

Посреди лѣсной часовни,
Передъ ликомъ чистой Дѣвы,
Мальчикъ набожный и блѣдный
Опустился на колѣни.

«О, позволь, Мадонна, вѣчно
Здѣсь стоять мнѣ предъ тобою.
Не гони меня отсюда
Въ міръ холодный и грѣховный.

«О, Мадонна, лучезарно
У тебя струятся кудри.
На устахъ—священныхъ розахъ—
Свѣтитъ чудная улыбка.

«О, Мадонна, словно звѣзды,
У тебя глаза сверкаютъ
И ладѣ житейской въ міръ
Путь указываютъ вѣрный.

«О, Мадонна, испытанья
Твоего я не боялся,
Только слѣпо довѣряясь
Жару набожнаго чувства.

«О, Мадонна, и сегодня
Ты услышь мою молитву!

У тебя прошу я знака
Благосклонности малѣйшей!»

Тогда превеликое чудо свершилось!
Лѣсная часовня мгновенно вдругъ скрылась,
И мальчикъ не вѣрилъ глазамъ и тому,
Что въ чудной картинѣ открылось ему.

Его окружала красивая зала,
Въ той залѣ сидѣла Мадонна, но стала
Простой миловидною дѣвой она
И кланялась, дѣтскаго счастья полна.

Отрѣзавши локонъ одинъ, благосклонно
Съ небесной улыбкой сказала Мадонна
Счастливому мальчику кротко: «Даю
Тебѣ я награду земную твою».

Что-жь свидѣтелемъ награды?
Ты взгляни на сводъ небесный.
Въ небѣ радуга сіяетъ,
Разливая блескъ чудесный.

Сонмы ангеловъ взлетаютъ
И къ землѣ стремятся снова,
И въ лазури ясной таютъ
Звуки гимна ихъ святого.

Мальчикъ понялъ, что сердечно
Въ тѣ края давно онъ рвется,
Гдѣ цвѣтущи мирты вѣчно,
Гдѣ весны сіянье льется.

2.

У Р О К Ъ.

Мама учить пчелку-дочь:
«Отъ свѣчей лети ты прочь!»
Только мамины слова
Пчелка слушаетъ едва.

Не сидится смирно ей—
Все летаетъ вокругъ свѣчей,
Мама сколько ни кричи:
«Пчелка, дальше отъ свѣчи!»

Кровь у пчелки горяча—
Прямо въ пламя! И свѣча

Быстро дурочку взяла...
Пчелка, пчелка умерла!

Разъ въ огонь кто попадетъ—
Смертью огненной умретъ...
Будь отъ дѣвочекъ далека,
Мой сынокъ, мой сынокъ!

3.

УМИРАЮЩІЙ АЛЬМАНЗОРЪ.

На уснувшую Зюлейму
Льются слезы, слезы мѹки,
И потокъ ихъ орошаетъ
Бѣломраморныя руки.

На уснувшую Зюлейму
Кровь моя по каплѣ льется;
И во снѣ Зюлейма стонетъ,
И ея сердечко бьется.

Ахъ, страданіе безмолвно,
Отъ него словъ не добиться;
У него есть только слезы,
Да изъ раны кровь сочится.

4.

Б Ъ Г С Т В О.

Освѣщенные луною,
Волны искрятся въ рѣкѣ;
Милый съ милою несутся
Быстро въ утломъ челнокѣ.

— Ты блѣднѣешь и блѣднѣешь,
Ненаглядная моя!

— Милый! Слышишь? Нагоняетъ
Насъ отцовская ладья...

— Бросимъ челнѣ, и вплавь скорѣе,
Ненаглядная моя!

— Милый! Брань отца, и крики,
И проклятыя слышу я!

— Голову держи - повыше,
Ненаглядная моя!

— Милый! Миѣ ужъ въ уши входитъ
Леденящая струя!

— У меня нѣмѣютъ ноги,
Ненаглядная моя!

— Милый! Смерть въ твоихъ объятыхъ
Съ наслажденьемъ встрѣчу я!

5.

НЕВѢРНАЯ ЛИЗА.

Невѣрная Лиза приходитъ,
Шепча очень милыя рѣчи;
Предъ ней бѣдный Ульрихъ... Такъ мрачно
Глядятъ нагорѣвшія свѣчи.

Шалить и ласкается Лиза...
«Мой Богъ! да какой ты унылый!
Совсѣмъ не смѣешься ужъ больше.
Ну, полно, ну, полно же, милый!»

Шалить и ласкается Лиза,
Лепечетъ, у ногъ его лежа...
«Мой Богъ! что съ твоими руками?
Какъ ледъ, и лишь кости да кожа!»

Шалить и ласкается Лиза;
Но снова она испугалась:
«Мой Богъ, твои волосы сѣды,
Какъ пепель. Что съ бѣдными стало?»

У бѣднаго Ульриха сердце
Какъ-будто разбито. Онъ злого
Ребенка цѣлуетъ, но губы
Промолвить не могутъ ни слова.

6.

В Ъ Д Ъ М А.

«Да, сосѣди любезные, да,
Вѣдьма, если захочетъ, всегда
Обернуться въ животное можетъ
И людей въ этомъ видѣ тревожить.»

«Ваша кошка—супруга моя;
По всему узнаю это я—

По глазамъ, ихъ коварному свѣту,
По мурлыканью, запаху, цвѣту».

И сосѣдъ, и сосѣдка кричатъ:
«Гансъ, скорѣй убери ее, братъ!»
Даётъ песь во дворѣ: «Гәу, гәу!»
И мяукаетъ кошечка: «Мьяу!»

7.

ПѢСНЯ МАРКИТАНТКИ.

(Изъ тридцатилѣтней войны).

Гусаровъ очень я люблю—
Въ бою Господь храни ихъ!
Люблю ихъ безъ различья всѣхъ—
Какъ желтыхъ, такъ и синихъ.

И мушкатеровъ я люблю,
Люблю всѣхъ мушкатеровъ—
И стариковъ, и молодыхъ,
Солдаты и офицеровъ.

Люблю пѣхоты храбрецовъ,
Лихихъ кавалеристовъ;
Ночей я много проспала
Среди артиллеристовъ.

Мнѣ милъ и нѣмецъ, и французъ,
Я благосклонна къ финну,
Мнѣ нравится испанецъ, чехъ...
Я въ нихъ люблю мужчину.

Какой онъ вѣры—все равно:
Я всѣхъ люблю сердечно;
Мнѣ дорогъ человѣкъ и милъ,
Коль онъ здоровъ, конечно.

Отечество и вѣра ихъ—
Вѣдь это только платье...
Долой мундиръ!—И безъ одежды
Приди въ мои объятя.

Я человѣкъ и отдаюсь
Всѣмъ людямъ безъ оцѣнки,
А не заплачать мнѣ сейчасъ—
Долгъ запишу на стѣнкѣ.

Вѣнкомъ увѣнчанъ мой шатеръ,
И я до поздней ночи,
Мальвазіей торгуя, лью
Вино изъ свѣжей бочки.

8.

КОРОЛЬ АРТУРЪ.

Не радуйся еще, Плантагенеть,
Не думай, что у насъ надежды больше нѣтъ
Съ тѣхъ поръ, какъ удалось твоей дружинѣ
Гробницу съ именемъ «Артуръ» найти въ пустынѣ.

Артуръ не умеръ, трупъ его не погребенъ
Въ гробницѣ каменной—живетъ донинѣ онъ.
Я видѣлъ самъ его, веселаго, живого,
Въ нарядѣ статнаго охотника лѣснаго.

Въ зеленомъ бархатномъ камзолѣ онъ имѣлъ
Видъ бодрый; взглядъ его отвагою горѣлъ;
На гордыхъ скакунахъ товарищи охоты
За нимъ неслись въ лѣсу, не вѣдая заботы.

Былъ слышенъ далеко его призывный рогъ,
Трарà-трарà-трарà—трубилъ лихой ѣздокъ,
Тѣ звуки чудные мнѣ въ душу ворвались—
Они понятны всемъ подъ небомъ Корнваллнса.

Они какъ бы сулятъ: уже близка пора,
Теперь не долго ждать—трарà-трарà-трарà—
Придетъ король Артуръ съ дружиною любимой,
И отъ нормановъ край освободитъ родимый.

9.

НЕВОЛЬНИЧІЙ КОРАБЛЬ.

I.

Въ каютѣ своей суперкарго Ванъ-Койкъ
За книгой сидитъ и считаетъ;
Свой грузъ оцѣняя по счетамъ, съ него
Наличный барышъ вычисляетъ:

«И гумми, и перецъ сойдутъ—у меня
Ихъ триста боченковъ; цѣннѣе
Песокъ золотой да слоновая кость;
Но черный товаръ прибыльнѣе.

«Я негровъ шесть сотенъ почти за ничто
Промѣномъ досталъ съ Сенегала;
Ихъ тѣло, ихъ члены, ихъ мускулы—все,
Какъ лучшій отливъ изъ металла.

«За нихъ, вмѣсто платы, я водки давалъ,
Да бусъ, да куски позументовъ:
Умретъ половина—и то барыша
Мнѣ будетъ сотъ восемь процентовъ.

«И если три сотни изъ нихъ доведу
До гавани въ Рио-Жанейро—
По сотнѣ червонцевъ за штуку возьму
Съ домовъ Гонзалеса Перейро».

Но вдругъ изъ пріятныхъ мечтаній своихъ
Почтенный Ванъ-Койкъ пробудился;
Ванъ-Шмиссенъ, его корабельный хирургъ,
Къ нему съ донесеньемъ явился.

То былъ человѣкъ долговязый, сухой,
Лицо все въ угряхъ и веснушкахъ.
— Ну, что мой любезнѣйшій фельдшеръ морской.
Что скажешь о черненькихъ душкахъ?

Хирургъ поклонился на этотъ вопросъ:
— Я къ вамъ,—отвѣчалъ онъ умильно:—
Съ докладомъ, что ночью умершихъ число
Межъ ними умножились сильно.

Пока умирало ихъ среднимъ числомъ
Лишь по двое въ день; нынче пали
Ужъ цѣлыхъ семь штукъ, и убытокъ тотчасъ
Въ своемъ я отмѣтилъ журналъ.

Ихъ трупы внимательно я осмотрѣлъ—
Вѣдь негры лукавѣ чорта:
Прикинуться мертвыми могутъ порой,
Чтобъ только ихъ бросили съ борта.

Я съ мертвыхъ оковы немедленно снялъ,
Всѣ члены своею рукою
Ощупалъ и въ море потомъ приказалъ
Всѣхъ бросить ихъ утромъ, съ зарею.

И тотчасъ изъ волнъ налетѣли на нихъ
Акулы—вдругъ цѣлое стадо.

Нахлѣбниковъ много межъ нихъ у меня:
Имъ черное мясо—отрада!

Изъ гавани самой повсюду онѣ
Слѣдятъ постоянно за нами:
Знать, бестіи чуютъ добычу свою
И всѣхъ пожираютъ глазами.

И весело, право, на нихъ посмотрѣть,
Какъ мертвыхъ каналы хватаютъ:
Та голову халнетъ, та ногу рванетъ,
Другая лохмотья глотаетъ.

И, все проглотивъ, соберутся толпой
Внизу подъ кормой и оттуда
Глазѣютъ, какъ будто хотятъ мнѣ сказать:
«Спасибо за сладкое блюдо!»

Но, тяжело вздыхая, прервалъ его рѣчь
Ванъ-Койкъ:—О, скажи мнѣ скорѣе,
Что сдѣлать, чтобъ эту мнѣ смертность пресѣчь?
Какое тутъ средство вѣрнѣе?

— Въ томъ сами они виноваты одни,—
Хирургъ отвѣчаетъ разумный:—
Своимъ непріятнымъ дыханьемъ они
Весь воздухъ испортили трюмный.

Притомъ съ меланхолиі многіе мрутъ:
Они вѣдь ужасно скучаютъ;
Но воздухъ, да пляска, да музыка тутъ
Всегда хорошо помогаютъ.

— Прекрасно! отлично! Мой фельдшеръ морской,
Ты подаль совѣтъ мнѣ чудесный!
Я вѣрю—умомъ не сравнится съ тобой
И самъ Аристотель извѣстный.

Въ тюльпанной компаніи въ Дельфтѣ у насъ
Директоръ—практичный мужчина
И очень уменъ; но едва-ль у него
Ума твоего половина.

Скорѣй музыкантовъ сюда! У меня
Запляшетъ все общество черныхъ;
А кто не захочетъ изъ нихъ танцовать—
Арапникъ подгонитъ упорныхъ.

II.

Высоко со свода небесъ голубыхъ
Свѣтила прекрасныя ночи
Глядятъ такъ отрадно, привѣтно, умно,
Какъ женщинъ плѣнительныхъ очи.

Глядятъ на равнину безбрежную водъ,
Кругомъ фосфорическимъ блескомъ
Покрытыхъ, а волны привѣтствуютъ ихъ
Своимъ упоительнымъ плескомъ.

Свернувъ паруса, неподвижно стоитъ
Невольничій бригъ, отдыхая;
Но ярко на декъ горятъ фонари,
И громко гудитъ плясовая.

Усердно на скрипкѣ пилить рулевой,
Матросъ въ барабанъ ударяетъ,
Хирургъ корабельный имъ вторить трубой,
А поваръ на флейтѣ играетъ.

И сотни невольниковъ, женщинъ, мужчинъ,
Кружатся, махаютъ руками
И скачутъ по деку, и съ каждымъ прыжкомъ
Гремятъ, въ тактъ съ оркестромъ, цѣпами,

И скачутъ въ безумномъ весельи кругомъ;
Тамъ черной красавицы руки
Нагого товарища вдругъ обоймутъ—
И слышны стenanія звуки.

Одинъ изъ десятскихъ здѣсь *maitre des plaisirs*,
Арапникомъ длиннымъ махаетъ,
Стегая уставшихъ своихъ плясунцовъ:
Къ веселью онъ ихъ поощряетъ.

И все дребезжить, и гудитъ, и гремитъ,
И звуки несутся далѣко;
Они пробуждаютъ чудовищъ морскихъ,
Уснувшихъ въ пучинѣ глубокой.

Акулы въ просонкахъ съ прохладнаго дна
Наверхъ выплываютъ стадами
И, будто на диво, глядятъ на корабль
Смущенными глупо глазами.

Онъ замѣчаютъ, что утренній часъ
Еще не насталъ, и зѣваютъ
Огромною пастью; ряды ихъ зубовъ,
Какъ острия пилы, сверкаютъ.

И все дребезжитъ, и гремитъ, и гудитъ,
На палубѣ скачка, круженье...
Акулы глазѣютъ наверхъ и хвосты
Кусаютъ себѣ съ нетерпѣнья.

Вѣдь музыки звуковъ не любятъ онѣ,
Какъ всѣ имъ подобныя хари;
Шекспиръ говоритъ: «Берегись довѣрять
Не любящей музыки твари».

И все дребезжитъ, и гудитъ, и гремитъ,
И тянется гулъ безконечно.
Почтенный Вацъ-Койкъ у фокъ-мачты стоитъ
И молится жарко, сердечно:

«О, Господи! Ради Христа, сохрани
Отъ всякихъ недуговъ тѣлесныхъ
Сихъ грѣшниковъ черныхъ! Прости имъ: они
Глупѣе скотовъ безсловесныхъ!

«Спаси ихъ, о, Боже! и жизнь ихъ продли
Спасителя нашего ради!
Вѣдь если въ живыхъ не останется ихъ
Штукъ триста—я буду въ накладѣ!»

10.

ФИЛАНТРОПЪ.

На свѣтѣ братъ съ сестрою жили;
Онъ былъ богатъ; она—бѣдна;
Разъ богачу она сказала:
«Подай мнѣ ломтикъ хлѣба, братъ».

Богатый бѣдной отвѣчаетъ:
«Меня ты нынче не тревожь,
Сегодня я вельможамъ знатнымъ
Даю годичный мой обѣдъ.

«Одинъ изъ нихъ на трюфли падѣкъ,
Другой—на супъ à la tertue,
Приятны третьему фазаны,
Четвертый любитъ ананасъ.

«Морскую рыбу любить пятый,
Шестой и лососину ѣсть,
Седьмой все жретъ, что ни дадите,
И вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бочка, пьеть».

Сказаль,—и бѣдная сестрица
Пошла голодная домой;
Ничкомъ упала на солому
И съ тяжкимъ вздохомъ умерла.

Мы всѣ должны кончатъ могилой'
Смерть беспощадною косою
Скосила, наконецъ, и брата,
Какъ бѣдную его сестру.

Когда богатый братъ увидѣлъ,
Что часъ его приходитъ—онъ
Къ себѣ нотаріуса кликнулъ
И завѣщанье написалъ.

Для городского духовенства
Оставилъ денегъ много онъ,
А для учебныхъ заведеній
Зоологическій музей.

Затѣмъ значительную сумму
Отчислилъ щедро въ комитетъ
Для обращенія евреевъ
И въ институтъ глухонѣмыхъ

Въ подарокъ новой колокольни
Онъ отдалъ колоколъ большой
Изъ превосходнаго металла
И вѣсомъ въ триста слишкомъ пудъ.

То колоколъ большой, отличный,
Звонитъ онъ громко, цѣлый день
Звонитъ во славу незабвенной
Филантропической души.

Языкъ желѣзный возвѣщаетъ,
Какъ много дѣлалъ онъ добра
Для всѣхъ согражданъ, безъ различья
И исповѣданій, и лицъ.

О, ты, великій благодѣтель!
Въ могилѣ ты, но и теперь

Пусть этот колоколь разноситъ
Благодѣянiя твои!

Свершили похороны пышно;
Толпа огромная стеклась
И на процессiю смотрѣла
Съ благоговѣнiемъ въ душѣ.

Подъ богатѣйшимъ балдахиномъ,
Красиво убраннымъ вокругъ
Кистями страусовыхъ перьевъ,
Стоялъ величественный гробъ.

Весь черный, онъ великолѣпно
Сверкалъ серебрянымъ шитьемъ,
И серебро на черномъ фонѣ
Прекрасный дѣлало эффектъ.

Шесть лошадей тащили дроги;
Покровы черные на нихъ
Одеждой траурной висѣли
И ниспадали до копытъ.

За гробомъ шла толпа лакеевъ
Въ ливреяхъ черныхъ; всѣ они
Предъ покраснѣвшими глазами
Держали бѣлые платки.

За ними тихо подвигались,
Огромной линiей, гуськомъ,
Въ нарядныхъ траурныхъ каретахъ
Градскiе высшiе чины.

Само собой, что за умершимъ
Шли также тѣ, которымъ онъ
Давалъ годичные обѣды;
Но ихъ комплектъ не полонъ былъ.

Того изъ нихъ не доставало,
Что грызли съ дичью такъ любилъ:
Отъ несваренья пици умеръ
Онъ незадолго до того.

11.

ЮДОЛЬ СКОРБИ.

Сквозь щели врывается вѣтеръ ночью;
На жесткой постели, ничѣмъ не прикрыты,

Лежать два страдальца. Ихъ лица блѣдны,
Измучены, горемъ убиты.

Лежать два страдальца... Одинъ говорить:
«Обвей меня крѣпче рукою своею,
Губами своими прильни ты къ моимъ
Тобою себя я согрѣю».

Она отвѣчаетъ: «Когда я смотрю
Въ глаза твои, милый, я все забываю—
И голодъ, и холодъ, и всю нищету
И снова душой оживаю».

И плача, грустя, цѣловались они,
И руки, вздыхая, другъ другу сжимали,
Порою смѣялись и пѣли порой—
Потомъ навсегда замолчали.

Наутро пришелъ господинъ комиссаръ,
И докторъ почтенный явился; пощупавъ
Старательно пульсы, хирургъ подтвердилъ
Присутствіе въ комнатѣ труповъ.

«Дурная погода,—сказалъ онъ:—и съ ней
Отсутствіе пищи ихъ смерть причинили,
И если-бъ другія причины нашлись,
То эти ее ускорили.

«Въ морозы,—прибавилъ онъ,—надо всегда
Въ постели какъ можно теплѣй укрываться»,
И тутъ же совѣтъ разсудительный далъ
Здоровою пищею питаться.

12.

Э Д У А Р Д Ъ

На парадныхъ дрогахъ перья,
Подъ покрывкой черной лячи!..
Онъ, котораго хоронять,
Не знавалъ весь вѣкъ удачи.

Онъ былъ молодъ и съ другими
Раздѣлить былъ радъ, казалось,
Жизни пиръ; но сдѣлать это
Никогда не удавалось.

Пѣнясь, искристѣй напитокъ
Передъ нимъ сверкалъ въ бокалѣ,

Но сидѣть, чело склонивши,
Онъ въ мечтательной печали

И когда вокругъ плѣла юность,
И разгуль шелъ поголовный,
Онъ въ вино ронялъ нерѣдко
Слезы горести безмолвной.

Спать иди теперь! Проснешься
Въ залахъ неба; тамъ веселье
Ждетъ тебя; не будетъ мучить
Свѣта шумнаго похмелде.

13.

Б И М И Н И.

—
ПРОЛОГЪ.

Вѣра въ міръ чудесь! Какъ пышно
Ты, цвѣтокъ теперь увядшій,
Цвѣлъ въ сердцахъ въ былое время,
Воспѣваемое мною!

И само-то это время
Было чудомъ! Совершалось
Много такъ чудесь, что люди
Больше имъ и не дивились.

Заурядъ съ сухою прозой
Жизни самой повседневной,
Часто видѣлъ предъ собою
Человѣкъ такія вещи,

Предъ которыми блѣднѣли
Баснословнѣйшія сказки
Въ книгахъ набожныхъ монаховъ,
Въ старыхъ рыцарскихъ романахъ.

Разъ, блистая, какъ невѣста,
Изъ пучины океана
Чудо выплыло морское—
Выплылъ цѣлый новый міръ—

Новый міръ съ сортами новыхъ
Человѣковъ и животныхъ,
Новыхъ птицъ, цвѣтовъ, деревьевъ,
Мировыхъ болѣзней новыхъ.

Въ это время міръ нашъ старый,
Міръ нашъ собственный, чудесно
Тоже весь преобразился.
Это чудо совершили

Изобрѣтенія духа,
Чародѣя новыхъ дней:
Колдовство Бертольда Шварца
И другое волхвованье

Человѣка похитрѣ—
Чернокнижника изъ Майнца;
А вдобавокъ къ нимъ двѣ книги,
Къ намъ съдыми колдунами

Принесенныя въ прекрасномъ
Переводѣ изъ Египта
И античной Византіи—
Чудодѣйственныя книги.

У одной изъ нихъ заглавье:
«Книга Истины»; другая—
«Книгой Красоты» зовется;
Но какъ ту, такъ и другую

Написалъ самъ Богъ на разныхъ
Двухъ нарѣчїяхъ небесныхъ,
И, какъ мы предполагаемъ,
Написалъ собственноручно.

Тутъ же маленькая стрѣлка,
Жезлъ волшебный мореходца,
Мореходцу указала
Прямо въ Индію дорогу—

Въ эту общую отчизну
Всякихъ приностей пикантныхъ,
Гдѣ надменно рвутся къ небу
И ползутъ, впиваясь въ землю

Фантастичныя растенья,
Травы, мхи, цвѣты, деревья—
Знать растительнаго царства,
Иль коронныя брильянты—

Въ край кореньевъ, надѣленныхъ
Той таинственною силой.

Что людей иль исцѣляетъ,
Или гонить въ гробъ, смотря

Кто мѣшаетъ ихъ: аптекаръ
Осторожный и разумный,
Иль венгерецъ безтолковый
Изъ — го баната.

И едва лишь отворились
Двери Индіи цвѣтущей,
Какъ потокъ благоуханій,
Сладострастныхъ до безумья

Опьяняющихъ всѣ чувства,
Одуряющихъ и разумъ,
Хлынулъ вдругъ, и въ сердце міра,
Міра стараго ворвался.

И какъ-будто подъ хлестаньемъ
Плети огненной, безумно
Въ людяхъ кровь забушевала,
Алча золота и счастья.

Но пароллю оставалось
Только золото; ужъ этотъ
Желтый сводникъ самъ доставить
Всѣ земныя наслажденья.

Первымъ словомъ, что испанецъ
Произнесъ въ шатрѣ индійца,
Было «золото»; воды
Онъ спросилъ себѣ ужъ послѣ.

Житель Мексики и Перу
Видѣлъ это бѣснованье
Жажды золота; онъ видѣлъ,
Какъ Пезарро и Кортенъ,

Дико золотомъ упившись,
Въ этомъ золотѣ валялись...
Видѣлъ онъ: во время штурма
Храма Квито, Лопецъ Вакка

Стибрилъ солнце золотое,
Солнце, вѣсившее ровно
Двадцать центнеровъ; но въ кости
Въ ту же ночь его спустилъ онъ,

И съ тѣхъ поръ у мексиканцевъ
Сохранилась поговорка:
«Это Лопецъ, проигравшій
Солнце предъ восходомъ солнца».

О, большіе это были
Игроки, убійцы, воры!
(Нѣтъ людей безъ недостатковъ);
Но зато они свершили

Чудеса почище всякихъ
Штукъ солдатчины страшнѣйшей,
Начиная съ Олоферна
До Радецкаго съ Гайнау.

Въ это время общей вѣры
Въ чудеса—и сами люди
Чудеса производили;
Да оно и натурально:

Тотъ, кто вѣрой обладаетъ
Въ невозможнѣйшія вещи,
Невозможнѣйшія вещи
Совершать и самъ способенъ.

Только глупый въ это время
Сомнѣвался: люди съ смысломъ,
Мудрецы—склонялись съ вѣрой
Передъ всѣми чудесами.

Странно! Нынче не выходитъ
У меня изъ мыслей сказка
Той поры чудесной—сказка
О Жуанъ Понсъ де Леонъ,

Что сумѣлъ открыть Флориду,
Но всю жизнь искалъ напрасно
Цѣль своихъ стремленій жадныхъ—
Чудный островъ Бимини!

Бимини! При этомъ звукѣ
Сердце вдругъ затрепетало.
У меня въ груди—и грѣзы,
Грѣзы юности воскресли,

И въ вѣнкахъ своихъ засохшихъ
На меня печально смотреть...

Пѣнье мертвыхъ соловьевъ
Раздается надо мною...

Соловыи поютъ и стонутъ,
Точно кровью истекають...
И, охваченный испугомъ,
Я вскочилъ—вскочилъ такъ быстро,

Такъ порывисто я двинулъ
Всѣми членами большими,
Что мгновенно распоролисъ
Швы въ моей дурацкой курткѣ...

Но тревога эта скоро
У меня смѣнилась смѣхомъ:
Разсмѣялся я, услышавъ—
Или такъ мнѣ показалось—

Будто подлѣ попуган
Уморительно, а вмѣстѣ
И весьма меланхолично,
Закричали: «Бимини!»

Муза, дочь боговъ безсмертныхъ,
Фея умная Парнаса!
О, приди ко мнѣ на помощь
Чародѣйствомъ стихотворства!

Докажи, что ты колдунья;
Преврати въ корабль волшебный
Пѣснь мою—и пусть доставить
Онъ меня на Бимини!

Только вымолвилъ я это—
Ужъ исполнилось желанье:
Снаряженъ корабль волшебный,
Снаряженъ и спущенъ въ воду.

Кто со мною на Бимини?
Эй, *messieurs, mesdames*, садитесь,
При попутномъ вѣтрѣ, скоро
Будемъ мы на Бимини!

Господа! вы не больны ли
Ревматизмомъ? Вы, синьоры,
Не открыли ли морщинокъ
У себя на лбу прекрасномъ?

Поскорѣй на Бимини!
Тамъ найдете исцѣленье
Отъ постыднѣйшихъ недуговъ;
Гидропатіей тамъ лѣчатъ!

Ничего не опасайтесь:
Мой корабль построенъ прочно;
Посмотрите—остовъ сдѣланъ
Изъ хореевъ, крѣпче дуба;

На рулѣ сидитъ фантазья;
Въ паруса веселость дуетъ,
Юнгой служить ловкій юморъ...
А разсудокъ тутъ?—Не знаѣ!

Наши рей—изъ метафоръ,
Наши мачты—изъ гиперболей,
Флагъ—пурпурно-желто-черный
(Краски—школы романтизма),

Флагъ трехцвѣтный Барбароссы,
Точь такой, какой я видѣлъ
Разъ въ Кифгейзерѣ и также
Въ старомъ франкфуртскомъ соборѣ...

Вдоль по морю міра сказокъ
Мой корабль, корабль волшебный
Ужъ несетъ; бороздами
Грѣзы танутъ за нимъ.

Впереди, вздымая пѣну
На лазури океана,
Дико плещется и скачетъ
Войско цѣлое дельфиновъ.

На спинахъ у нихъ усѣлись
Почтари мои морскіе—
Купидоны; изъ забавныхъ,
Странныхъ раковинъ они,

Щеки вздувши, извлекаютъ
Звуки трубные... Но, чу!
Изъ пучины океана
Вдругъ донесся смѣхъ лукавый.

Ахъ, я знаю эти звуки,
Этотъ злой, но сладкій голосъ:

Это хитрия ундины
Насмѣхаются скептически

Надъ моей дурацкой шкуной.
Надъ дурацкимъ экипажемъ,
Надъ дурацкою поѣздкой
Дураковъ на Бимини.

1.

Тихъ, пустыненъ берегъ Кубы..
Надъ зеркальною водою
Человѣкъ стоитъ, и смотреть
Онъ въ водѣ на свой же образъ.

Онъ старикъ, но станъ свой держитъ
Прямо, чисто по-испански;
Весь костюмъ какой-то странный:
Смѣсь солдатскаго съ матросскимъ.

Подъ кафтаномъ изъ оленьей
Желтой кожи шаравары
Рыболова; португя
Изъ парчи съ шитьемъ богатымъ.

Къ ней, какъ водится, привѣщанъ
Длинный мечъ, толедской стали;
Пукъ пѣтушьихъ красныхъ перьевъ.
Развѣвается на шляпѣ;

Не безъ грусти осѣняя
Изможденное лицо,
Надъ которымъ потрудились
Современники и время—

Потрудились усердно,
Въ чемъ свидѣтели—морщины
И, заштопанные плохо,
Шрамы сабельныхъ ударовъ.

Не съ особенно пріятнымъ
Ощущеньемъ смотреть старецъ
На плачевную фигуру,
Отраженную водою.

Точно что-то отстраняя,
Онъ протягиваетъ руки,

Головой трясеть и грустно
Воскликаетъ наконецъ:

«Это-ль донъ Жуанъ де Леонъ,
Бывшій пажъ двора Гомеца,
Ловко такъ носившій шлейфы
Дочерей алькадовъ гордыхъ?»

«Быль онъ строенъ и воздушенъ;
Подъ кудрями золотыми
Мысли радужныя рѣзво,
Легкомысленно играли.

«Топотъ лошади Жуана
Быль знакомъ севильскимъ дамамъ:
Чуть раздастся онъ—сейчасъ же
Всѣ онѣ бросались къ окнамъ...

«Это-ль донъ Жуанъ де Леонъ,
Тотъ, что былъ грозою мавровъ
И мечомъ косиль, какъ сѣно,
Эти головы въ чалмахъ?»

«Послѣ битвы при Гренадѣ,
Передъ всею христіанскою
Храброю арміею, Гонзальво
Сдѣлалъ рыцаремъ меня.

«И въ палаткѣ у инфанты,
Въ тотъ же вечеръ, я, при звукахъ
Трубъ и скрипокъ, несся въ танцахъ
Съ цѣлымъ роемъ дамъ красивыхъ.

«Но ни звуковъ трубъ и скрипокъ,
Ни любезностей красавицъ
Я не слышалъ въ этотъ вечеръ
Каблуками, какъ безумный,

«Я стучалъ о полъ палатки,
И одно я только слышалъ—
Слышалъ милое бряцанье
Первыхъ, славныхъ шпоръ моихъ.

«Но съ годами появились
Честолюбье и серьезность.
Я сопутствовалъ Колумбу
Во второмъ его великомъ

«Путешествіи, и предантѣ
Быль я атому второму
Христофору, что спасенье
Несъ язычникамъ чрезъ воды.

«Не забуду я во вѣки
Кроткихъ глазъ... Страдалъ онъ молча,
И лишь ночью муки сердца
Повѣрялъ волнамъ и звѣздамъ.

«По отъѣздѣ адмирала
Вновь въ Испанію, къ Ойедѣ
Въ службу я вступилъ, и вмѣстѣ
Съ нимъ поплылъ по бѣлу свѣту.

«Донъ Ойеда былъ отъ пятокъ
До макушки храбрый рыцарь;
Храбрецовъ такихъ не видѣлъ
Даже Круглый Столъ Артура.

«Въ битвѣ, въ битвѣ находилъ онъ
Сладострастное блаженство;
И сражаться съ дикарями
Шелъ всегда съ веселымъ смѣхомъ.

«Разъ отравленной стрѣлою
Быль онъ раненъ и тотчасъ же,
Раскаливъ желѣзо, выжегъ
Рану всю съ веселымъ смѣхомъ.

«Помню тоже: мы блуждали
По невѣдомымъ болотамъ
Безъ воды, безъ пищи; взяли
Мы въ грязи по самый поясъ;

«Тридцать дней ужъ длилось это.
Изъ двухсотъ людей Ойеды
Больше ста уже погибло;
А межъ тѣмъ, все глубже, глубже

«Становилось болото...
Мы въ отчаяніе впали;
Но Ойеда нашу бодрость
Воскресилъ веселымъ смѣхомъ.

«Послѣ я служилъ съ Бильбао,
Храбрымъ такъ же, какъ Ойеда,

Но его превосходившимъ
По уму и знанью дѣла.

«Всѣ орлы высокой мысли
Въ головѣ его гнѣздились,
А въ душѣ его сіяло
Яркимъ солнцемъ ѡлагородство.

«Онъ къ владѣніямъ испанскимъ
Сто земель прибавилъ—больше,
Чѣмъ Европа вся, богаче,
Чѣмъ Венеція и Фландры.

«Въ награжденіе за эти
Сто земель прекрасныхъ, больше,
Чѣмъ Европа, и богаче,
Чѣмъ Венеція и Фландры—

«Получилъ Бильбао галстухъ
Изъ веревки. Какъ преступникъ,
Онъ на рынкѣ Себастьяна
Былъ торжественно повѣшенъ...

«Не такимъ бойцомъ великимъ
И съ душой, не столь геройской,
Былъ Кортесъ Фернандо, впрочемъ,
Тоже воинъ знаменитый.

«Я служилъ при немъ въ Армадѣ,
Побѣдившей мексиканцевъ.
Ахъ, не мало натерпѣться
Довелось въ походѣ этомъ!

«Много золота я добылъ,
Но и желтой лихорадкой
Обзавелся... Угостили
Очень щедро мексиканцы!

«На червонцы снарядилъ я
Корабли. Руководимый
Ужъ моею звѣздой личной,
Я открылъ здѣсь островъ Кубу.

«И теперь живу на Кубѣ
Губернаторомъ, во имя
Фердинанда Аррагонца
И Жуанны Кастильянки,

«Все, чего такъ жаждутъ люди,
Мной добыто: слава, почестъ,
Благосклонность государя,
Даже орденъ Калатравы.

«Я намѣстникъ, я имѣю
Сотню тысячъ добрыхъ пезовъ,
Въ слиткахъ золота, брильянты,
Горы цѣлыя изъ перловъ...

«Ахъ, при видѣ этихъ перловъ
Я томлюсь тяжелой мыслью:
Лучше, лучше мнѣ имѣть бы
Зубы, молодости зубы!

«Зубы молодости! Съ ними,
Ахъ, и молодость погибла!..
Злобно деснами гнилыми
Я скриплю при этой мысли.

«Зубы молодости! Если-бъ
Васъ, и съ молодостью вмѣстѣ,
Вновь купить возможно было—
Я сейчасъ, сейчасъ бы отдалъ

«Всѣ мои брильянты, перлы,
Въ слиткахъ золото, сто тысячъ
Добрыхъ пезовъ и вдобавокъ
Даже орденъ Калатравы.

«Все возьмите—почестъ, славу,
Перестаньте есселенза
Называть меня; зовите
Дуракомъ, молокососомъ!

«Милосердая Мадонна!
Сжался ты надъ глупымъ старцемъ,
Изнывающимъ позорно
И отъ всѣхъ таящимъ мѹки!

«Ахъ, тебѣ одной открою
Душу я и въ томъ сознаюсь,
Въ чемъ, конечно, не сознался-бъ
Ни единому святому:

«Вѣдь они мужчины тоже!
А, сагассо! даже въ небѣ

Не позволю я мужчинѣ
Пожалѣть Жуана Леонѣ.

«Ты, ты женщина, Мадонна,
И хотя безплотно чисто
Все въ тебѣ, но ты постигнешь
Умною женственной душою,

«Сколько страждетъ бѣдный смертный,
Видя, какъ карикагурно,
Какъ мизерно сохнуть, вянуть
Красота и свѣжесть тѣла!

«Ахъ, счастливыи насъ деревья!
Сколько ихъ ни есть на свѣтѣ,
Всѣ въ одно и то же время
Обнажаетъ зимній вѣтеръ.

«Всѣ они зимою наги;
Ни одинъ сучокъ зеленый
Глазъ насмѣшливо не колетъ
Сотоварищамъ увядшимъ.

«Ахъ, у насъ, людей, имѣеть
Каждый собственное время:
У однихъ—зима, а тутъ же
У другихъ—весна и лѣто!

«И старикъ вдвойнѣ больнѣе
Сознаетъ свое безсилъе,
Видя свѣжесть молодую...
Милосердая Мадонна!

«Отряхни ты съ этихъ членовъ
Зиму старости, сковавшей
Злобно кровь мою морозомъ,
Снѣгомъ голову покрывшей!

«Прикажи ты солнцу снова
Влить мнѣ въ жилы знойной крови;
Прикажи веснѣ—пусть въ сердцѣ
Соловьевъ она разбудитъ!

«Возврати щекамъ ихъ розы,
Золотыя кудри снова
Головѣ отдай! О, дѣва!
Возврати мнѣ юность, юность!»

И, сказавъ такія рѣчи,
Застоналъ Жуанъ де Леонъ,
И въ отчаяньи глубокомъ
Онъ закрылъ лицо руками;

И стоналъ онъ, и рыдалъ онъ
Такъ порывисто и громко,
Что потоки слезъ бѣжали
Сквозь изсохнувшіе пальцы!

2.

Рыцарь флотскія привычки
Сохраняетъ и на сушѣ:
Онъ попрежнему, какъ въ морѣ,
Ночью спитъ въ висячей койкѣ,

И безъ качки, сладко въ морѣ
Усыпавшей, тоже рыцарь
Обходиться не желаетъ—
И велитъ качать онъ койку.

Заправляетъ этимъ Кука,
Старушонка-индіанка;
И, качая колыбельку,
Съ спящимъ въ ней сѣдымъ младенцемъ,

Отгоняетъ опахаломъ
Надоѣдливыхъ москитовъ
И поетъ тихонько пѣсню,
Пѣсню родины далекой.

Въ чемъ тутъ чары? Въ этой пѣснѣ?
Или въ голосѣ старухи,
Что чиликаетъ, щебечетъ
Точно чижикъ?.. Пѣла Кука:

«Птица-птичка колибри,
Полети ты къ Бимини!
Покажи дорсгу нашимъ
Разукрашеннымъ пирогамъ!

«Рыба-рыбка брилиди,
Поплыви ты къ Бимини!
И, убравъ цвѣтами весла,
Погребемъ мы за тобою!

«Тамъ, на этомъ Бимини,
Нѣтъ конца веснѣ блаженной:
Золотыя птички свищутъ
Тамъ въ лазури три-ли-ли!

«Тамъ земля покрыта густо
Стройно чудными цвѣтами;
Страстно ихъ благоуханье
И огнемъ горятъ ихъ крапки.

«Пальмы гордыя надъ ними
Распростерли онахала
И возлюбленныхъ цѣлуютъ
Нѣжной свѣжестью и тѣнью.

«Тамъ, на этомъ Бимини,
Протекаетъ ключъ волшебный;
Влага юности могучей
Животворная струится;

«Чуть водицы этой каплю
На цвѣтокъ увядшій брызнешь—
Онъ воспрянетъ, встрепенется,
Расцвѣтетъ, похорошѣетъ.

«Чуть водицы этой каплю
На сучокъ засохшій брызнешь—
Онъ воскреснетъ, пустить почки,
Въ зелень пышно нарядится.

«Чуть старикъ хлебнетъ водицы—
Съ плечъ своихъ онъ сброситъ старость
И изъ гусеницы скверной
Въ мотылька преобразится.

«Не одинъ ужъ сѣдовласый,
До кудрей дожившись черныхъ,
Постыдился возвратиться
Въ край родной молокососомъ.

«Не одна старушка тоже,
До румянца дохлебавшись,
Поконфузилась вернуться
Вновь на родину дѣвчонкой.

«И на островѣ волшебномъ
Навсегда они остались;

Приковалъ ихъ счастьемъ, блескомъ
Островъ молодости вѣчной—

«Островъ молодости вѣчной,
Бимини, пріютъ волшебный!
По тебѣ томлюсь я, ною...
Ахъ, друзья мои, прощайте!

«Старый котъ мой Мимили,
Пѣтушокъ мой Кикрики,
Навсегда мы расстаемся:
Съ Бимини мы не вернемся».

Такъ старуха пѣла. Рыцарь
Сквозь дремоту слышитъ пѣсню
И порой во снѣ лепечеть,
Какъ младенецъ: «Бимини!»

3.

Солнце весело и пышно
Озаряетъ островъ Кубу.
Въ синемъ воздухѣ сегодня
Скрипки звучныя играютъ.

Отъ лобзаній жгучихъ мал
Разрумянилася Куба
И въ одеждѣ изумрудной
Блещетъ, пышетъ, какъ невѣста.

Берегъ весь кишитъ народомъ
Всякихъ возрастовъ, сословія;
Но во всѣхъ сердца трепещутъ,
Какъ въ единомъ человѣкѣ,

Оттого, что полны, горды
Всѣ одной и той же мыслью.
Я во всемъ ее читаю:
Въ тихомъ, радостномъ дрожаньи

Старушонки-богомолки,
Ковыляющей съ клюкою
И гнусащей, при уныломъ
Стукѣ четокъ, Pater noster.

Эту мысль я вижу ясно
И въ улыбочкѣ синьоры,

Величаво проносимой
Въ позлащенномъ паланкинѣ

И кокетливо шальной
Съ обаятельнымъ гидальго,
Что, крутя свой усъ красивый,
Рядомъ шествуетъ съ синьорой.

Всюду искренняя радость:
И въ чертахъ солдата черствыхъ,
И на лицахъ клерикальныхъ,
Добрый видъ принявшихъ нынче.

Бернардинецъ тощій руки
Потираетъ съ наслажденьемъ;
Капуцинъ самодовольно
Гладитъ жирный подбородокъ;

Даже самъ старикъ епископъ,
Мужъ, во время литургии
Столь суровый—ибо это
Замедляетъ часъ обѣда—

Даже онъ расцвѣлъ сегодня,
И карбункулы на носѣ
Такъ и пышутъ... Разодѣтый
По-воскресному, идетъ онъ

Подъ пурпурнымъ балдахиномъ,
Окуряемый дьячками
И со свитой изъ прелатовъ.
Всѣ они въ парчевыхъ ризахъ;

Каждый попъ надъ головою
Держитъ зонтикъ, очень схожій,
По объему и по виду,
Съ колоссальнымъ шампильономъ.

Направляется процессья
Къ алтарю, который гордо
Возвышается у моря,
Подъ открытымъ небомъ Кубы

И украшенъ весь цвѣтами,
Образками, стройной группой
Пальмъ вѣтвистыхъ, позолотой
И свѣчами восковыми.

Господинъ епископъ служить
Здѣсь торжественный молебенъ
И, моляся, призываетъ
Онъ небесъ благословенье

На красивый, милый флотикъ,
Что, покачиваясь въ рейдѣ,
Собирается направить
Паруса на Бимини.

Да, вотъ онъ и есть тотъ флотикъ,
Что Жуаномъ Понсъ де Леонъ
Снаряженъ и изготовленъ
Для отплытія на островъ,

Гдѣ течетъ вода живая,
Молодящая... Съ побережья
Много тысячъ пожеланій
Всякихъ благъ летятъ къ Жуану,

Благодѣтелю и другу
Человѣчества—въ надеждѣ
Всѣ, что рыцарь, возвратившись,
Щедро каждому надѣлитъ

Стеклянкой юности. У многихъ
Ужъ текутъ заранѣ слюнки;
Ихъ баюкаетъ блаженство,
Какъ флотилію въ рейдѣ вѣтеръ.

Состоитъ флотилія эта
Изъ пяти судовъ: большая
Каравелла, двѣ фелуки,
Двѣ малютки-бригантины.

Адмиральской шкуной служить
Каравелла, и украшенъ
Флагъ ея гербомъ Кастильи,
Арагоньи и Леона.

Точно сельская бесѣдка,
Вся она—въ вѣтвяхъ березы,
И въ гирляндахъ, и въ букетахъ,
И въ игривыхъ пестрыхъ флагахъ.

Имя ей дано—Надежда;
И на задней части шкуны

Возвышается статуя
Этой донны, вся изъ дуба,

Вся покрытая отлично
Лакированной краской,
Презирающе бури—
Величаяя фигура!

Ярко-красны щеки донны,
Ярко-красны шея, груди,
Выползающія гордо
Изъ зеленого корсета.

Также зелены и платье,
И вѣнокъ; но кудри, брови
И глаза смолы чернѣ;
Въ руку ей вложили якорь.

Экипажъ флотилии нашей
Составляютъ двѣсти слишкомъ
Человѣкъ; межъ ними только
Шесть поповъ и столько-жъ женщинъ.

Къ каравеллѣ, гдѣ командой
Заправляетъ самолично
Донъ Жуанъ, мужчинъ—сто десять,
Дамъ—одна. Зовется Кукой

Эта дама. Да, старуха
Кука нынче стала дамой,
И синьора Жуанита—
Имя ей съ тѣхъ поръ, какъ рыцарь

Далъ ей санъ гофъ-оберъ-няньки,
Лейбъ-махальщицы придворной
И—въ грядущемъ—лейбъ-мундшенкши
Юныхъ силъ на Бимини.

Золотую кружку въ руки
Дали ей, какъ символъ этой
Новой должности, и въ тогу
Облекли ее, какъ Гебу.

Горы кружевъ драгоцѣнныхъ,
Жемчуговъ, смѣясь лукаво,
Почиваютъ на увядшихъ,
Смуглыхъ прелестяхъ синьоры.

Рококо-антропофагно,
Караибо-помпадурно
Возвышается прическа,
Вся утыканная роемъ

Крошекъ-птичекъ; такъ красиво,
Такъ нестро блестятъ ихъ перья,
Что они—точь въ точь цвѣточки
Изъ каменьевъ драгоцѣнныхъ,

Эта странная прическа
Изъ пернатыхъ превосходно
Соотвѣтствуетъ мудреной,
Попугайной рожѣ Куки.

Къ ней *pendant* вполне достойный
Образуетъ Понсъ де Леонъ.
Онъ, глубоко убѣжденный
Въ томъ, что юность недалёко,

Ужъ заранѣ нарядился
Въ платьѣ молодости милой,
Нарядился по послѣдней,
Лучшей модѣ первыхъ франтовъ.

Съ заостренными носками
И со шпорами сапожки;
Панталончики, въ которыхъ
Цвѣтъ одной ноги зеленый,

А другой—прозрачно-желтый;
Куртка—шелковая; плащикъ,
Ловко кинутый на плечи;
Перья страуса на шляпѣ...

Разрядившись такъ отлично,
Въ руки взявши лютню, бодро
Сѣменить онъ по «Надеждѣ»,
Раздавая приказанья.

Онъ велитъ, чтобъ якорь скуны
Подымали въ ту минуту,
Какъ сигналомъ возвѣстится
Окончаніе молебна.

Онъ велитъ, чтобъ, отплывая,
Всѣ суда его флотилии

Сотней пушечныхъ салютовъ
Огласили берегъ Кубы.

Онъ вѣдѣть—и самъ смѣется,
И вертится, и танцуетъ,
И пьянѣеть напоследокъ
Отъ волшебнаго напитка

Обольстительной надежды...
Чуть не рветъ онъ струны лютни
И козлино-дребезжащимъ
Голосишкой тянетъ пѣсню:

«Птица-птичка Колибри,
Рыба-рыбка Бририди,
Полетите, поплывите,
Мы за вами—въ Бимини».

4.

Понсъ де Леонъ не изъ дури,
Не изъ прихоти нелѣпой
Экспедицію рѣшилъ
Предпринять на Бимини.

Что не мнѣомъ былъ тотъ островъ—
Въ это рыцарь твердо вѣрилъ:
Пѣсня старой няни Куки
Для него была порукой.

Въ морякъ сильнѣе вѣра
Въ чудеса, чѣмъ въ прочихъ людяхъ:
Передъ нимъ вѣдь вѣчно блещетъ
Чудно огненное небо;

Онъ вѣдь слышитъ непрерывно
Шумъ таинственно волшебный
Волнъ, изъ лона коихъ вышла
Донна Venus Aphrodita!

Посвятимъ хорей наши
Мы теперь изображенью
Тѣхъ невзгодъ, лишеній, бѣдствій,
Что терпѣлъ несчастный рыцарь.

Ахъ, не только съ нимъ остался,
Старости недугъ печальный—

Онъ еще не мало добылъ
Новыхъ, всяческихъ болѣзней.

Юныхъ силъ ища, старѣлъ онъ
Съ каждымъ днемъ все больше, больше
И, изсохшій, одряхлѣвшій,
Наконецъ приплылъ на островъ,

Тихій островъ, гдѣ подъ тѣнью
Вѣчно грустныхъ кипарисовъ
Пробѣгаетъ рѣчка, тоже
Исцѣляющая чудно.

Имя рѣчки—Лета. Выпей
Капли двѣ—и ты забудешь
Всѣ мученія, забудешь
Все, что выстрадало сердце.

Чудный островъ! Стоитъ только
Разъ приѣхать, чтобъ навѣки
Въ немъ остаться, потому что
Этотъ островъ—Бимини.

14.

КАПРИЗЫ ВЛЮБЛЕННЫХЪ.

Истинная исторія, вновь рассказанная по старымъ документамъ
переложенная въ прекрасные нѣмецкіе стихи).

Влюбленный въ муху съ давнихъ поръ,
Вздыхая, жукъ сѣлъ на заборъ:

— О, будь моей женою, муха,
И тѣла моего, и духа!

«Тебѣ шепну я на ушко:
Изъ золота мое брюшко,

«Передъ моей спиной всѣ спины —
Ничто: смарагды въ ней, рубины».

— Я не сошла съ ума пока,
Чтобъ замужъ выйти за жука,

«Рубины-жъ, золото... они ли
Намъ въ жизни счастье приносили?

«Нѣтъ, къ идеалу я стремлюсь—
Я муха, этимъ я горжусь».

Жукъ улетѣлъ, вздохнувъ уныло,
А муха ванну взять спѣшила.

— Гдѣ-жъ фрейлина моя, пчела?
Хочу, чтобъ мыть она пришла

«Мнѣ тѣло нѣжное, какъ тѣсто...
Вѣдь я теперь жука невѣста.

«Мой выборъ, кажется, хорошъ:
Красивѣй мужа не найдешь.

«Его спина... на ней играетъ
Смарагдъ, рубянъ на ней сверкаетъ.

«Изъ золота его брюшко...
Всѣ мухи взбѣсятся легко...

«Причесывай же, пчелка, ну же,
Скорѣй,—и зашнуруй потуже,

«Эссенцій не жалѣй, смотри,
И ими ноги мнѣ натри,

«Чтобъ не могла отнюдь вонять я,
Упавши жениху въ объятья...

«Уже стрекозы вокругъ снуютъ,
Какъ дружки, честь мнѣ отдаютъ,

«Въ мой свадебный вѣнокъ вилетая
Цвѣты и весело летая;

«Сверчки-пѣвцы приглашены,
И музыканты быть должны;

«Шмели и осы, тараканы
Трубить начнутъ, бить въ барабаны

«И брачный пиръ мой оживлять...
Ужъ гости стали прибывать...

«Отъ знатныхъ лицъ пострѣдетъ зала..
И разной сволочи немало.

«Полѣзла всякая родня,
Звукъ трубъ привѣтствуетъ меня,

«Кротъ-пасторъ въ черномъ одѣянн
Пришелъ вѣнчать... Всѣ въ ожиданн.

Раздался колокольный звонъ...
Гдѣ-жъ мой женихъ? что медлитъ онъ?»

Бимъ-бамъ, бимъ-бамъ! звонъ колокольный.
Но улетѣлъ женихъ бездольный.

Колокола бимъ-бамъ, бимъ-бамъ!
«Что-жъ мой женихъ не ѣдетъ къ намъ?»

А онъ, женихъ, мрачнѣе тучи,
Сидѣлъ среди навозной кучи

И просидѣлъ на ней семь лѣтъ —
А мухи и въ живыхъ ужъ нѣтъ.

15.

КРАСНЫЯ ТУФЛИ.

Сѣдая, злая кошка, во имя цѣли гнусной,
Прослыть усилъа первой башмачницей искусной,
И на ея окошкѣ для молодыхъ дѣвиць
Стояло много туфель—работа мастериць,
Исполненная чисто, безъ всякаго изъяна,
Изъ моднаго атласа и лучшаго сафьяна,
Съ отдѣлкою изъ бантовъ и золотымъ шнуркомъ
Узорчато-красиво обшитая кругомъ.
Но краше всѣхъ казались, наряднѣй и дороже,
Двѣ маленькія туфли изъ ярко-красной кожи,
И каждый разъ при видѣ прелестныхъ двухъ вещиць
Глазенки разгорались у городскихъ дѣвиць.

Однамышь молодая, семьи довольно знатной,
Гуляла передъ лавкой съ тревогою пріятной,
Впередъ и взадъ ходила, стояла у окна
И, наконецъ, рѣшилась къ башмачницѣ она
Съ вопросомъ обратиться: «Послушайте, нельзя ли,
Чтобъ мнѣ вы пару туфель пунцовыхъ показали,
И если бы вы съ вами въ цѣнѣ за нихъ сошлись,
То я-бъ у васъ купила ихъ, госпожа Кисъ-Кисъ».

Ей кошка отвѣчала: «Ахъ, барышня, войдите,
И домъ мой осчастливить вы соблаговолите!
Прошу, прошу покорно. Могу увѣрить васъ,
Не брезгаютъ со мною знакомиться подчасъ
Красивѣйшія дамы, графини; безъ жеманства
Ко мнѣ заходить часто все высшее дворянство;

А туфельки продать я недорого могу:
Вы только ихъ примѣрьте, а я вамъ помогу.
Войдите-жь и присядьте; позвольте вашу ножку».

Коварно распѣвала такъ злая эта кошка —
И невзначай попала, не зная лжи съ пеленъ,
Неопытная мышка въ разбойничій притонъ.
Присѣвши на подушку предложеннаго стула,
Она ей улыбнулась и ножку протянула,
Чтобы примѣрить туфли; бѣдняжка въ этотъ мигъ
Не чуяла несчастья, а кошка злая—прыгъ,
Довѣрчивую гостью стремительно схватила
И, жалости не зная, мгновенно задушила,
Ей откусивъ головку, а послѣ не могла,
Чтобъ не сказать съ насмѣшкой: «Теперь ты умерла,
Тебя ужъ нѣтъ на свѣтѣ, о, милое творенье!
Однако, эти туфли тебѣ для утѣшенья
Я на твою могилку поставлю. Срокъ придетъ,
Труба всемірнымъ звукомъ въ день судный призоветъ
Весь свѣтъ для страшной пляски. Тогда-то, мышка, снова
Ты выйдешь, какъ другіе, изъ царства гробового,
Какъ и теперь невинна, прекрасна, молода,
И въ этихъ туфляхъ можешь ты щеголять тогда».

М О Р А Д Ъ.

Не увлекайтесь, мышки, ловушекъ берегитесь,
За пышностью и блескомъ на свѣтѣ не гонитесь;
Повѣрьте мнѣ, что лучше вамъ босикомъ гулять,
Чѣмъ щегольскія туфли у кошекъ покупать.

16.

СТРЕКОЗА.

На прозрачномъ ручейкѣ
Стрекоза-красотка пляшетъ,
Прихотлива и легка,
Бойко крылышками машетъ.

Въ упоеніи жучки
Созерцаютъ диво-талю,
Спинки чудную эмаль,
Платье съ синею вуалью.

Не одинъ изъ дурачковъ
Свой разсудочекъ теряетъ

И, клянясь въ любви, Брабантъ
И Голландью обѣщаетъ.

Стрекоза смѣется: «Мнѣ
Ни Брабантъ совсѣмъ не нуженъ,
Ни Голландія; огня
Вы добудьте мнѣ на ужинъ.

«Супъ варить должна сама —
Родила моя кухарка;
Въ печкѣ нѣтъ огня; отъ васъ
Жду я этого подарка».

На слова плутовки въ путь
Всѣ жуки тотчасъ пустились
И чрезъ нѣсколько минутъ
За родимымъ лѣсомъ скрылись

Приманилъ ихъ блескъ свѣчей
Изъ бесѣдки освѣщенной,
И съ отвагою слѣпой
Всѣ туда толпой влюбленной.

Пламя вмигъ сожгло жуковъ
Съ ихъ влюбленными сердцами;
Лишь немногіе спаслись —
Но съ сожженными крылами.

Горе, если у жука
Крылья сожжены. Отнынѣ
Онъ съ червями, самъ какъ червь,
Долженъ ползати на чужбинѣ.

«Жизнь съ такими, — стонѣтъ онъ. —
Мука худшая изгнанья;
Гадъ поганый, даже клопъ —
Вотъ моя теперъ компанья.

«Такъ какъ вмѣстѣ мы въ грязи,
Всѣ со мной за панибрата;
Ада изгнанный пѣвецъ
Ужъ грустилъ о томъ когда-то.

«Вспоминаю я въ тоскѣ
Дни, когда, крылатый, мчался
Вольно я въ родной эфиръ,
На родныхъ цвѣтахъ качался.

«Въ чашкѣ розы пищу пилъ,
Въ кругѣ знатномъ и богатомъ
Жилъ—съ кузнечикомъ пѣвцомъ,
Съ мотылькомъ аристократомъ.

«Нынче крылья сожжены,
Разлученъ съ землей моею,
Червякомъ въ чужой грязи
Я гнѣю и околюю.

«О, зачѣмъ увидѣлъ я
Эти ножки, эту талью
Попрыгуньи голубой,
Эту лживую каналью!»

17.

СТРЕКОЗА.

(Другая редакция).

Краше нѣтъ голубой стрекозы;
Цвѣтъ ея—переливъ бирюзы.
Мотыльки всѣ въ нее влюблены,
Къ ней безумною страстью полны.

Ея талія дивно тонка,
Ея юбка изъ крыльевъ легка;
Граціозна въ движеньяхъ она
И въ полетѣ быстра и сильна.

Постоянно за нею скользятъ
Молодежь и толпа волокитъ.
«Подлюбите меня,—шепчетъ франтъ—
Дамъ Голландію вамъ и Брабантъ».

Стрекоза же лукаво глядитъ:
«Мнѣ не нужны они, говоритъ;
Мнѣ нужна только искра огня,
Чтобы было свѣтло у меня».

И летитъ молодежь за огнемъ,
Помышляетъ лишь только о немъ,
И пныряетъ вездѣ по пути,
Чтобъ кокеткѣ огонь принести.

Если свѣчку увидитъ иной
Жукъ, отъ страсти безумной, шальной,

Прямо въ пламя летить, какъ во снѣ,
И погибель находить въ огнѣ.

Это басня японская, но
И у насъ расплодилось давно
Много этихъ стрекозъ, и онѣ
Вѣроломны и лживы вполне.

18.

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ КОСЪ ВЪ МУЖСКОЙ ПРИЧЕСКѢ.

(басня).

Въ Касселѣ двѣ крысы проживали
И ужасно обѣ голодали.

Наконецъ, одна изъ нихъ другой
Начала шептать въ тиши ночной:

«Знаю съ кашею горшечекъ я; но, ахъ!
Тамъ стоитъ солдатикъ на часахъ.

«Онъ въ курфирстовскомъ мундирѣ
И съ косою—огромнѣйшею въ мирѣ.

«А въ ружьѣ—и порохъ, и свинецъ,
Подойди—сейчасъ тебѣ конецъ».

Зубками скрипитъ другая
И подругѣ шепчетъ, отвѣчая:

«Нашъ курфирстъ свѣтлѣйшій—ловкій человекъ,
Любитъ добрый старый вѣкъ.

«Время кошекъ старыхъ, у которыхъ
Косы красовались въ головныхъ уборахъ.

«Кошки этими косами
Все соперничали съ нами.

«Но коса вѣдь символъ лишь хвоста, а онъ
Намъ природой подаренъ.

«Мы, избранницы животной всей породы,
Мы имѣемъ косы отъ природы.

«О, курфирстъ! Коли вамъ кошки по сердцу пришлись,
То не можетъ ваша свѣтлость не любить и крысъ.

«Да, конечно, крысамъ преданъ ты душою,
Такъ какъ отъ природы мы уже съ косою.

«О, когда бы, благородный, славный кософилъ,
Ты свободный доступъ къ кашѣ намъ открылъ!

«О, позволь горшечкомъ съ кашей намъ распорядиться,
И вели ты часовому удалиться.

«За такую благосклонность, за такую кашу,
Положиться смѣло можешь на любовь и вѣрность нашу.

«И когда—увы!—покинешъ насъ навѣки ты,
На твоемъ гробу отрѣжемъ мы себѣ хвосты,

«И твой лобъ вѣнкообразно мы покроемъ ими.
Крысъ хвосты пускай послужатъ лаврами твоими!»

19.

ДОБРОДѢТЕЛЬНЫЙ ПЕСЬ.

Быль пудель Брутъ. Могу сказать я смѣло —
На имя то имѣлъ онъ всѣ права:
Про умъ его и доблести гремѣла
По всей странѣ стоустая молва.
Терпѣнія и правилъ самыхъ строгихъ
И вѣрности являлъ онъ образецъ;
Блестящій перлъ межъ всѣхъ четвероногихъ,
Людьми былъ чтимъ онъ, какъ Натанъ-мудрецъ.
Цѣня его достойно, по заслугамъ,
Ему во всемъ хозяинъ довѣрялъ;
Считалъ его онъ преданнѣйшимъ другомъ
И къ продавцу за мясомъ посылалъ;
И отдавалъ ему мясникъ корзину,
И взявши въ ротъ ее, почтенный цѣсь
Баранину, телятину, свинину
По улицамъ спокойно, гордо несъ.
Хоть запахъ былъ заманчивъ—не плѣнялся
Имъ честный Брутъ, въ душѣ онъ стоикъ былъ,
Онъ ни костей, ни мяса не касался
И въ цѣлости домой все приносилъ.

Но межъ собакъ есть много, къ сожалѣнью —
Какъ и межъ насъ—безчувственныхъ скотовъ,
Что преданы плотскому наслажденью
И лишены всѣхъ нравственныхъ основъ.

И эти-то дворные псы, изъ мести,
Задумали составить заговоръ:
Бѣсило ихъ, что вѣренъ долгу чести
Всегда былъ Бругъ, а не былъ гнусный воръ...

И вотъ, когда однажды онъ изъ лавки,
Неся свою корзину, шель домой,
Вся эта дрянъ—Барбосы, Жучки, Шавки—
Вдругъ на него накинулись гурьбой
И вырвали добычу дороую!

Онъ отражать не въ силахъ былъ враговъ;
Попадали куски на мостовую
И начался дѣлежъ у алчныхъ псовъ.
Сперва на нихъ глядѣлъ спокойнымъ взглядомъ,
Какъ истинный философъ, честный Бругъ;
Но, наконецъ, взяла его досада,
Что сладко такъ мерзавцы эти жругъ,
И, волю давъ объявшею сердце злости,
Самъ уплетать онъ сталъ филей и кости.

Мораль.

«Какъ, Бругъ! и ты, который былъ такъ чистъ!»
Скорбя душой, воскликнетъ моралистъ.
Увы, дурной примѣръ собьетъ съ дороги!
И даже Бругъ—краса четвероногихъ—
Несовершененъ самъ; онъ жретъ,
Какъ всякій скотъ!

20.

ЛОШАДЬ И ОСЕЛЬ.

По рельсамъ желѣзнымъ, какъ молнии полетъ,
Несутся вагонъ за вагономъ.
Несутся—и воздухъ наполненъ вокругъ
И дымомъ, и свистомъ, и стономъ.

На скотномъ дворѣ, у забора осель
И бѣлая лошадь стояли.
Осель преспокойно глоталъ волчецы,
Но лошадь въ глубокой печали

На поѣздъ взглянула, и долго потомъ
Въ испугъ тряслось ея тѣло,
И тяжело вздохнувши, сказала она:
«О, страшное, страшное дѣло!

«Ей-Богу, не будь ужъ природой самой
Я въ бѣлую кожу одѣта,
Заставила-бъ вѣрно меня посядѣть
Картина ужасная эта!

«Страшнѣйшіе, злые удары судьбы
Грозятъ лошадиной породѣ:
Я лошадь, но въ книгѣ грядущихъ временъ
Читаю о нашей невзгодѣ.

«Своей конкуренціей насъ, лошадей,
Убьютъ паровыя машины;
Теперь ужъ всѣ люди начнутъ прибѣгать
Къ услугамъ желѣзной скотины.

«Чуть только пойметъ человѣкъ, что безъ насъ
Онъ можетъ легко обходиться—
Прощай, наше сѣно, прощай, нашъ овесъ!
Придется намъ пищи лишиться!

«Душа человѣка, какъ камень. Не дастъ
Онъ даромъ и крошечки хлѣба...
Увы! изъ конюшенъ повыгонять насъ,
И мы околѣемъ, о, небо!

«Мы красть неспособны, какъ люди; взаимы,
Какъ люди, мы брать не умѣемъ,
И льстить мы не можемъ, какъ люди и псы.
О, небо! мы всѣ околѣемъ!»

Такъ лошадь стонала. Осель, между тѣмъ,
Потряхиваль тихо ушами
И въ самомъ блаженномъ покоѣ души
Себя угощаль волчецами.

Окочнивъ, онъ хвостъ облизалъ языкомъ
И молвилъ съ спокойною миной:
«Ломать не хочу головы я надъ тѣмъ,
Что будетъ съ породѣй ослиной.

«Я знаю, что вамъ, горделивымъ конямъ,
Придется покончить ужасно;
Для насъ же, смиренныхъ и тихихъ ословъ,
На свѣтѣ вполнѣ безопасно.

«Какихъ бы мудреныхъ хитрѣйшихъ машинъ
Ни выдумалъ умъ человѣка,

Все будутъ въ довольствіи жить на землѣ
Ослы до скончанія вѣка.

«Судьба никогда не покинетъ ословъ:
Свой долгъ сознавая душевно,
Они, какъ отцы ихъ и дѣды, бредутъ
На мельничный дворъ ежедневно.

«Работаетъ мельникъ, стучить колесо,
Мукою мѣшки насыпаютъ,
Ташу ихъ я къ хлѣбнику, хлѣбникъ печеть,
А люди потомъ пожираютъ.

«Издравле для міра сей путь круговой
Навѣкъ начертала природа,
И вѣчно на этой землѣ не умретъ
Ослиная наша порода.

М о р а л ь.

Вѣкъ рыцарей въ могилу схороненъ,
И гордый конь на голодъ обреченъ;
Осель же будетъ неизмѣнно
Всегда имѣть овесъ и сѣно.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Сынъ безумья! Въ міръ мечтаній
Уносись—но въ мірѣ слезъ
И страданья не ищи ты
Повторенья милыхъ грѣзъ.

Я стоялъ въ былые годы
Тамъ, у Рейна, на горѣ;
Города кругомъ пестрѣли
Въ ярко солнечной игрѣ.

Мелодически журчали
Волны рейнскія въ тиши
И встававшія видѣнья
Были чудно хороши.

Нынче Рейнъ журчитъ иначе,
Волнъ мелодія не та,
Грѣзы свѣтлыя умчались,
Измѣнила мнѣ мечта.

Я теперь съ горы высокой
Внизъ смотрю—и здѣсь, и тутъ
По могиламъ великановъ
Люди-карлики ползутъ.

Вмѣсто мира, что былъ добытъ
Кровью родины дѣтей,
Вижу, какъ куются цѣпи
Для нѣмецкихъ бѣлыхъ шей.

Тѣхъ бранять теперь глупцами,
Кто съ врагомъ сойдясь въ бою,
Отдавалъ безстрашно въ жертву
Для отчины жизнь свою.

Голодаетъ—кто свободу
Внесъ въ отечество свое,
И его святыя раны
Кроетъ жалкое тряпье.

Но зато въ шелку и холѣ
Каждый матушкинъ сынокъ,
Корчитъ выскочка вельможу,
Плуть чиновъ добиться могъ.

Внукъ въ нарядѣ дѣдовъ смотритъ
Злой пародіей на нихъ,
И кафтанъ старинный грустно
Говоритъ о дняхъ былыхъ,

Дняхъ, когда подъ добродѣтель
Не поддѣлывалась ложь
И предъ старостью съ почтеньемъ
Разступалась молодежь;

Передъ дѣвушкой притворно
Юный модникъ не вздыхалъ;
Деспотъ въ ловкую систему
Ложныхъ клятвъ не обращалъ.

Слово честное цѣнилось
Больше, чѣмъ контрактъ; ходилъ
Человѣкъ въ желѣзномъ платьѣ,
Но въ немъ духъ высокій жилъ.

Благодатна наша почва,
Тучны нивы, зеленъ садъ
И цвѣтовъ роскошныхъ много
Льютъ въ немъ сладкій ароматъ.

Лишь цвѣтокъ прекрасный самый,
Выраставшій на скалѣ
Въ стары годы, распускаться
Пересталъ въ родной землѣ.

Прежній рыцарь въ старомъ замкѣ
Охранялъ его всегда

Тотъ цвѣтокъ—гостепріимствомъ
Звали въ прежніе года.

Нынче въ замкѣ древнемъ, путникъ,
Ты найдешь во всей странѣ,
Вмѣсто свѣтлыхъ теплыхъ комнатъ,
Стѣны влажныя однѣ.

Не опустятъ мостъ подъемный;
Съ башни стражъ не затрубить;
Спать въ гробу владѣлецъ замка,
Въ землю стражъ давно зарыть.

Въ мрачныхъ склепахъ похороненъ
Прахъ красавицъ молодыхъ;
То, что скрыто въ нихъ, цѣннѣе,
Краше всѣхъ богатствъ земныхъ.

Въ тѣ священные могилы
Скрылась чистая любовь,
Миннезингерское пѣнье
Точно слышится здѣсь вновь.

Правда, наши дамы милы
И теперь: какъ май, цвѣтутъ,
Также любить, и танцуютъ,
И прилежно въ пальцахъ шьютъ;

Также пѣсни распѣваютъ
Про любовь и вѣрность, но
Втайнѣ думаютъ, что въ сказку
Эту вѣрить имъ смѣшно.

Наши матери наивно,
Но умно учили насъ,
Что въ груди людей таится
Драгоценнѣйшій алмазъ;

Дочки ихъ живутъ, однако,
Не совсѣмъ по старинѣ:
Очень любятъ тоже камни
Драгоценные онѣ.

Грѣза свѣтлая о дружбѣ

.
.
.

Пусть царилъ-бъ лицемѣрье

.
.
.

Чудный жемчугъ Иордана
Скарденый поддѣлалъ Римъ

.
.

Лучшихъ лѣтъ воспоминанья,
Уходите въ вашу тьму!
Не вернуть былые годы—
Такъ и сѣтовать къ чему?

2.

Мужчины, дамы, дѣвушки, внимайте
И ревности подписку собирайте!
У гражданъ Франкфурта рѣшенье есть —
Во славу Гёте памятникъ возвестъ.

Ихъ мысль: «Въ дни ярмарки купцы чужие
Увидятъ, что *мы* съ Гёте вѣдь родные,
Что *нашъ* навозъ взростилъ такой цвѣтокъ—
И будетъ нашъ кредитъ вездѣ высокъ!»

О, сонмъ господъ купцовъ! Оставь поэту
Его вѣнокъ; держи свою монету.
Самъ Гёте памятникъ себѣ, повѣрь,

Воздвигнулъ. Правда, что въ грязи пеленокъ,
О, торгоши, вамъ близокъ былъ *ребенокъ*;
Но между имъ и вами цѣлый міръ *теперь*.

3.

БАМБЕРГЪ и ВЮРЦБУРГЪ.

Въ обоихъ округахъ цѣлебный ключъ течетъ
И тысячу чудесъ тамъ каждый день творится.
Тамъ есть цѣлитель-князь, и вокругъ него народъ
Разслабленный, больной и день, и ночь толпится.

Князь скажетъ только: «Встаны!» и, сдѣлавъ первый шагъ,
Калѣка побѣжитъ, легко, безъ затрудненья.
Онъ скажетъ: «Зри!» и свѣтъ смѣняетъ вѣчный мракъ,
И прозрѣваютъ вдругъ слѣпые отъ рожденья.

Въ водянкѣ юноша сталъ князя умолять:
«Нельзя ли мнѣ помочь, чтобъ ожилъ я опять?»
И князь ему сказалъ: «Иди, будь сочинитель!»

Въ обоихъ округахъ «О, чудо!» всѣ кричатъ
И съ удивленіемъ на юношу глядятъ:
Сложить ужъ *девять драмъ* помочь ему цѣлитель.

4.

Э Д О М У.

Братски терпимъ мы другъ друга
Уже съ очень давнихъ поръ:
Терпишь ты мое дыханье,
Я—твой бѣшенный задоръ.

Только въ мрачныя години
Ты какъ-будто умъ терялъ
И моею кровью лапки
Ради вѣры обагралъ.

Нынче дружба наша крѣпче,
Намъ пора вражду забыть;
Я, неистовствуя тоже,
На тебя сталъ походить.

5.

Разразись ты громкимъ воплемъ,
Пѣсня мрачная моя,
Пѣсня мѹки, что такъ долго
Въ скорбномъ сердцѣ пряталъ я.

Всѣмъ она проникнетъ въ уши,
Изъ ушей пройдетъ въ сердца;
Вѣковыя скорби вызвалъ
Голосъ мощнаго пѣвца,

Плачутъ старъ и молодъ; плачутъ
Даже черствые душой;
Плачутъ женщины, цвѣточки,
Звѣзды въ выси голубой.

И текутъ всѣ эти слезы
Къ югу изъ далекихъ странъ
И согласными струями
Льются въ чистый Иорданъ.

6

ОТСТУПНИКУ.

Священной молодости пылъ!
Какъ быстро ты себя смирилъ
И, взвѣсивъ дѣло хладнокровно,
Съ врагомъ сошелся полюбовно!

И вотъ, ты пресмыкаться сталъ
Предъ тѣмъ, кого ты презиралъ,
Кого еще вчера ты съ нами
Стремился растоптать ногами!

О, ужъ всегда конецъ такой
Отъ чтенья Шпегелей, и Бурка,
И Галлера... Вчера—герой,
Сегодня—подлая фигурка!

7.

Г И М Н Ъ.

Я мечъ, я пламя.

Я освѣтилъ васъ въ темнотѣ, и когда началась битва, я сражался впереди, въ первомъ ряду.

Вокругъ меня лежатъ трупы моихъ друзей, но мы побѣдили. Мы побѣдили, но вокругъ меня лежатъ трупы моихъ друзей. Среди триумфальныхъ пѣсень ликованья звучатъ похоронные хоралы. Но у насъ нѣтъ времени ни радоваться, ни скорбѣть. Снова грохочутъ барабаны, предстоитъ новая битва...

Я мечъ, я пламя.

8.

О Т Р Ы В О К Ъ.

Сова изучала Пандекты,
Церковное право и Glossa.
Дойдя до земли итальянской,
Спросила: «А гдѣ тутъ Каносса?»

И старые вороны, грустно
Повѣсивши крылья, сказали:
«Отъ старой Каноссы, сестрица,
Давно и слѣды всѣ пропали!»

«Мы стали бы новую строить,
Да столько препятствій несносных!
Нѣтъ главнаго: мраморной глыбы,
И плить, и гостей вѣнценосных!»

9.

Г Е Р М А Н І Я.

Германія пока еще дитя,
Но уже солнце мамку замѣняетъ
Ребенку и не сладкимъ молокомъ,
А пламенемъ своимъ его питаетъ.

Даетъ такая пища быстрый ростъ
И льется кровь быстрее въ раннемъ дѣтствѣ.
Такъ съ буршемъ молодымъ не сорьтесь вы,
Вы, дѣти всѣ, живущія въ сосѣдствѣ.

Онъ, этотъ неуклюжій великанъ,
Дубъ изъ земли съ корнями вырываетъ,
Онъ васъ покроетъ ранами въ бою
И черепа до мозга поломаетъ.

Въ немъ сходство есть съ Зигфридомъ молодымъ,
Въ немъ духъ его великій ожилъ:
Когда Зигфридъ сковаль себѣ свой мечъ,
То наковальню тотчасъ уничтожилъ.

Да, ты себя прославишь, какъ Зигфридъ,
Убивши ненавистнаго дракона,
И мамка лучезарная твоя
Съ восторгомъ засмѣется съ небосклона.

Да, ты займешь убѣжища врага,
Отнимешь драгоцѣнности, блистая
Отъ торжества, и на твоёмъ челѣ
Очутится корона золотая.

10.

ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОЭТУ.

Поешь ты, какъ въ старое время Тиртей,
Весь полный геройской отваги своей;
Но время для пѣнья и публики кругъ
Совсѣмъ неудачно ты выбралъ, мой другъ.

Она съ одобренъемъ внимаетъ всегда
И даже въ восторгѣ кричитъ иногда,
Что много въ идеяхъ твоихъ красоты,
Что съ формой отлично справляешься ты.

Случается также—за рюмкой вина
Тебя на «ура» подымаетъ она,
И пѣсню, въ которой зовешь ты на бой,
Во всю свою глотку реветъ за тобой.

Радъ любить въ трактирѣ, въ компаньи своихъ,
Пѣть громкія пѣсни свободы: отъ нихъ
И пища въ желудкѣ варится скорѣй,
И всякій напитокъ гораздо вкуснѣй!

11.

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Ты, Гервегъ, жаворонокъ словно,
Взлетаешь къ солнцу въ вышину.
Поешь тамъ звонко, безъ печали...
Но стужа зимняя прошла ли?
Неужли ты нашелъ въ Германіи весну?

Ты, Гервегъ, жаворонокъ словно,
Вспорхнувъ, льешь трели въ облакахъ
И землю изъ виду теряешь...
Ахъ, лишь въ однихъ твоихъ стихахъ
Есть та весна, что намъ ты воспѣваешь.

12.

ХВАЛЕБНЫЯ ПѢСНИ КОРОЛЮ ЛЮДВИГУ

I.

Это—Людвигъ баварскій. Подобныхъ ему
Существуетъ на свѣтѣ немного.
Короля своего родового теперь
Почитаютъ баварцы въ немъ строго.

Онъ художникъ въ душѣ и съ красивѣйшихъ женъ
Онъ портреты писать заставляетъ
И въ своемъ рисовальномъ сералѣ порой,
Словно внухъ искусства, гуляетъ.

Онъ изъ мрамора близъ Регенсбурга велѣлъ
Мѣсто лобное сдѣлать, и вмѣстѣ

Соизволил онъ надписи самъ сочинить
Для головъ, помѣщенныхъ въ семь мѣстѣ.

Мастерское созданье—«Валгалла» его,
Гдѣ собралъ онъ мужей, прославляя
Ихъ сердца и дѣянiя—съ Тевта начавъ,
Шиндерганесомъ рядъ ихъ кончая.

Только Лютеру мѣста въ Валгаллѣ той нѣтъ,
Недостойнъ онъ, вѣрно, той славы;
Такъ въ собраніи рѣдкостей всякихъ, подчасъ
Среди рыбъ не найдете кита вы.

Людвигъ, нужно замѣтить, великій поэтъ,
Онъ едва только пѣть начинаетъ—
«Замолчи, иль съ ума я сойду!» Аполлонъ
На колѣняхъ его умоляетъ.

Людвигъ—храбрый и славный герой какъ Отгонъ,
Его дитяtko, сынъ ненаглядный,
Что въ Аѳинахъ желудокъ разстроилъ себѣ
И запачкалъ престольчикъ нарядный.

Если Людвигъ умретъ, то причисленъ къ святымъ
Будетъ папой, въ порывѣ печали..
Слава также пристала къ такому лицу,
Какъ къ котенку манжеты пристали.

Ахъ, когда обезьяны и всѣ кенгуру
Къ христіанству у насъ обратятся,
То навѣрное Людвигъ баварскій у нихъ
Будетъ главнымъ патрономъ считаться.

II.

Грустно Людвигъ баварскій шепталъ про себя,
Вдаль смотря сквозь оконныя стекла:
«Удаляется лѣто, подходитъ зима,
И древесная зелень поблекла.

«Если Шеллингъ уйдетъ и Корнелиусъ съ нимъ,
Не скажу я, пожалуй, ни слова:
Ужъ у перваго разума нѣтъ въ головѣ
И фантазіи нѣтъ у другого.

«Но съ короны моей самый лучшій алмазъ
Мой же родичъ похитить рѣшился:

Гдѣ мой Масманъ, великій и ловкій гимнастъ?
Я его со слезами лишился.

«Я такую утратой душевно разбить,
И печаль меня сильная гложетъ...
Кто, какъ онъ, для меня на громаднѣйшій столбъ
Такъ проворно вскарабкаться можетъ?»

«Я не вижу коротенькихъ ножекъ его,
Носа плоскаго съ круглой спиною.
Онъ какъ пудель, бывало, изящно, легко
Кувыркался въ травѣ предо мною.

«Онъ нѣмецкій старинный языкъ только зналъ,
Языкъ Цейне и Яково-Гриммскій;
Иностранные всѣ были чужды ему,
И особенно—грековъ и римскій.

«Пилъ всегда онъ, какъ истый въ душѣ патриотъ,
Желудковое кофе безмѣрно,
Бѣлъ при этомъ французовъ и лимбургскій сыръ,
И послѣдній вонялъ очень скверно.

«О, мой родичъ, ты Масмана мнѣ возврати!
Лишь его между лицами то же,
Что я самъ, какъ поэтъ, межъ поэтовъ другихъ...
Велико мое горе, о, Боже!

«О, мой родичъ, Корнелюса съ Шеллингомъ ты
Удержи (что и Рюккерта можно
Удержать—въ томъ, конечно, сомнѣнія нѣтъ);
Только Масмана дай неотложно.

«О, мой родичъ! Довольствуйся въ жизни своей
Столь завидной и славной судьбою.
Я, который въ Германіи первымъ могъ быть,
Я—второй только рядомъ съ тобою...»

III.

Въ замкѣ мюнхенскомъ въ старой капеллѣ стоитъ
Съ кротко ясной улыбкой Мадонна,
И Ребенокъ, отрада земли и небесъ,
Къ ней склонился на чистое лоно.

Этотъ образъ увидя, баварскій король
Передъ нимъ на колѣни склонился

И къ Мадоннѣ съ своей задушевной мольбой
Очень набожно онъ обратился:

«О, Марія, царица земли и небесъ,
Ты, святой чистоты королева!
Сонмъ святыхъ окружаетъ твой вѣчный престоль,
Духи свѣтлые справа и слѣва.

«Окрыленные ангелы служатъ Тебѣ,
За Тобою повсюду летая,
И цвѣты, и роскошныя ленты въ твои
Золотистыя кудри вплетая.

«О, Марія, небесъ золотая звѣзда,
Чище лиліи Ты и кристалла;
Совершила Ты въ мірѣ не мало чудесъ,
Дивныхъ дѣлъ совершила не мало.

«Будь же Ты и ко мнѣ, какъ источникъ добра,
Снисходительна и благосклонна,
И пошли отъ своихъ благодатныхъ щедротъ
Мнѣ одну хоть крупицу, Мадонна!»

.
.
.

13.

НОВЫЙ АЛЕКСАНДРЪ.

I.

Въ Фулѣ есть король. Онъ любитъ
Пить шампанское одно,
И теряетъ онъ сознанье
Каждый разъ, какъ пьетъ вино.

Историческою школой—
Славной свитой—окружень,
И, владѣя очень плохо
Языкомъ, лепечетъ онъ:

«Въ дни, когда съ ничтожнымъ войскомъ
Александръ завоевалъ
Цѣлый міръ, то предаваться
Пьянству онъ усердно сталъ.

«Родила война въ немъ жажду,
Началь пить и изнемогъ
Очень скоро побѣдитель:
Много выпить онъ не могъ.

«У меня гораздо крѣпче
И разумнѣй голова:
Онъ питьемъ безмѣрнымъ кончилъ,
Я же началъ пить сперва.

«Во хмелю скорѣй, конечно,
Мнѣ удастся рядъ побѣдъ.
Путь держа отъ кубка къ кубку,
Покорю я цѣлый свѣтъ».

II.

Такъ сидитъ онъ и бормочетъ
Съ отуманеннымъ челомъ,
И свой планъ завоеванья
Объясняетъ за столомъ:

«Лотарингя съ Эльзасомъ
Будутъ наши, наконецъ—
За коровой мчатся телки,
За кобылой жеребецъ.

«По душѣ Шампань мнѣ тоже:
Превосходная страна,
Просвѣщающая чудно
Умъ нашъ струйками вина.

«Тамъ-то смѣло покажу я
Храбрость и къ войнѣ любовь:
Пробки—щелкъ, и изъ бутылокъ
Бѣлая польется кровь.

«Будетъ тамъ мое геройство
Брызги до неба пускать;
А потомъ къ Парижу двинусь
Славный подвигъ довершать.

«У его заставы, впрочемъ,
Долго я стоять готовъ:
Никакихъ не платятъ пошлинъ
Тамъ за вина всѣхъ сортовъ.

III.

«Менторъ мой, мой Аристотель,
Какъ гласить о томъ молва,
Быль въ колоніи французской
Бѣднымъ патеромъ сперва.

«А потомъ ужъ, какъ философъ,
Онъ посредникомъ служилъ
Крайнихъ взглядовъ. Я воспитанъ
Имъ въ системѣ этой былъ,

«И теперь гермафродитомъ
Я владычеству здѣсь;
Сталъ ни рыба я, ни мясо—
Только крайнихъ взглядовъ смѣсь.

«Не хорошъ я и не дурень,
Не уменъ, не глупъ на взглядъ;
Шагъ впередъ вчера я сдѣлалъ,
А сегодня шагъ назадъ.

«Обскурантъ я просвѣщенный,
Не корова и не быкъ,
Я и плетку, и Софокла
Восхвалять равно привыкъ.

«На Христа я уповаю,
Вѣрой пламенной гори,
Но и Вакха не чуждаюсь—
Эти крайности мира».

14.

НАШЪ ФЛОТЪ.

(Морское стихотвореніе).

Недавно приснился намъ флотъ.
Охотно съ землей распрощавшись,
Мы плыли на всѣхъ парусахъ,
Попутнаго вѣтра дождавшись.

Мы дали названья судамъ,
Изъ лучшихъ именъ выбирали:
Одинъ изъ фрегатовъ былъ Прутцъ,
Другой Фаллерслебеномъ звали;

Тутъ былъ и корабль Фрейлигратъ,
На немъ черный бюстъ возвышался—
Царь негровъ; онъ, схожій съ луной,
(Но черной луной), улыбался.

Тутъ Майеръ, и Пфицеръ, и Швабъ,
И Келле; корму украшали
Все швабскія лица; они
Изъ дерева лиры держали.

Затѣмъ бригъ Бирхъ-Пфейферъ—краса
И гордость морского семейства;
На мачтѣ красуется гербъ
Германскаго адмиралтейства.

По реямъ мы лазили, всѣ
Матросскія дѣлали шулки,
Одѣтые въ курточки ихъ
И въ ихъ широчайшія брюки.

Иной, что пилъ прежде лишь чай
И мужемъ приличнымъ держался,
Пить ромъ и жевать сталъ табакъ,
И истымъ матросомъ ругался.

Страдали болѣзнью морской,
И на Фалерслебенѣ даже
Тошнило и рвало иныхъ—
Безъ этого въ морѣ нельзя же!..

Что близокъ къ побѣдѣ нашъ флотъ—
Намъ тоже отрадно приснилось...
Но утромъ, лишь солнце взошло,
Все—сонъ и флотилія скрылось.

Въ кроватяхъ лежали мы всѣ
Спокойно и вытянувъ ноги,
И такъ, протирая глаза,
Рѣшили безъ всякой тревоги:

«Земля, какъ извѣстно, кругла;
Куда-жь мореплавателъ рвется?
Обвѣхавъ вокругъ свѣта, морякъ
На старое мѣсто вернется».

15.

СИЛЕЗСКІЕ ТКАЧИ.

Нѣтъ слезъ въ ихъ глазахъ, и въ угрюмые дни
За ткацкимъ станкомъ зубы скалятъ они:
«Германія, ткемъ мы твой саванъ могильный
Съ проклятемъ тройнымъ въ нашей злобѣ безсильной.

Мы ткемъ, мы ткемъ!

«Проклятье судьбѣ, заставлявшей не разъ
Терпѣть зимній холодъ и голодъ всѣхъ насъ.
Напрасно мы ждали, терпѣли напрасно—
Она издѣвалась надъ нами безстрастно.

Мы ткемъ, мы ткемъ!

«Проклятье тому, кто однихъ богачей
Беретъ подъ защиту, у бѣдныхъ ткачей
Послѣдній ихъ грошъ отнимая и, словно
Собака, ихъ губя и давя хладнокровно.

Мы ткемъ, мы ткемъ!

«Проклятье коварной странѣ, гдѣ позоръ
Съ безчестьемъ смѣются, нашъ слыша укоръ,
Гдѣ рано цвѣтокъ погибаетъ съ кручиной
И червь услаждается гнилью и тивой.

Мы ткемъ, мы ткемъ!

«Летаетъ челнокъ и шумитъ нашъ станокъ,
Мы ткемъ день и ночь не вставая, на срокъ,
Ткемъ саванъ Германіи дружно, какъ братья,
Вплетая въ тотъ саванъ тройное проклятье...

Мы ткемъ, мы ткемъ!»

16.

М И М И.

«Я не скромная мѣщанка,
Поднимай гораздо выше:
Какъ свободной кошкѣ, нуженъ
Чистый воздухъ мнѣ на крышѣ.

«Тамъ, въ прохладѣ лѣтней ночи,
Мнѣ отраднѣе живется;
Пѣсни звуки льются сами,
И пою я, что споется».

И Мими на крышѣ дико
Пѣсни свадебныя пѣла
И къ себѣ талантомъ этимъ
Привлекать котовъ умѣла.

Въ ночь коты всѣ холостые
Къ ней, мурлыкая, собирались
И, къ Мими пылая страстью,
Общимъ пѣньемъ наслаждались.

Всѣ они не виртуозы,
Что продать готовы чувство;
Нѣтъ, они жрецами были
Безкорыстнаго искусства.

Имъ не нужны инструменты,
Чтобъ играть, слухъ кошекъ нѣжа.
Въ животахъ у нихъ литавры,
А носы ихъ—трубы тѣ же.

И когда они завоюютъ,
Чтобъ исполнить интермеццо—
Это тѣ же фуги Баха
Или Гвидо изъ Арецо,

Иль Бетховенскихъ симфоній
Въ сумасшедшихъ звукахъ грѣза,
Иль мяуканье, въ которомъ
Всѣ узнаютъ Берліоза.

Мощь какая въ этихъ звукахъ!
Небеса какъ будто млѣютъ,
Съ содроганьемъ имъ внимая;
Звѣзды, слыша ихъ, блѣднѣютъ.

Отъ волшебныхъ этихъ звуковъ,
Выплывая изъ тумана,
Тотчасъ прячется за тучку
Изумленная Діана.

Лишь завистница-старуха,
Примадонна Филомела,
Морщитъ лобъ, сморкаясь громко
И Мими ругая смѣло.

Но концертъ не умолкаетъ—
(Пусть завидуетъ сенъора).

И гремитъ, пока не всныхнетъ
Розолицая Аврора.

17.

ОБЩЕСТВО ЮНЫХЪ КОТОВЪ ДЛЯ СОДѢЙСТВІЯ ПОЭЗІИ-МУЗЫКЪ.

Филармоническій съѣздъ у котовъ
Нынче на крышѣ собрался
Въ ночь—не изъ похоти глупой, о, нѣтъ:
Мыслью иной онъ задался.

Тутъ серенады бы лѣтнихъ ночей,
Пѣсни любви не годились:
Зимнее время—мятель и морозъ,
Лужи всѣ въ ледъ обратились;

И вообще, новый духъ обуялъ
Юныхъ котовъ поколѣнье;
Новое племя усатыхъ пѣвцовъ
Къ высшему чутье влеченье.

Отжилъ ихъ старый, фривольный ихъ родъ.
Новыя силы возникли,
Новыя струи кошачьей весны
Въ жизнь и въ искусство проникли.

Этотъ союзъ меломановъ-котовъ
Носится съ новой задачей:
Хочетъ ввести безыскусственный родъ,
Прежній, наивно-кошачій.

Ищетъ поэзіи-музыки онъ,
Любитъ рулады безъ трели;
Музыки хочетъ такой, чтобы въ ней
Музыки мы не имѣли.

Хочетъ владычества генія онъ—
Пусть онъ порой и споткнется,
Но иногда, самъ не вѣдая какъ,
Въ высшія сферы взовется.

Истиннымъ геніемъ чтитъ лишь того,
Кто отъ природы отбился,
Кто не напыщенъ ученостью—и
Вправду нигдѣ не учился.

Вотъ вамъ программа союза котовъ—
(Могутъ ли цѣли быть выше?)
Первый свой зимній концертъ намъ они
Дали сегодня на крышѣ.

Но исполненье великихъ идей
Съ паэосомъ дикимъ свершилось!
Ахъ, удавись, дорогой Берліозъ,
Что тебя тутъ не случилось!

Это такая была кутерьма,
Будто бы въ сотню волюнокъ
Вдругъ загудѣлъ, насосавшись вина,
Цѣлый погонщиковъ рынокъ.

Былъ тутъ и вой, и мычанье, и свистъ—
Будто въ ковчегъ у Ноя
Стали всѣ звѣри потопоу воспѣвать,
Дико восторженно воя!

О, что за кваканье, криканье, гамъ,
Что за мяуканья были!
Трубы печей, какъ церковный органъ,
Басомъ отчаянно выли.

Громче звучалъ тутъ одинъ голосокъ—
Нѣжно и нѣсколько сипло—
Точно у Зонтагъ: такъ пѣла она
Послѣ того, какъ охрипла.

Ну, ужъ концертъ! Мнѣ казалось—на немъ
Дикій Те-Deum давали
Въ честь торжества, что надъ здравымъ умомъ
Дерзость и дурь одержали.

Иль репетировать оперу ту,
Что создалъ съ великимъ талантомъ
Для Шарантонъ венгерскій пьянистъ,
Вздумалось здѣсь музыкантамъ?

Цѣлую ночь напролетъ до зари
Та катавасія длилась...
Съ музыки этой кухарка одна
Раньше поры разрѣшилась.

Память у бѣдной отшибло совсѣмъ...
Такъ что она позабыла,

Кто былъ отецъ мальчугана того,
Что ей судьба подарила

Кто же отецъ-то? Иванъ? или Петръ?

Лиза, скажи откровенно...

Лиза заводитъ глаза и твердить:

«Листъ, о, мой котъ вдохновенный!»

18.

ПОДСЛУШАННОЕ.

— О, умница Екефъ, что стоить, скажи,
Тебѣ христіанинъ поджарый,
Супругъ твоей дочки? Она вѣдь была
Товаръ ужъ порядочно старый.

«Подсотенки тысячъ, небось, отвалилъ?

А можетъ, и больше? Ну, что же!

Теперь христіанское мясо въ цѣнѣ...

Ты могъ заплатить и дороже!

«Я олухъ! Вѣдь вдвое-то больше они

Содрали съ меня, простофили!

И мнѣ, за прекрасныя деньги мои,

Ужасную мерзость всучили!»

Тутъ умница Екефъ, лукаво смѣясь,

Какъ Натанъ Мудрецъ отвѣчаетъ:

— Ужъ слишкомъ ты щедро и быстро дасшь,

Вѣдь это намъ цѣны сбиваетъ.

«Въ твоей головѣ все дѣла да дѣла,

Все мысль о дорогахъ желѣзныхъ.

Я шляюсь безъ дѣла, и шляясь, создалъ

Немало проектовъ полезныхъ.

«Теперь христіане упали въ цѣнѣ;

Ихъ курсъ возвышать—безразсудно!

Сто тысячъ! За деньги такія купить

И римскаго папу не трудно!

«Для младшей дочурки моей жениха

Уже я имѣю in petto:

Сенаторъ, и росту шесть футовъ! Притомъ,

Кузинъ не имѣетъ онъ въ Гетто.

«Всего сорокъ тысячъ флориновъ ему

Даю я за этою дочкой;

Изъ нихъ половину получить сейчасъ,
Другую—съ большою разсрочкой.

«Мой сынъ въ бургомистры у насъ попадетъ...
Ужъ рано ли, поздно-ль, а время
Такое настанетъ, когда до всего
Достигнетъ Екефово сѣмя!

«Мой зять, продувная каналья, вчера
Меня увѣрялъ: «Безъ обмана,
О, умница Екефъ, скажу я, что миръ
Въ тебѣ потерялъ Талейрана».

Такая бесѣда—въ то время, когда
Я въ Гамбургѣ жилъ, и безъ дѣла
Однажды гулялъ по Аллеѣ Дѣвиць—
Случайно ко мнѣ долетѣла.

19.

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

Не робѣй, забудь тревогу;
Смѣло свататься пойдешь
И невѣсту, безъ сомнѣнья,
Скоро въ церковь поведешь.

Не жалѣй оркестру денегъ—
Пусть играетъ до зари;
Расцѣлуй родныхъ супруги,
Мысля: чортъ васъ побери!

Не худи властей, и женщинъ
Осуждать остерегись,
И, свинью свою убивши,
На сосиски не скупись.

Если въ вѣрѣ слабъ, тѣмъ чаще
Въ храмъ являйся напоказъ,
Низко кланяйся пастору,
Угости его не разъ.

Зудъ почувствуешь ты въ тѣлѣ—
Добронравно почешись;
Башмаки жмутъ сильно ноги—
Тотчасъ въ туфли облекись.

Не брани жену ты съ сердцемъ,
Если супъ пересолить,
Но тверди: «Объдь твой, душка,
Возбуждаетъ аппетитъ».

Шаль она купить попросить—
Ты двѣ шали ей купи,
Въ кружева ее закутай,
Бриллиантовъ нацѣпи.

Если мой совѣтъ исполнишь,
То, мой другъ, не пропадешь:
Тамъ на небѣ рай увидишь,
На землѣ-жъ покой найдешь.

20.

ПОСРЕДНИЧЕСТВО.

Твоя душа пылка, горда—
Прекрасно это, да.
Но трезвый взглядъ на вещи все жъ
Твоей горячности дороже.

Нашъ врагъ дерется не за свѣтъ
И не за правду—нѣтъ!
Но у него есть пушки, ружья
И много вообще оружья.

Бери ружье свое, стрѣлокъ,
Спокойно вверхъ курокъ,
Стрѣлай—и если врагъ валится,
Пусть духъ твой бодро веселится.

21.

СИМПЛИЦИССИМУСЪ I.

Одинъ несчастья не выносить,
Другому счастье просто казнь;
Тѣхъ губить ненависть мужская,
А этихъ—женская пріязнь.

Когда я впервые тебя увидалъ,
Ты чуждъ былъ галантныхъ ухватокъ:
Не знали плебейскія руки твои
Изъ лайки блестящей перчатокъ;

Носилъ ты тогда сюртучишко еще
Зеленый, истасканный, узкій;
По локоть рукавички, фалды до пять—
Ну, вылитый хвостъ трясогузки.

Твой галстукъ былъ то, что мамашѣ твоей
Служило салфеткой когда-то;
Въ ту пору твоя не топорщилась грудь
Подъ шарфомъ, расшитымъ богато.

У обуви былъ видъ почтенный такой,
Какъ будто ты шилъ у Гансъ Сакса;
И чистило сало родное ее,
Какъ нынче—французская вакса.

Пачули не пахло еще отъ тебя,
Не паялилъ ты на носъ лорнетки,
Цѣпочки еще не имѣлъ золотой,
Жены и атласной жилетки.

Ты былъ равнодушенъ тогда вообще
Ко всѣмъ ухищреніямъ моды,
Жилъ просто; но годы тѣ были межъ тѣмъ—
Твои наилучшіе годы.

Имѣлъ волоса ты, подъ ними росли
Прекрасныя мысли; а нынѣ
Твой черепъ несчастный совсѣмъ оголенъ,
И пусто на немъ, какъ въ пустынѣ.

Исчезъ и лавровый вѣнокъ твой; прикрыть
Онъ плѣшь твою могъ бы немножко.
Кто такъ окарналъ тебя? Право, ты сталъ
Похожъ на обритуу кошку.

И золото тестя пропало (его
Онъ нажилъ продажею шелка);
Старикъ все горюетъ, что нѣтъ ни на грошъ
Въ нѣмецкой поэзіи толка.

Ахъ, это ужели тотъ самый «Живой»,
Который сожрать собирался
Всю землю, и князя фонъ Пюклеръ-Мюскау
Спровадить къ Плутону пытался?

Ужли это рыцарь блуждающій тотъ,
Съ Ла-Манчскимъ столь схожій во многомъ,

Который все письма тиранамъ писалъ
Студенчески дерзостнымъ слогомъ?

Ужли это первый въ борьбѣ за прогрессъ,
Фельдмаршалъ нѣмецкой свободы,
Всегда впереди волонтеровъ своихъ
Скакавшій въ минувшіе годы?

Былъ конь его бѣлаго цвѣта (всегда
Герои и-боги скакали
На бѣлыхъ)... Спасителя родины всѣ,
Въ восторгъ ликуя, встрѣчали.

Онъ былъ виртуозъ, поскакавшій верхомъ,
Францъ Листъ на конѣ, лунатичный
Паяцъ, шарлатанъ, балаганный герой,
Филистеровъ другъ закадычный!

Съ нимъ рядомъ неслась и супруга его
Съ огромнѣйшимъ носомъ. Такъ смѣло
На плягъ перо развѣвалось! Въ глазахъ
Такая отвага блестяла!

Преданіе есть, что супругу она
Дать бодрость старалась напрасно,
Когда отъ ружейной пальбы у него
Разстроились нервы ужасно.

Сказала: «Ну, полно быть зайцемъ! Откнишь
Всю трусость! Подумай, что надо
Теперь побѣдить иль погибнуть; что здѣсь
Быть-можетъ, корона—награда.

«О горѣ родимой земли, о своихъ
Долгахъ и невзгодахъ подумай.
Во Франкфуртѣ я короную тебя,
И Ротшильдъ значительной суммой

«Тебя, какъ другихъ государей, ссудить...
О, милый, какъ плащъ горностаинный
Къ лицу тебѣ будетъ! Повсюду ура,
Цвѣты и восторгъ чрезвычайный!..»

Вотще! Антипатій иныхъ побороть
Духъ самый высокій не воленъ:
Для Гёте былъ гадокъ табакъ; нашъ герой
Отъ запаха пороха боленъ.

Пальба все сильнѣе... блѣднѣетъ герой,
Нелѣпное что-то болтаетъ...
Онъ бредитъ какъ будто въ горячкѣ... Жена
Платкомъ длинный носъ закрываетъ.

Гласить такъ преданье. Правдиво-ль оно?
Кто знаетъ? Всѣ люди—творенья
Съ пороками. Славный Горацій—и тотъ
Постыдно бѣжалъ изъ сраженья.

Таковъ ужъ прекраснаго жребій: имѣтъ
Погибель конечною гранью;
Поэта стихи на обертку идутъ,
А самъ онъ становится дрянью.

22.

ВОЕВОДА ВИСЛОУХІЙ I.

Сошлись животныя гурьбой
Владыку выбирать. Само собой,
Что партія ословъ тутъ въ большинствѣ была—
И воеводой выбрали осла.
Но вы послушайте-ка—подъ секретомъ—
Что повѣтствуетъ хроника объ этомъ.

Осель на воеводство возомнилъ,
Что онъ похожъ на льва—и нарядилъ
Во львиную себя онъ шкуру
И сталъ по-львиному ревѣтъ онъ сдуру.
Компанію лишь съ лошадьми водилъ
И старыхъ всѣхъ ословъ тѣмъ разсердилъ.
Увидѣвши, что для своихъ полковъ
Набралъ онъ лишь бульдоговъ да волковъ,
Ослы еще сильнѣй пришли въ негодованье.
Когда-жъ онъ въ канцлерское званье
Возвелъ быка—ужасный гнѣвъ
Объявляя ословъ, пошелъ свирѣпый ревъ,
И стали даже говорить въ народѣ
О революціи. Объ этомъ воеводѣ
Было доложено. Онъ въ шкуру льва тотчасъ
Укутался, и отдаетъ приказъ—
Всѣмъ ропщущимъ осламъ къ нему явиться;
И съ рѣчью къ нимъ такой изволилъ обратиться:

«Высокородные ослы, и старъ, и младъ!
На вашъ фальшивый взглядъ
Такой же я оседь, какъ вы. Вы въ заблужденнъ:
Я левъ. Въ томъ удостовѣреннѣ
Даетъ мнѣ мой придворный кругъ,
Отъ первой фрейлины и до послѣднихъ слугъ.
Мой лейбъ-поэтъ поднесъ мнѣ оду,
Въ которой такъ онъ славить воеводу:
«Какъ два горба натурою даны
Верблюду, такъ тебѣ прирождены
Высокія всѣ свойства львины;
И уши въ сердцѣ у тебя отнюдь не длинны».
Такъ онъ поетъ въ строфахъ прекраснѣйшихъ своихъ—
Въ восторгѣ свита вся моя отъ нихъ.
Здѣсь всѣми я любимъ, и всѣ къ моимъ услугамъ:
Павлины гордые, другъ передъ другомъ
Наперерывъ, главу опахиваютъ мнѣ.
Я протезирую искусствамъ, я вдвойнѣ
И Меценатъ, и Августъ. Превосходный
Есть у меня театръ; котъ благородный
Героевъ роли исполняетъ въ немъ;
Танцовщица Мими, красоточка съ огнемъ,
И двадцать мопсовъ трушу составляютъ.
Есть академія художествъ; засѣдаютъ,
Согласно назначенію ея,
Въ ней геніальныя мартышки; я
Директоромъ имѣю мысль *in petto*
Взять Рафаэля гамбургскаго *getto*,
Герръ Лемана; онъ сверхъ того
Портретъ съ меня напишетъ самого.
Завель я оперу; даются и балеты;
Вполнѣ кокетливы, почти вполнѣ раздѣты,
Тамъ птички вверхъ и внизъ пускаютъ голоски,
И блохи дѣлаютъ чудесныя прыжки.
А капельмейстеромъ держу я Мейербера —
По музыкальной части миллионера.
Тенерь я заказалъ ему
Ко бракосочетанью моему
Дать пьесу съ обстановкой триумфальной.
Я самъ по части музыкальной
Немного практикуюсь—такъ, какъ встарь
Великій Фридрихъ, прусскій государь.
На флейтѣ онъ игралъ, на лютнѣ я играю,

И очень часто замѣчаю,
Что изъ прекрасныхъ дамскихъ глазъ
Чуть слезы не струятся каждый разъ,
Когда за инструментъ я сяду на досугъ.
Пріятный предстоитъ сюрпризъ моей супругѣ—
Открыть, какъ музыканель я.
Сама она, избранница моя—
Кобыла чудная, високаго полета,
И съ Россинантомъ донъ Кихота
Въ родствѣ ближайшемъ; точно также ей
Баярдъ Гаймона сыновей—
Ближайшій родственникъ, какъ это родословной
Бя доказано; въ ея фамилии кровной
Немало жеребцовъ могу я насчитать,
Которымъ выпалъ жребій ржать
Подъ арміей Годфрида изъ Бульона,
Когда во градъ святой онъ внесъ свои знамена.
Особенно-жъ моя грядущая жена
Блισταетъ красотой. Когда тряхнетъ она
Чудесной гривой, иль раздуетъ
Породистыя ноздри—все ликуеть
Въ моей душѣ, которая полна
Горячимъ вождельніемъ. Она
Въ парицы всѣхъ кобылъ поставлена природой—
И подаритъ меня наслѣднымъ воеводой.
Вы видите, что этотъ бракъ кладетъ
Моей династїи начало; не умреть
Мое въ потомствѣ имя, и отнынѣ
Запишется навѣкъ въ скрижаляхъ у богини
Исторїи; тамъ всѣ прочтутъ слова,
Что у себя въ груди носилъ я сердце льва,
Что правилъ я и мудро, и съ талантомъ—
При этомъ также былъ и музыкантомъ».

Тутъ онъ рыгнулъ, съ минуту промолчалъ,
И рѣчь затѣмъ такъ продолжалъ:

«Высокородные ослы, и старъ, и младъ!
Благоволенье вамъ оказывать я радъ,
Пока того вы будете достойны—
Пока и благонравны, и спокойны
Останетесь, и во-время платить
Налоги будете, и вообще такъ жить,

Какъ ваши предки въ стары годы:
Ни зноя не боясь, ни зимней непогоды,
Съ покорностью на мельницу мѣшки
Они таскали, далеки
Отъ мыслей революціонныхъ;
И ропота рѣчей ожесточенныхъ
На толстыхъ ихъ губахъ начальство никогда
Не слышало; была для нихъ чужда
Привычки старой перемѣна,
И въ ясляхъ у нея они жевали сѣно
Спокойно день и ночь.
То время старое умчалось прочь!
Вы, новые ослы, остались ослами,
Но скромность позабыта вами;
Смиренно машете и вы хвостомъ своимъ,
Но спѣсь строптивая скрывается подъ нимъ;
И вашъ нелѣпый видъ всѣхъ вводитъ въ заблужденіе:
Считаетъ васъ общественное мѣнье
Ослами честными—нечестны вы и злы,
Хоть по наружности—смиренные ослы.
Когда подъ хвостъ вамъ насыпаютъ перцу,
Вы, горячо принявши это къ сердцу,
Тотчасъ такой ослиный ревъ
Подымете, что думаешь—вашъ гнѣвъ
Всю землю разнесетъ, а вы липъ на оранье
Способны глупое. Смѣшно негодованье
Безсильное. Свидѣтелемъ оно,
Какъ много въ васъ затаено
Подъ кожу ослиной
И гнусной скверности, и хитрости змѣиной,
И козней всяческаго рода,
И желчи, и отравы».

Воевода

Тутъ вновь рыгнувъ, съ минуту помолчалъ,
И рѣчь затѣмъ такъ продолжалъ:

«Высокородные ослы, и старъ, и младъ!
Вы видите—я знаю весь вашъ складъ;
И я сердить, сердить свирѣпо,
Что вы безстыдно такъ и такъ нелѣпо
Понosite мое правленье. Со своей
Ослиной точки зрѣнія, идей
Высокихъ льва понять вамъ невозможно.

Смотрите, будьте осторожны!
Растетъ вѣдь во владѣнiяхъ моихъ
Немало и березъ, и дубовъ, и изъ нихъ
Я висѣлицъ могу настроить превосходныхъ,
И палокъ тоже, къ дѣлу очень годныхъ.
Я добрый вамъ совѣтъ даю:
Не вмѣшивайтесь вы въ политику мою,
Въ мои дѣла; языкъ держите за зубами.
Чуть попадется между вами
Мнѣ въ руки дерзкій резонёръ—
Его тотчасъ публично живодеръ
Отдуетъ палками; иль шерсть чесать изволь-ка
Въ смиренномъ дому. А если только
Посмѣетъ кто-нибудь повесть хоть разговоръ
Про тайный заговоръ,
Чтобы поднять мятежь, построить баррикады—
Повѣшу безъ пощады!
Вотъ что хотѣлъ, ослы, сказать я вамъ.
Теперь ступайте съ миромъ по домамъ».

Когда онъ кончилъ рѣчь, пришли въ восторгъ великiй
Ослы, и старъ, и младъ,—и полетѣли клики
Единогласные: «I—a! I—a!
Да здравствуетъ нашъ вождь! Ура! Ура!»

23.

ОСЛЫ-ИЗБИРАТЕЛИ.

Наскучила скоро свобода. Тогда
Въ собраньяхъ, на сходкахъ несчетныхъ
Диктатора вдругъ пожелала имѣть
Республика разныхъ животныхъ.

Они къ избирательной урнѣ сошлись,
Трактую, шумя безшабашно;
Интриги коварныя пущены въ ходъ,
Духъ партiй свирѣпствовалъ страшно.

Собраньемъ ословъ управлялъ комитетъ
Изъ старцевъ; они отличались
Всѣмъ тѣмъ, что кокарды трехъ нашихъ цвѣтовъ
На ихъ головахъ красовались.

Хотя небольшая, но партiя тамъ
Была и старшинъ лошадиныхъ;

Но голосъ не смѣла она подавать,
Боясь дикихъ криковъ ослиныхъ.

Когда же какой-то осель предложилъ—
О, ужасъ!—коня въ кандидаты,
Одинъ вислоухій его перебилъ:
«Измѣнникъ! Название осла ты

«Срамишь—нѣтъ ослиной кровинки въ тебѣ...
Готовъ объ закладъ я побиться,
Что ты не осель, что тебя родила
Французской земли кобылица.

«Иль ты производишь отъ зебры—готовъ.
Я это поддерживать мнѣнъ;
Затѣмъ по гнусливому голосу ты
Еврейскаго происхожденья.

«Но если все это неправда—осель
Ты только сухой и холодный,
И чужды тебѣ глубь ослиной души;
Ея мистицизмъ благородный.

«А мнѣ эти чувства ослиныя—мнѣ
Всего они въ мѣрѣ дороже;
Осель я, и каждый мой волосъ въ хвостѣ—
Осель совершеннѣйшій тоже.

«Не римлянинъ я, не изъ рода славянъ,
Нѣмецкій осель я природный,
Какъ предки мои—очень умный народъ,
Устойчивый и благородный.

«Ихъ жизнь протекала вдали отъ всего,
Что дерзко, порочно, зазорно;
Они ежедневно таскали мѣшки
На мельницу бодро, покорно.

«Но предки не умерли. Кости лишь ихъ
Зарыты въ лѣсу иль въ долинѣ,
Но сами они, улыбаясь, глядятъ
На насъ съ высоты и донинѣ.

«О, предки-ослы! Мы на васъ походить
Желаемъ во всемъ, безъ сомнѣнья,
Съ тропинки ослинаго долга боясь
Сойти на стезю заблужденья.

«Какое блаженство родиться осломъ,
Такихъ вислоухихъ быть внукомъ!..
Кричать я готовъ со всѣхъ крышъ: я осель!
И волю дать радостнымъ звукамъ.

«Отець мой былъ рослый нѣмецкій осель,
Какихъ нынче встрѣтите мало;
Нѣмецкимъ ослинымъ однимъ молокомъ
Меня моя мамка питала.

«Я кровный осель и отцамъ подражать
Желаю во всемъ и повсюду;
Ослячество мило и дорого мнѣ,
Ему измѣнять я не буду.

«И такъ какъ осель я, то вамъ мой совѣтъ:
Среди вислоухихъ героевъ
Осла непременно избрать въ короли,
Ослиное царство устройте.

«Мы—всѣ поголовно ослы! Лошадямъ
Нигдѣ не дадимъ мы прохода...
Да здравствуетъ многіе годы, ура,
Король изъ ослинаго рода!..»

Витійствовалъ такъ патриотъ, и кругомъ
Пошелъ одобренія ропотъ;
Копытъ не жалѣли ослы, и слился
Съ ихъ ревомъ ослиный ихъ топотъ.

Увѣнчанный свѣжимъ дубовымъ вѣнкомъ,
Ораторъ безмолвно, серьезно
Кивалъ въ благодарность сѣдой головой,
Махая хвостомъ граціозно.

24.

ВСЕ ЗАВИСИТЪ ОТЪ КОЛИЧЕСТВА.

«Пирожки, которые я до сихъ поръ
продавалъ по три зильберггроша, теперь
продаю по два; причина этому—потреб-
ляемое большое количество.

Изъ объявленія кондитера.

Никогда въ моемъ воспоминаньи—
Будто бы изъ бронзы изваянье—
Не исчезнетъ объявленье это,

Что представила однажды мнѣ газета
«Указатель Справокъ»,—посвященный

Пруссіи столицѣ просвѣщенной.
О, дорогой Берлинъ мой! Знаю я,
Что будетъ вѣчно слава зеленѣть твоя,
Какъ зелень «Липъ» твоихъ не увидаетъ...
Ну, что Тиргартенъ? Какъ онъ поживаетъ?
Попрежнему ли въ немъ живетъ
Животное, что мирно пиво пьетъ
Съ блондинкою женой въ краю благочестивомъ,
Гдѣ нравовъ чистота съ холоднымъ пивомъ.

Любезный мой Берлинъ! Теперь въ кого
Ты сыпешь стрѣлы остроумья своего?
Въ мое вѣдъ время у тебя въ стѣнахъ
Лишь двое упражнялись въ острогахъ:
Высокій и извѣстный принцъ наслѣдный —
Тотъ, что теперь на тронѣ. Бѣдный!
Онъ съ той поры ужъ не острить,
И грустно голова съ короною висить.
Къ монарху этому вѣдъ слабость я питаю,
Отчасти схожи мы—я полагаю:
Талантъ, блестящій умъ,—и я навѣрно
Народомъ управлялъ бы такъ же скверно.
Для насъ равно противно, дико
Прекрасное чудовище—музыка;
Поэтому онъ протежируетъ безъ мѣры
Убийцу музыки—маэстро Мейербера.
Что государь бралъ деньги отъ него —
Фальшивый слухъ. Вѣдъ мало ли чего
Не принимаемъ мы на вѣру!
Ни гроша государь не стоитъ Мейерберу;
И нашъ маэстро, для него въ Берлинѣ
Дирижируя оперой, понынѣ
Всю плату тоже en monnaie de signe беретъ —
На мѣсто денегъ ордена, почетъ;
И онъ—я смѣло въ этомъ поручусь —
Работаетъ pour le roi de Prusse.
При мысли о тебѣ, Берлинъ родной,
И университетъ встаетъ передо мной.
Тамъ скачутъ мимо красные уланы,
Реветь труба, грохочутъ барабаны

И музыки солдатской звуки
Проходят даже въ храмъ служителей науки.
Ну, какъ живется въ немъ профессорамъ,
По длиннымъ болѣе иль менѣе ушамъ,
Мнѣ памятнымъ? Слащавый, какъ конфектъ,
Изящный трубадуръ Пандектъ
Де-Савиньи что дѣлаетъ? Быть-можетъ,
Его давно ужъ червь въ могилѣ гложетъ;
Не знаю; смѣло мнѣ сказать, друзья,
Вы можете—не испугаюсь я,
И Лотта нѣтъ на свѣтѣ! Смертный часъ
Бьетъ для собакъ такъ точно, какъ для насъ,
Тѣмъ болѣе для тѣхъ собакъ, конечно,
Которыя на разумъ лаютъ вѣчно
И всѣхъ свободныхъ нѣмцевъ между нами
Охотно-бъ римскими подѣлали рабами.
А Масманъ съ плоскимъ носомъ? Онъ
Все живъ еще или похороненъ?
О, для меня пусть остается тайной,
Коль онъ издохъ! Иначе чрезвычайно,
До слезъ я огорчусь. О, да,
Пусть долгіе еще года
На ножкахъ маленькихъ онъ сѣменить по свѣту,
Къ всеобщей радости!.. Ахъ, я фигурку эту
Любилъ такъ долго! И до этихъ поръ
Ее передъ собой мой видитъ взоръ:
Хоть ростомъ крошеченъ, какъ точка,
Онъ пилъ, однако же, какъ бочка,
Съ студентами своими же—и разъ
Отъ пива юноши пришли въ такой экстазъ,
Что на гимнаста вдругъ посыпались побои,—
Да и какіе!.. Юные герои
Хотѣли доказать, что силу кулаковъ
Понинѣ, несмотря на ходъ вѣковъ,
Хранять Туснельдовы и Германовы внуки...
Германскія невымытыя руки
Безъ перерыва колотили... Точно градъ
Ударовъ сыпался... Потомъ пинками въ задъ
Усердно угощали. И терпѣла
Все кляча бѣдная. «Предѣла
Нѣтъ изумленью моему,—
Воскликнулъ я къ нему:—
Откуда у тебя терпѣнье

Переносить такое колоченье?
Ты—новый Бруты!»
Но Масманъ отвѣчалъ мнѣ: «Тутъ
Все дѣлаетъ количество большое».

Да, à rgoros; какъ нынѣшней весной
Въ Берлинѣ уродились рѣпа, огурцы?
А литераторы? Такіе-жъ молодцы,
Такіе-жъ бравые, какъ прежде, и понинѣ?
И генія попрежнему въ поминѣ
Межъ ними нѣтъ? А впрочемъ, для чего
Намъ геній? Лучше безъ него -
Мы проживемъ,—намъ болѣе отрады
Доставятъ скромные и набожные взгляды;
И нравственные люди намъ дадутъ
Хорошее, котораго въ нихъ много. Тутъ
Все дѣлаетъ количество большое.

А офицеры гвардіи? Какое
Ихъ поведеніе? Все хранить
Надменный видъ, нахальный взглядъ
И узко зашнурованную талью?
Попрежнему всѣхъ прочихъ какъ «каналью»
Третируютъ? Смотрите, господа,
Поосторожнѣе, чтобъ не стряслась бѣда!
Еще не прорвалась плотина, но
Уже трещить, трещить давно.
И Бранденбургскія ворота по сю пору
Попрежнему широки и высоки. Скоро
Случится можетъ, что за нихъ швырнуть
Васъ всѣхъ и съ принцемъ прусскимъ. Тутъ
Все дѣлаетъ количество большое.

25.

О Т В Ъ Т Ъ.

(Отрывокъ).

На налегадшій путь вступилъ ты; но повѣрь,
Мысль, что прислѣлъ ужъ часъ—большое заблужденіе;
Не мирты ароматъ былъ слышенъ въ дуновеньи,
Къ намъ изъ Германіи донесшемся теперь.
Цельзя торжествовать, пока терпимъ въ народѣ

Вооруженный сбирь; мнѣ страхъ волнуетъ кровь,
Когда осель и волкъ поютъ хвалу свободѣ,
Или когда змѣя воркуетъ про любовь.

.

26.

СТРАНСТВУЮЩІЯ КРЫСЫ.

Крысъ на нашемъ свѣтѣ два различныхъ рода:
Сытый и голодный. Первая порода
Дома пребываетъ въ холѣ и теплѣ,
А вторая бродить-бродить по землѣ.

Дружными толпами, отдыха не зная,
Все впередъ уходитъ, злобная такая,
Гнѣвно сморщивъ брови, съ сумрачнымъ лицомъ...
Бури, непогоды—все ей ни по чемъ.

Сквозь лѣса проходятъ, на горы влѣзаютъ;
Рѣки, волны моря крысъ не устрашаютъ.
На дорогѣ гибнетъ, тонетъ много ихъ,—
Все идутъ, бросая мертвецовъ своихъ.
Страшны и зловѣщи эти крысы морды!
Головы скитальцевъ, поднятыя гордо,
Выстрижены гладко: каждый волосокъ
Радикально срѣзанъ, ультра-коротокъ.

Радикалы-крысы ни во что на свѣтѣ
Не имѣютъ вѣры; объ авторитетѣ,
Чей бы тамъ онъ ни былъ, слышать не хотятъ
Всѣ—отъ самыхъ старыхъ до птенцовъ крысятъ.
Чуждыя малѣйше выпренней идеѣ,
Только и хлопчутъ, какъ бы посытнѣе
Выпить и нажраться; въ мысль имъ не придетъ,
Что нашъ духъ безсмертный выше, чѣмъ животь;
Дико и строптиво путь свой совершаютъ,
Ада не боятся, кошекъ презираютъ;
Нѣтъ у нихъ имуществъ, денегъ тоже нѣтъ,
А хотятъ—поди-ка!—перестроить свѣтъ!

Горе намъ, о, горе! Страшные бродяги
Ближе все подходятъ, полные отваги...
Вотъ ужъ свистъ нахальный... Ясно слышенъ онъ...
Сколько ихъ, о, Боже! цѣлый легионъ!..

Горе! Мы погибли! Смерть висить надъ нами!..
Вотъ ужъ эти крысы передъ воротами...
Бургомистръ почтенный ужасомъ объять,
Растерялся мудрый городской сенать...

Городъ огласился криками и стономъ,
Звуками оружья, колокольнымъ звономъ...
Страшная опасность! Все пропасть должно,
Что стоитъ на свѣтѣ крѣпко и давно!

Тщетны всѣ усилья, бѣдненькія дѣти!
Ахъ, ни эти пушки, ни молитвы эти,
Ни указы мудрыхъ городскихъ властей
Не спасутъ васъ нынче отъ такихъ гостей.

Не спасутъ и фразы, доводы разсудка —
На манеръ извѣстный новая погудка...
Крысу не поймашь въ тонкій силлогизмъ,
Крыса перепрыгнетъ чрезъ любой софизмъ.

Ахъ, въ желудкѣ тощемъ пониманье тупо:
Признаеть онъ только аргументы супа,
Подчиниться можетъ логикѣ одной —
Мяса съ геттингенской сочной ветчиной.

Глупый безсловесный поросенокъ съ саломъ
Цѣнится дороже крысой-радикаломъ,
Чѣмъ любой ораторъ—превзойди хоть онъ
Мирабо, будь даже новый Цицеронъ!..

27.

Въ Германіи, драгой моей отчизнѣ,
Куда ни глянь—растутъ деревья жизни;
Плоды манять... но только на бѣду,
Все чучела разставлены въ саду.

А мы,—увы!—на воробьевъ похожи —
И насъ страшать всѣхъ этихъ чучель рожи...
Какъ вишенки не рдѣютъ на вѣтвяхъ,
Мы все поемъ съ смиреніемъ въ сердцахъ:

Ахъ, вишенки снаружи, правда, красны,
Но косточки внутри ея опасны;
И только тамъ, въ надзвѣздной вышинѣ,
Въ ея садахъ—безъ косточекъ онѣ.

Господь Отецъ, и Сынъ, и Духъ, Святая
Вся Троица, Тебя благословляя,
Стремится въ высъ, гдѣ жизнь такъ хороша,
Несчастливая нѣмецкая душа.

Туда, туда, въ надзвѣздныя селенья,
Всѣ вѣчныя укрылись наслажденья;
А здѣсь, внизу—все грѣхъ, печаль, труды,
Мученія и кислые плоды!

28.

ИВАНЪ БЕЗЗЕМЕЛЬНЫЙ.

Иванъ Безземельный воскликнулъ: «Жена!
Я ѣду! Прощай, дорогая!
Я призванъ къ высокому дѣлу, и ждетъ
Меня ужъ охота иная.

«Тебѣ я оставлю охотничій рогъ;
Чтобъ скукою ты не томилась,
Труби иногда; обращаться съ трубой
Ты дома давно научилась.

«Я также оставлю собаку тебѣ,
Для замка она—стражъ примѣрный;
Меня-жь охранить мой нѣмецкій народъ,
Съ душой его пудельно-вѣрной.

«Онъ мнѣ предложилъ императорскій тронъ, —
Любовью ко мнѣ онъ пылаетъ;
Онъ образъ мой носить въ груди у себя,
И трубки онъ имъ украшаетъ.

«Вы, милые нѣмцы, великій народъ,
Простаки и талантливый вмѣстѣ;
Что порохъ придумали нѣкогда вы,
Васъ зная, не вѣришь по чести.

«Я буду для васъ не владыкой—отцомъ,
И счастье народъ мой узнаетъ...
Какъ будто бы матерью Гракховъ былъ я —
Такъ это меня восхищаетъ!

«Не разумомъ вовсе, а чувствомъ однимъ
Народомъ хочу управлять я...
Хитрить не умѣю я, какъ дипломатъ,
И чужды мнѣ всѣ ихъ понятія.

«Охотникъ я, выросшій въ дикомъ лѣсу
И близкій по нраву къ природѣ.
Гоняться за всякою дичью люблю,
Болтать не умѣю по модѣ;

«Печатью не стану морочить людей
И всѣ прокламаціи кину...
Народъ мой,—скажу я:—питайся треской,
Когда ѣсть нельзя лососину.

«Когда-жъ въ императоры я не гожусь,
Паршивца возьми ты любого;
Въ Тиролѣ могу безъ тебя я прожить,
Могу пріютиться тамъ снова.

«Однако, жена, будь здорова, прощай!
Мнѣ мѣшкать мой долгъ запрещаетъ;
Мой тесть ужъ давно почтальона прислалъ,
И онъ съ лошадьми ожидаетъ.

«Подай же дорожную шапку мою
Съ шуркомъ черно-желто-пунцовымъ,
Увидишь ты скоро въ коронѣ меня
Подъ кесарскимъ древнимъ покровомъ.

«Увидишь меня скоро въ пурпурѣ ты,
Въ порфирѣ—знакъ царскаго сана.
Ее императоръ Отгонъ получилъ
Въ подарокъ еще отъ султана.

«Подъ мантией будетъ далматика,
На ней изъ большихъ изумрудовъ
Процессія сказочныхъ разныхъ звѣрей,
И тигровъ, и львовъ, и верблюдовъ.

«Съ груди же спускается епитрахиль
Съ орлами по желтому фону...
Такая одежда мнѣ будетъ къ лицу,
Когда помѣшусь я на тронѣ.

«Прощай! Можетъ статья, потомство меня
Почтить и въ примѣръ всѣмъ укажетъ...
А впрочемъ, кто знаетъ, оно обо мнѣ,
Пожалуй, ни слова не скажетъ».

29.

ВОСПОМИНАНІЕ

о страшныхъ дняхъ въ Кривинкелѣ

«Мы бургомистръ и весь сенатъ,
Чтобъ зналъ о томъ и старъ, и младъ,
Печатаемъ на усмотрѣнїе
Всѣхъ вѣрныхъ гражданъ повелѣнїе:

«Всѣ иностранцы между насъ
Раздоры сѣяли не разъ.
Среди туземцевъ—славьте Бога! —
Такихъ мятежниковъ не много.

«Богоотступники они,
А тотъ, кто, Боже сохрани,
Не вѣруетъ, тотъ настоящимъ
Властямъ невѣренъ прѣдержавшимъ.

«Будь христіанинъ или жидъ—
Власть уважать всѣмъ надлежитъ.
Едва стемнѣетъ—запирайте
Всѣ лавки и домой ступайте.

«Коль трое гдѣ-нибудь сошлись,
То нужно тотчасъ разойтись.
Безъ фонарей, подобно вору,
Не смѣть ходить въ ночную пору.

«Обязанъ каждый снести свое
Оружье—пистолетъ, ружье—
Въ полицію; непослушанье
Влечетъ тотчасъ же наказанье.

«Внѣ дома кто раскроетъ ротъ,
Разстрѣлянъ мигомъ будетъ тотъ;
Посредствомъ жестовъ объясненье
Карается, какъ преступленье.

«Довѣрьтесь намъ, и будетъ радъ
Васъ защищать нашъ магистратъ
Высокомудрый; вы же сами
Языкъ держите за зубами».

А У Д І Е Н Ц І Я.

(Старая сказка).

«Какъ царь Фараонъ, не желаю топить
Младенцевъ я въ нильскомъ теченьи;
Я тоже не Иродъ-тиранъ; для меня
Противно дѣтей избіенъе.

«Пускай ко мнѣ дѣти придуть; я хочу
Наивностью ихъ усладиться,
А съ ними и швабскій ребенокъ большой
Пускай не замедлитъ явиться».

Такъ молвилъ король. Камергеръ побѣждалъ
И ждать себя мало заставилъ:
Большого ребенка изъ Швабіи онъ
Привелъ къ королю и представилъ.

— Ты швабъ?—сталъ спрашивать добрый король:—
Признайся—чего тутъ стыдиться?

— Вы правы,—отвѣтилъ почтительно швабъ:—
Я швабомъ имѣлъ честь родиться.

— Отъ сколькихъ же швабовъ ведешь ты свой родъ?
Ихъ семь? Отвѣчай мнѣ по чести.

— Отъ шваба единого я родился,
Родиться не могъ отъ всѣхъ вмѣстѣ.

— А въ Швабіи лукъ былъ каковъ въ этотъ годъ?—
Вновь къ швабу король обратился.

— Позвольте за спросъ вамъ отвѣсить поклонъ:
Отличнѣйшій лукъ уродился.

— А есть у васъ люди великіе?—Швабъ
На это: «По милости Бога,
У швабовъ великихъ людей теперь нѣтъ,
Но толстыхъ людей очень много».

— А Менцель,—король продолжалъ:—получилъ
Еще хотя пару пощечинъ?

— Довольно и старыхъ пощечинъ ему:
Онъ ими пресытился очень.

— Наружность обманчива,—молвилъ король:—
Ты вовсе не глупъ, въ самомъ дѣлѣ.

— Причина тому: домовой подмѣнилъ
Когда-то меня въ колыбели.

— Всѣ швабы,—замѣтилъ король:—край родной
Привыкли любить больше жизни,
Такъ что-жь побудило тебя предпочесть
Край чуждый любезной отчизнѣ?

— Я дома,—отвѣтилъ швабъ:—рѣпой одной,
Да кислой капустой питался,
Но если-бъ къ обѣду я мясо имѣлъ,
То дома, конечно-бъ, остался.

— Проси, о чемъ хочешь,—воскликнулъ король:—
Все сдѣлаю, швабу въ угоду.
Швабъ сталъ на колѣни: «Молю, государь,
Даруйте опять намъ свободу!

«Никто не родится холопомъ на свѣтъ;
Свободу, король намъ отдайте
И правъ человѣческихъ, правъ дорогихъ
Германскій народъ не лишайте!»

Стоялъ, потрясенный глубоко, король
Въ смущеньи, безъ царственной позы,
А швабъ между тѣмъ рукавомъ вытиралъ
Изъ глазъ побѣжавшія слезы.

— Мечты!—наконецъ, повелитель изрекъ:—
Прощай и впередъ будь умнѣе!
Но такъ какъ лунатикъ ты, милый мой швабъ,
То дамъ провожатыхъ тебѣ я.

Двухъ вѣрныхъ жандармовъ я дамъ, чтобъ они
Тебя довели до границы...
Но, чу! барабанъ—на парадъ я спѣшу,
На радость моей всей столицы.

Таковъ былъ сердечный, прекрасный конецъ
Бесѣды; но съ этой минуты
Ужъ добрый король пересталъ навсегда
Дѣтей призывать почему-то.

ВОСПОМИНАНІЕ О ГАММОНИИ.

Сироты проходятъ стройно,
По двѣ въ рядъ, смотря спокойно,

Въ синихъ платицахъ своихъ,
И пылаютъ щечки ихъ...
О, красивыя сиротки!

Звонъ копилки раздается,
И со всѣхъ сторонъ несется
Подаянье; видъ сиротъ
Всюду трогаетъ народъ.
О, красивыя сиротки!

Къ дѣтямъ женщины подходятъ,
Ихъ ласкаютъ, рѣчь заводятъ
И счастливымъ изъ ребятъ
Пряникъ сахарный дарятъ.
О, красивыя сиротки!

Шмуть, въ смущеньи шляпу скинувъ
И въ копилку талеръ кинувъ,
Такъ какъ сердце въ немъ не ледъ,
Дальше весело идетъ.
О, красивыя сиротки!

Вотъ купецъ, благочестиво
Положивъ луидоръ, живо
Не взглянуть наверхъ не могъ:
Пусть-ка тамъ замѣтитъ Богъ!
О, красивыя сиротки!

Бочари, ткачи и прочій
Городской весь людъ рабочій
За здоровье тѣхъ сиротъ
Нынче выпьетъ въ своей чередъ.
О, красивыя сиротки!

Сзади ихъ, скрывъ санъ богини,
Выступаетъ гордо нынѣ
И Гаммонія сама,
Дама видная весьма.
О, красивыя сиротки!

На лугу, пройдя ворота,
Музыкантовъ ждетъ работа,
И пируете съ утра
Въ этотъ день среди шатра
Вы, красивыя сиротки!

Сколько тортовъ, каши сладкой,
Пирожковъ!.. И не украдкой,
А при всѣхъ, и здѣсь, и тутъ
Словно мышки ихъ грызутъ,
Эти бѣдныя сиротки.

Вспомнилъ я, хотъ вспомнить больно
Тотъ сиротскій домъ неволью,
Гдѣ, лишь видя вѣчный гнетъ,
Милліонъ сиротъ живетъ...
О, несчастныя сиротки!

Нѣтъ печальнѣе жилища,
Тамъ рѣдка и въ праздникъ пища;
Да и бродягъ круглый годъ
Не по-парно, а вразбродъ
Эти бѣдныя сиротки.

32.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ВЪ ЕЛИСЕЙСКІЯ ПОЛЯ.

На катафалкѣ блѣдный трупъ лежалъ,
А духъ умершаго на небо улеталъ;
Юдоль покинувъ навсегда земную,
Искалъ себѣ обитель онъ иную.

И вотъ эдема передъ нимъ врата,
Но въ нихъ калитка крѣпко заперта.
Душа съ тоской взмолилась тутъ, вздыхая:
Отверзите, молю, мнѣ двери рая!
Пройдя тернистый, долгій жизни путь,
Стремлюся я скорѣе отдохнуть
На шелковомъ, изъ нуха, мягкомъ ложѣ.
Вкусить блаженства жажду я, о, Боже!
И съ ангелами мнѣ недурно здѣсь порой
Заняться въ жмурки рѣзвою игрой.

Шаги послышались за райскими вратами.
Тамъ кто-то шлепалъ старыми туфлями,
Раздался звонъ ключей, съдой старикъ
Къ окну съ рѣшеткою своимъ лицомъ приникъ.
На зовъ души промолвилъ старецъ строго:
«Ишь, васъ шатается сюда какъ много!
Нивѣсть откуда лѣзетъ всякій сбродъ:
Бродяги, лодыри, отпѣтый все народъ!

Цыгане, поляки и готтентоты
Стучатся въ наши райскія ворота,
То въ одиночку, то валяютъ гуртомъ
И впуска требуютъ настойчиво притомъ.
Всѣ обратиться въ ангеловъ желаютъ,
За подвиги свои себѣ блаженства чаютъ.
Эхъ! эхъ! Такъ и впустилъ, бездѣльники, я васъ
Въ чертоги райскіе, да къ ангеламъ сейчасъ!
Неужто мѣсто здѣсь для вашей гнусной братьи?
Обречены вы вѣчному проклятью,
Добыча сатаны! Прочь, прочь, ступайте въ адъ!
Оттуда ужъ не вырветесь назадъ!»

Но вдругъ ворчунъ перестаетъ браниться—
Знать, надоѣло старику сердиться—
И онъ пришельцу мягко говоритъ:
«О, бѣдная душа! Меня твой тронулъ видъ.
Исполню, такъ и быть, твое моленье,
Сегодня кстати ужъ мое рожденье.
Ты тѣмъ головорѣзамъ не сродни,
Но разспросить тебя я долженъ, извини,
Кто ты таковъ, гдѣ жилъ, откуда родомъ?
Да не былъ ли женатъ? прибавлю мимоходомъ,
Женатыхъ жариться не посылаютъ въ адъ,
Они не долго ждутъ у райскихъ вратъ;
Имъ на землѣ за брачное терпѣнье
Бываетъ часто всѣхъ грѣховъ прощенье»
— Изъ Пруссіи я,—молвила душа,
Скорѣй отвѣтить старику спѣша.—
Берлинъ, такъ городу родимому названье.
Тамъ въ Шпре рѣкѣ кадетское купанье;
Когда идутъ дожди, то въ ней вода
Въ достаточномъ количествѣ всегда.
Въ Берлинѣ я служилъ приватъ-доцентомъ
И философію читалъ студентамъ.
Женился я на барышнѣ одной,
Но нравъ у ней былъ ой-ой-ой!
Особенно, когда намъ не хватало хлѣба...
Потомъ меня на судъ призвало небо».

«Бѣда! бѣда!—привратникъ тутъ вскричалъ:—
Плохое-жъ ремесло, пріятель, ты избралъ.
Къ чему оно? Вѣдь это, право, чудно!

Невыгодно оно и слишкомъ трудно.
Безбожное занятіе притомъ:
Богатства не внесетъ философъ въ домъ.
Его удѣлъ лишь голодъ и сомнѣнья,
И къ чоргу попадетъ онъ въ заключенье.
Какъ не браниться съ бѣдной тутъ женой?
Надъ супомъ водянистымъ вой
Она навѣрно часто поднимала,
На немъ не видя блески сала.
Въ обитель горнюю, однако, я сейчасъ
Впущу тебя. Хоть строгій данъ приказъ
Отъ этихъ вратъ гнать каждого съ позоромъ,
Кто занимался философскимъ вздоромъ.
А если нѣмецъ онъ, безбожникъ, ну, тогда
Философу у насъ совсѣмъ бѣда.
Но, какъ сказалъ, для своего рожденья
Я дѣлаю сегодня исключенье.
Ступай скорѣй, я отворяю дверь
И въ безопасности полнѣйшей ты теперь
На небѣ день-деньской отъ самаго утра
Гуляй, куда спать придетъ пора.
Фланируй безъ заботъ по камнямъ самоцвѣтнымъ,
На улицахъ, мечтамъ отдавшись завѣтнымъ,
Но только помни: даже невзначай
О философіи своей не поминай.
Компрометированъ,—что всякому понятно—
Твоею выходкой я былъ бы безвозвратно.
Когда-жъ услышишь духовъ свѣтлыхъ хоръ,
Къ нимъ обрати сейчасъ ты умиленный взоръ,
А если запоетъ кто поважнѣе,
То отъ восторга съ виду млѣй скорѣе.
Увѣрь пѣвца, что ты такихъ соправъ
Не слышалъ на землѣ у смертныхъ Малибранъ,
Другихъ артистовъ, сравнивай съ Рубини,
И съ Маріо, и съ Тамбурини.
Титулы имъ ты не скупись давать,
«Превосходительствомъ» почаще величать.
Пѣвцы равны на небѣ, какъ подъ небомъ:
Имъ служить лезть всегда духовнымъ хлѣбомъ.
И въ дирижерѣ та же слабость есть.
Онъ также любитъ похвалы и честь...

«Меня не забывай. Когда тебѣ наскучить

Вся роскошь рая, или сплнть замучить,
Приди ко мнѣ въ картишки поиграть,
Различныя могу я игры показать—
Ландскнехта, штоса, фараона тайны...
Да, а прогос! Когда-бъ случайно
Съ тобой въ обители небесъ
Вдругъ повстрѣчался самъ Зевесъ
И задалъ бы вопросъ: «Откуда ты, любезный?»
То мой совѣтъ тебѣ полезный—
Не называй Берлинъ; а лучше ужъ соври:
Ну, Мюнхенъ, Вѣну избѣри».

33.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ГИМНЪ.

Мейерберъ! Все онъ, да онъ!
Что за шумъ со всѣхъ стороны!
Да неужли въ самомъ дѣлѣ
Ты на этой ужъ недѣлѣ
Разрѣшишься и на свѣтъ
Послѣ многихъ, многихъ лѣтъ,
Страшныхъ болей въ животѣ,
Выидеть въ чудной красотѣ
Музыкальный плодъ великій—
И правдивы эти клики?
Неужели, наконецъ,
Ты дѣйствительно отецъ
Сына, въ творчествѣ высокомъ
Нареченнаго «Пророкомъ»?

Да, не выдумка газетъ
Эта новость! Да, на свѣтъ
Вышелъ онъ, ребенокъ чудный!
Да, процессъ рожденья трудный
Совершился, наконецъ;
И родильница отецъ,
Съ облегченьемъ сладкимъ въ тѣлѣ,
Распростертъ въ своей постели;
И припарки на животъ
Другъ Гуэнъ ему кладеть.
Вдругъ—среди тишины спокойной,
Раздается вой нестройный;
Звуки трубъ... Израиль здѣсь
Собрался, и этотъ весь

Дикій хоръ, объятый жаромъ
Востъ (большей частью даромъ):
«Славься выше всякихъ мѣръ,
Нашъ великій Мейербергъ!
Ты, страдавшій такъ жестоко,
Чтобъ родить для насъ Пророка!»

Но изъ хора вотъ одинъ
Очень юный господинъ
Выступаетъ предъ народомъ;
Брандусъ по фамильи; родомъ
Онъ изъ Пруссіи; весьма
Скромень съ виду (хоть ума
Въ немъ палата—словно знаетъ,
Гдѣ зимой ракъ обитаетъ;
Научилъ его одинъ
Знаменитый бедуинъ,
Крысоловъ, его пріятель
И предшественникъ-издатель).
Барабанъ хватаетъ онъ
И побѣдой опьяненъ—
Какъ прославила когда-то
Мириамъ побѣду брата—
Онъ торжественно поетъ:
«Геніальный чудный потъ
Осторожно, понемногу
Пролагалъ себѣ дорогу
Въ запертой бассейна кругъ;
Но раскрылись шлюзы вдругъ—
И вода волной оттуда
Гордо хлынула... О, чудо!
Передъ нами ужъ рѣка!
Да, раздольна, глубока,
Образъ мощи и свободы,
Какъ Ефратъ, какъ Ганга воды,
Гдѣ купаются слоны,
Пальмами осѣнены;—
Какъ стремленье рейнскихъ водъ
У Шафгаузена съ высотъ,
Гдѣ бурлитъ, кипитъ пучина,
И студенты изъ Берлина
Въ брюкахъ вымокшихъ глядятъ
На могучій водопадъ;—

Какъ той Вислы бѣгъ свободный,
Гдѣ сынъ Польши благородный,
Пѣснь поетъ, чешась отъ вшей,
О сынахъ земли своей,
О ея страданьяхъ жгучихъ —
Подъ вѣтвями ивъ плакучихъ...
Да, какъ море, широка
Наша славная рѣка,
Море то, гдѣ въ годы оны
Сгибло войско Фараона,
Между тѣмъ, какъ нашимъ Богъ
Выйти по суху помогъ...
Ширь-то, ширь и глубь какая!
Миръ отъ края и до края
Исходите—никогда
Не найти вамъ, господа,
Водянистѣ творенья!
Сколько мощи, вдохновенья,
Поэтическихъ красотъ,
Титаническихъ высотъ!
Тутъ самъ Богъ и вся натура—
У меня же партитура!»

34.

ЭПИЛОГЪ КЪ ТОРЖЕСТВЕННОМУ ГИМНУ ВЪ
ЧЕСТЬ «CELEBERRIMO MAESTRO FIASCOMO».

По мнѣнью негровъ, когда царь животныхъ,
Левъ, боленъ бываетъ, среди беззаботныхъ
Звѣрей обезьяну слѣшитъ растерзать—
И, съѣвъ ее, вскорѣ здоровъ онъ опять.

Не левъ и не царь я звѣринаго царства,
Но все-жъ полюбилось мнѣ негровъ лѣкарство—
Я эту поэму создать успѣшилъ
И снова здоровья приливъ ощутить.

35.

1649—1793—??

Съ большою грубостью британцы поступили,
Когда на смерть Стюарта осудили.
Заснуть не могъ предъ казню король
Послѣдней ночью въ замкѣ Уайтголь.

Ругалась чернь, шумя, ломилася въ ворота,
И шла на площади постройка эшафота.

Невѣжливъ и французъ: въ фіакрѣ былъ свезенъ
Луи Капетъ туда, гдѣ жизнь покончилъ онъ.
Коляски бѣдному не подали при этомъ,
Какъ то предписано придворнымъ этикетомъ.
Но обошлись они еще грубѣй
Съ Марією Антуанетой: ей
Ни одного изъ свиты всей придворной
Не дали въ провозатые: позорно
Ее сопровождалъ на эшафотъ
Въ телѣгѣ тряской санкюлотъ.
И видя, какъ съ ней эти люди грубы,
Она надула габсбургскія губы..

Французъ и бриттъ бездушны отъ природы;
Чувствителенъ лишь нѣмецъ; средь свободы,
Террора даже, нѣмецъ сохранить,
Какъ долгъ и преданность велить,
Къ монарху своему, безъ всякаго сомнѣнья,
Глубокое сыновнее почтенье.
Шестеркой экипажъ придворный запрягутъ,
Коней нарядно въ трауръ уберутъ,
На козлахъ кучеръ плачущій съ бичомъ...
Такъ будетъ къ мѣсту лобному потомъ
Нѣмецкій государь когда-нибудь доставленъ
И вѣрноподданнически обезглавленъ.

36.

КОБЕСЬ I.

Въ году достопамятномъ сорокъ осьмомъ,
Когда весь народъ волновался,
Во Франкфуртѣ, для засѣданій своихъ,
Нѣмецкій парламентъ собрался.

И въ Рёмерѣ «бѣлая дама» тогда
Явилась; она—предвѣщанье
Тяжелыхъ невзгодъ и несчастій; народъ
Ей далъ «экономки» прозванье

Молва утверждаетъ, что въ Рёмеръ она
Является въ полуночнью.

Какъ только мои земляки сотворить
Сбираются глупость большую.

И вотъ въ эту ночь самому мнѣ пришлось
Увидѣть, какъ «бѣлая дама»
Ходила по заламъ, гдѣ съ среднихъ вѣковъ
Скопилось множество хлама.

Въ рукахъ мертвоблѣдныхъ держала она
Фонарикъ и связку съ ключами,
Лари и шкапы отворяя, что здѣсь
По стѣнкамъ стояли рядами.

Въ тѣхъ ящикахъ спрятано много вещей:
Тутъ будда лежитъ золотая,
Лежать и корона, держава и скиптръ
И разная ветошь другая.

Лежать одѣянiя кесарей—всѣ
Изъѣдены молью, изгнили;
Германской имперiи весь гардеробъ
Въ лохмотья года обратили.

При зрѣлицѣ грустномъ такомъ головой
Въ тоскѣ эконожка качаетъ;
И вскрикнула вдругъ съ отвращеньемъ она:
«Все это ужасно воняетъ!

«Все это воняетъ мышинымъ дерьмомъ,
И въ старомъ отрепѣ, въ дни оны
Такъ гордо лежавшемъ на царскихъ плечахъ,
Кишатъ насѣкомыхъ мильоны.

«А этотъ вотъ плащъ горностаевый—онъ
Нерѣдко служилъ, безъ сомнѣнья,
Постелью для Рѣмерскихъ копекъ въ часы
Отъ бремени ихъ разрѣшенья.

«Тутъ сколько ни чисть, все напрасно! Мнѣ жаль
Грядущихъ монарховъ сердечно:
Вѣнчальный ихъ плащъ—я увѣрена въ томъ—
Отъ блохъ не избавится вѣчно.

«А знайте—когда у властителей зудъ,
Чесаться должны ихъ народы..
О, нѣмцы! Боюсь я—отъ кесарскихъ блохъ
Вамъ будутъ большія невзгоды.

«Да, впрочемъ, къ чему намъ еще и монархъ,
И блохи? Вѣдь въ старой одеждѣ
Все сгнило; въ нашъ вѣкъ не хотятъ ужь носить
Костюмовъ, носившихся прежде.

«Сказаль справедливо нѣмецкій поэтъ
Въ Кифгейзерѣ Фридриху: «Право,
Коль строго разсудишь—такъ кесарь для насъ
Ненуженъ—пустая забава!»

«Но ежели кесарствомъ обзавестись
Ужъ вы непремѣнно хотите,
Любезные нѣмцы—совѣтъ мой: ума
И славы совсѣмъ не ищите.

«Изъ черни главу изберите себѣ,
Отнюдь не изъ высшаго сана;
Не нужно ни льва, ни лисицы; должны
Избрать вы тупого барана.

«Возьмите вы кельнскаго Кобеса; онъ,
Повѣрите мнѣ, въ глупости—геній;
Не будетъ терпѣть отъ него нашъ народъ
Неправедныхъ бѣдъ и гоненій.

«Чурбанъ вѣдь всегда наилучшій монархъ,
Какъ въ баснѣ Эзонъ объясняетъ;
Насъ, бѣдныхъ лягушекъ, онъ клювомъ своимъ,
Какъ хитрый журавль, не шпыняетъ.

«Не будетъ тираномъ ванъ Кобесъ, вторымъ
Нерономъ; въ немъ духъ человѣка
Не древняго лютаго времени; въ немъ
Духъ мягкій, духъ новаго вѣка.

«То сердце отвергнула слѣсь торгашей—
И онъ устремился въ объятя
Илотовъ-рабочихъ; онъ лучшій цвѣтокъ
Во всѣхъ мастерскихъ безъ изъятя.

«Союзомъ ремесленнымъ избранъ онъ былъ
Въ ораторы; съ ними дѣлился
Ихъ хлѣба кусочкомъ послѣднимъ; и имъ
Рабочій весь людъ возгордился.

«Въ немъ славили то, что не слушалъ совсѣмъ
Онъ лекціи университетскихъ

И книги писалъ изъ своей головы,
Безъ всякихъ подмогъ факультетскихъ.

«Да, это невѣжество полное самъ
Себѣ приобрѣлъ онъ; нимало
Научное знанье на душу его,
Какъ вредная вещь, не вляло.

«И духъ философы абстрактной къ нему
Въ мышленье совсѣмъ не пробрался.
Вашъ Кобесъ—характеръ. Онъ съ перваго дня
Донинѣ собою остался.

«Онъ стереотипную носить слезу
Въ прекрасныхъ глазахъ неизмѣнно;
И толстая глупость на милыхъ губахъ
Покоится тоже безсмѣнно.

«И словъ вислоухихъ въ рѣчахъ у него
Запасъ изумительный прямо;
Наслушавшись ихъ наканунѣ родовъ,
Осла родила одна дама.

«Писаньемъ брошюръ и вязаньемъ чулковъ
Онъ занятъ, когда онъ свободенъ
Отъ прочихъ занятій; и этихъ чулковъ,
Имъ связанныхъ, сбытъ превосходенъ.

«Его подстрекаютъ и богъ Аполлонъ,
И музы отдать на вязанье
Всѣ силы; чуть только возьметъ онъ перо—
Приходятъ они въ содроганье.

«Вязанье приводитъ на память намъ дни—
Дни функеновъ, въ годы былые
Они въ караулѣ вязали чулки—
И были бойцы удалые.

«Будь Кобесъ на тронѣ нѣмецкомъ—тотчасъ
Онъ функеновъ вызвалъ бы къ жизни,
И храбрый отрядъ, охраняя престоль,
Опять послужилъ бы отчизнѣ.

«Пожалуй, съ такими бойцами монархъ
Во Францію двинется смѣло—
Бургундью, Эльзасъ съ Лотарингіей вновь
Вернетъ онъ въ германское тѣло.

«Не бойтесь! онъ дома останется. Онъ
Великой и мирной идеѣ
Себя посвятилъ: надо кельнскій соборъ
Достроить ему поскорѣе.

«Но кончивъ постройку, немедленно онъ,
Воинственнымъ духомъ объятый,
Съ мечомъ на французовъ помчится, и тамъ
Потребуется грозно расплаты.

«У нихъ онъ отыметъ и нѣмцамъ отдастъ
Эльзась съ Лотарингіей скоро,
Бургундію тоже; но надо сперва
Окончить постройку собора.

«Да, нѣмцы, коль кесарь такъ нуженъ ужъ вамъ —
Пусть будетъ имъ царь карнавальнй,
И Кобесомъ Первымъ зовется пусть онъ...
Чулками со спицей вязальной

«Украсить пусть онъ государственный гербъ;
Министровъ пускай выбираетъ
Въ союзъ шутовъ карнавальныхъ и ихъ
Въ дурацкій колпакъ наряжаетъ.

«А въ канцлеры Дрикеса надо; пусть онъ
Графъ Дрикесь-Дриксгаузенъ зовется;
Въ санъ лейбъ фаворитки Марицебиль имъ
Торжественно пусть возведется.

«Въ священномъ, почтеннѣйшемъ Кельнѣ своемъ
Монархъ, воцарясь, поселится...
Объ этомъ счастливомъ событїи узнавъ,
Зажжется огнями столица.

«Псы мѣдные воздуха—колокола
Ликующимъ лаемъ зальются,
И въ тихой часовнѣ своей три царя,
Пришедшихъ съ востока, проснутя.

«И выйдутъ оттуда, костями стуча,
И живо запляшутъ, ликуя...
Ихъ пѣнье несется далеко вокругъ,
Я слышу—поютъ аллилуїа».

Такъ «бѣлая дама» сказала и рѣчь
Окончивъ, она размѣялась,

И хохоту вторя, по заламъ пустымъ,
Зловѣщее эхо раздалось.

37.

ЛЕГЕНДА ЗАМКА.

Въ дворцѣ берлинскомъ старомъ
Есть скульптуры образецъ:
Какъ ласкаетъ даму съ жаромъ
По-содомски жеребецъ.

Очень знатнаго приплода
Дама матерью слыветъ:
Жеребячья въ немъ порода
Ясно знать себя даетъ.

Отъ начала и доннынѣ
Замѣчалъ не даромъ свѣтъ
Въ каждомъ прусскомъ властелинѣ
Лошадиной крови слѣдъ.

Грубость рѣчи и обжорство,
Засмѣется—словно ржетъ,
Прямо конское упорство,
Въ каждомъ дюймѣ виденъ скотъ.

Ты одинъ, послѣднй въ родѣ,
Мыслишь, чувствуешь не такъ,
Какъ велось по прежней модѣ.
Ты одинъ лишь—не лошаки!

38.

МИХЕЛЬ ПОСЛѢ МАРТА.

Сколько я нѣмецкаго Михеля ни зналъ—
Лежебокомъ-соню все его считалъ.
Послѣ марта мѣсяца мнѣ казалось—онъ
Сталъ бодръ, и мужественъ, сбросилъ лѣнь и сонъ.

Какъ онъ гордо голову поднялъ съ этихъ дней
Предъ отцами мудрыми родины своей!
Какъ неопозволительно рѣчи онъ металъ
Въ тѣхъ, кто этой родинѣ гнусно измѣнялъ!

Точно сказка чудная, это все въ мой слухъ
Проникало сладостно, и воспринялъ духъ,

И разлился радужный свѣтъ въ груди моей—
Точно у неопытныхъ, глупенькихъ дѣтей.

Но когда германское старое тряпье
Снова появилось, знамя вновь свое
Желто-красно-черное Михель въ руки взялъ—
Весь мой бредъ мечтательный со стыдомъ пропалъ.

Знамя то трехцвѣтное зналъ я ужъ давно;
Наученный опытомъ, зналъ я, что оно—
Вѣстникъ для Германіи всяческихъ невзгодъ.
Что съ своей свободою распростишь народъ!

Ардта, Яна-батюшку вновь увидѣлъ я;
Всѣхъ героевъ доблестныхъ старая семья
Изъ могилъ заплеснѣвшихъ стала выходить,
Чтобъ опять за кесаря въ грозный бой вступить.

Тутъ и буршеншафтеровъ собралась семья,
Съ конми въ дни юности велъ компанью я,
Конъ въ бой за кесаря тоже шли—когда
Напивались пьяными эти господа.

Дипломаты хитрые, ловкіе попы—
Римско-католичества мощные столпы,
Тоже здѣсь явились: создавать приплы
Храмъ объединенія всей родной земли.

Михель же, привыкнувши съ кротостью терпѣть,
Снова спать отправился и пошелъ храпѣть;
А когда проснулся онъ, тридцать пять князей
Охраняли вновь его нѣжностью своей.

ТРАГЕДІИ.

АЛМАНЗОРЪ.

(1820—1821).

Внутренность древняго опустѣлаго зámка.—Въ боковыя окна уда-
ряютъ лучи заходящаго солнца.
Алманзоръ (одинъ).

Алманзоръ.

Вотъ мѣля, знакомыя мѣста,
Вотъ тотъ коверъ роскошный, гдѣ ходили
Священныя стопы моихъ отцовъ!
Но точить червь шелкóвые цвѣты,
Какъ-будто бы они друзья испанцевъ.
Вотъ древнiе, надежныя столóбы,
Сихъ гордыхъ сводовъ гордыя подпоры,
Къ которымъ я ребенкомъ прислонялся.
О, если-бъ наши Гомлосы, Ганзулы,
Абенсераги и Зегридовъ строй
Такъ твердо бы, какъ этотъ рядъ столбовъ,
Монаршiй тронъ въ Алгамбрѣ подпирали!
Вотъ древнiя, привѣтливыя стѣны,
Расписанныя красками; онѣ
Давали кровь усталому скитальцу.
Гостепрiимными остались стѣны,
Но гости ихъ—лишь филины и совы!

(Онъ подходитъ къ окну).

Все тихо! Только ты внимаешь мнѣ,
О солнцъ! Ты послѣдними лучами
Привѣтливо мой освѣщаешь путь!
Услышь мое признательное слово:
Вѣги и ты на мавританскiй берегъ.

Къ смѣющимся Аравіи лугамъ!
О, бойся донъ Фернанда и его
Совѣтниковъ, враговъ заклѣтыхъ свѣта!
О, бойся гордой доньи Изабеллы,
Которая въ лучахъ своихъ брильянтовъ
Блеститъ одна желаетъ среди ночи.
Бѣги и ты Испаніи опасной,
Гдѣ ужъ померкла и твоя сестра—
Золотоверхая, роскошная Гранада!

(Отходитъ отъ окна).

Мнѣ сердце такъ тѣснить, какъ-будто этотъ
Огнистый шаръ, готовый закатиться,
На грудь мою разбитую налегъ.
Весь мой составъ, какъ раскаленный пепель,
И подъ ногой колеблется земля.
Мнѣ такъ пріятно здѣсь—и вмѣстѣ странно!
Здѣсь вѣтерокъ, лобзующій лицо,
Привѣтъ былыхъ временъ мнѣ навѣваетъ.
Въ мелькающемъ движеніи тѣхъ тѣней
Я вижу дѣтскихъ лѣтъ моихъ сказанья:
Всѣ движутся они передо мною,
Киваютъ мнѣ съ улыбкой, такъ умно,
Какъ бы дивясь, что ихъ старинный другъ
Такъ отчужденъ, такъ робокъ сталъ теперь.
Тамъ милый образъ матери моей
Заботливо глядитъ, и тихо плачетъ,
И манитъ, манитъ бѣлой рукой.
Вотъ и отца я вижу—онъ сидитъ
На бархатныхъ подушкахъ, тихо дремля...

*(Онъ стоитъ, задумавшись. Стемнѣло. Въ глубинѣ сцены
проходитъ человекъ съ факеломъ въ рукѣ).*

Какой туманный образъ тамъ мелькнулъ?
Не призракъ ли, смущающій меня?
Какъ-будто тамъ прошелъ старикъ Гассантъ?
Быть-можетъ, прахъ его лежитъ въ могилѣ,
И только духъ его, какъ сторожъ замка,
Скитается теперь средь этихъ стѣнъ,
Которыя онъ такъ стерегъ при жизни?
Мнѣ слышится тамъ шорохъ... ближе... ближе...
Не предки ли выходятъ изъ гробовъ,
Свою костлявую подать мнѣ руку,

Лобзать меня устами ледяными?..
Идутъ!... Привѣтъ ихъ умертвить меня..
(Нѣсколько мавровъ бросаются къ нему съ обнаженными саблями).

Первый мавръ.

Да, это можетъ случиться!

Алманзоръ (*обнажая мечъ*).

Выходи же,
Мой свѣтлый, мой чудесный талисманъ,
И защити меня отъ злыхъ духовъ!

Второй мавръ.

Какъ ты зашелъ сюда въ нашъ замокъ, странникъ?

Алманзоръ.

Я повторю вопросъ: мой этотъ замокъ!
И этотъ управитель (*показывая на мечъ*) подтвердить—
Мои права кровавыми чертами
На вашей кожѣ!

Первый мавръ.

Э, тогда и нашъ
Заговорить съ тобою управитель;
И у него языкъ не деревянный—
Не даромъ рѣчь его, какъ сталь, звенить!
(*Они сражаются*).

Первый мавръ.

Ага! Твой управитель горячится
И сыплеть гнѣвъ свой искрами на насъ!

Алманзоръ.

Въ твоей крови его затушить онъ!

Третій мавръ.

Вѣдь шутка скоро кончится. Сдавайся!
(Гассанъ дико бросается къ нимъ, съ факеломъ въ лѣвой рукѣ и съ саблею въ правой).

Гассанъ.

Ого! Иль вы забыли старика?
Вы знаете, что месть *мое* занятие,
Онъ мой, и мнѣ убить его, не вамъ!

(Онъ смотритъ на истомленнаго Алманзора, и въ ту минуту, когда хочетъ нанести ему ударъ, свѣтъ факеловъ освѣщаетъ его лицо. Гассанъ, пораженный, упадаетъ къ ногамъ Алманзора, воскликнувъ):

Аллахъ! Онъ, онъ! Алманзоръ бен-Абдулла!

Алманзоръ.

Да, это я! А ты, Гассанъ, ты живъ?
Встань, вѣрный мой служитель, успокойся;
Ночная мгла смутила насъ, и скоро
Мой отчий домъ могилой сталъ бы мнѣ,
А колыбель содѣлалась бы гробомъ.

Первый мавръ.

По платью ты казался намъ испанцемъ,
И нашъ булатъ испанцу лишь грозилъ.

Гассанъ (*тихо поднимается и говоритъ строгимъ голосомъ*).

Алманзоръ бен-Абдулла! дай отвѣтъ:
Зачѣмъ нарядъ испанца носишь ты?
Кто благороднаго коня степей
Окуталъ пестрой шкурою змѣиной?
Сбрось ядовитый обликъ, сынъ Абдуллы,
Скинь кожу змѣя, благородный конь!

Алманзоръ (*съ улыбкой*).

Ты тотъ же все ревнитель, мой Гассанъ,
И держишься, какъ встарь, цвѣтовъ и формы:
Покровъ змѣи меня хранить отъ змѣй,
Какъ волчья шкура защититъ ягненка.
Бродящаго по лѣсу беззащитно.
Въ плащѣ и шляпѣ я—но мусульманинъ,
Мою чалму ношу въ груди моей.

Гассанъ.

Да славится Аллахъ! Хвала Аллаху!
Подите, братья, спать; я здѣсь останусь:
Старикъ Гассанъ помолодѣлъ теперь.

(*Мавры удаляются*).

Алманзоръ.

Кто тѣ, кого ты братьями зовешь?

Гассанъ.

Послѣдніе остатки вѣрныхъ слугъ,
Которыхъ здѣсь Аллахъ еще имѣетъ.

Ахъ, мало ихъ число, и съ каждымъ днемъ
Становится все меньше, а межъ тѣмъ
Число враговъ ихъ съ каждымъ днемъ растеть.

Алманзоръ.

Какъ глубоко упала ты, Гранада!

Гассанъ.

Да, долженъ пасть тотъ градъ, гдѣ врагъ двойной:
Внутри раздоръ кипить, извнѣ—коварство.
Проклятыя ночи той, когда сошлась
Мужская алчность съ хитростію женской!
Проклятыя ночи той, когда онѣ
Въ объятыхъ раскаленныхъ обрели
Несчастную Гранаду на погибель!
Проклятыя ночи той, когда вступилъ
На ложе брака къ доньѣ Изабеллѣ
Донъ Фердинандъ! Ахъ, гдѣ такой честоу
Посѣтся раздора искра, тамъ
Охватить скоро пламя все строенье.
Не отъ копья могучаго леонца,
Не отъ копья надменныхъ арагонцевъ,
Не отъ булата рыцарей кастильскихъ
Гранада пала,—отъ себя самой!
Когда отецъ убьетъ своихъ дѣтей,
Лежащихъ беззащитно въ колыбели;
Когда подниметъ сынъ преступный руку
На голову священную отца;
Когда чрезъ тѣло брата ступитъ братъ
На тронъ, родною кровью обгаренный;
Когда, забывъ свой долгъ, вельможи царства
Примкнутъ безчестно къ знамени врага—
Тогда, закрывши ликъ свой, улетаютъ
Всѣ ангелы, что городъ стерегутъ,
И съ торжествомъ враги въ него вступаютъ.

Алманзоръ.

Мнѣ памятенъ тотъ злополучный день.
Я у воротъ внизу стоялъ, вдругъ вижу,
На ворономъ конѣ примчался всадникъ
Съ разстроеннымъ и дикимъ взоромъ; онъ
Спросилъ отца и быстро побѣжалъ
Къ нему навверхъ и палъ въ его объятія.
Я тутъ узналъ, что былъ онъ—добрый Али...

Гассанъ (*съ иоречью*).

Да, добрый Али!

Алманзоръ.

«Что, скажи, принесъ ты?»

Спросилъ его отецъ мой. О, тогда
Изъ глазъ Али вдругъ хлынулъ слезъ потокъ,
И онъ, рыдая, намъ сказалъ: «Въ Гранаду,
При звукъ трубъ, торжественно вступили
Донъ Фердинандъ и донья Изабелла;
Царь Боабдилъ, колѣнопреклоненный,
Поднесъ ключи имъ въ золотомъ сосудѣ,
А на стѣнахъ Алгамбры водрузились
Кастильи знамя и Мендозы крестъ».

Гассанъ (*закрываетъ руками глаза*).

Аллахъ! Аллахъ! одну даруй мнѣ милость:
Изгладь изъ мыслей страшную картину!

Алманзоръ.

Мнѣ видится еще, какъ эта вѣсть
У всѣхъ языкъ и чувства оковала.
Нѣмъ, блѣденъ, недвижимъ, стоялъ отецъ,
Безжизненно его повисли руки,
Колѣни задрожали, онъ упалъ,
И женскій плачь и вопль понесся въ замкъ.

Гассанъ.

Изгладь изъ мыслей страшную картину!

Алманзоръ.

И Али тутъ прижалъ меня къ груди,
Закрывъ мнѣ влажные глаза съ любовью,
Чтобъ отъ меня сокрыть печали видъ,
Увлекъ меня и поднялъ на коня...

Гассанъ (*горько улыбаясь*).

И онъ увезъ тебя въ свой пышный замокъ,
Гдѣ милая Зюлейка приняла
Тебя и слезы скоро осушила
Улыбками, а, можетъ, и лобзаньемъ...

Алманзоръ.

О, злой ворчунъ, Гассанъ! ты позабылъ,
Что я еще ребенокъ былъ тогда.

И ты ошибся: свѣтлый взоръ Зюлеймы
Не могъ очей мнѣ влажныхъ осушить.
Тихонько я ушелъ изъ замка Али
И возвратился вскорѣ въ отчій домъ.
Здѣсь на полу увидѣлъ я отца—
Одежда въ клочьяхъ, съ пепломъ на главѣ,
Съ растрепанной сѣдою бородою...
Рыдая, мать лежала близъ него
Съ рабынями, всѣ въ черныхъ покрывалахъ,
И лишь едва средь тишины минутной
Воззванье «о, Гранада!» раздавалось,
Какъ съ новой силой исторгался вопль.

Гассанъ (*плачетъ*).

Не изсякайте, вѣчныхъ слезъ потоки!

Алманзоръ.

Не сокрушайся такъ, старикъ! Тебѣ
Приличнѣе то львиное упорство,
Съ которымъ ты, вооруженный, въ латахъ,
Предсталъ тогда намъ, изумленнымъ, въ залѣ.
Я помню, какъ отцу ты говорилъ:
«Тебѣ я больше не могу служить,
Мой Богъ меня къ служенью призываетъ».
И твердою стопой ты удалился,
И съ той поры тебя я не видалъ.

Гассанъ.

Я присоединился къ тѣмъ бойцамъ,
Которые горячій пылъ сердець
Ушли сокрытъ на хладныхъ высяхъ горъ.
Какъ тамъ снѣга вовѣкъ не исчезаютъ,
Такъ не ослабѣлъ и въ насъ сердечный жаръ;
Какъ горы тѣ стоятъ несокрушимо,
Не колебалась такъ и наша вѣра;
И какъ порой съ тѣхъ горъ обломки скаль
Катились внизъ, все прахомъ раздробляя,
Такъ мы съ высотъ въ долины низвергались,
Чтобъ истреблять жилища христіанъ.
И вмигъ, когда предсмертное хрипѣнье
Негодныхъ долетало къ намъ, когда
Вдали звонъ раздавался похоронный
И глухо вопли вторили ему—
Тогда нашъ духъ восторгомъ услаждался...

Но вотъ, на-дняхъ, графъ Аквиларъ съ дружиной
Намъ за набѣгъ кровавый заплатилъ;
Онъ пляску намъ послѣднюю сыгралъ.
При грохотѣ пронзительныхъ роговъ,
При громовыхъ ударахъ изъ орудій,
При взмахахъ сокрушительныхъ мечей
И при веселомъ свистѣ вражьихъ пуль,
Немало насъ переселилось въ небо,
И лишь немногимъ удалось спастись...
Но расскажи, что было послѣ съ вами?
Съ друзьями я бѣжалъ сюда, и здѣсь
Нашелъ однѣ оставленные залы;
Уныло на меня глядѣли стѣны,
И возбудилъ тоску печальный домъ.

Алманзоръ.

Не требуй пѣсни скорби, пусть въ могилахъ
Спятъ мертвецы и всѣ мои страданья.
Ты видѣлъ, какъ на ворономъ конѣ
Несчастіе принесъ намъ добрый Али;
Несчастіе безъ свиты не приходитъ!
Съ тѣхъ поръ, что день, то изъ Гранады къ намъ
Все худшія извѣстья долетали.
И какъ въ степи, застигнутый самумомъ,
Лицомъ на землю упадетъ странникъ,
Такъ падали и мы, чтобъ не мертвило
Насъ тѣхъ вѣстей тлетворное дыханье.
Тутъ вскорѣ мы узнали объ измѣнѣ
Отступниковъ-священниковъ своихъ,
Альфакисовъ и морабитовъ.

Гассанъ.

Да,
Гдѣ можно вѣру выгодно продать,
Священники тамъ первые!

Алманзоръ.

Затѣмъ
Узнали мы, что и великій Зегри
За крестъ изъ подлой трусости схватился;
Народъ послѣдовалъ вельможъ примѣру,
И многіе ужъ приняли крещенье.

Гассанъ.

Для грѣшника приманчивъ новый рай.

Алманзоръ.

Узнали мы, что страшный Хименесъ
На площади въ Гранадѣ—у меня
Языкъ нѣмѣть,—бросилъ всенародно
Въ костеръ священный Алкоранъ!

Гассанъ.

То было
Вступленьемъ лишь: гдѣ сожигаютъ книги,
Тамъ и людей жечь будутъ, наконецъ.

Алманзоръ.

Но вотъ пришла печальнѣйшая вѣсть...

(Затинается).

Что сталъ христіанинъ и добрый Али.

(Молчаніе).

Тогда отецъ не проронилъ слезинки,
Ни звука жалобы не произнесъ,
Ни волоска изъ головы не вырвалъ;
И только мускулы его лица
Вдругъ судорожно, дико искосились,
И вырвался изъ груди рѣзкій хохоть.
Когда-жъ я съ плачемъ подошелъ къ нему,
Онъ вдругъ, въ какомъ-то бѣшенствѣ безумномъ,
Назвалъ меня «змѣиное отродье»
И, выхвативъ кинжалъ, хотѣлъ пронзить;
Но чувство тихой грусти пробѣжало
Вновь по его губамъ, и онъ сказалъ:
«Ты, мальчикъ, неповиненъ въ преступленьи».
И тихо удалился въ свой покой.
Тамъ молча онъ, безъ пищи и питья,
Сидѣлъ три дня. Когда-жъ оттуда вышелъ,
Онъ весь преобразился: сталъ спокоенъ,
Велѣлъ рабамъ на муловъ, на телѣги,
Навьючить все имущество его,
Велѣлъ рабынямъ хлѣба и вина
На дальнюю дорогу заготовить.
Когда же это все готово было,
Онъ лучшее сокровище свое—
Законовъ Магомета древній свитокъ,
Въ Испанію отцами привезенный,
Собственноручно на груди понесъ.

Такъ мы покинули поля родныя,
И въ путь пошли, и медля, и спѣша,
Какъ-будто бы удерживали насъ
Незримая рука и милый голосъ...
А волчій вой все гналъ впередъ, впередъ...
Какъ матери прощальный поцѣлуй,
Впивали жадно мы благоуханье
Лимонныхъ рощъ Испаніи родной!
Печально намъ шумѣли вслѣдъ деревья,
Уныло сладко вѣялъ вѣтерокъ,
И вдругъ безмолвныхъ странниковъ безмолвно
Порхали птички, будто бы прощаясь.

Гассанъ.

Но вы зато въ своей рукѣ надежной
Хранили лучшій посохъ—вѣру предковъ.

Алманзоръ.

Тамъ, гдѣ впервые высадился Тарикъ,
Мы на судахъ отправились въ Марокко,
Куда ушли всѣ лучшіе изъ насъ.
Но лишь проплыли мы, какъ въ гробъ склонилась
Усталой головою мать моя.

Гассанъ.

Когда въ чужую почву пересажать
Такой цвѣтокъ рукою грубой, онъ
Не можетъ не завянуть.

Алманзоръ.

Изъ Марокко
Въ одеждѣ траурной пошли мы дальше.
И на пути примкнули къ каравану,
Который шелъ на поклоненье въ Мекку.
Въ странѣ племень, намъ родственныхъ, въ Іеменѣ,
И мой отецъ сомкнулъ свои глаза,
И улетѣлъ душой въ отчизну ту,
Гдѣ нѣтъ ни Изабелль, ни Хименесовъ.

Гассанъ.

И не нашелъ въ Аравіи ты мѣста,
Гдѣ можно объ отцѣ умершемъ плакать?

Алманзоръ.

Когда-бъ ты зналъ страданія скитальца,

Гонимаго невидимымъ бичомъ!
Хотѣлось мнѣ еще облобызать
Испаніи родную почву...

Гассанъ.

И

Ужъ кстати и уста своей Зюлеймы?

Алманзоръ (*строго*).

Слуга отца не господинъ надъ сыномъ;
Оставь свои обидныя сужденья.

Да, сознаюсь, Зюлеймы жажду я,
Какъ утренней росы песокъ степей,
И нынѣ же отправлюсь въ замокъ Али.

Гассанъ.

Нѣтъ, не ходи туда! Какъ отъ заразы,
Бѣги отъ мѣстъ, гдѣ вѣры новой сѣмя
Дало ростки. Тамъ изъ твоей груди
Плѣнительными звуками исторгнуть,
Какъ крючьями, твое младое сердце,
И вложить за него тебѣ змѣю;
Тамъ будутъ лить на голову твою
Горячую струю свинцовыхъ капель,
Чтобъ никогда не могъ твой бѣдный мозгъ
Отъ дикаго безумья исцѣлиться;
Тамъ прѣжнее твое отнимутъ имя
И новымъ назовутъ, чтобы твой ангель,
Тебя остерегая, звалъ напрасно
Тѣмъ прѣжнимъ именемъ. О, не ходи,
Ребенокъ обольщенный, въ замокъ Али!
Тамъ ты погибь, когда тебя узнаютъ.

Алманзоръ.

Спокоенъ будь; меня никто не знаетъ.
Мое лицо въ морщинахъ отъ скорбей,
Глаза померкли отъ слезы соленой,
Хожу, какъ тѣнь, шатаясь; голосъ мой
Разбитъ, какъ сердце: кто-жъ теперь во мнѣ
Цвѣтущаго Алманзора узнаетъ?
Да, я люблю дочь Али! Я хочу
Еще хоть разъ прелестную увидѣть
И, усладивъ еще хоть разъ себя
Любезнаго созданья лицезрѣньемъ,
Въ ея очахъ душою утоновъ

И надышавшись сладостнымъ дыханьемъ,
Уйду опять въ Аравіи пустыню,
И сяду на крутой скалѣ, гдѣ Мэдшунъ
Сидѣлъ одинъ, о Лейлѣ въздыхая.
Такъ будь покоенъ, старый мой Гассанъ,
Въ испанскомъ платьѣ по всему дворцу
Пройду, никѣмъ не узанный; мнѣ ночь —
Союзница.

Гассанъ.

Не довѣрайся ей:
Она подъ черной мантией своей
Скрываетъ много гарпій злыхъ и змѣевъ
И тайно броситъ ихъ къ твоимъ ногамъ;
Не вѣрь и блѣдному ея любимцу,
Который тамъ глядитъ межъ облаковъ
И освѣщаетъ твой опасный путь
Предательски коварными лучами;
Не вѣрь и незаконной ихъ семьѣ,
Тѣмъ дѣткамъ золотымъ, что такъ игриво
Сверкаютъ тамъ вверху и такъ тебѣ
Ласкательно и дружески киваютъ,
Но послѣ тысячью перстовъ огнистыхъ
Съ насмѣшкою укажутъ на тебя.
Нѣтъ, не ходи въ домъ Али! Тамъ у входа
Три черныхъ женщины сидятъ и ждутъ,
Когда ты возвратишься, чтобъ тебя
Своимъ объятьемъ страстнымъ задушить
И высосать изъ сердца кровь лобзаньемъ!

Алманзоръ.

Сдержи движенье мельничныхъ колесъ,
Напоръ потока грудью отрази,
Отбрось рукой стремленье водопада —
Но не препятствуй мнѣ идти въ домъ Али.
Меня влекутъ брилліантовые нити,
Которыя соткались, перевились
Въ моемъ мозгу, во всѣхъ изгибахъ сердца.
Прощай, Гассанъ! Мой спутникъ — старый мечъ.

Гассанъ.

А свѣточемъ да будетъ вѣра предковъ!

Замокъ Али. Освѣщенный кабинетъ съ большою дверью въ срединѣ. Слышна плясовая музыка. Донъ Энрикесъ лежитъ у ногъ Зюлеймы.

Донъ Энрикесъ (*патетически*).

Впивая страстно ночи ароматы,
Я предъ тобою, трепетомъ объятый,
Склоняюсь въ прахъ, о, дѣва неземная,
Въ тебѣ святыню сердцемъ обожая.
Ужель моей любви доступна нынѣ
Ты, равная чарующей богинѣ?
Клянусь, что я, и въ узахъ Гименея,
Твоимъ рабомъ умру, благоговѣя!

(Музыка умолкла. Въ продолженіе этой рѣчи подкрадывается Донъ Діего и отворяетъ обѣ половины средней двери. Открывается великолѣпная зала, наполненная гостями. Танцующія пары останавливаются и смотрять привѣтливо на Д. Энрикеса и Зюлейму. Нѣкоторые восклицаютъ):

Да здравствуетъ невѣста и женихъ!

(*Звуки трубъ. Донъ Энрикесъ встаетъ. Донъ Діего скрывается. Средняя дверь остается отворенною*).

Зюлейма (*серьезно*).

Ведите въ залъ меня!

Донъ Энрикесъ (*смущенный подаетъ ей руку*).

Синьора! это...

Служитель мой...

Зюлейма.

Ну, хорошо... ведите...

(*Входитъ Али и Рыцарь*).

Али.

Нѣтъ, Клара, нѣтъ, оставь мнѣ жениха;
Вотъ донъ Родриго въ залъ тебя введетъ.

(*Зюлейма уходитъ въ сопровожденіи рыцаря. Средняя дверь затворяется*).

Донъ Энрикесъ.

Я удивляюсь...

Али.

Вспомните, синьоръ,
Что у меня для васъ хранится тайна,
Которую до брака вамъ открыть
Я обѣщаль.

Донъ Энрикесь (*съ любовытствомъ и льстиво*).

Ахъ, я и такъ ужъ многимъ
Обязанъ вамъ...

Али.

Не мнѣ, синьоръ, не мнѣ.
Отъ доньи Клары лишь одной зависить
Отдать свою вамъ руку.

Донъ Энрикесь.

Нѣтъ, синьоръ,
Согласіе отца всего важнѣе.

Али.

Но я имѣлъ причины, я не могъ
Вамъ руку Клары обѣщать. Узнайте:
Я не отецъ ея.

Донъ Энрикесь (*смутясь*).

Вы не отецъ?

Али (*умбаясь*)

Но не тревожьтесь этимъ: по законамъ
Она мнѣ дочь, и силой завѣщанья
Наслѣдницей моею остается.
Теперь вы видите, что только Клара
Располагать могла своей рукой.
Но знайте—здѣсь никто, и даже Клара
Не знаетъ этой тайны.

Донъ Энрикесь.

Я дивлюсь...

Али.

Но вамъ, какъ жениху, сказать объ этомъ
Я счелъ необходимымъ. Только вы
Должны мнѣ слово дать скрыть эту тайну
И отъ невѣсты вашей, чтобъ ее
Не опечалить этимъ и покоя
Въ ея невинномъ сердцѣ не нарушить.

Донъ Энрикесь (*подаетъ ему руку*).

Даю вамъ въ этомъ рыцарское слово.

Али.

Вы знаете, что не всегда меня
Гонзальво называли?

Донь Энрикесь.

Знаю; имя,
Что вамъ давалось каждыиъ прежде, было
Не менѣе прекрасно: добрый Али.

Али.

Да, добрымъ Али звали всѣ меня;
Но я по праву могъ себя назвать —
Счастливымъ. Я былъ нѣкогда счастливъ
И дружбой, и любовью. Богъ мнѣ далъ
Сокровище изъ самыхъ рѣдкихъ — друга.
И кроткую, прелестную жену —
Нѣтъ, было-бъ грѣхъ назвать ее женою —
Я ангела въ объятія заключалъ.
Узналъ я также радости отца:
Моя жена мнѣ даровала сына;
Но стала вдругъ слабѣть и увядать —
И умерла...

Тогда мнѣ съ утѣшеньемъ
Явился другъ. И такъ какъ въ это время
И у него дочь родилась, то мать
Взяла къ себѣ и моего сиротку,
И возростила, добрая, его.
Когда-жъ потомъ я взялъ къ себѣ назадъ
Мое дитя печали, то во мнѣ
При взглядѣ на него проснулась вновь
Былая скорбь о матери усопшей.
Мой умный другъ замѣтилъ это скоро
И мнѣ сказалъ: «Какъ думаешь ты, Али,
Не обручить ли намъ уже теперь
Своихъ дѣтей, чтобъ этимъ нашу дружбу
Съ тобой еще прочнѣе укрѣпить?»
Я, зарыдавъ, упалъ къ нему на грудь,
И въ тотъ же часъ взаимно мы рѣшили,
Чтобы я взялъ къ себѣ его малютку
И самъ ее воспитывалъ, какъ дочь
И какъ жену для собственнаго сына;
А другъ бы взялъ къ себѣ на воспитанье
Мое дитя и сдѣлалъ изъ него
Достойнаго для дочери супруга.
Такъ и сбылось.

Донь Энрикесь.

Горю отъ любопытства...

Али.

И возрастали дѣти, и видались,
И сблизилась взаимною любовью...
Но вдругъ на насъ обрушилась гроза.
Вы помните, какъ громъ ея ударилъ
Въ алгамбрскія твердыни, какъ тогда
Цвѣтъ благороднѣйшихъ мужей Гранады
Весь перешель къ закону христіанъ.
Вы знаете, монахинѣ одной
Давно ужъ удалось Зюлеймы сердце
Привлечь къ Христу—и милое дитя
Спасителя признала всенародно
И Кларою наречена была
При благодатномъ таинствѣ крещенья.
Я тотъ же путь избралъ, влеченью сердца
Послѣдовавъ и дочери примѣру.
Не сомнѣвался я, что и мой другъ
Поступитъ такъ же, какъ и я. Но—ахъ!—
Онъ былъ слѣпой, суровый мусульманинъ,
Онъ принявъ эту вѣсть съ негодованьемъ
И отвѣчалъ: «Врагъ Бога моего
Мнѣ ненавистенъ, какъ мой личный врагъ».
И онъ отрекся дочери своей,
Чтобъ никогда уже въ глаза не видѣть
Отступницы, и поклялся покинуть
Отчизну змѣй, а своего питомца,
Мое дитя, принесть Аллаху въ жертву,
Чтобъ кровью сына грѣхъ отца омыть.
И страшный свой обѣтъ злодѣй исполнилъ!
Напрасно я къ нему примчался въ замокъ:
Онъ убѣжалъ, исчезъ съ своей добычей.
Съ тѣхъ поръ я сына больше не видаль;
Лишь отъ купцовъ, прибывшихъ изъ Марокко,
Я услышалъ, что нѣтъ его въ живыхъ!

Донъ Энрикесь *(съ притворною грустью)*.

О, страшно, страшно! Я безмѣрно тронуть!
И сердце истекаетъ кровью!.. Какъ же вы
Злодѣю жестоко не отомстили?
У васъ въ рукахъ вѣдь дочь его была...
Какъ поступили вы?

Али *(гордо)*.

Какъ христіанинъ. *(Уходитъ)*.

Донъ Энрикесъ (одинъ).

Сказать ли мнѣ объ этомъ донъ Діего?
Да, да! пусть онъ увидитъ, что и онъ
Всего еще не знаетъ. Онъ меня
Все за глупца считаетъ. Что-жъ, пускай!
Посмотримъ, кто изъ насъ кого умнѣе.

(Музыка снова играетъ).

Но вотъ пріятнѣй звуки... Поспѣшу,
Чтобъ донья милая не дожидалась.

(Уходитъ).

Ночь. Замокъ Али снаружи. Окна освѣщены. Въ замкѣ слышна
веселая музыка. Алманзоръ стоитъ передъ нимъ въ задумчивости.
Музыка умолкаетъ.

Алманзоръ.

Да музыка прекрасная. Но жаль,
Что изъ этихъ звукахъ скачущихъ цимбалъ
Я чувствую змѣиныхъ жаль уколы;
Что этихъ скрипокъ медленные тоны
Мнѣ рѣжутъ грудь, какъ-будто бы ножомъ;
Что дребезжанье трубъ меня насквозь,
Какъ молнія внезапная, пронзаетъ,
А громъ глухой литавровъ тяжело бьетъ
Мнѣ въ голову, какъ палицы удары.
И этотъ домъ, и я—какъ мы подстать!

(Показывая на замокъ и на грудь).

Тамъ обитаетъ радость съ звукомъ арфѣ,
А здѣсь печаль съ своимъ змѣинымъ ядомъ;
Тамъ свѣтъ съ сіяньемъ драгоценныхъ лампъ,
Здѣсь ночь съ толпою думъ своихъ тяжелыхъ;
Тамъ милая, прелестная Зюлейма.

(Немного подумавъ, показываетъ на грудь).

Да, мы подстать. И здѣсь живетъ она,
Ея душа и въ этомъ тѣсномъ домѣ.
Здѣсь, въ комнатахъ пурпуровыхъ, она,
Какъ мячикомъ, моимъ играетъ сердцемъ
И струнами моей завѣтной грусти,
И свитою мой ей служатъ вздохи,

А дума мрачная, какъ черный евнухъ,
Стоить у входа стражемъ неусыпнымъ;
(Показываетъ на замокъ).

Но этотъ образъ въ залѣ освѣщенномъ,
Сіяющій въ уборѣ, величавый,
Кивающій завитою головкой
Вертливому молодчику въ шелку —
То тѣнь одна холодная Зюлеймы,
Фигура на пружинахъ, у которой
Стеклянные глаза въ лицѣ изъ воска,
Въ которой сила тайная пружинъ
Пустую грудь вздымаетъ, опускаетъ.
(Звукъ трубы).

О горе! Вотъ опять подходитъ къ ней
Тотъ шелковый молодчикъ, и на танецъ
Ее зоветъ. Стеклянные глаза
Ему бросаютъ сладостныя стрѣлы!
Улыбочка на восковомъ лицѣ!
Вздымаются пружины пышной груди!
Вотъ онъ коснулся грубою рукой
Искусственнаго, хрушкаго созданья...
(Громкая музыка).

Вотъ, дерзновенный, обнялъ онъ ее
И въ дикій кругъ танцующихъ увлекъ!
Стой! стой! О, демоны моихъ страданій!
Отторгните нахала отъ прелестной!
Вы, молнии гнѣва моего, ударьте!
Обрушьтеся, падите, стѣны замка,
И дерзкаго безумца раздавите!..
(Пауза: тихая музыка).

Но стѣны древнія стоятъ недвижно,
И бѣшенство мое о нихъ разбилося.
Вы крѣпко, прочно выстроены, стѣны,
Но слабую имѣете вы память!
Алманзоръ я, и вѣкогда я былъ
Любимцемъ Али добраго, и жилъ
Я на его колѣняхъ; добрый Али
Любезнымъ сыномъ называлъ меня,
И вѣжною рукой меня ласкалъ —
И вотъ стою я у воротъ, какъ нищій!

(Музыка умолкает. Въ залѣ слышны смѣшанные голоса и громкій смѣхъ).

Тамъ надо мной смѣются! ха! ха! ха!
Я самъ готовъ смѣяться. *(Стучится)*. Отоприте!
Пустите гостя переночевать!

(Дверь замка открывается. Педрильо выходитъ съ канделябромъ и оставливается у дверей).

Педрильо.

Клянусь Пилатомъ, вы стучите крѣпко!
И къ балу опоздали: онъ ужъ конченъ.

Алманзоръ.

Я не на балъ; я крова здѣсь ищу;
Я утомленный странникъ... ночь темна...

Педрильо.

Клянусь священной бородой пророка...
То бишь... святой Ели... Елисаветы,
Здѣсь странниковъ не принимаютъ больше
Тамъ недалеко домъ есть, онъ зовется
Гостиницей.

Алманзоръ.

Когда гостепрѣимство
Отсюда изгнано, то, вѣроятно,
Здѣсь добрый Али больше не живетъ?

Педрильо.

Клянусь святымъ Іаго Кампостельскимъ!
Смотрите, берегитесь; донъ Гонзалво
Не любить, чтобъ его такъ называли.
Зюлейма только...

(Ударяетъ себя въ лобъ).

То бишь—донья Клара
Его звать можетъ Али, какъ и онъ,
Забывшись, самъ зоветъ его Зюлеймой.
Да вотъ и я теперь не Гамама,
А ужъ Педрильо, какъ апостоль Петръ
Въ дни дѣтства назывался; а Габаба,
Кухарка наша стала Петронеллой,
Какъ звали, говорятъ, жену Петра;
А старое гостепрѣимство наше,
Какъ свойственный язычникамъ обычай,

Здѣсь, въ христіанскомъ домѣ, не въ ходу.
Прощайте! Я иду свѣтитъ гостямъ,
Изъ нихъ иные вѣдь живутъ далѣко.

(Онъ запираетъ дверь и уходитъ. Въ замкѣ начинается движеніе).

Алманзоръ.

Назадъ, о, странникъ! Здѣсь ужъ не живетъ
Ни добрый Али, ни гостепрѣимство.
Назадъ, о, мусульманинъ! Вѣры предковъ
Ты въ этомъ домѣ больше не найдешь.
Назадъ, Алманзоръ! прежняя любовь
Съ презрѣніемъ отсюда изгнана,
И тихій смертный стонъ ея осмѣянь!
Здѣсь имена и люди измѣнились;
Любовь у нихъ враждой теперь зовется...
Но вотъ идутъ и гости дорогіе...
И я отъ нихъ смиренно удаюсь.

(Уходитъ).

(Ворота замка отворяются; пестрая толпа и смѣшанные голоса; слуги съ фонарями идутъ впереди).

Голосъ Али.

Нѣтъ, нѣтъ, синьоръ, я не могу дозволить...

Другой голосъ.

Но ночь такъ хороша и такъ свѣтла,
Здѣсь близко наши лошади и слуги
И мягкія носилки мягкимъ дамамъ.

Третій голосъ.

Лишь нѣсколько шаговъ еще, синьора,
И вашей ножки путь не утомить.

(Дамы, рыцари, факельщики, музыканты и проч. выходятъ изъ замка. Каждую даму ведетъ рыцарь).

Первый голосъ.

Вы поняли намекъ его, синьора?

Дама (съ улыбкой).

О, донъ Антоньо, какъ вы нынче злы!
(Уходятъ).

Вторая дама (горячо).

Но слишкомъ было вычурно шитье,
И мавританскій вкусъ во всемъ покрѣ.

Рыцарь (съ притворною серьезностью).

Да что-жъ, скажите, дѣлать ей, бѣдняжкѣ,
Съ такимъ запасомъ мавританскихъ платьевъ?

Дама.

Да развѣ нѣтъ на это маскарадовъ?

(Уходитъ).

(Два Рыцаря идутъ рука объ руку).

Первый рыцарь.

Замѣтилъ ты, какъ осерчалъ старикъ,
Когда слуга его, *скрестивши* руки,
О кушаньи испорченномъ донесъ?

Второй рыцарь (насмѣшливо).

О, это чтò! А какъ кусалъ онъ губы,
Когда Карлосъ свинину сталъ хвалить
И Магомета порицать, шутя,
Что запретилъ онъ кушанье такое.

Первый рыцарь (добродушно).

Онъ это такъ, по глупости, сболтнулъ:
Всему виной—жаркое и вино.

Второй рыцарь.

Но съ глупостью подъ пару часто злоба.

(Уходятъ).

(Два Рыцаря идутъ разговаривая).

Первый рыцарь (осторожно озираясь).

Въ числѣ гостей, изъ мавровъ-христіанъ
Одни мы были—и когда Карлосъ...

Второй рыцарь.

Да, я замѣтилъ, какъ негодованье
Печальное прошло въ лицѣ у Али.
Кому теперь тутъ вѣрить?

(Медленно удаляются).

(Музыканты идутъ, настраивая инструменты).

Молодой скрипачъ.

Вотъ опять
Струна порвалась у меня на скрипкѣ!

Старый скрипачъ.

Вотъ въ головѣ, не бойсь, не оборвется;
Ты струны мозга напрягать не хочешь,
И нѣтъ конца твоимъ вопросамъ глупымъ.

Молодой скрипачъ (заискивая).

Ну, не сердись! я знаю, умъ твой тонокъ,
Какъ волосокъ скрипичнаго смычка;
Вѣдь ты изъ насъ далѣко всѣхъ умнѣе.
Межъ нами ты стоишь, какъ контрабасъ
Межъ скрипками, почтенный, величавый,
Да и ворчишь за то, какъ контрабасъ.
Скажи мнѣ только, для чего на насъ
Такъ бросился поспѣшно донъ Гонзальво,
Когда мы замбру начали играть,
Нашъ мавританскій танецъ, и велѣлъ
Взамѣнъ играть испанское фандаго?

Старый скрипачъ (съ лукавымъ самодовольствомъ).

Хе, хе! И знаю я, да не скажу:
Вѣдь это ужъ въ политику заходить.

(Удаляются).

(Въ замкѣ слышенъ голосъ Д. Энрикеса).

Донъ Энрикесь.

Мнѣ одного свѣтильщика довольно:
Вонъ мой осель Діего свѣтитъ мнѣ

(Нѣжно).

А предо мной привѣтливо сіяютъ
Двѣ звѣздочки—то глазки доньи Клары!

(Смѣшанные голоса. Двери затворяются. Донъ Энрикесь и донъ Діего
входятъ; Діего въ платьѣ служителя и съ факеломъ въ рукѣ).

Донъ Діего (гордо).

Теперь мы можемъ обмѣняться ролью,
И вы теперь слуга мой и—осель.

Донъ Энрикесь (беретъ факель).

Не гнѣвайтесь,—я дѣлалъ все, что могъ.

Донъ Діего (*съ важностью*).

По чести, вы теперь совѣмъ не тотъ,
Какимъ я васъ узналъ, когда нашель
Въ рабочемъ домѣ Пуэнте дель-Сагуро.

Донъ Энрикесь.

Не гнѣвайтесь, синьоръ, я вашъ питомецъ.

Донъ Діего.

Нѣтъ, мой питомецъ долженъ былъ бы лучше
Умѣть богатымъ дамамъ угождать.
Къ чему идетъ тутъ съ звѣздами сравненье?
Такую прелесть съ солнцемъ бы сравнить.
Вамъ надо лучше изучать поэтовъ
И хорошенько смазать свой языкъ,
Который такъ во рту у васъ заржавѣлъ,
Что вы какъ пень сидѣли подлѣ Клары.

Донъ Энрикесь (*нлжно*).

Я восхищался ручкой бѣлоснѣжной.

Донъ Діего (*засмѣявшись*).

Вотъ если-бъ блескъ брильянтовыхъ перстней
Васъ ослѣпилъ и оковалъ языкъ,
То я молчанье ваше извинилъ бы.

(*Съ ироніей*).

Васъ точно восхищала ручка Клары,
Когда старикъ отецъ ее наполнилъ
Всю—золотомъ. Ну, что-жъ, понятно это,
И вашъ восторгъ я съ вами раздѣляю—
Такой звѣнящій, золотой восторгъ!
Но вамъ однимъ я оставляю радость
Ея рукою бѣлой любоваться
И мягкостію членовъ молодыхъ,
И голубыми жилками лица.

Донъ Энрикесь (*надменно*).

Нѣтъ, не шутя! Не прочь я отъ богатства,
Но я плѣненъ и красотою Клары.

Донъ Діего.

Навозный комъ, смотри, чтобъ кто-нибудь
Тебя не растопталъ! Тогда не амброй
Отъ этого копанья понесеть.

Люби не внутреннимъ путемъ, а внѣшнимъ,
Тутъ чувства ни къ чему не поведутъ—
Слова, движенья болѣе помогутъ.
А коль они безсильны, есть румяна,
Искусственныя икры изъ Мадрита,
Корсеты, грудь изъ ваты, всѣ доспѣхи
Изъ арсенала моднаго портныхъ.
Не помогаетъ это, такъ навѣрно
Помогутъ ломъ и лѣстница... Синьоръ,
Вы знаете, какіе документы
Поддѣлалъ я для васъ письмомъ стариннымъ
И блѣдными чернилами, и письма,
Которыя нарочно здѣсь подкинулъ,
Чтобъ донъ Гонзальво ихъ нашелъ случайно,
И увидалъ изъ нихъ...

(Смѣясь).

Да, да, синьоръ,
Вы мнѣ обязаны, что васъ за принца
Здѣсь приняли. Такъ будьте же послушны
И дѣлайте, что я вамъ прикажу.
Твердите все о вѣрѣ, о морали;
Слѣды кнута тюремнаго на васъ
Показывайте часто, называя
Ихъ ранами святыми, что въ борьбѣ
За правду и добро вы получили;
О мужествѣ, о чести говорите,
Но главное—крутите чаще усь.

Донъ Энрикесь.

Предъ вашей мудростью я преклоняюсь;
Но не пойму лишь одного, синьоръ—
Какъ вы попа втянули въ наше дѣло.

Донъ Діего.

И у поповъ свое есть ремесло;
Но у святыхъ отцовъ и цѣль святая;
Имъ нужно золото для ихъ сосудовъ,
Имъ нужно и вино, чтобъ ихъ наполнить.
Я, какъ игрокъ, искусно передернулъ:
Вамъ карты далъ хорошія; теперь
Вамъ остается только козырнуть
По вашей дамѣ—вашимъ сердцемъ, а затѣмъ,
По королю, ея отцу—крестомъ—

Такъ завтра мы игру свою покончимъ,
И весело сыграемъ вашу свадьбу.

Донъ Энрикесь (*набожно*).

Благодарю Тебя, Отець всевышній!

Донъ Діего.

Да, вашъ отецъ всѣхъ выше: онъ повѣшенъ
Въ Сантъ-Сальвадорѣ между двухъ столбовъ.

(*Уходятъ*).

Алманзоръ (*входитъ*).

Вотъ пестрые нетопыри и совы
Исчезли, наконецъ! О, какъ противно
Ихъ карканье мнѣ въ уши проникало,
И подлѣ нихъ спирался духъ въ груди!
И ты, Зюлейма, этой хищной стаей
Окружена! Тебя, мою голубку,
Загнало въ плѣнь такое воронье!
Тебя, цвѣтокъ роскошный, облѣпили
Такіе черви! О, какія чары
Тебя, моя Зюлейма, ослѣпили?
Ужели грустный образъ Алманзора
Совсѣмъ исчезъ изъ сердца твоего?
Ужель его любви воспоминанье
Въ твоей груди не пробуждаетъ вздоха?
Тамъ ходятъ звѣзды, вѣстники любви,
Къ нимъ посылалъ я тысячи привѣтовъ
Изъ тысячи моихъ сердечныхъ ранъ;
При каждомъ кровь горячая струилась,
Но ни одинъ изъ вѣстниковъ тебѣ
Не доносилъ моихъ привѣтовъ нѣжныхъ!
О, вѣстники невѣрные, стыдитесь:
Вы смотрите на землю такъ умно,
Вожатыми людской судьбы считаюсь,
И не могли привѣтъ мой отнести!
А скромный голубокъ приносить вѣрно
Письмо любви отъ пастуха пустыни.
Вся челядь замка отошла ко сну,
Огни вездѣ погашены, и только
Въ одномъ окнѣ еще остался свѣтъ...
Оно знакомо мнѣ: тамъ спитъ Зюлейма.
Бывало, тамъ стоялъ я лѣтней ночью
И съ лютнею моею поджидалъ,

Пока, на звукъ ея, она ко мнѣ
Съ улыбкою являлась на балконѣ.

(Вынимаетъ лютню).

Вотъ эта лютня. Помню и теперь
Слова той старой пѣсни. Испытаемъ,
Жива-ль ея чарующая сила.

(Играетъ и поетъ).

Съ неба звѣзды золотыя
Въ доль съ любовію взирають,
Имъ цвѣточки полевые
Вверхъ привѣтъ свой посылають:
Нѣжно смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ воды свѣтлаго потока,
И съ любовью ликъ прекрасный
Погружаетъ въ нихъ глубоко.
Вкругъ голубки бѣлокрылой
Голубокъ, воркуя, вьется,
И свѣтлякъ къ подругѣ милой
Съ яркимъ свѣточемъ несется.
Вѣтерка живыя струи
Между листьями порхаютъ,
И дарятъ имъ поцѣлунъ,
И съ любовью обнимають.
Дышитъ лугъ, потокъ струится,
По эѳиру звѣзды рѣютъ,
Все живетъ, поетъ, кружится,
И любовью всюду вѣетъ.

Голосъ Зюлеймы.

Не сонъ ли то меня чаруетъ грѣзой,
Напоминая милые мнѣ звуки?
Не призракъ ли мутитъ меня коварный,
Поддѣлавшись подъ сладкій голосъ друга?
Иль это самъ умершій Алманзоръ
Скитается въ ночи, какъ привидѣнье?

Алманзоръ.

Нѣтъ, то не сонъ тебя чаруетъ грѣзой,
Тебя смущаетъ не коварный призракъ,
И не мертвецъ изъ гроба предъ тобой,—
Но самъ живой Алманзоръ, сынъ Абдуллы.
Онъ возвратился и хранить, какъ прежде,
Въ живой груди любовь къ тебѣ живую.

(Зюлейма выходит со стѣною на балконъ).

Зюлейма.

Привѣтъ тебѣ, Алманзоръ бень-Абдулла!
Привѣтъ тебѣ среди живыхъ людей!
Давно дошелъ до насъ печальный слухъ,
Что ты погибъ. Съ тѣхъ поръ въ глазахъ Зюлеймы
Не изсякалъ источникъ тихій слезъ.

Алманзоръ.

О, милые глаза, мои свѣтила,
Вы мнѣ остались вѣрны и тогда,
Когда душа Зюлеймы измѣнилась!

Зюлейма.

Глаза—души живыя окна; слезы—
Кровь бѣлая души.

Алманзоръ.

И если кровь

Текла ужъ изъ Алманзора души
На гробъ отца и матери, то должно
Ей до послѣдней капельки пролиться
Здѣсь, надъ могилою любви Зюлеймы.

Зюлейма.

О, горькія слова при горькой вѣсти!
Вы грудь мою пронзили, и душа
Зюлеймы тоже истекаетъ кровью!

(Плачетъ).

Алманзоръ.

О, нѣтъ, не плачь! Растопленной смолою
На сердце мнѣ твои спадаютъ слезы...
Я никогда тебя не оскорблю!
Ты будешь мнѣ святынею отнынѣ,
Вблизи которой даже мститель кровный
Ломаетъ самъ кинжала остріе;
Вблизи которой голубь и газель
Защищены отъ хищныхъ стрѣлъ ловца;
Вблизи которой и разбойникъ хищный
Съ молитвой къ небу простираетъ руки,
Ты для меня священная Кааба,
Я лобызалъ тебя, когда я въ Меккѣ

Священный камень жарко лобызаль...
Ты и сладка, и холодна, какъ онъ.

Зюлейма.

Когда во мнѣ ты чтинь свою святыню,
То обломи кинжалъ твоихъ рѣчей;
Оставь въ колчанѣ роковыя стрѣлы,
Которыя мое пронзаютъ сердце,
Не простирай съ мольбою къ небу руки,
Чтобъ тѣмъ вѣрнѣй похитить мой покой.
Меня и такъ твоя сразила вѣсть
О смерти и Абдуллы, и Фатимы;
Я ихъ любила, какъ отца и мать,
И дочьерю они Зюлейму звали.
О, разскажи, какъ умерла Фатима?

Алманзоръ.

Больная мать лежала на постели,
Я слѣва тихо плакалъ на колѣняхъ,
А справа—мрачный и нѣмой отецъ,
И ангелъ смерти съ пальмой примиренья
Уже виталъ надъ милой головой.
Я у него хотѣлъ отнять родную
И все держалъ ея со страхомъ руку;
Но какъ песокъ въ часахъ, все тише, тише
Течеть, такъ жизнь въ рукѣ ея слабѣла;
Мгновенно то улыбка, то страданье
Смѣнялись на лицѣ; когда же я
Склонился къ ней, она, вздохнувъ глубоко,
Сказала мнѣ: «Мой поцѣлуй Зюлеймѣ».
При этомъ словѣ застоналъ Абдулла,
Какъ пораженный на смерть дикій звѣрь.
Скончалась мать,—и лишъ ея рука
Въ моей рукѣ лежала въ знакъ обѣта.

Зюлейма.

О, мать моя! о, добрая Фатима!
Ты до конца свою любила дочь!
Но онъ, Абдулла, ненависть ко мнѣ
Унесъ съ собой и въ темную могилу.

Алманзоръ.

Нѣтъ, онъ ея въ могилу не взялъ. Правда,
Когда порой случайно называли

При немъ тебя иль Али, въ немъ опять
Негодованья буря пробуждалась,
Чело его мрачилось, взоръ сверкаль,
И слышались изъ устъ его проклятья.
Но разъ, въ такомъ волненьи утомленный,
Онъ погрузился въ сонъ глубокий. Я
Стоялъ при немъ и пробужденья ждалъ.
Вдругъ онъ открылъ глаза и съ изумленьемъ
Я, вмѣсто гнѣва, кротость и любовь
Увидѣлъ въ нихъ; движенье злобы дикой
Смѣнила добрая, веселая улыбка,
И вмѣсто прежнихъ яростныхъ проклятій
Онъ тихимъ кроткимъ голосомъ сказалъ:
«Такъ хочеть мать, я измѣнить не въ силахъ.
Ступай, мой сынъ, скорѣй отправься въ море,
Плыви назадъ въ Испанію; поди
Въ домъ Али, тамъ отыщешь ты Зюлейму,
И скажешь ей»...

Но ангелъ смерти вдругъ
Пресѣкъ мечомъ и жизнь, и рѣчь Абдуллы...

(Молчаніе).

Я схоронилъ его; но головою
Не къ Меккѣ положилъ, какъ подобаеть
По нашему закону, а къ Гранадѣ,
Какъ нѣкогда онъ самъ мнѣ завѣщалъ.
Такъ онъ лежитъ съ отверстыми очами
И смотритъ вслѣдъ за мною...

(Медленно оборачиваясь).

О, родители!

Ты видѣлъ, какъ я шелъ въ пескахъ пустыни,
Ты видѣлъ, какъ въ Испанію я плылъ,
Ты видѣлъ, какъ спѣшилъ я въ замокъ Али;
И видишь здѣсь меня... Здѣсь и Зюлейма...
Повѣдай мнѣ, чтò долженъ я сказать?

(Является Призракъ въ черномъ одѣяніи).

Призракъ.

Ты ей скажи: Сойди, сойди, Зюлейма,
Изъ золотыхъ стѣнъ мраморнаго замка,
Съ Алманзоромъ сядь на его коня.
Въ странѣ, гдѣ пальма тѣнь свою бросаетъ,
Гдѣ изъ земли струится аромать,
Гдѣ съ пѣснями пастухъ пасеть овецъ,

Тамъ есть шатеръ изъ ярко бѣлой ткани,
Газели съ умными глазами бродятъ,
И кроткіе верблюды съ длинной шеей;
И дѣвушки тамъ черныя съ вѣнками
Стоять кругомъ украшеннаго входа
И ждутъ своей царицы.—О, Зюлейма!
Туда, туда съ Алманзоромъ бѣги!

Садъ во дворцѣ Али, освѣщенный утреннимъ солнцемъ. Зюлейма склонилась предъ изображеніемъ Спасителя. Она медленно встаетъ.

Зюлейма.

И все еще заботой духъ смущенъ,
И сердце все дрожить! Иль это радость,
Что живъ, кого оплакивала я?
Нѣтъ, то не радость: ей не совмѣстится
Съ моей священной клягвой и съ обѣтомъ,
Который я дала въ монастырѣ
Игумену... Алманзоръ возвратился!
Когда отецъ провѣдаетъ объ этомъ,
Не разразится-ль гнѣвъ его надъ сыномъ
Смертельнаго врага? Въ его душѣ
Еще огонь враждебный не угасъ,
Еще въ груди гнѣзятся злые духи,
Которые вновь бѣшено возстанутъ,
Лишь онъ услышитъ имя Бенъ-Абдуллы.
Что сдѣлалъ онъ ему? Вѣдь мой отецъ
Такъ по натурѣ добръ; но по ночамъ
Я слышала, какъ бродитъ онъ по замку
Съ мечомъ въ рукахъ, и все зоветъ: «Абдулла!
Поди сюда! сразимся! Кровь за кровь!»
Бѣги, бѣги, Алманзоръ, отъ него!
Вражда отцовъ смертельна для дѣтей.
Я обовью тебя моей вуалью,
Чтобъ взоръ отца тебя не увидалъ.
Тебѣ грозитъ опасность, а во мнѣ
Вновь прежнія всѣ чувства пробудились,
Когда, женихъ съ невѣстой, мы съ тобою
Играли здѣсь, когда взбирался ты
На яблонь ветхую, и я со страхомъ
Звала тебя съ опасной высоты.

(Задумчиво).

«Алманзоръ мертвъ!» сказали злые люди,

Повѣрило злой вѣсти злое сердце,
И стала я невѣстою другого!
Любить тебя, какъ брата, буду я,—
Алманзоръ милый, будь и ты мнѣ братомъ!

(Она задумывается и, вздыхая, произноситъ имя Алманзора. Алманзоръ приближается къ ней незамѣтно, кладетъ руки на ея плечи и съ улыбкой, вздыхая, произноситъ тѣмъ же тономъ имя Зюлеймы).

Зюлейма.

(Съ испугомъ оглядывается и долго смотритъ на него).

Ты много измѣнился, мой Алманзоръ!
Ты съ виду крѣпкій мужъ; но у тебя
Еще привычки юности остались,
И ты попрежнему меня пугаешь,
Когда съ цвѣтами я веду бесѣду.

Алманзоръ *(съ веселою улыбкою).*

Скажи мнѣ, милая, какой цвѣтокъ
Алманзоромъ зовутъ? Такое имя
Прилично лишь печальному цвѣтку.

Зюлейма.

Скажи мнѣ прежде, дикій, мрачный другъ,
Кто этотъ призракъ былъ сегодня ночью?

Алманзоръ.

Мой старый другъ; онъ и тебѣ знакомъ—
Старикъ Гассанъ; за мною онъ повсюду,
Какъ вѣрный песъ, заботливо слѣдить...
О, милая! Оставь свой видъ суровый,
И сбрось покровъ, что такъ мрачить твой взоръ,
Какъ мотылекъ стряхнетъ свою личинку
И въ радужныхъ является цвѣтахъ,
Такъ сбросила земля тяжелый мракъ,
Которымъ ночь главу ея скрывала.
Ее лобзаетъ утреннее солнце,
Въ лѣсу зеленомъ раздается пѣнье,
Фонтанъ кипитъ и сыплетъ брилліанты,
Восторга слезы блещутъ на цвѣтахъ.
Лучъ дня—волшебный жезлъ: онъ пробудилъ
И пѣсни, и цвѣты, и могъ бы даже
Разсѣять мракъ въ Алманзора душѣ.

Зюлейма.

Не вѣрь цвѣтамъ, плѣняющимъ тебя,

Ни пѣснямъ, что влекутъ тебя сюда:
Онѣ влекутъ къ погибели и смерти.

Алманзоръ.

Нѣтъ, я не оступлю и передъ смертью.
Мнѣ такъ привѣтно здѣсь, такъ хорошо!
Вновь возстаютъ мечты златыя дѣтства!
Вотъ садъ, гдѣ такъ охотно я игралъ,
Вотъ и цвѣты, мои друзья бывые,
И чижикъ тутъ, меня встрѣчавшій пѣньемъ...
Но, милая, скажи, гдѣ-жъ наша мирта?
На мѣстѣ томъ я вижу кипарисъ.

Зюлейма.

Засохла мирта; на могилѣ марты
Посаженъ былъ печальный кипарисъ.

Алманзоръ.

Еще стоитъ бесѣдка изъ жасминовъ,
Гдѣ сказки мы другъ другу говорили
Про вѣжность Лейлы, Мэдшинуна безумье,
Про ихъ любовь взаимную и смерть.
Вотъ фиговое дерево—плодами
Его за сказки ты меня дарила,
И дыни тутъ, и виноградъ, которымъ
Мы освѣжались часто, поболтавъ...
Но, милая, скажи мнѣ, гдѣ-жъ гранатъ,
Съ котораго, бывало, соловей
Пѣлъ про любовь свою пурпурной розѣ?

Зюлейма.

Отъ бури роза потеряла листья,
Съ своею пѣснью умеръ соловей,
И стройный стволъ цвѣтущаго граната
Жестокіе сгубили топоры.

Алманзоръ.

Какъ хорошо мнѣ здѣсь! На этой почвѣ
Стою я твердо, какъ прикованъ къ ней;
Я заколдованъ въ этотъ милый кругъ,
Которымъ обвила меня ты, фея,
И вѣетъ мнѣ привѣтный ароматъ;
Поютъ деревья, говорятъ цвѣты,

И изъ кустовъ знакомыя картины
Выпрыгиваютъ мнѣ навстрѣчу...

(Онъ взглянулъ на изображение Спасителя и изумидся).

Но,

Скажи мнѣ, милая, чей этотъ ликъ?
Такъ кротко смотритъ онъ и такъ печально,
И горькую слезу роняетъ онъ
Въ прекрасный кубокъ радости моей.

Зюлейма.

Ужель тебѣ невѣдомъ этотъ ликъ?
Ты не видалъ его въ блаженныхъ снахъ?
И наяву, нигдѣ не повстрѣчалъ?
Припомни, мой заблудшій, милый братъ!

Алманзоръ.

Да, этотъ ликъ я видѣлъ на дорогѣ
Въ этотъ день, когда въ Испанію вступилъ:
Налѣво при пути, ведущемъ въ Хересь,
Стоитъ великолѣпная мечеть.
Но тамъ, гдѣ съ башни муэzzинъ взывалъ;
«Единъ лишь Богъ и Магометъ его
Пророкъ!» теперь уже звучалъ тяжелый,
Густой, протяжный, колокольный звонъ;
Изъ вратъ ко мнѣ, какъ темная рѣка,
Неслись могучіе органа звуки,
Которые, взлетая, какъ въ котлѣ
Волшебномъ, хлопотали и кипѣли,
И, какъ рукой гигантской, эти звуки
Влекли меня войти въ тотъ чудный домъ,
И сердце мнѣ обвили, будто змѣи,
И грудь мою сдавили, и колоди,
Какъ-будто бы гора на ней лежала;
И было мнѣ такъ тяжело, какъ-будто
Я гору Каффъ несъ на себѣ, и клювъ
Симурговый въ мое вонзался сердце.
И въ домѣ томъ, какъ похоронный гимнъ,
Звучало пѣніе какихъ-то старцевъ,
Суровыхъ видомъ, съ лысой головой,
Въ цвѣтной одеждѣ; мальчики при нихъ,
Всѣ въ бѣломъ платьѣ, пѣли и порой
Звонили въ колокольчикъ; изъ блестящихъ
Кадиль взвивался тонкій ароматъ;

Отъ тысячи свѣчей лилось сіянье
И отражалось въ позолотѣ стѣнъ.
И всюду, въ каждой нишѣ, видѣлъ я
Смотрѣвшій на меня все тотъ же ликъ,
Который здѣсь теперь опять я вижу.
Но всюду мнѣ страдающимъ и грустнымъ
Являлся этотъ образъ на картинѣ:
Тутъ онъ страдалъ подѣ тяжкимъ бичеваньемъ,
Тамъ падалъ онъ подѣ бременемъ креста,
Тутъ на него плевали съ озлобленьемъ,
Тамъ терніемъ главу его вѣнчали,
Тутъ, пригвоздивши ко кресту, пронзали
Его копьемъ—и всюду кровь, кровь, кровь
Въ картинѣ каждой... Видѣлъ я еще
Печальную жену; она держала
Истерзанный того страдальца трупъ,
Худой, нагой, облитый черной кровью...
И разъ услышалъ я звенящій голосъ:
«Сіе есть кровь Его», и оглянувшись,
(Съ содроганіемъ)

Увидѣлъ мужа, пьющаго изъ чаши...

Зюлейма.

Ты въ домъ любви вступишь, о, мой Алманзоръ!
Но слѣпота твои мрачила очи.
Ты не замѣтилъ въ немъ того веселья,
Какимъ блестятъ языческіе храмы,
Ни ежедневныхъ будничныхъ удобствъ,
Какія встрѣтишь въ храмахъ мусульманскихъ.
Нѣтъ, лучший домъ и болѣе серьезный
Любовь себѣ избрала на землѣ.
Становятся въ немъ дѣти въ зрѣлыхъ лѣтахъ,
А зрѣлыя становятся дѣтьми;
Въ немъ бѣдные богаты благодатю,
А богачи блаженны въ нищетѣ;
Веселый въ немъ становится печальнымъ,
Печальный въ немъ утѣху обрѣтеть.
Вѣдь и сама любовь явилась людямъ,
Какъ сирое, несчастное дитя.
Ей ложемъ ясли тѣсныя служили,
А изголовьемъ былъ соломы клокъ.
Какъ лань пугливая, она бѣжала
Гонимая ученостью людской,

И глупостью; и продали любовь,
И предали ее, и поносили,
Жестоко бичевали и распяли.
Но отъ семи ея предсмертныхъ вздоховъ
Разбились семь замковъ, что сатаной
Навѣшаны на двери неба были,
И точно семь отверстыхъ ранъ любви,
Отверзлись людямъ снова семь небесъ,
И приняли и праведныхъ, и грѣшныхъ.
Любовь, любовь ты видѣлъ въ хладномъ трупѣ,
Въ объятіяхъ той плачущей жены.
О, вѣрь мнѣ, на холодномъ этомъ тѣлѣ
Согрѣться можетъ цѣлый родъ людской;
Изъ этой крови возрастутъ цвѣты
Прекраснѣй, чѣмъ въ садахъ у Аль-Рашида,
А изъ очей той плачущей жены
Струится чудносладостный елей,
Какого не дадутъ Шираса розы.
И ты причастенъ этой вѣчной плоти
И вѣчной крови, мой Алманзоръ; да,
И для тебя есть мѣсто за трапезой,
Гдѣ Божій хлѣбъ и Божіе вино,
И для тебя открытъ чертогъ блаженныхъ,
И противъ страшной силы сатаны
Тебѣ защитникъ Иисусъ Христосъ,
Когда Его «вина и хлѣба» вкусишь.

Алманзоръ.

Ты слово мнѣ произнесла, Зюлейма,
Которое творить и держитъ міръ,
И слово то великое—любовь,
И ангелы его, ликуя, вторять,
И въ небесахъ звучитъ оно повсюду.
Его сказала ты, и облака
Образовали сводъ, какъ куполь храма;
Какъ звукъ органа, зашумѣли вязы,
И птички хоръ молитвенный загѣли,
И ароматомъ дышитъ вся земля,
И, какъ алтарь, возсталъ цвѣтистый лугъ,
И въ храмъ любви земля вся обратилась.

Зюлейма.

Земля—великая Голгова, гдѣ
Любовь царить, но истекаетъ кровью.

Алманзоръ.

О, не влечай въ вѣнокъ надгробный мирту,
Не облакай любовь въ покровъ могильный!
Ты жрица чистая любви, Зюлейма,
Сама любовь въ груди твоей живетъ;
Она глядится изъ прозрачныхъ оконъ
Твоихъ очей, дыханіе ея
Изъ устъ твоихъ прекрасныхъ чудно вѣетъ.
На этихъ бархатныхъ подушкахъ мягкихъ,
На этихъ губкахъ восхитительныхъ царитъ
Она, любовь, и Алманзора сердце
Такъ отдохнуть хотѣло бы на нихъ!..
Припомни, что сказала мнѣ Фатима:
«Отдай Зюлеймѣ этотъ поцѣлуй!»

(Они нѣжно смотрятъ другъ на друга. Торжественное лобзаніе).

Зюлейма.

Прими за мертвый поцѣлуй Фатимы
Животворящій поцѣлуй Христа!

Алманзоръ.

Я пилъ любви дыханіе святое
Изъ кубка устъ рубиновыхъ твоихъ;
То былъ потокъ огнистый, онъ по жиламъ
Моимъ струей горячею течетъ,
И сердце мнѣ живить и сожигаетъ.

(Обнимаетъ ее).

Нѣтъ, я не разлучусь съ тобой, Зюлейма!
И если-бъ мнѣ открылись двери рая,
И гуріи меня-бъ туда манили,
Тебя-бъ я не оставилъ, я съ тобою
Остался-бъ, обнялъ бы твой милый станъ!
Твое лишь небо, лишь Зюлеймы небо
Моимъ да будетъ небомъ; твой лишь Богъ
Моимъ да будетъ Богомъ; крестъ Зюлеймы
Да будетъ и моимъ, а твой Христосъ—
Моимъ Спасителемъ, и я молится
Пойду въ тотъ храмъ, гдѣ молится Зюлейма.
Въ волнахъ любви я плаваю въ блаженствѣ,
Мой слухъ ласкаютъ звуки чудныхъ арфъ,
Деревья пляшутъ въ чудномъ хороводѣ.

И ангелы стряхают на меня
Дождь солнечных лучей и пыль цвѣтовъ...
Раскрылись предо мной всѣ чары неба,
И на крылахъ златистыхъ я лечу,
Лечу къ блаженству...

(Вдали раздается колокольный звонъ и церковное пѣніе).

Зюлейма

(съ испугомъ отвращается отъ Алманзора).

О, Христе Исусе!

Алманзоръ.

Какіе звуки разрываютъ тамъ
Моей мечты завѣсу золотую?
О, милая, ты стала вдругъ блѣдна!
Мой розанъ превратился вдругъ въ лилею.
Скажи мнѣ, дорогая, ужъ не смерть ли
Явилась предъ тобой, чтобъ разлучить насъ?

Зюлейма.

Нѣтъ, смерть не разлучитъ; она лишь можетъ
Соединить; но жизнь насъ разлучастъ.
Ты слышишь ли, чтò говоритъ тотъ звонъ?
Онъ говорить...

(Закрываетъ лицо).

Сегодня суждено

Зюлеймѣ стать женою человѣка,
Чье имя не Алманзоръ... не Алманзоръ!..

Алманзоръ.

О, для чего-жъ, царица змѣй, влила
Ты въ сердце мнѣ весь ядъ твой смертоносный?
Отъ яда этого цвѣты увяли,
Вода фонтана обратилась въ кровь,
И мертвая падетъ на землю птица.
Ты увлекла меня коварнымъ ибнѣсмъ
Въ то мѣсто пытокъ, чтò зовешь ты храмомъ,
Меня ты пригвоздила ко кресту
Того, кто есть твой Богъ, звонишь усердно
Ты въ колоколъ, играешь на органѣ,
Чтобъ заглушить раскаянье во мнѣ
И скорбную мольбу мою къ Аллаху!
Ты, злая фея, увлекла меня

На свѣтлой голубиной колесницѣ
Въ высь къ облакамъ, чтобы потомъ оттуда
Опять назадъ низвергнуть въ глубину.
И слышалъ я насмѣшливый твой хохоть,
И видѣлъ я, что колесница въ гробъ
Мгновенно обратилась, съ огневыми
Колесами, а голуби—въ драконовъ;
Ты правила змѣиными вожжами,
И я летѣлъ съ проклятьемъ въ бездну ада,
И дьяволы блѣднѣли отъ испуга
При томъ проклятіи ужасномъ!.. Прочь,
Прочь отъ тебя! Еще одно проклятье
Я знаю; лишь произнесу его—
И содрогнется самъ властитель ада,
Померкнутъ звѣзды, солнце помрачится,
И мертвецы возстанутъ изъ гробовъ,
И въ камень превратится все живое!

*(Убѣгаетъ. Зюлейма, которая стояла неподвижно, за-
крывъ лицо, упадетъ предъ изображеніемъ Спасителя.
Черезъ сцену проходитъ процессія монаховъ съ хоругвями и
иконами).*

Лѣсъ.

Хоръ.

Испанія—прелестная земля,
Огромный садъ съ роскошными цвѣтами
И миртами; но краше тѣхъ цвѣтовъ
Сила слава маврскихъ городовъ,
Которую могучею рукою
Въ землѣ испанской Тарикъ водворилъ.
Судьба державъ юной помогла:
Возвысилась она и превзошла
Старѣйшія Аравіи державы.
Когда бѣжалъ послѣдній Омаядъ
Отъ пира, гдѣ свирѣпый Абассидъ
Кровавыми тѣлами Омаядовъ,
Смѣясь, наполнилъ храмину обѣда;
Когда въ Испанію, спасаясь, Абдерраамъ
Прибылъ сюда съ толпою мавровъ вѣрныхъ,
Послѣдней вѣтви царственнаго дома,—

Тогда врагомъ испанскій мусульманинъ
 Сталъ своему собрату на востокъ.
 Разорвалась та нить, что черезъ море
 Съ Испаніей Дамаскъ соединяла,
 Скрѣпяя съ нею тронъ его калифовъ;
 И во дворцахъ Кордовы величавыхъ
 Повѣялъ новый, свѣжій жизни духъ,
 Не тотъ, что былъ въ гаремахъ ихъ отчины.
 На мѣсто грубыхъ на стѣнахъ письменъ
 Возвысились въ красивомъ сочетаньи
 Животныхъ и цвѣтовъ изображенья;
 Гдѣ нѣкогда стучалъ лишь тамбуринъ,
 Тамъ раздались теперь подъ звукъ гитары
 И пѣснь любви, и нѣжные романсы;
 Гдѣ нѣкогда суровый властелинъ
 Суровымъ взглядомъ звалъ рабу на ложе,
 Тамъ подняла главу свою жена
 И нѣжною рукою усмирила
 Старинныхъ нравовъ грубую суровость;
 И все прекрасное тамъ расцвѣло,
 Гдѣ красота царила благотворно.
 Искусства, и науки, и любовь,
 И слава были тѣ цвѣты, которыхъ
 Взлелѣяла рука Абдерраимовъ.
 Ученые пришли изъ Византіи,
 Взявъ свитки древней мудрости съ собой;
 Изъ древней мудрость новая возшла,
 И потекли толпы учениковъ
 Изъ разныхъ странъ въ Кордову, чтобы въ ней
 Узнать свѣтилъ небесныхъ измѣренье
 И разгадать загадки этой жизни.
 Кордова пала, вознеслась Гранада,
 Ставъ маврскаго величія престоломъ.
 Еще донинѣ воспѣваютъ нѣсни
 Ея красу и рыцарскія игры,
 И вѣжливость въ бою, и благородство,
 И замиранье сердца милыхъ дамъ
 За рыцарей, ломающихъ оружье...
 Но былъ другой кровавый бой, въ которомъ
 Сама цвѣтущая Гранада пала,
 И пала съ нею рыцарская честь,
 Когда, свободу вѣры обѣщавъ,
 Свое нарушилъ слово побѣдитель,

И побѣжденному оставить выборъ—
Иль стать христіаниномъ, иль оставить
Испанію и въ Африку бѣжать.
Тутъ Али сталъ христіаниномъ. Онъ
Не захотѣлъ назадъ въ свою отчизну,
Суроваго невѣжества страцу:
Его влекли обычаи благородный
Испаніи, искусства и науки;
Его влекли заботы о Зюлеймѣ;
Какъ нѣжный цвѣтъ, увяла бы она
Въ суровой клѣткѣ душнаго гарема;
Его влекла любовь къ отчизнѣ новой,
Къ плѣнительной Испаніи любовь;
Но болѣе всего его влекла
Великая, завѣтная мечта—
Хотя сначала мрачная, какъ буря;
Въ ней слышался оружія звукъ, и крикъ:
«Квируга и Рiego!»—И струились
Кровавые потоки, и темницы,
И замки притѣснителей во прахъ
И пламени всѣ рушились—и вотъ
Изъ пламени и праха, наконецъ,
Возстало слово вѣчной благодати
И засіяло славой лучезарной.

(Уходитъ).

(Алманзоръ входитъ въ задумчивости).

Алманзоръ.

Есть въ старыхъ сказкахъ замки золотые,
Гдѣ музыка звучитъ, танцуютъ дѣвы,
И ходитъ ройъ служителей нарядныхъ,
Жасминъ и роза льютъ свой ароматъ:
Но лишь одно волшебное словечко—
И прелесть вся разрушится мгновенно,
Останется развалинъ древнихъ гряда,
И стая птицъ ночныхъ, и топь болота.
Такъ я разсѣялъ вдругъ единымъ словомъ
Цвѣтущую природы красоту.
И вотъ она лежитъ, какъ трупъ царя,
Холодный, парумяненный, со скиптромъ
Въ рукѣ окостенѣлой; но уста
И сморщены, и желты оттого,
Что краскою забыли ихъ намазать;

И скачуть мыши по его лицу,
Надъ скиптромъ золотымъ смѣясь нахально..

Какая-то особенная кровь
Вступаетъ къ намъ въ глаза и обливаешь
Все розовымъ сияньемъ: и цвѣты,
И щеки дѣвъ, и облака заката,
И всѣ игрушки, что плѣняютъ насъ.
Я снялъ очки, чарующіе зрѣнье—
И увидалъ, какъ скверенъ этотъ міръ!
Хоръ птицъ кричитъ вразладъ, кряхтятъ деревья
Какъ хилая старуха, солнце съ неба
Бросаешь не палящія лучи,
А тѣнь холодную, фіалки нагло
Смѣются, какъ блудницы, а тюльпаны,
Гвоздики и левкои, сбросивъ пестрый
И праздничный нарядъ, надѣли вдругъ
Убогое всеневное лохмотье.
Но больше всѣхъ я измѣнился самъ,
Какъ не измѣнится и сердце дѣвы!
Теперь я только костяной скелетъ,
Мои слова—холодный только вѣтеръ,
Который межъ костей моихъ шумить.
Тотъ умникъ, что въ мозгу моемъ сидѣлъ,
Ушелъ, и въ черепѣ моемъ пустомъ
Паукъ свою раскинулъ паутину.
И плачу я лишь внутри: мои глаза
Во время сна украли у меня,
И вставили пылающіе угли...

О, ангелъ въ небесахъ, который слезы
Мои считать обязанъ, какъ отъ няни
Когда-то я слыхалъ—теперь тебѣ
Пришла пора и отдохнуть! Тяжелъ
Былъ трудъ твой, бѣдный счетчикъ! Неужели
Не просчиталъ ты никогда и могъ
Запомнить все огромное число?
Ты вѣрно утомился, какъ и я,
И сердце утомилось отъ біенья,
И отдохнуть хочу я...

(Онъ ложится подъ каштанъ).

Да, усталъ я
И боленъ я, и болѣе, чѣмъ боленъ...

Мнѣ жизнь сама—жестокая болѣзнь,
И только смерть одна помочь ей можетъ.
Лѣкарство это горько, но оно
Послѣднее, и можно отыскать
Его вездѣ, и по цѣнѣ дешевой.

(Вынимаетъ кинжалъ).

Желѣзное лѣкарство, отчего
Глядишь ты на меня съ такимъ сомнѣньемъ?
Поможешь ли ты мнѣ?

(Гассанъ тихо подходитъ).

Гассанъ.

Аллахъ поможетъ!

Алманзоръ

(не замѣчая его, продолжаетъ говорить съ кинжаломъ).

Ты про Аллаха что-то говоришь.
Ужель кинжалъ еще и въ остромъ словѣ
Нуждается, чтобъ сердце уязвить?

Гассанъ.

Все благо, что творить Аллахъ.

Алманзоръ

(продолжая говорить съ кинжаломъ).

Ха, ха!

Мораль кинжалъ читаетъ! Помолчи;
Ты мнѣ своимъ молчаньемъ больше скажешь,
Чѣмъ моралистъ своею болтовней.

Гассанъ *(со вздохомъ).*

Что хочешь ты, Алманзоръ Бень-Абдулла?

Алманзоръ *(увидѣвъ его).*

А, это говоришь со мною ты,
Вещь умная на двухъ ногахъ! Я вижу
И бороду Гассана, и глаза;
Не самъ ли ты Гассанъ? Вотъ хорошо,
Что ты пришелъ. Прощай! Я уѣзжаю.

(Показываетъ ему кинжалъ).

Вотъ видишь, этотъ узкій мостъ ведетъ
Изъ края скорби въ край утѣхъ. Но тамъ
Стоитъ у входа черный исполинъ,
Грозя мечомъ сверкающимъ. Для труса

Ужасенъ онъ; но смѣлый невредимо
Проходить въ ту веселую страну.
Да, истинная радость только тамъ;
Иль—все равно—тамъ истинный покой.
Тамъ въ уши не жужжитъ несносный жукъ,
Ни муха тамъ въ ноздряхъ не зашепочетъ,
Ни яркій свѣтъ не беспокоитъ зрѣныя,
Не мучаетъ ни холодъ и ни жаръ,
Ни голодъ и ни жажда, и притомъ
Тамъ можно спать и ночь, и цѣлый день.

Гассанъ.

Нѣтъ, сынъ Абдуллы, только трусь одинъ
Съ страданіемъ въ борьбу вступить боится,
И кажетъ тыль ему, и малодушно
Бѣжить отъ битвы жизни. Встань, Алманзоръ!

Алманзоръ *(поднимаетъ съ земли каштанъ)*.

Скажи, кто сбросилъ этотъ плодъ на землю?

Гассанъ.

Червякъ и буря; подточилъ его
Червякъ, а буря бросила на землю.

Алманзоръ.

Ужель и человѣкъ, слабѣйшій плодъ,
Не долженъ пасть на землю, если червь,
(Показываетъ на сердце).

Лютѣйшій червь, подточить жизнь, а буря
Отчаянья снесетъ его во прахъ?

Гассанъ.

Встань, встань, Алманзоръ! Пусть червякъ одинъ
Во прахѣ пресмыкается; орелъ
Взлетаетъ гордо къ вѣчному свѣтилу.

Алманзоръ.

Лиши орла его могучихъ крыльевъ,
И станетъ ползать онъ, какъ бѣдный червь.
Рука судьбы отрѣзала давно
Тѣ крылья золотыя, что ребенкомъ
Меня несли высоко къ небесамъ.

Гассанъ.

О, если ты покажешь камень мнѣ,

Холодный и нѣмой, и скажешь: «это
Алманзоръ!»—я тебѣ готовъ повѣрить.
Но ты не онъ: съ открытыми глазами
Лежишь ты тутъ и смотришь боязливо,
Какъ притѣсняють здѣсь твоихъ собратій,
Какъ ненависть испанская гнететь
Прѣтъ маврскихъ поколѣній, какъ лукаво
Обкрадываетъ ихъ, и разоренныхъ,
Безпомощныхъ, отсюда изгоняеть.
Нѣтъ, не Алманзоръ ты; тебя бы тронулъ
Стонъ бѣдныхъ женъ и старцевъ, и злорадный
Испанскій смѣхъ, и вопли сокрушенныхъ
Несчастныхъ жертвъ на огненныхъ кострахъ.

Алманзоръ.

Нѣтъ, вѣрь мнѣ, я все тотъ же. Вижу я
Испанскую собаку! Вотъ она
Изъ лицо моихъ собратій дерзко плюеть
И попираетъ ихъ ногами; слышу,
Какъ плачетъ тамъ несчастная старушка:
Она въ посту охотно ѣла гуся,
За это самое ее теперь,
Во славу Господа, усердно жарять.
А подлѣ, у столба, стоитъ дѣвица—
Огонь въ нее влюбленъ, и обнимаетъ,
И лижетъ жадно краснымъ языкомъ;
Она кричитъ и рвется изъ объятій
Горячаго любовника, и плачетъ...
О, горе! изъ прелестныхъ глазъ течетъ
Чистѣйшій жемчугъ въ этотъ алчный пламень!..
Но, что же мнѣ до этихъ всѣхъ людей?
Какъ рѣшето мое пробито сердце,
И нѣтъ мѣстечка въ немъ для новыхъ ранъ.
Окровавленный мученикъ подъ пыткой
Не чувствуетъ ужаленья пчелы.
Повѣрь, я тотъ же все, и состраданью
Изъ чужой бѣдѣ моя доступна грудь;
Но щелями ушей и глазъ въ нее
Пошло такъ много исполинскихъ мукъ...
Она полна...

(Съ тихой робостью).

Мнѣ даже въ мозгъ вступили
Какіе-то невѣдомые гости...

Гассанъ.

Встань, встань! Не то скажу тебѣ я слово,
Которое тебя подниметь вдругъ
И новый пламень въ грудь тебѣ прольеть.
(Наклонившись къ нему).

Узнай: Зюлейма нынче ночью будетъ
Въ объятіяхъ испанца.

Алманзоръ

(вскакиваетъ съ судорожнымъ движеніемъ).

Солнце, солнце

Упало мнѣ на голову, и мозгъ
Пробило мой, и всѣ лихіе гости,
Которые гнѣздились тамъ, вскочили,
И, какъ нетопыри, вокругъ меня
И вьются, и свистятъ, и навѣвають
Рой мыслей ядовитыхъ мнѣ на душу!

(Хватаетъ себя за голову).

О, горе, горе мнѣ! Меня схватила
Колдунья старая, и оторвавъ
Мнѣ голову, забросила ее
Въ тотъ пиршественный залъ, гдѣ, нѣжно мая,
Испанская собака обнимаетъ
Мою любовь, и съ жадностью цѣлуетъ,
И щелкаетъ поганымъ языкомъ...
О, горе! помоги мнѣ!

(Бросается къ ногамъ Гассана).

Помоги

Оторванной, кровавой головѣ
Безъ руеъ собаку эту задушить...
О, дай, Гассанъ, Гассанъ, твои мнѣ руки!

Гассанъ.

Да, руку я отдамъ тебѣ, Алманзоръ,
Отдамъ и руки всѣхъ моихъ друзей,
Задушимъ мы испанскую собаку,
Что собственность твою похитить хочетъ.
Встань! Ты Зюлеймой будешь обладать.

(Алманзоръ встаетъ).

Когда, какъ тѣнь, я васъ подслушалъ ночью,
Я вамъ бѣжать совѣтовалъ—но тщетно;

Однако, пусть Алманзоръ не крушится —
Подумалъ я; собралъ своихъ друзей;
И только дамъ я знакъ имъ, какъ ворвемся
Въ домъ Али мы незванными гостями.
Ты тамъ возьмешь Залейму и снесешь
Къ намъ на корабль, что въ пристани стоитъ.
Ну, а любовь Залеймы возвратится.

Алманзоръ.

Ха, ха! Любови! Любови! пустое слово,
Которое, зѣвая, полусонный
Когда-то ангель произнесъ. Зѣвая,
Толпа глупцовъ, и молодыхъ, и старыхъ,
За нимъ твердили вслѣдъ: любовь, любовь!
Нѣтъ, я уже не ласковый зефиръ,
Который щечки дѣвы лобызаетъ;
Я бурный вихрь, который все крутитъ
И робкую невѣсту увлекаетъ.
Нѣтъ, я уже не сладкій ароматъ,
Щекочущій приятно ноздри дѣвы;
Я ядовитый духъ, что въ сердце къ ней
Врывается и тамъ мутитъ всѣ чувства;
Я не ягненокъ кроткій, что у ногъ
Своей пастушки мирно отдыхаетъ;
Я тигръ, который, дикими когтями
Ее схвативъ, ей тѣло разрываетъ.
Зюлеймы тѣла жажду я теперь;
Счастливымъ звѣремъ быть хочу; да, звѣремъ,
И, въ опьяненьи чувства, позабыть,
Что есть надъ нами небо.

(Стремительно беретъ руку Гассана).

Я съ тобою
Здѣсь остаюсь, Гассанъ! На дикомъ морѣ
Мы оснуемъ веселую державу,
И будетъ данъ испанецъ намъ платить;
И берега, и корабли его
Мы будемъ разорять; съ тобою рядомъ
На палубѣ сражаться буду я
И черепы испанцевъ разсѣкать...
Псовъ черезъ борты! Корабль у насъ въ рукахъ!
Вотъ я спѣшу въ каюту отдохнуть;
Залейма тамъ; рукой окровавленной
Спѣшу обнять ее, и поцѣлуемъ

Сотру съ ея груди и шеи бѣлой
Крѣпавыя слѣды... Но что же это?
Она дичится смѣть? Ты рабыня!
У ногъ моихъ должна ты пресмыкаться...
Ты, вещество безсильное, должна
Мнѣ послѣ боя чувства охлаждать.
Рабыня ты, такъ умѣрай мой пылъ!

(Оба поспѣшно уходятъ).

Залъ во дворцѣ Али. Рыцари и дамы въ пышныхъ уборахъ сидятъ за столомъ. Али, донъ Энрикесъ, Зюлейма, игумень, музыканты.

Одинъ изъ рыцарей *(встаетъ съ бокаломъ въ рукѣ)*.
Я предложу прекрасный тостъ: за здравье
Кастильской королевы Изабеллы!
(Пьетъ).

Нѣкоторые изъ гостей.
За здравіе кастильской Изабеллы!
(Музыканты играютъ тушь).

Игумень.
Я предлагаю тостъ въ честь Хименеса:
Да здравствуетъ архіепископъ нашъ!
(Пьетъ).

Нѣкоторые изъ гостей.
Да здравствуетъ архіепископъ нашъ!
(Музыканты играютъ тушь).

Другой рыцарь.
Но не забудьте лучшей тостъ, синьоры!—
Да здравствуютъ невѣста и женихъ!
(Пьетъ).

Всѣ.
Да здравствуютъ невѣста и женихъ!
(Звонъ бокаловъ. Тушь. Зюлейма и донъ Энрикесъ раскланиваются).

Донъ Энрикесъ.

Благодарю!

Второй рыцарь.

По что-жь молчить невѣста?

Донъ Энрикесь.

Она сегодня мало говоритъ,
Но нынче нужно ей одно лишь слово
Для счастья моего—у алтаря.

Зюлейма.

Мнѣ что-то страшно грудь тѣснить, синьоръ.

Третій рыцарь.

Вотъ это нехорошая примѣта:
Женихъ сейчасъ солонку опрокинулъ.

Четвертый рыцарь.

Была бы хуже та примѣта, еслибъ
Бокаль съ виномъ вы пролили, синьоръ.

Третій рыцарь.

Донъ Карлосъ любитъ выпить.

Четвертый рыцарь.

Это правда.

Я, слава Богу, не такой брюзга,
Которому и лучший столъ невкусенъ,
Когда при немъ солонку опрокинуть.
Да, правда, что вино—моя стихія.
Въ его золотой, живительной струѣ
Я исцѣлю мою больную душу.
И, право, мнѣ смѣшно, когда я вспомню
Про трезваго пророка Мекки... Да,
Синьоръ, вино... да... я хочу сказать...
Вино отличное...

Али.

Педрильо! Эй!

Педрильо.

Я здѣсь, синьоры!

Али.

Введи сюда паяцовъ,
Комедіантовъ всѣхъ и плясуновъ,
А также и арфиста—сволочь всю
Изъ Барцелоны.

Педрильо.

Слушаю, синьорь!

(Уходитъ).

Пятый рыцарь (къ дамѣ).

Пѣтъ, не женюсь я никогда, синьора!

Дама.

Вы, дочь Антоньо, шутите, конечно;

Вѣдь вы угодникъ дамскій, другъ любви.

Пятый рыцарь.

Люблю мирту, услаждаю взоры
Роскошной зеленью ея листочковъ,
И обонянье—запахомъ ея;
Но я не стану класть ее ни въ супъ,
Ни въ овощи; она горька, синьора,
И будетъ горько блюдо отъ нея.

Игумень (къ сосѣду).

То было чудное ауто-да-фе.

Да, зрѣлище такое услаждаетъ

Благочестивыхъ христіанъ, а грѣшныхъ

Въ благоговѣйный ужасъ повергаетъ...

(Къ Али).

Вы слышали извѣстье о побѣдѣ

Испанцевъ надъ невѣрными въ горахъ?

Они разсѣлены и здѣсь вблизи

Скитаются толпами.

Али (смотря на дверь).

Слава Богу!

Да, это слыпалъ я, святой отецъ...

Но пусть теперь насъ тѣшатъ плясуны.

(Входятъ паяцы, танцовщики и арфистъ).

(Балетъ).

Арфистъ (поетъ).

На дворѣ златой Алгамбры,

На двѣнадцати колоннахъ,

Держать львы на мощныхъ спинахъ

Бѣломраморную чашу.

Розы плаваютъ въ той чашѣ,
Розы—чудо красотою—
Это кровь сраженныхъ въ битвѣ
Лучшихъ рыцарей Гранады.

Али.

Печальна эта пѣсня, спой другую,
Спой свадебную пѣснь, повеселѣй.

Арфистъ (*поетъ*).

Быль нѣкогда рыцарь печальный, нѣмой,
Весь блѣдный, съ худыми щеками,
Шатаясь, бродилъ онъ, какъ будто шальной,
Объятый какими-то снами.
И былъ онъ такъ вялъ и недовокъ во всемъ;
Цвѣты и дѣвицы смѣялись кругомъ,
Когда проходилъ онъ полями.

Но чаще, забившись въ свой уголь, вздыхалъ
Чуждаяся взера людского,
И руки куда-то съ тоской простиралъ,
Но тихо, безъ звука, безъ слова;
И такъ дожидался полуночи онъ;
Тогда раздавались вдругъ пѣнье и звонъ
И стукъ передъ дверью дубовой.

И дѣва являлась предъ нимъ; какъ волна
Шумѣла ея одѣянье;
Цвѣла и алѣла, какъ роза, она
И вдаль разсыпала сіянье;
Стройна и воздушна, въ кудряхъ золотыхъ,
Привѣтъ и побѣда въ очахъ голубыхъ—
И оба сливались въ лобзаныи.

И вдругъ перемѣна свершилася въ немъ.
Неловкость его исчезала,
И дѣлался смѣль, и пылалъ онъ огнемъ,
И краска въ лицѣ выступала.
А дѣва, играя, шутила надъ нимъ,
И тихо блестящимъ вуалемъ своимъ
Его съ головой покрывала.

И вотъ подъ водой, во дворцѣ голубомъ
Кристалльномъ, мой рыцарь гуляетъ,
И роскошь, и блескъ, и сіянье кругомъ
Чаруютъ и взоръ ослѣпляютъ;
И жметъ его нѣкса въ объятяхъ своихъ,
И нѣкса невѣста, и рыцарь женихъ,
И дѣвы на цитрѣ играютъ.

Играютъ онѣ и поютъ, и толпой
Танцующихъ пары влетаютъ.
И рыцарь въ восторгѣ; онѣ сильной рукой
Подругу свою обнимаетъ...

(Педрильо вбѣгаетъ съ ужасомъ).

Педрильо.

Аллахъ, Аллахъ! Марія! Иисусе!
Пропали мы! Они идутъ! идутъ!

Всѣ.

Кто? Кто идетъ?

Педрильо.

Идутъ все наши!

Всѣ.

Наши?

Педрильо.

Не наши, нѣтъ! Невѣрные идутъ!
Проклятые мятежники изъ горъ,
Они сюда подкрались незамѣтно...
Пропали мы! Чу! Слышите вы ихъ?

(Слышенъ звукъ оружія. Смѣшанные голоса восклицаютъ: Граната!
Аллахъ! Магометъ!)

Нѣсколько рыцарей.

Ну, пусть пожалуютъ.

Другіе.

Друзья! Къ оружію!

(Дамы въ ужасѣ. Зюлейма падаетъ безъ чувствъ. Въ залѣ общее движеніе).

Али.

О, не страшитесь, милыя синьоры:
Вѣдь завры вѣжливы, и даже въ гнѣвѣ.

Почтеніе оказываютъ дамамъ.
А мы, мужчины, смѣло въ бой пойдемъ.

Всѣ рыцари (*обнажая мечи*).

За жизнь и честь сразиться мы готовы!

(Звонъ оружія. Смѣшанные голоса. Мавры врываются; впереди ихъ Гассанъ и Алманзоръ. Последний пролагаетъ себѣ дорогу къ Зюлеймѣ, лежащей въ обморокъ. Сраженіе).

(Лѣсъ. Вблизи слышны крики и звукъ оружія. Педрильо выбѣгаетъ въ ужасѣ).

Педрильо.

О, горе, горе! Вотъ тебѣ и свадьба!
А дорогія шелковыя платья—
Ихъ всѣ теперь въ лоскутья изорвутъ,
И не вино, а кровь ужъ потечетъ.
Я не изъ трусости отъ нихъ бѣжалъ;
Нѣтъ, я мѣшать имъ не хотѣлъ. Они
И безъ меня управятся. Враги
Ужъ выгнаны изъ залы.

(*Смотритъ въ сторону*).

Вотъ они

Сражаются снаружи передъ замкомъ.
Фу, чортъ возьми, какъ славно онъ махаетъ!
Нѣтъ, признаюсь, я вовсе не желалъ бы,
Чтобъ мнѣ лицо онъ саблею погладилъ...
Вонъ этому и носъ онъ отхватилъ...
А бѣдный рыцарь Санхо, нашъ толстякъ—
Ему животъ огромный распоролъ!
Но это что? Кто этотъ красный рыцарь?
На немъ испанскій плащъ, а онъ дерется
За мавровъ... О, Аллахъ! О, Иисусъ!

(*Плачетъ*).

Ахъ, бѣдная Зюлейма! Красный рыцарь
Ее схватилъ и вскинулъ на плечо,
И крѣпко держитъ лѣвою рукою,
А правою мечомъ кругомъ махаетъ
И рубитъ все, какъ бѣшеный. Но вотъ
Онъ падаетъ... онъ раненъ... Нѣтъ, онъ только
Споткнулся и вскочилъ, и все дерется...
Вотъ онъ бѣжитъ...

Охъ, охъ! Куда бы мнѣ
Уйти отъ нихъ, чтобъ имъ не помѣшать?

(Убѣгаетъ).

(Алманзоръ, шатаясь, идетъ черезъ сцену, неся на рукахъ безчувственную Зюлейму, и таща за собой мечъ. Мавры и испанцы сражаются. Мавры отступаютъ. Гассанъ и Али сражаются. Гассанъ раненъ. Входятъ донъ Энрикесъ, донъ Діего и рыцари).

Гассанъ *(падая).*

Га, христіанская змѣя! Меня
Ужалила проклятая. И въ сердце!
О, ты заснулъ, Аллахъ? Нѣтъ, правосуденъ
Аллахъ, и благо все, что онъ творитъ!..
Ты позабылъ меня! Нѣтъ, только люди
Забывчивы, и Бога забываютъ,
И друга своего, и лучшихъ слугъ...
Скажи, мнѣ, Али, помнишь ты Гассана,
Служителя Абдуллы?

Али *(съ негодованіемъ).*

Это имя

Негоднаго предателя, злодѣя
Свирѣпаго, которымъ былъ убить
Алманзоръ мой, мой драгоценный сынъ
Абдулла былъ Алманзора убійца...

Гассанъ *(умираетъ).*

Абдулла не злодѣй и не предатель,
Алманзора не умертвилъ Абдулла...
Алманзоръ живъ, живъ, живъ... онъ здѣсь...
Онъ этотъ красный рыцарь, что похитилъ
Зюлейму... тамъ...

Али.

Мой сынъ Алманзоръ живъ?
Онъ красный рыцарь, что унесъ Зюлейму?

Гассанъ.

Да, да! Онъ не отдастъ, что разъ досталъ...
Ты лжешь—Абдулла не убійца гнусный,
Онъ не злодѣй... онъ не христіанинъ...
Оставь меня въ покоѣ... Вотъ ко мнѣ
Подходить гурій черноокихъ рой...

(Восторженно улыбаясь).

Младыя дѣвы и старикъ Гассанъ
(Умираетъ).

Али.

Благодарю тебя, великій Боже!
Живъ, живъ мой сынъ! О, Боже! Это знаешь
Твоей великой милости! Онъ живъ!
Теперь, друзья, пойдѣмъ за нимъ, онъ близко;
Онъ взялъ себѣ въ добычу ту невѣсту,
Которая назначена ему.

(Всѣ уходятъ, кромѣ донъ Энрикеса и донъ Діега, которые молча смотрятъ другъ на друга).

Донъ Энрикесъ (плачевно).

Ну, что же, донъ Діега?

Донъ Діега (передразнивая его).

Что же, донъ

Энрикесъ дель Пуэнтэ, дель Сагуро?

Донъ Энрикесъ.

Что дѣлать намъ теперь?

Донъ Діега.

Намъ? намъ? Сибьоръ,

Теперь разстаться надо намъ. У насъ
Нѣтъ счастья. Эта штука стоитъ мнѣ
Двѣ сотенки червонцевъ. Денегъ нѣтъ,
Да и труды пропали.

(Горько улыбаясь).

Съ юныхъ лѣтъ

Верчусь я такъ, до боли головной
Изобрѣтаю средства. Черезъ лѣсъ
По узенькой тропинкѣ пробираюсь,
Гдѣ платье мнѣ и тѣло рветъ терновникъ;
Взбираюсь по утесамъ; съ крутизны
Бросаюсь внизъ, и если-бъ я расшибся,
То воронья, какъ самый вкусный соусъ,
Мою башку склевали-бъ—и при этомъ
Все бѣднякомъ я голымъ остаюсь,
Вѣднѣ всякой мыши монастырской!
А школьный мой товарищъ, дуралей
Отъявленный, катитъ себѣ покойно
По гладкой и прямой своей дорогѣ,

И жиренъ, и богатъ, и уважаемъ...
Нѣтъ, я усталъ, синьоръ, усталъ. Прощайте!
(Уходитъ).

Донъ Энрикесъ

(послѣ долгаго размышленья).

Не дастъ ли донъ Гонзалъво мнѣ взаймы?

(Уходитъ).

(Скалистое мѣстоположеніе; Алманзоръ, усталый и окровавленный, неся безчувственную Золейму, взбирается на высокую скалу).

Алманзоръ.

О, помоги, Аллахъ! я такъ усталъ..
Я добылъ лань свою, когда рука
Охотника ей смертью угрожала.
(Садится наверху скалы и держитъ Золейму на колыняхъ).

Теперь я бѣдный Мэдшунъ; на скалѣ
Сижу я, какъ и онъ, играя съ ланью:
Вѣдь въ лань его Ленла обратилась
И ласково взглянула на меня.
Теперь закрыты глазки—лань заснула...
Тс! тише, чижики, не свисти такъ громко!
Жукъ, тише, тише! Милый вѣтерокъ,
Не шелести такъ громко межъ вѣтвей!
Я колыбельную спою ей пѣсно... Тише!

(Онъ качаетъ Золейму на колыняхъ и поетъ).

Солнышко одѣлось,
Въ розовый нарядъ,
Приумождли итички;
Спать онѣ хотятъ...

Лань моя! усни!

Спитъ лань моя; но что-то очень долго.
Плѣнительные свѣтленькіе глазки
Закрыты крѣпко, крѣпко у нея.
И будутъ вѣкъ закрыты?.. Умерла!

(Заливается слезами).

Ахъ, умерла она! моя младая,
Хорошенькая, бѣленькая лань!
Погасли глазки-звѣздочки навѣкъ!

О, лань моя! я положу тебя
На розахъ, лиліяхъ и гіацинтахъ,
Изъ золотыхъ лучей луны сотку я
Тебѣ покровъ, и птички пропоютъ
Пѣснь похоронную тебѣ. Двѣнадцать
Златыхъ жуковъ поставлю я на стражѣ
Твою могилку днемъ стеречь, а ночью
Двѣнадцать свѣтляковъ, какъ свѣчи, будутъ
Во тьмѣ надъ ней горѣть; а самъ я буду
И день, и ночь оплакивать тебя.

(Зюлейма приходитъ въ чувство).

Что вижу я? Она пошевелилась!
Плѣнительныхъ очей покровъ шелковъ
Тихонько поднимается! Ахъ, это
Не лань моя и не Леила... Это
Прелестная Зюлейма, Али дочь.

(Зюлейма открываетъ глаза).

Передо мной открылись небеса!

Зюлейма.

Не въ небесахъ ли я?

Алманзоръ.

Ты пробудилась

Отъ смерти.

Зюлейма.

Знаю я, что умерла,

И что теперь я въ небесахъ.

(Озирается кругомъ).

О, какъ
Здѣсь хорошо! Какъ чистъ и легко въ воздухѣ!
И розовый покровъ лежитъ на всемъ!

Алманзоръ.

Да, милая моя, мы въ небесахъ.
Вотъ видишь ли, внизу, какъ хороши
Цвѣты, какъ бабочки межъ нихъ порхаютъ,
Бросая имъ брилліантовую пыль?
Ты слышишь ли, какъ ручеекъ журчитъ?
Надъ нимъ жужжать стрекозы голубыя,
И въ красновато золотыхъ струяхъ,
Рѣзвись, ныряютъ водяныя дѣвы...

Вонъ облачные призраки несутся—
То души праведныхъ; онѣ летять
Въ неувядаемый весенній садъ.

Зюлейма.

Коль здѣсь обитель праведныхъ, Алманзоръ,
Скажи же мнѣ, какъ ты сюда попалъ?
Меня игумень увѣрялъ, что только
Христіанинъ вкусить блаженство можетъ.

Алманзоръ.

Оставь сомнѣнье о моемъ блаженствѣ!
Я, милая, держу тебя въ объятыхъ—
И я блаженъ, и трижды я блаженъ.

Зюлейма.

Такъ мнѣ солгалъ благочестивый мужъ.
Онъ тоже мнѣ велѣлъ любить Энрико,
И, какъ могла, я это исполняла.
Но не могла Алманзора забыть
И жалобу Пречистой принесла я.
Она привѣтно улыбнулась мнѣ
И, охвативъ меня своимъ покровомъ,
Перенесла сюда на высоту.
И музыка звучала вокругъ меня,
Какъ будто ангелы играли въ трубы
И пѣли пѣсни чудныя. О, радость!
Я въ небесахъ, и—радостнѣй всего—
Алманзоръ здѣсь со мной, и въ небесахъ
Притворства нѣтъ, и я могу сказать:
Люблю тебя, люблю тебя, Алманзоръ.

(Вечерняя заря освѣщаетъ обоихъ).

Алманзоръ.

Я зналъ давно, что любишь ты меня,
И больше, чѣмъ себя. Мнѣ соловей
Объ этомъ пѣлъ, и роза навѣвала,
И вѣтерокъ шепталъ мнѣ тайно въ уши,
И по ночамъ мнѣ это говорили
Златыя буквы въ книгѣ голубой.

Зюлейма.

Нѣтъ, нѣтъ, не обмануль меня игумень!
О, какъ здѣсь хорошо въ небесномъ царствѣ!

Другъ! Обойми меня своей рукой
И укачай меня на мягкомъ лонѣ,
И пусть въ такомъ блаженствѣ для меня
Тысячелѣтній пронесется рядъ.

Альманзоръ.

Мы въ небесахъ, и ангелы поютъ
Надъ нами, вѣя легкими крылами,
И Богъ въ чудесныхъ ямкахъ этихъ щекъ...

(Вдали слышенъ звукъ оружія. Алманзоръ вздрагиваетъ).

Но тамъ, внизу, гнѣздится адъ; и страшно
Доносится его до неба голось,
И стираетъ руки онъ за мной...

Зюлейма (испуганно).

Что ты дрожишь? Чего ты испугался?

Альманзоръ.

Пусть это сатана, пусть это люди—
Какъ хочешь назови ту злую силу,
Которая, остервенясь, несется
Сюда, въ мой рай...

Зюлейма.

Такъ убѣжимъ отсюда,

Въ тотъ чудный долъ, украшенный цвѣтами,
Гдѣ мотыльки порхаютъ, ручеекъ
Журчить, жужжать стрекозы голубья,
И соловей свои выводитъ трели,
И праведные призраки витають...
Снеси меня туда въ своихъ объятыхъ!

(Она прижимается къ нему).

Алманзоръ.

Туда! туда! Цвѣты киваютъ робко,
И соловей испуганно зоветъ...
И длинными туманными руками
Тѣ призраки влекутъ меня къ себѣ...
Туда, туда...

(Черезъ сцену бѣгутъ зонимые мавры).

Охотники ужъ близко...

И лань мою убьютъ! Тамъ смерть звучитъ,
А тутъ внизу мнѣ расцвѣтаетъ жизнь,
И небо я держу въ моихъ объятыхъ!

(Онъ съ Зюлеймою низвергается со скалы. Испанскіе рыцари, преслѣдовавшіе мавровъ, увидя это, отступаютъ съ ужасомъ. Слышенъ голосъ Али: «ищите его, ищите, онъ недалеко».—Али входятъ).

Нѣсколько рыцарей.

Ужасно!

Али.

Что? Нашли-ль вы ихъ?

Одинъ изъ рыцарей.

Нашли.

Но бѣшеный низвергся со скалы,
И съ ношею своею драгоценной!

(Молчаніе).

Али.

Теперь, Христось, Твое мнѣ нужно слово,
И утѣшенье въ скорби, и примѣръ.
Я не могу понять Всесильной Воли;
Но тайное мнѣ чувство говоритъ:
И лилія, и мирта истребятся
Тамъ, гдѣ Господь въ побѣдной колесницѣ
Въ могуществѣ величія пройдетъ!

ВИЛЬЯМЪ РАТКЛИФФЪ.

(1822 г.).

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Макъ-Грегоръ, шотландскій лайрдъ.

Марія, его дочь.

Графъ Дугласъ, ея женихъ.

Вильямъ Ратклиффъ.

Лесли, его другъ.

Маргарета, кормилица Маріи.

Томъ, хозяинъ воровскаго притона.

Вилли, его маленькій сынъ.

Робинъ

Дикъ

Билль

Джонъ

Тедди

} воры и мошенники.

Разбойники, слуги, гости на свадьбѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ послѣднее время, въ современной Шотландіи.

Комната въ замкѣ Макъ-Грегора. Маргарета неподвижно скорчилась въ углу. Макъ-Грегоръ, Марія, Дугласъ.

Макъ-Грегоръ

(соединяетъ руки Дугласа и Маріи).

Теперь вы мужъ съ женой... Соединяясь

Рука съ рукой, сердца должны вы слить,

Навѣки слить и въ радости, и въ горѣ

Два таинства—и церкви, и любви

Связали васъ; ихъ благодать святая

Покоится на вашихъ головахъ.

Примите-жь и отца благословенье.

(Благословляя, возлагаетъ руки на головы обоихъ).

Дугласъ.

Я съ гордостью отцомъ васъ называю.

Макъ-Грегоръ.

Но съ большею я сыномъ васъ зову.

(Они обнимаются.)

Маргарета

(поетъ надтреснутымъ безумнымъ голосомъ).

«Откуда мечъ твой весь въ крови?»

Эдвардъ, Эдвардъ!»

Дугласъ

(съ испугъ отступая и смотря на Маргарету).

Мой Богъ! Милордъ, что за стеклянный голосъ?

Запѣла эта мумія нѣмая.

Макъ-Грегоръ *(съ принужденной улыбкой).*

О, не тревожьтесь, это Маргарета

Безумная изъ челяди; давно ужъ

Сковаль ея столбнякъ. Вотъ тамъ въ углу

Сидитъ она часами съ мутнымъ взоромъ

И лишь порой, какъ камень съ даромъ слова,

Не шевелясь, хрипитъ напѣвъ старинный...

Дугласъ.

Зачѣмъ держать вамъ пугало такое?

Макъ-Грегоръ *(ему тихо).*

Погише! Слышитъ все она... Давно

Прогналъ бы я ее, но не рѣшаюсь...

Марія.

Оставимъ мы бѣдняжку Маргарету.

Вы лучше бы, Дугласъ, мнѣ рассказали,

Что новаго есть въ Лондонѣ—мы здѣсь

Въ Шотландіи вѣдь ничего не знаемъ.

Дугласъ.

По-старому тамъ все еще ведется.

Охотятся, верхомъ и въ шорахъ ѣздятъ;

Тамъ ночь за день, а день за ночь идетъ.

Вокзалъ, и рауты, и пикники

Смѣняются другъ другомъ. Дрюриленскій

И Ковенгарденскій театр—приманка. Громкій

Шумъ въ оперѣ. Мѣняются банкноты
На ноты музыкальныя. Вездѣ
God save the king усердно распѣваютъ;
А патриоты въ темныхъ кабачкахъ
Политику, горлани, обсуждаютъ,
Сбираютъ подписи, кланутся, спорятъ
И пьянствуютъ за благо ихъ отчизны.
Дымится пуддингъ, ростбифъ; льется портеръ;
Смѣясь, рецепты пишетъ шарлатанъ;
Воровъ толпы; мошенники васъ мучатъ
Своей учтивостью, а нищій мучить
Своими стопами и жалкимъ видомъ.
Но болѣе всего одежда мучить—
Въ обтяжку узкій фракъ, крахмальный галстукъ,
А шляпа выше башни вавилонской.

Макъ-Грегоръ.

Теперь еще я больше люблю
Нашъ пледъ и нашу шапку. Поступили
Прекрасно вы, что сбросили съ себя
Костюмы ихъ дурацкіе. Дугласу
И внѣшностью шотландцемъ быть должно;
И радостно во мнѣ смѣется сердце,
Когда я васъ, васъ всѣхъ, вокругъ меня
Въ шотландскомъ миломъ одѣяніи вижу.]

Марія.

Дугласъ, я жду разсказа.

Дугласъ.

До границъ

Шотландіи доѣхалъ я въ коляскѣ.
Но медленно тащится—скука, и
Въ Ольдъ-Едбургѣ взялъ лошадь я. Далъ шпоры
Животному. Меня же самого
Пришпорило любви моей томленье.
О васъ одной, Марія, думалъ я,
И съ быстротой стрѣлы мой конь со мною
Летѣлъ чрезъ лѣсъ, и горы, и поля.
Въ лѣсу подъ Ивернесомъ поплатиться
Чуть-чуть мнѣ не пришлось за то, что я
Ужъ черезчуръ ушелъ въ мои мечтанья.
Пифъ! пафъ! Свистъ пуль вдругъ разбудилъ меня.
Разбойники стремительно напали.

Ихъ было трое. Свалка началась.
Удары сыпались. Я защищался.
Но пасть бы мнѣ пришлось... Марія! Боже!
Шатается... блѣднѣетъ...

*(Маргарета быстро подбѣгаетъ и подхватываетъ на руки
падающую въ обморокъ Марію).*

Маргарета.

Горе мнѣ!

Что съ куколкой румяною моею!
Блѣдна, какъ мѣлъ, и холодна, какъ камень.

(Полутоетъ, полуроворитъ и гладитъ Марію).

Куколка, свѣтиль мой,
Ясны глазыньки открой!
Куколка, что съ тобой?
Словно мраморъ лобикъ твой!
Скрасу щечки твои
Свѣтомъ розовой зари...

Макъ-Грегоръ.

Стой, глупая! Безумнымъ причитаньемъ
Ты мозгъ больной еще сильнѣй кружишь!

Маргарета *(ироза пальцемъ).*

Ты? Ты бранишься? Вымой прежде руки;
Не то какъ разъ ты кукolkъ моей
Нарядъ вѣнчалъный кровью запятнаешь.
Ступай же прочь. Добромъ я говорю!

Макъ-Грегоръ *(боязливо).*

Безумная старуха видно бредитъ.

Маргарета *(напѣвая).*

Куколка, свѣтиль мой,
Ясны глазыньки открой!

Марія

(пробуждается отъ обморока и опирается на Маргарету).
Я слушаю... Рассказывайте дальше.

Дугласъ.

Жалью я, что началъ свой рассказъ...
Но слушайте. Отколь ни взялся всадникъ,
Разбойникамъ внезапно въ тылъ напалъ,
Врубился съ силой. Я воспрянулъ духомъ,

Оправился, и псовъ мы разогнали.
Я всадника хотѣлъ благодарить
За славную услугу, но онъ крикнулъ:
«Мнѣ некогда!» и дальше поскакалъ.

Марія (*улыбаясь*).

Ахъ, слава Богу! Какъ вы напугали
Меня!.. Но все теперь прошло... Маргарета,
Веди меня... тамъ ждуть подруги въ залѣ.

Маргарета (*робко Макъ-Грегору*).

А ты не злись. Бѣдняжка Маргарета
Не все въ бреду.

Макъ-Грегоръ.

Ступайте, мы за вами.

(*Маргарета и Марія уходятъ*).

Дугласъ.

Ужели все Марію такъ волнуетъ?
Я удивленъ; она дрожитъ, блѣднѣетъ
При шорохѣ малѣйшемъ.

Макъ-Грегоръ.

Да, Дугласъ!

Отъ васъ таить я болѣе не въ правѣ,
Что такъ сейчасъ встревожило Марію.
Простите мнѣ, что раньше я молчалъ,
Въ отвагѣ вы безумны; ту опасность,
Что я отъ васъ разумно отклонялъ,
Вы сами бы искали неустанно,
Гонимые желаньемъ наказать
Того, кто возмутилъ покой Маріи.

Дугласъ.

Скажите-жъ, кто на это посягнулъ?

Макъ-Грегоръ.

Я повѣсть вамъ печальную открою,
Но слушайте спокойно. Въ замокъ нашъ
Шесть лѣтъ тому назадъ наѣхалъ какъ-то
Изъ Эдинбурга кочевой студентъ,
Вильямъ Ратклиффъ по имени. Когда-то
Я зналъ его отца—и близко зналъ;
Да, близко. Сэръ Эдвардъ Ратклиффъ онъ звался.

Радужно принялъ сына я. У насъ
Онъ прожилъ въ замкѣ цѣлыхъ двѣ недѣли.
Марію встрѣтилъ, ей глядѣлъ въ глаза—
И заглядѣлся; сталъ вздыхать, томиться,
И горевать—пока ему Марія
Сказала напрямикъ, что онъ ей тошенъ.
Любовь свою убралъ онъ и ушелъ.
Прошло еще два года—и къ Маріи
Посватался Филиппъ, графъ Макдональдъ;
Посватался успѣшно. Черезъ полгода
Предъ алтаремъ, въ нарядѣ подвѣнечномъ,
Стояла ужъ красавица-невѣста—
Но жениха тамъ не было... Вездѣ
Искали мы его, по всѣмъ покоямъ
Въ саду и во дворѣ... Увы! нашли мы
Близъ Камня Чернаго лишь трупъ его.

Дугласъ.

Кто былъ убійца?

Макъ-Грегоръ.

Долго и напрасно

Искали мы; но дочь моя призналась,
Что вѣдомъ ей убійца, и сказала,
Что въ самый день свершенія убійства
Вильямъ Ратклиффъ пробрался ночью къ ней,
Со смѣхомъ ей онъ хвастался рукою,
Еще покрытой кровью жениха,
И перстень обручальный Макдональда
Ей съ вѣжливымъ поклономъ протянулъ.

Дугласъ.

Проклятье! Вотъ насмѣшка! Что же вы?

Макъ-Грегоръ.

Похоронилъ я тѣло Макдональда
Въ его помѣстьи, въ склепѣ родовомъ,
И крестъ возвелъ на память объ усопшемъ
На мѣстѣ, гдѣ убійство свершено.
Ратклиффа я разыскивалъ напрасно;
Но въ Лондонѣ его кой-кто встрѣчалъ,
Гдѣ послѣ смерти матери своей
Онъ промоталъ въ гульбѣ свое наслѣдство,
И жилъ потомъ, какъ говорятъ, игрой,

И даже грабилъ по большимъ дорогамъ.
Съ тѣхъ поръ прошло два года, и почти
Забыли всѣ убійцу и убійство,
Какъ въ замокъ нашъ пріѣхалъ лордъ Дунканъ
И у меня просилъ руки Маріи.
Я далъ согласье; также и Марію
Мнѣ удалось склонить не отвергать
Потомка королей шотландскихъ нашихъ.
Но горе намъ! Предъ Божьимъ алтаремъ
Нарядная, со страхомъ затаеннымъ,
Невѣста вновь стояла—а Дунканъ
У Камня Чернаго лежалъ убитый.

Дугласъ.

Ужасно!

Макъ-Грегоръ.

На коней! мой кличъ раздался—
И со слугами мы гнались три дня,
Искали мы въ лѣсахъ, въ поляхъ, въ ущельяхъ—
Напрасно все; нигдѣ мы не нашли
Слѣда убійцы. А межъ тѣмъ къ Маріи
Вильямъ Ратклиффъ въ ужасный этотъ день
Пробрался ночью въ спальню, какъ и прежде,
И насмѣхаясь, съ вѣжливымъ поклономъ,
Онъ возвратилъ ей перстень жениха.

Дугласъ.

Клянусь, онъ смѣлъ! Вотъ съ кѣмъ бы повстрѣчаться!

Макъ-Грегоръ.

Навѣрно вы его и повстрѣчали
Въ лѣсу близъ Инвернеса. Лишь тому
Дивлюсь я, графъ, что изъ моихъ дозорныхъ
Его никто не видѣлъ: вѣдь забота
Моя была о томъ, чтобъ не пришлось
Мнѣ вырѣзать и ваше имя тоже
На памятномъ крестѣ при Черномъ Камнѣ.

(Уходитъ).

Дугласъ (одинъ).

Разсчетливо объ этомъ умолчалъ
До обрученья Макъ-Грегоръ. Лисица!
Но съ этимъ бы упрямцемъ я хотѣлъ
Помѣряться, который такъ пугаетъ

Марію мрачной злобою своей!
Мое кольцо ужъ онъ не сниметь съ пальца;
Гдѣ палецъ мой, тамъ и рука моя!
Я не люблю Марію—это правда,
Какъ и она—меня. Межъ нами бракъ
Лишь по разсудку долженъ совершиться;
Но дѣвушка мнѣ кроткая мила,
И путь ея отъ терній я очищу.

(Лесли входитъ, закутанный въ плащъ, и осматриваясь).

Лесли.

Вы графъ Дугласъ?

Дугласъ.

Да, я... Что вамъ угодно?

Лесли.

Имѣю честь записку вамъ вручить...

(Протягиваетъ ему письмо).

Дугласъ *(прочитавъ письмо)*.

Да, да! Приду, скажите. Черный Камень!

(Оба уходятъ).

Воровской притонъ. На заднемъ планѣ лежать спящіе люди. На стѣнѣ виситъ икона. Тикаютъ стѣнные часы. Смеркается. Вильямъ Ратклиффъ сидитъ, нахмурившись, въ углу: въ другомъ углу сидитъ Томъ, хозяинъ, и держитъ сынишку Вилли между колѣнями.

Томъ *(тихо)*.

Ну, что же, Вилли, знаешь Отче Нашъ?

Вилли *(смѣясь и угрожающе)*.

Во снѣ скажу.

Томъ.

Не говори такъ громко;
Не то людей уставшихъ перебудитъ.

Вилли.

Ну, что-жь, валить?

Томъ.

Да, только не спѣши.

Вилли (*быстро*).

«Отче нашъ, Иже еси на небеси, да святится Имя Твое, да придетъ Царствіе Твое, да будетъ Воля Твоя на небеси и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ; и не введи насъ... не введи насъ...

Томъ.

Ну, вотъ и сталъ... Что-жъ дальше?.. «Не введи Во искушеніе!» Ну, скажи сначала.

Вилли (*смотритъ на Вильяма Ратклиффа и говоритъ робко неуверенно*).

«Отче нашъ, Иже еси на небеси, да святится Имя Твое, да придетъ Царствіе Твое, да будетъ Воля Твоя, на небеси и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ; и не введи насъ... и не введи насъ...

Томъ (*съ досадой*).

Во искушеніе!

Вилли (*плаксиво*).

Тятя, какъ по маслу

Все раньше шло... А только вонъ сидитъ

(*показываетъ на В. Ратклиффа*).

И на меня глядитъ глазами злыми!

Томъ.

За ужиномъ ты рыбы не получишь.

(*Грозитъ*).

А если ты опять ее своруешь.—

Вилли (*плаксиво и словно читая молитву*).

«Не введи насъ во искушеніе!»

Ратклиффъ.

Оставьте вы парнишку... Это мѣсто
Я самъ не могъ запомнить никогда.

(*Съ горечью*).

«И не введи насъ во искушеніе!»

Томъ.

Мнѣ было-бъ жаль, когда-бъ онъ сталъ такимъ,
Какъ вы и тѣ

(*показываетъ на спящихъ*).

Теперь ступай-ка, Вилли.

Вилли (*уходя и плаксиво бормоча про себя*).

«И не введи насъ во искушеніе!»

Ратклиффъ (*улыбаясь*).

Что этимъ ты хотѣлъ сказать?

Томъ.

Пускай

Онъ будетъ честенъ и благочестивъ,

Не какъ отецъ—повѣса и бездѣльникъ.

Ратклиффъ (*насмѣшливо*).

Ну, ты не такъ ужъ плохъ.

Томъ.

Теперь, пожалуй,

Я скотъ ручной, знай, пиво наливаю;

Трактирщикъ я. А такъ какъ домикъ мой

Прекрасно спрятанъ здѣсь въ лѣсу дремучемъ,

То у себя пристанище даю

Я лишь такимъ, какъ вы, особамъ знатнымъ,

Которыя съ охотою хранятъ

Инкогнито, днемъ спать, а ночью бродятъ.

Дневной здѣсь у меня пріютъ, а не ночлежный.

Была пора однако—тоже я

Лунатикомъ бродилъ въ часы ночные

И...

(*дѣлаетъ движеніе пальцами*).

по чужимъ карманамъ,

И по домамъ... Но не былъ я такимъ

Отчаяннымъ, какъ эти негодяи.

Взгляните—вонъ пройдоха... Это геній!

(*Показываетъ на стѣнщикъ*).

Ужъ у него врожденная наклонность

Къ чужимъ платкамъ... И крадетъ онъ, какъ воронъ,

Взгляните, какъ онъ пальцами вертитъ...

Онъ крадетъ и во снѣ... Вотъ ухмыльнулся...

А этотъ долговязый, что съ ногами,

Какъ у сверчка, былъ нѣкогда портнымъ,

Таскалъ сначала лоскутки, обрѣзки,

А послѣ сталъ таскать куски сукна.

Когда-то онъ едва ушелъ отъ петли,

И съ этихъ поръ дрожъ у него въ ногахъ...

Вотъ, вотъ брыкается... Держу пари,
Что лѣстницей онъ грезить, какъ Іаковъ.
А тамъ, смотрите, старый толстый Робинъ,
Какъ онъ лежитъ спокойно и храпитъ;
А на душѣ убійствъ, небось, съ десятокъ.
Ну, будь бы онъ католикомъ, какъ мы,
Грѣхи ему могли бы отпуститься!
А то вѣдь еретикъ, и послѣ петли
Ему и тамъ въ огнѣ горѣть придется...

Ратклиффъ.

*(Все время тревожно ходитъ по комнатѣ взадъ и впередъ
и поглядываетъ на часы).*

Не вѣрь тому—горѣть не будетъ онъ.
Вверху тамъ судъ иной, не нашъ британскій.
Вѣдь Робинъ мужъ, а мужа гнѣвъ беретъ,
Когда кругомъ грошова душонки,
Мерзавцы въ избылѣ чуть не тонуть,
Глощаютъ устрицъ, носятъ шелкъ и бархатъ,
Купаются въ шампанскомъ, ночь лежатъ
Въ грахамовской постели, а на утро,
По улицѣ, въ каретѣ золотой
Катятъ себѣ, оглядывая гордо
И свысока голоднаго бродягу,
Что медленно, понурившись, бредеть,
Неся въ закладъ послѣднюю рубашку...

(Съ горькимъ смѣхомъ).

О, сытые разумники!.. Взгляни,
Какъ хорошо они огородились
Законами отъ всякаго вторженья
Докучливыхъ голодныхъ бѣдняковъ!
Вѣда тому, кто стѣну проломаетъ!
Судья, палачъ и петля—все готово...
Но пусть! Не всѣ боятся этихъ штукъ!

Томъ.

И я людей, какъ вы, дѣлилъ когда-то
На два народа—сытыхъ и голодныхъ, —
Враждующихъ жестоко межъ собой;
И такъ какъ я принадлежалъ къ голоднымъ,
То съ сытыми частенько я сцѣплялся.
Но видѣлъ я, что бой неравенъ нашъ,
И во-время то ремесло оставилъ.

Усталъ ужъ я бродить, не зная крова,
Бояться глазъ людскихъ, бояться свѣта
И, мимо мѣста казни проходя,
На висѣлицу робко озираться—
Не я-ль вишу; во снѣ же видѣть лишь
Богани-бей, острогъ и трудъ галерный...
Собачья жизнь, по правдѣ ужъ сказать!
Тебя, какъ дичь, травятъ, въ лѣсу и въ полѣ,
И въ каждомъ пнѣ шпіона видишь ты,
И даже въ комнатѣ сокрытой сидя,
Трясешься весь, едва откроютъ дверь...
(Лесли входитъ торопливо. Ратклиффъ бросается къ нему навстрѣчу.
Томъ въ испугѣ отступаетъ съ восклицаніемъ: «Гисусе!»).

Лесли.

Придетъ! Придетъ!

Ратклиффъ.

Придетъ? Ну, въ добрый часъ.

Томъ.

Кто тамъ придетъ? Я такъ теперь пугаюсь...

Лесли (Тому).

Не бойся, другъ, и насъ оставь однихъ.

Томъ (съ хитрымъ видомъ).

Ага! смекнулъ... У васъ дѣлечка будетъ.

(Уходитъ).

Ратклиффъ.

Придетъ? Такъ я пойду.

(Хватается за шляпу и шапку).

Лесли (удерживаетъ его).

Нѣтъ, погоди;

Пойдешь, когда стемнѣетъ. Знаешь ты,
Что слуги Макъ-Грегора стергнутъ
Тебя вездѣ. Ребенокъ каждый тотчасъ
Тебя въ лицо узнаетъ по рассказамъ.
Скажи ты мнѣ, къ чему всё эти шутки?
Рискуешь ты, и рискъ твой бесполезенъ...
Вернемся въ Лондонъ, тамъ ты безопасенъ.
Бѣжать тебѣ, бѣжать изъ этихъ мѣстъ!
Извѣстно всѣмъ, что ты пришибъ Дункана
И Макдональда.

Ратклиффъ (*съ упрямой гордостью*).

Нѣтъ, я не пришибъ!
Дунканъ и Макдональдъ погибли, правда,
Но въ поединкѣ; честно бился я,
И тамъ же я сражусь теперь съ Дугласомъ.

Лесли.

Къ чему же такъ? По-итальянски легче.
(*Дѣлаетъ жестъ бандита*).

Однакожь, въ чемъ Дугласъ тебѣ помѣха?
Чѣмъ досадилъ? Откуда злость твоя?

Ратклиффъ.

Его я никогда въ глаза не видѣлъ,
Съ нимъ никогда еще не говорилъ,
Мнѣ зла не дѣлалъ онъ, и ненавидѣть
Причины нѣтъ.

Лесли.

И все же хочешь ты
Въ немъ пламень жизни погасить? Ну, право,
Помѣшанъ ты, и самъ я помѣшался,
Что впутался въ безумный этотъ планъ.

Ратклиффъ.

Бѣда тебѣ понять такія вещи!
Тогда бы лопнулъ слабый черепъ твой,
И брызнуло-бъ безуміе изъ трещины,
Разбилась бы бѣдняжка голова,
Какъ скорлупа яичная, хотя бы
Величиной могла сравняться даже
И съ куполомъ святого Павла.

Лесли (*насмѣшливо трогаетъ свой лобъ*).

Ахъ,

Мнѣ страшно, другъ... Ужъ замолчи ты лучше!

Ратклиффъ.

Не думай ты, что я лунатикъ слабый,
Охотникъ лишь на призраковъ, за кѣмъ,
Какъ псы борзые, гонятся нещадно
Созданія фантазіи больной;
Что я поэтъ съ разстроеннымъ желудкомъ,
Чажоточный, который со звѣздами
Любовныя интриги ведетъ, можетъ

Растрогаться отъ трели соловья
Почти что до болѣзни, для себя
Изъ вздоховъ лѣстницу способенъ строить
И, наконецъ, сплетя себѣ веревки
Изъ риѣмъ плохихъ, повѣситься идетъ
На триумфальный столбъ своей же славы.

Лесли.

Конечно, нѣтъ! Я въ томъ готовъ поклясться.

Ратклиффъ.

Но признаюсь—какъ это ни смѣшно—
Есть страшныя чудовищныя силы,
Которымъ я покорствую: онѣ
Мои дѣла и волю направляютъ,
Моей рукой владѣютъ безпредѣльно,
И съ дѣтства я бояться ихъ привыкъ...
Уже тогда въ часы уединенья
Два призрака являлись часто мнѣ;
Они другъ къ другу руки простирали,
Томились жаждою объятій тщетно,
И взоры ихъ дышали тихой грустью.
Но какъ ни смутны были ихъ черты,
Все-жъ могъ я различить надменный обликъ
Мужской въ одномъ изъ нихъ, другой же былъ
Прелестный образъ женской красоты.
Потомъ я часто видѣлъ ихъ во снѣ,
И разглядѣть ихъ могъ еще яснѣе:
Мужчина съ грустью на меня смотрѣлъ,
Тѣнь женская съ задумчивой любовью.
Въ коллегіи, однако, эдинбургской
Тѣ призраки являлись рѣже мнѣ,
И въ омутѣ студенчества лихого
Разсѣялись туманныя видѣнья...
Однажды на каникулахъ заѣхалъ
Я въ этотъ край, и въ замокъ Макъ-Грегора.
Увидѣлъ я Марію! Въ тотъ же мигъ,
Какъ молніей, мнѣ сердце пронизало
Ея лицо—лицо той тѣни женской,
Прекрасныя и кроткія черты,
Что въ грѣзахъ мнѣ такъ часто улыбались.
Лишь не была Марія такъ блѣдна,
И взоръ ея не такъ былъ неподвиженъ;
Щека цвѣла, и глазъ ея сверкалъ;

Казалось, всё́мъ, тѣмъ насъ любовь чаруетъ,
Тотъ милый образъ небо одарило.
Охваченный любовною тоской,
Я къ ней простеръ тогда свои объятья...

(Пауза).

Не знаю какъ, но въ зеркало взглянувъ,
Увидѣль я, что самъ я вѣдь тотъ призракъ,
Что къ тѣни женской простиралъ объятья!
Иль сонъ то былъ? Обманъ мечты моей?
Маріи взоръ такъ кротокъ былъ; такъ нѣженъ,
Такъ полнъ любви, такъ много обѣщалъ!
Мы взорами другъ друга проникали,
Душа съ душой сливались мы... О, Боже!
Раскрылась вдругъ и мрачная загадка
Моей судьбы, и стали мнѣ понятны
И пѣнье птицъ, и разговоръ цвѣтовъ,
И звѣздъ привѣтъ любовный, и зефира
Дыханіе, и ропотъ ручейка,
И тайное души моей томленіе!
Какъ дѣти, съ ней мы весело рѣзвились,
Она со мной въ саду играла въ прятки,
Дарила мнѣ цвѣты и поцѣлуй,
За поцѣлуй я дважды цѣловалъ—
И, наконецъ, склонивъ предъ ней колѣни,
Спросилъ: «Марія! любишь ты меня?»

(Впадаетъ въ задумчивость).

Лесли.

Взглянуть бы любопытно на Ратклиффа,
Какъ онъ, съ мольбой скрестивши кулаки,
И дикій взглядъ смягчивши томной нѣгой,
Шепталъ «люблю» тѣмъ голосомъ громовымъ,
Что богачей пугаетъ по дорогамъ.

Ратклиффъ *(съ дикимъ порывомъ).*

Змѣя! Она взглянула на меня
Съ какимъ-то страхомъ, чуть не съ отвращеньемъ,
И бросила съ насмѣшливымъ поклономъ
Сухое: «нѣтъ!»! О, даже и понинѣ,
Какъ хохотъ надо мной, я слышу: нѣтъ!
И надо мной, какъ вздохъ, звучитъ: нѣтъ, нѣтъ!
И съ грохотомъ закрылись двери рая.

Лесли.

Конечно, это было подло, гнусно.

Ратклиффъ.

Изъ замка я уѣхалъ и свой путь
Направилъ въ Лондонъ; тамъ, въ столичномъ шумѣ
Тоску любви я думалъ заглушить.
Я былъ одинъ и самъ себѣ хозяинъ,
Родителей ужъ въ дѣтствѣ потерявъ.
Не удалось добиться мнѣ забвенья,
Клико, портвейнъ его не принесли.
Что ни стаканъ, то сердцу тяжелѣ,
И ни одна блондинка иль брюнетка
Моей тоски разсѣять не могла
Улыбками иль ласками своими.
Покоя я не зналъ и за игрой:
Маріи взоръ былъ на сукнѣ зеленомъ,
Ея рука пароли гнула мнѣ,
Мнѣ чудились въ чертахъ червонной дамы
Моей Маріи дивныя черты.
Не карта, нѣтъ! Марія предо мною,
Она со мной, ея дыханье слышу;
Она манить... Марія, да?—*va banque!*
И деньги къ чорту, лишь любовь осталась.

Лесли (смѣется).

Ха-ха! Тогда конька ты осѣдлалъ,
Вскочилъ въ сѣдло, какъ рыцарю прилично,
И началъ жить, чѣмъ Богъ пошлетъ, какъ предки.
Любовь твоя теперь прошла, конечно.
Такая жизнь любого охладить,
Когда и въ дождь, и въ вѣтеръ бродишь ночью,
Да проходя подъ висѣлицей, видишь
Своихъ друзей любезныхъ, и ихъ ноги,
Какъ маятникъ, привѣтствуютъ тебя.

Ратклиффъ.

Въ огонь я подлилъ масла... Страсть къ Маріи
Тогда еще безумнѣй загорѣлась.
Мнѣ часто въ Англии бывало душно;
Незримою желѣзною рукой
Влекло меня въ Шотландію, къ Маріи.
Лишь здѣсь, вблизи ея, я сплю спокойно.
Дышу вольнѣй, и ужъ не такъ мнѣ жутко,
Мнѣ хорошо, а почему—я тайну
Скажу тебѣ. Я клялся Божьимъ словомъ,
И силами небесъ, и преисподней,

И клятву ту проклятьемъ закрѣпилъ—
Что отъ моей руки погибнетъ каждый,
Кто, какъ женихъ, обнять дерзнетъ Марію.
Мнѣ голосъ тайный клятву подсказалъ,
И слѣпо я служу той темной силѣ,
Которая со мною рядомъ бьется,
Когда готовлю я при Черномъ Камнѣ
Постель изъ розъ счастливымъ женихамъ!

Лесли.

Теперь я понялъ—но не одобряю.

Ратклиффъ.

А самъ-то я? Вотъ только голосъ здѣсь—
Онъ мнѣ чужой, но онъ въ меня вгнѣзился—
И говоритъ мнѣ: да! Вотъ только тѣни,
Что вижу я во снѣ, киваютъ мнѣ,
Какъ будто одобряя... Боже, Боже!

(Внезапно вскрикиваетъ).

Тамъ! Видишь ты? Тамъ! Призракъ! Ты видишь?

*(Степмьло. По сценѣ проплываютъ, колеблясь, дѣтъ туман-
ныя фигуры и исчезаютъ. Лежащіе на заднемъ планѣ раз-
бойники и мошенники, разбуженные крикомъ Ратклиффа,
вскакиваютъ съ возмасами: «Что тамъ? Что тамъ?»)*

Лесли.

Въ умѣ ли ты? Я ничего не вижу.

Многіе.

Кого онъ видитъ? Сыщиковъ?

Лесли.

О, пѣтъ!

Совсѣмъ напротивъ; призраки онъ видитъ.

(Всѣ смѣются).

Робинъ *(досадливо)*.

God damn! И днемъ покою не дають.

Ратклиффъ.

Темнѣетъ; я пойду.

Лесли.

И я съ тобой.

Ратклиффъ.

Не нужно мнѣ.

Лесли.

Я только вѣдь до Камня.
Быть-можетъ, стража тамъ.

Ратклиффъ.

Давно ужъ страхъ
Прогналъ ее: тамъ ночью не повадно.

Лесли.

Прощайте, вы!

Ратклиффъ.

Прощайте!

Всѣ.

Богъ на помощь!
(*Ратклиффъ и Лесли уходятъ*).

Робинъ.

God damn! Онъ пьянъ или съ ума сошелъ!

Дикъ.

Ужъ онъ всегда таковъ, его я знаю
Вѣдь съ Лондона; бывало, часто тамъ
Встрѣчалъ его въ тавернѣ. Тамъ часами,
Нахмурившись, сидитъ въ углу бывало,
Сидитъ, молчитъ, да смотреть на огонь...
Порой бывалъ онъ веселъ и смѣялся—
Да черезчуръ ужъ рѣзко... Иль шутилъ—
Да дикія все шутки... Онъ же веселъ,
Смѣшно ему—да вдругъ какъ искривитъ
Лицо его ужасная усмѣшка,
И вырвется изъ груди стонъ больной,
И бѣшено онъ вскочитъ: «Джонъ, коня!»
И мчится прочь—и мѣсяцы проходятъ,
Его все нѣтъ... Тогда, мнѣ говорили,
Въ Шотландію онъ скачетъ день и ночь.

Робинъ.

Такъ онъ больной!

Дикъ.

А мнѣ какое дѣло?

Прощайте!

(*Уходитъ*).

Билль.

Ну, пора и на работу.
(*Молясь передъ образомъ*).

Избавь отъ бѣдъ и дай благословенье!

(Она и мноіе уходятъ).

Робинъ *(держитъ передъ лицомъ кулакъ).*

Хранитель мой, избавь меня отъ бѣдъ!

(Уходитъ).

(Два мошенника остаются спящими. Томъ, хозяинъ, крадется и вытаскиваетъ у нихъ изъ кармановъ деньги).

Томъ *(съ хитрой миной).*

Они меня къ суду вѣдь не потянутъ.

(Уходитъ. Джонъ и Тедди просыпаются).

Джонъ *(зѣвая).*

Хорошее изобрѣтеніе сонъ!

Тедди *(зѣвая).*

Пойдемъ-ка, Джонъ, закусимъ.

Джонъ.

Ну, закусимъ.

Что новаго?

Тедди.

Да Риффель, нашъ пріятель,
Навѣрное сегодня ужъ висить...

Джонъ.

Вотъ вѣшанье—такъ дрянъ изобрѣтеніе.

(Оба уходятъ).

Дикая мѣстность подлѣ Чернаго Камня. Ночь. Налѣво причудливыя массы скалъ и деревьевъ. Направо памятникъ въ видѣ креста. Вѣтеръ востъ. Двѣ бѣлыя туманныя фигуры съ тоской протягиваютъ другъ къ другу руки, сближаются, вновь расходятся и, наконецъ, исчезаютъ.
Входитъ Ратклиффъ.

Ратклиффъ *(одинъ).*

Ухъ, какъ свистить... Должно-быть, выслалъ адъ
Флейтистовъ всѣхъ своихъ... Они и свищутъ.

А мѣсяцъ въ пледъ закутался широкий

И что-то скупо свѣтитъ къ намъ сюда.

Ха, ха! По мнѣ такъ онъ хотъ вовсе спрячься,

Пускай вокругъ темно; лавинѣ снѣжной

Не нужно фонаря, чтобы смотрѣть,

Куда катиться ей; найдетъ желѣзо

Само магниту путь, и мечъ Ратклиффа
Испытанный безъ верстовыхъ столбовъ
Найдеть свою дорогу въ грудь Дугласа.
Придетъ ли только графчикъ? Можетъ-быть,
Останеться онъ дома изъ-за дури,
Боясь схватить простуду, насморкъ, кашель.
Онъ думаетъ, бытъ-можетъ: лучше это
Я отложу на завтра. Ха, ха, ха!
А я какъ разъ хочу сегодня кончить.
Онъ не придетъ, такъ въ замокъ я пойду.

(Ударяетъ по мечу).

Вотъ этотъ ключъ ко всѣмъ дверямъ подходитъ,
А вотъ друзья.

(Кладетъ руку на пистолеты за поясомъ).

И тыль мой защитять.

(Вынимаетъ пистолетъ и разсматриваетъ его).

Почтенный видъ! О, какъ бы я охотно
Къ его устамъ прижалъ свои уста;
И такъ нажалъ. Ахъ, огненнымъ лобзаньемъ
Прогналъ бы я безумную печаль!

(Задумчиво).

Бытъ-можетъ, въ этотъ мигъ и онъ, Дугласъ,
Свои уста прижалъ къ устамъ Маріи...
Га! это такъ—я умереть не смѣю!
Пришло бы мнѣ изъ гроба по ночамъ
Безсильнымъ призракомъ вставать и видѣть,
Зубами скрежеща, какъ идиотъ
Съ собачьей, гнусно похотливой мордой,
Какъ собственникъ всѣхъ прелестей Маріи,
Ихъ нюхаетъ, разглядываетъ ихъ...
Я умереть не смѣю. Если-бъ я
Попалъ на небо и сквозь щелку тверди
Случайно спально графа увидалъ—
Я сталъ бы клаясь такъ, что поблѣднѣли-бъ
У ангеловъ ихъ розовыя щеки,
И въ горлахъ ихъ застряло бы со страху
Протяжное и громкое Осанна!
А если въ адъ я осужденъ навѣкъ—
Ну, пусть тогда я тоже стану чортомъ,
Не грѣшникомъ убогимъ и несчастнымъ.

(Входитъ Дугласъ).

Ратклиффъ.

Чу! чу! Шаги я слышу!

(Кричитъ громко).

Гѡлла! Гѡлла!

Кто тамъ сюда идетъ? Эй, отзовись!

Дугласъ.

Знакомый голосъ! Ужь не тотъ ли всадникъ
Что спасъ меня въ лѣсу у Инвернеса
Отъ шайки негодаевъ...

(Подходитъ).

Онъ и есть.

Да, да, теперь вамъ не уйти; я долженъ
За вашу помощь васъ благодарить.

Ратклиффъ.

Напрасный труды! Я вамъ помогъ въ ту пору
Изъ прихоти... На васъ напало *трое*,
И я помогъ... Когда-бъ тамъ былъ *одинъ*,
Ей-Богу, я проѣхалъ бы спокойно.

Дугласъ.

Къ чему суровость?.. Будемте друзьями.

Ратклиффъ.

Пожалуй. Но чтобъ дружбу доказать,
Исполните, о чемъ васъ попрошу я.

Дугласъ.

Скажите лишь! Я вашъ душой и тѣломъ.

Ратклиффъ.

Уйдите-ка отсюда, новый другъ,

(Смѣясь).

Коль только графъ Дугласъ—не ваше имя.

Дугласъ *(изумленный).*

Клянусь—оно мое!

Ратклиффъ.

Какъ? Ване имя?

Вы графъ Дугласъ?

(Смѣясь).

Ну, плохо! такъ коноць

И нашей дружбѣ новоиспеченной...

Да, графъ, меня зовутъ—Вильямъ Ратклиффъ.

Дугласъ (*яростно вынимая мечъ*).

Убийца Макдональда и Дункана!

Ратклиффъ (*вынимаетъ мечъ*).

Да, это я! Трилистникъ мой неполюнь—
И васъ я, графъ, затѣмъ и пригласилъ.

Дугласъ (*нападаетъ на него*).

Пу, береги, теперь, проклятый, шкуру!
(*Дерутся*).

Ратклиффъ.

Дерусь я, какъ умѣю... Ха, ха, ха!

Дугласъ.

Не смѣйся такъ ужасно...

Ратклиффъ (*смѣясь*).

То не я—

То призраки туманные смѣются...

Дугласъ.

Пожалуй, смѣйся... Помогите мнѣ
Вы, тѣни Макдональда и Дункана!

Ратклиффъ

О, адъ и дьяволь! Кварты отбиваетъ
Мертвецъ Дунканъ... Не суйся ты, проклятый!

Дугласъ.

Ага! попалъ!

Ратклиффъ.

О, тысяча смертей!

Теперь и Макдональдъ еще вмѣшался.

Не много ли—втроемъ на одного!

(*Отступаетъ и спотыкается о подножіе памятника*).

Проклятіе! Ратклиффъ лежитъ во прахъ...

Коли, коли! Я твой заклятый врагъ.

Дугласъ (*холодно*).

Теперь отвѣдай ты меча Дугласа.

Недавно ты, быть-можетъ, спасъ мнѣ жизнь,

Теперь обязанъ мнѣ своей. Мы квиты!

Надѣюсь, ты теперь узналъ меня;

Урокъ смягчить, быть-можетъ, злое сердце.

(*Уходитъ съ гордымъ видомъ*).

Ратклиффъ неподвижно лежитъ у подножія памятника. Вѣтеръ еще яростнѣ завываетъ. Появляются два призрака, приближаются другъ къ другу съ простертыми руками, расходятся и исчезаютъ.

Ратклиффъ *(встаетъ медленно, ошеломленный)*.

То голосъ человѣка былъ? Иль вѣтеръ?
Но тѣ слова въ ушахъ еще звучать...
Они съ ума свести меня способны...
Иль то безумный сонъ?.. Но гдѣ же я?
Что тутъ за крестъ, и что на немъ за надпись?

(Читаетъ надпись на памятникѣ).

«Лордъ Макдональдъ и графъ Дунканъ убиты
На мѣстѣ семь проклятою рукой».

(Съ порывомъ).

Да, то не сонъ. При Черномъ Камнѣ я,
И побѣжденъ, осмѣянъ и поруганъ!
И злобный вѣтеръ въ уши мнѣ шипитъ:
Вотъ онъ, тотъ мужъ, чей исполинскій духъ
Высмѣивалъ британскіе законы
И съ небесами спорилъ горделиво!
Теперь же онъ не можетъ помѣшать
Дугласу въ эту ночь въ объятыхъ милой
Ложать и ей рассказывать, смѣясь,
Какъ червь Вильямъ Ратклиффъ при Черномъ Камнѣ
Униженно во прахѣ извивался,
И какъ Дугласъ его не растопталъ,
Чтобъ не запачкаться.

(Съ яростью).

Не смѣйтесь, вѣдьмы,
Проклятыя, не смѣйтесь такъ ужасно!
Довольно вамъ глумиться надо мной
И пальцами показывать... Метну я
Вамъ въ головы поганяя скалами,
Исторгну я лѣса шотландскихъ сосенъ
И спины желтыя вамъ ими нахлещу!
Изъ вашихъ тощихъ тѣлъ, проклятыхъ Богомъ,
Я вытончу ногами черный ядъ!
Разрушь, развѣй весь міръ, ты, вѣтеръ бурный!
Разрушься сводъ небесъ, сотри меня!
Земля, сокрой меня, разверзнувъ нѣдра!
(Полуяростно, полубоязливо и переходя въ таинственный тонъ).

А ты, двойникъ проклятый, смутный призракъ,
Зачѣмъ уставился въ меня такъ страшно?
Ты кровь мою высасываешь взглядомъ...
Я цѣпенѣю... Воду ледяную
Ты въ жилы мнѣ пылающія льешь,
И самъ полночнымъ мертвымъ привидѣньемъ
Я становлюсь... Ты кажешь мнѣ туда?
Ты кажешь мнѣ туда рукой туманной?..
Идти туда?.. Марія?.. Голубь бѣлый?..
Кровь... Мнѣ идти?.. Эй, кто тамъ говоритъ?
Нѣтъ, это былъ не вѣтра голось... Что?
Марію долженъ взять я?.. Ты киваешь...
Такъ! рѣшено! Я буду твердъ, какъ сталь,
И волею сильнѣй, чѣмъ адъ и небо!

(Быстро уходитъ).

Замокъ Макъ-Грегора. Освѣщенная комната съ завѣшеннымъ альковомъ посрединѣ. Доносятся звуки бальной музыки и женскій говоръ.
Входятъ Марія въ праздничномъ нарядѣ и Маргарета.

Марія.

Ахъ, Господи, какъ тяжело мнѣ стало!

Маргарета.

А это все шнуровка... Погоди,
Тебя я, куколка моя, раздѣну.

(Помогаетъ ей раздѣться).

Марія.

Щемить мнѣ сердце.

Маргарета.

Полно, дорогая!
Твой графъ Дугласъ мужчина молодець.

Марія *(съ веселымъ смѣхомъ).*

О, да, конечно, молодець совсѣмъ...
И весель, и сговорчивъ, и мужчина.

Маргарета.

Влюбилась куколка?

Марія.

Ну, вотъ—влюбилась!..
Какъ это глупо!.. Надо жить въ ладу..

Маргарета.

Не то мы говорили прежде. Вспомни—
Когда Вильямъ Ратклиффъ...

Марія (*зажимая ей ротъ рукой*).

О, нѣтъ, прошу,
Прошу, прошу тебя. Ужъ ночь и поздно;
Не вспоминай лихого человѣка...

Маргарета

Тогда влюбилась куколка моя.

Марія.

О, нѣтъ! Вначалѣ, правда, онъ казался,
Какъ агнецъ, кроткимъ, и его лицо
Казалось такъ знакомымъ, голосъ тоже
Звучалъ такъ нѣжно, и такъ сладко было
Его дыханье слышать на щекѣ.
Глядѣлъ онъ такъ умильно, до смѣшного...

(*Содрогаясь*).

А то онъ вдругъ блѣднѣлъ, какъ привидѣнье,
Мутился взоръ, въ лицо бросалась кровь,
И видъ онъ принималъ свирѣпо грозный,
Какъ будто бы убить меня хотѣлъ.
Онъ былъ похожъ на тотъ туманный призракъ,
Что часто мнѣ являлся въ сновидѣньяхъ,
Ко мнѣ свои объятія простиралъ,
Смотрѣлъ такъ долго съ нѣжностью глубокой,
Что, наконецъ, сама я становилась
Воздушной тѣнью, и сама къ нему
Тянулась я туманными руками.

Маргарета.

А ты точь въ точь, какъ мать твоя... Она
Все такъ же дулась, а была, какъ кошка,
Въ Ратклиффа влюблена.

Марія.

Въ кого? Въ Ратклиффа?

Маргарета.

То былъ Эдвардъ Ратклиффъ, отецъ Вильяма.
О, мать твоя была такъ хороша!
Она звалась красотка Бетти... Кудри,

Какъ золото червонное, вились,
И руки были словно мраморъ бѣлый.
А ужъ глаза... О, ихъ-то зналъ Эдвардъ!
Онъ цѣлый день смотрѣлся въ эти очи,
Такъ что своихъ чуть-чуть не проглядѣлъ...
И пѣть она, какъ соловей, умѣла.
Какъ у огня присядеть, запоеть:

(Поетъ).

«Откуда мечъ твой весь въ крови?
Эдвардъ! Эдвардъ!»
Такъ бѣдная кухарка все забудетъ,
И пригоритъ жаркое всякій разъ...
Ахъ, Боже мой! Зачѣмъ недоброй пѣснѣй
Ее учила я!..

(Плачетъ).

Марія.

Ну, Маргарета,
Ну, милая, ты Расскажи мнѣ все!..

Маргарета.

Сидѣла разъ одна красотка Бетти,
И стала пѣть:

«Откуда мечъ твой весь въ крови?
Эдвардъ, Эдвардъ!»
И вдругъ предъ ней предсталъ Эдвардъ Ратклиффъ
И пѣсню же отвѣтилъ ей задорно:

«Я милую свою убилъ,
Она была прекрасна!—О!»

И мать твоя тогда такъ испугалась,
Что не хотѣла видѣть съ этихъ поръ
Эдварда бѣднаго; ему въ досаду
Она пошла за твоего отца.
Эдвардъ Ратклиффъ отъ ярости бѣсился,
Но показать хотѣлъ красоткѣ Бетти,
Что безъ нея онъ можетъ обойтись—
И самъ женился, прямо лишь на зло
И изъ отчаянья, на Дженни Кемпбелль.
И вотъ Вильямъ Ратклиффъ есть сынъ его
Отъ этого безумнаго союза.

Марія.

Бѣдняжка мама!

Маргарета.

Да, красотка Бетти
Упрямая была. Весь годъ она
Ни разу вслухъ не вспомнила Ратклиффа.
Но черезъ годъ, я помню, въ октябрѣ,
И кажется, въ день ангела Эдварда,
Она меня, какъ-будто невзначай,
Спросила: «Маргарета, объ Эдвардѣ
Не слышно ли чего?»—А я въ отвѣтъ:
«Женился онъ на Дженни Кемпбелль».—«Дженни!»
Воскликнула тогда красотка Бетти
И поблѣднѣла, снова покраснѣла,
И горько-горько плакать начала.
Я на рукахъ тогда тебя, Марія,
Держала; ты трехъ мѣсяцевъ была,
И ты заплакала. Тогда, чтобъ только
Хоть чѣмъ-нибудь унять тѣ слезы Бетти,
Я рассказала ей, что самъ Эдвардъ
Забуть не могъ ее, красотку Бетти,
Что видѣли, какъ онъ и день, и ночь
Вкругъ замка нашего украдкой бродить,
И видѣли, какъ руки онъ съ тоской
Къ окну красотки Бетти простираеть.
«Давно я это знала!»—съ громкимъ смѣхомъ
Вскричала Бетти, бросилась къ окну
И тамъ къ Эдварду руки протянула...
И вышло худо! Макъ-Грегоръ все видѣлъ,
Ревнивый твой отецъ...

(Останавливается съ испугомъ).

Марія.

Ну, что-жъ потомъ?

Разсказывай же дальше.

Маргарета.

Ну, и все тутъ...

Марія.

Разсказывай же дальше.

Маргарета (робко).

Что-жъ! На утро
За старою стѣной въ крови, убитый,
Лежалъ Эдвардъ Ратклиффъ...

Марія.

А мать бѣдняжка?

Маргарета.

Отъ ужаса три дня спустя скончалась.

Марія.

Ужасно!

Маргарета

(холоднымъ язвительнымъ тономъ сумасшедшей).

Если-бъ, куколка, сама

Ты глазами увидѣла своими,

Какъ у стѣны лежалъ Эдвардъ Ратклиффъ!..

Ухъ! У меня кровавый этотъ образъ

Нейдетъ изъ головы и оттого,

Что знаю я, кто былъ его убійца,

И оттого, что все скрывать должна,

И оттого, что я безумна... Сонъ мой

Давно пропасть, и мнѣ всегда и всюду

Все видится—идетъ Эдвардъ Ратклиффъ,

Облитый кровью, блѣдный, съ неподвижнымъ,

Но острымъ взглядомъ—медленно идетъ,

Съ простертою рукой, какъ привидѣнье...

Вильямъ Ратклиффъ входитъ блѣдный и окровавленный.

Маргарета *(дико вскрикиваетъ).*

О, Господи! Мертвецъ, Эдвардъ Ратклиффъ!

(Она забивается въ уголъ комнаты и сидитъ тамъ неподвижно).

Марія *(вскрикиваетъ).*

Чудовище! Ты мнѣ кольцо Дугласа

Принесъ?

Ратклиффъ *(горько смѣясь).*

Теперь оконченъ карусель.

Я выбилъ два кольца, зато никакъ

Мнѣ третье не давалось, и свалился

Я съ деревянной лошади.

Марія *(вдругъ доверчиво тревожнымъ тономъ).*

Вильямъ!

Вильямъ, ты весь въ крови... Приди, я рану

Тебѣ перевяжу...

(Разрываетъ свой брачный вуаль).

О, Боже, гдѣ я?..
Ты злой Вильямъ... Нѣтъ, ты Эдвардъ, а я—
Красотка Бетти... Голова твоя,
Смотри, въ крови, а у меня такъ смутно
Все въ головѣ... Чтѣ дѣлаю—не знаю...
Поди сюда... Когда меня ты любишь,
Стань на колѣни...

(Хочетъ перевязать ему рану на шоловь).

Ратклиффъ *(бросается къ ея ногамъ; съ нѣжной скорбыю).*

Чтѣ же это—сонъ?

Марія предо мной? И я склоняюсь
Къ ея ногамъ? О, маленькія ножки,
Не призракъ ли вы, созданный безумьемъ,
И не разсѣтесь, едва лишь васъ
Я обниму?

Марія *(внимательно и перевязывая ему шолову вуалемъ).*

Потише. Кровь пристала
Къ твоимъ красивымъ золотымъ кудрямъ.
Ну, смирно; ты меня запачкалъ кровью.
А будешь ты лежать спокойно—я
Тебя въ глаза съ любовью поцѣлюю.
(Цѣлуетъ ея).

Ратклиффъ.

Ты поцѣлуемъ ночь прогнала съ глазъ,
Я вижу солнце вновь, тебя, Марія.

Марія *(съ испугомъ, какъ бы пробуждаясь отъ сна).*
Марія? Да... И ты—Вильямъ Ратклиффъ?

(Закрываетъ себя глаза рукой).

Ахъ, слишкомъ тяжело!

(Содрогаясь).

Прочь! Прочь отсюда!

Ратклиффъ *(вскакиваетъ и охватываетъ ея руками).*

Я не уйду!.. Люблю тебя, Марія,
И ты Вильяма любишь... Ты вѣдь мнѣ
Во снѣ объ этомъ часто говорила...
Ты знаешь—мы похожи другъ на друга,
Взгляни-ка въ зеркало.
(Подводитъ ея къ зеркалу и указываетъ на отраженіе ихъ обоихъ).

Твои черты
Хотя прекраснѣй, чище, благороднѣй,
Но все-жъ съ моими схожи... Та же гордость,
Упорство то же на губахъ у насъ,
И легкомысліе одно и то же.
Промолви хоть словечко.

Марія (*сопротивляясь*).

Уходи!

Оставь меня!

Ратклиффъ.

Ты слышишь? Вотъ и голосъ
Звучитъ, какъ мой, но лишь гораздо мягче,
И та-жъ лазурь глубокая въ глазахъ—
Твоя свѣтлѣе только. Дай мнѣ руку.

(*Беретъ ея руку и сравниваетъ со своей*).

Ты видишь? Тѣ же линіи.

(*Въ испугъ*).

Смотри,

И здѣсь, какъ тамъ, черта недолгой жизни...

Марія.

Оставь меня, Вильямъ, бѣги, бѣги!
Но торопись, они сейчасъ придуть...

Ратклиффъ.

Да, ты права, мы убѣжимъ. Голубка,
Пойдемъ со мной. Идемъ, мой конь осѣдланъ,
Въ Шотландіи быстрѣе вѣтъ коня.

(*Обнажаетъ свой мечъ*).

А этотъ мечъ дорогу намъ проложить...
Взгляни, какъ онъ блеститъ!.. Чу! что такое?

Маргарета (*безумно поетъ*).

«Откуда мечъ твой весь въ крови?

Эдвардъ! Эдвардъ!»

«Я милую свою убилъ —

Она прекрасна такъ была!—О!»

Ратклиффъ.

Кто произнесъ кровавые слова?
Не филинъ ли, прижавшійся къ окошку?
Иль вѣтеръ воюющій въ твоемъ каминѣ?

Иль вѣдьма блѣдная, что тамъ въ углу
Забилась? Да, она. Сама, какъ камень,
Она застыла, но напѣвъ зловѣщій
Хрипять у ней въ груди. Она поетъ,

(Съ страшной болью).

Что милую мою убить я долженъ...
Я долженъ... да...

Марія.

Твои глаза такъ страшно
Вращаются... Твое дыханье жжетъ...
Съ тобою я сама сойду съ ума...
Оставь, оставь меня!

Ратклиффъ.

О, не противься,
Моя голубка. Смерть вѣдь такъ сладка!
Я унесу тебя въ тотъ край прекрасный,
Который намъ съ тобой такъ часто снился,
Идемъ, любовь моя!

Марія (вырываясь отъ него).

Бѣги! Бѣги!
Когда тебя застанетъ здѣсь Дугласъ...

Ратклиффъ (въ порывѣ ярости).

Будь проклято то имя! Лозунгъ смерти!
Никто тобой не будетъ обладать.
Ты мнѣ принадлежишь...

(Хочетъ ее заколотъ).

Марія (скрываясь въ запыленный альковъ).

Вильямъ! Ты хочешь
Меня убить...

Ратклиффъ (бросается за ней въ альковъ).

Ты мнѣ принадлежишь...
Марія, ты моя!..
(Слышитъ голосъ Маріи: «Вильямъ! Помогите! Вильямъ!»)

Маргарета (поетъ).

«Я милую свою убилъ —
Она прекрасна такъ была!—О!»

(Два Призрака появляются съ разныхъ сторонъ у входа въ альковъ, простирають другъ къ другу руки и исчезаютъ, когда входитъ Ратклиффъ).

Ратклиффъ.

(Съ окровавленнымъ мечомъ въ рукѣ выбѣгаетъ изъ алькова).

Ты, мой двойникъ! Постой! не исчезай!

Ты это сдѣлалъ, блѣдный призракъ ночи!

Твоя рука туманная въ крови...

Дерись со мной, ты умертвилъ Марію...

Макъ-Грегоръ вбѣгаетъ съ обнаженнымъ мечомъ. **Прежніе.**

Макъ-Грегоръ.

На помощь кто-то звалъ...

(Увидѣвъ Ратклиффа)

Ты здѣсь, злодѣй,

Убійца, ненавистный отравитель

Покоя моего...

Ратклиффъ *(съ дикимъ хохотомъ).*

Да, это я,

И ты мнѣ точно такъ же ненавистенъ,

Не знаю почему, но ненавистенъ,

И крови жажду я твоей!

(Они бросаются другъ на друга и дерутся).

Макъ-Грегоръ.

Проклятый!

Ратклиффъ.

Ха, ха, ха!

Маргарета *(поетъ).*

«Откуда мечъ твой весь въ крови?

Эдвардъ! Эдвардъ!»

Макъ-Грегоръ *(надаетъ).*

Проклятыя слова! *(умираетъ).*

Ратклиффъ *(изнеможенный).*

Поганный змѣй!

Издохъ. На сердцѣ у меня легко.

Теперь уже предчувствіемъ покоя

Я наслаждаюсь... Ты моя, Марія.

Мой трудъ оконченъ... Я иду къ тебѣ!

(Онъ уходитъ въ альковъ, слышенъ его голосъ):

Я здѣсь, моя любовь, мой свѣтъ, Марія!

(Въ альковъ раздастся выстрѣлъ).

(Два Призрака появляются съ обѣихъ сторонъ, кидаются жадно въ объятія другъ друга, остаются, крѣпко обнявшись, и исчезаютъ.

Слышны громкіе крики и смутный говоръ).

Дугласъ. Гости и Слуги входятъ. Прежніе.

Одинъ изъ слугъ.

О, Боже! Здѣсь лежитъ нашъ господинъ!

Многіе.

О! Макъ-Грегоръ!

Дугласъ.

Убить! Лордъ благородный —

Убить. Искать убійцу! Затворите

Ворота замка!

Маргарета.

(Медленно выпрямляется, приближается къ тѣлу Макъ-Грегора и говоритъ безумнымъ голосомъ).

Да, вотъ точно такъ

Въ крови и блѣдный, подъ стѣною замка

Лежалъ Эдвардъ Ратклиффъ. Его, бѣдняжку,

Убилъ сердитый, злобный Макъ-Грегоръ.

(Съ плачемъ).

То сдѣлала не я, я только знала...

А вотъ его Вильямъ Ратклиффъ убилъ.

Теперь покойно и Вильяму тоже.

Онъ спитъ теперь съ Маріей рядомъ... Тише!

Молчите! Не будите ихъ...

(Она подходитъ на цыпочкахъ къ алькову и поднимаетъ его занавѣсь. Видны тѣла Маріи и Вильяма Ратклиффа).

Всѣ.

Ужасно!

Маргарета *(съ довольнымъ смѣхомъ).*

Они точь въ точь — Эдвардъ съ красоткой Бетти!

АТТА ТРОЛЛЬ.

(СОНЪ ВЪ ЛѢТНЮЮ НОЧЬ)

(1841 г.).

Изъ мерцающаго въ мракъ бѣлаго шатра
Мавританскій князь выходитъ, вставъ на бой съ одра.
Изъ мерцающихъ во мракъ бѣлыхъ облаковъ
Такъ проглядываетъ мѣсяцъ, мраченъ и суровъ.

•Мавританскій Князь• Ф. Фрейлиграта.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочиненіе «Атта Тролля» относится къ осени 1841 г. и отрывками онъ былъ напечатанъ въ журналѣ «Изящный Свѣтъ», когда мой другъ Генрихъ Лаубе снова принялъ на себя его редактированіе. Содержаніе и форма стихотворенія должны были соответствовать благоприличнымъ условіямъ этого изданія; я написалъ покаместъ только тѣ главы, которыя могли быть напечатаны, да и онѣ подверглись многимъ вариантамъ. У меня было намѣреніе впоследствии издать все въ полномъ объемѣ, но дѣло такъ и ограничилось похвальнымъ намѣреніемъ, и что было со всѣми крупными произведеніями нѣмцевъ—съ кельнскимъ соборомъ, съ Шеллинговскою идеею о Богѣ, съ прусскою конституціею и т. п., то повторилось и съ «Атта Троллемъ»—онъ не былъ оконченъ. Въ этомъ неоконченномъ видѣ, коекакъ отремонтированнымъ и только съ вѣншей стороны округленнымъ, я отдаю его теперь публикѣ, повинуюсь потребности, которая, по правдѣ сказать, имѣетъ источникъ не внутренній.

Сочиненіе «Атта Тролля», какъ выше сказано, относится къ осени 1841 г.—тому времени, когда великое возстаніе, въ которомъ сплотились противъ меня самые разнокалиберные враги, еще не совсѣмъ улеглось. То было очень великое возстаніе, и я никогда бы не повѣрилъ, что Германія производитъ столько гнилыхъ яблокъ, сколько ихъ въ ту пору полетѣло мнѣ въ голову! Наше отечество—страна благословенная; правда, не растутъ въ ней поморанцы и апельсины, съ трудомъ подымается вверхъ на нѣмецкой почвѣ и лавръ, и всѣмъ нашимъ великимъ по-

этамъ приходилось слѣтъ на этотъ счетъ свою пѣсенку. Въ этомъ возстаніи, въ которомъ мнѣ суждено было потерять и корону, и голову, я не потерялъ ни той, ни другой, и нелѣпыя обвиненія, которыми натравливали на меня чернь, съ тѣхъ поръ заглохли самымъ жалкимъ образомъ, хотя я не удостоилъ ихъ ни однимъ опроверженіемъ. Оправданіе мое было принято на себя временемъ, и подлежащая нѣмецкія правительства—я долженъ признать это съ благодарностью — въ этомъ отношеніи оказали мнѣ большія услуги. Распоряженія объ арестѣ, которыя, начиная съ нѣмецкой границы, на каждой станціи нетерпѣливо ожидаютъ возвращенія поэта на родину—эти распоряженія регулярно возобновляются каждый годъ, въ рождественскія святки, когда на елкахъ искрятся милыя лампочки. Благодаря такой ненадежности путей сообщенія, путешествіе по нѣмецкой землѣ представляется мнѣ не особенно привлекательнымъ, я вслѣдствіе этого зябну на святкахъ на чужбинѣ, и на чужбинѣ же, въ изгнаніи, окончу мои дни. А храбрые поборники свѣта и правды, обвинявшіе меня въ шаткости убѣжденій и рабскомъ образѣ мыслей, гуляютъ себѣ по отечеству въ полнѣйшей безопасности, какъ хорошо оплачиваемые чиновники, или какъ должностныя лица какого-нибудь цеха, или какъ дѣйствительные члены клуба, гдѣ они по вечерамъ патріотически услаждаютъ себя винограднымъ сокомъ батюшки Рейна и вытащенными изъ моря шлезвигъ-голштинскими устрицами.

Я выше съ умысломъ обозначилъ, къ какому періоду относится сочиненіе «Атта Тролля». Въ ту пору процвѣтала такъ-называемая политическая поэзія. Оппозиція, какъ говоритъ Руге, продала свои кожи и сдѣлалась поэзіей. Музы получили строгое приказаніе—отнынѣ перестать предаваться праздности и легкомыслію, но поступить на службу отечеству въ качествѣ или маркитантокъ свободы или прачекъ христіанско-германской національности. Въ роцѣ нѣмецкихъ бардовъ особенно сильно заволокли воздухъ тотъ смутный, безплодный паоосъ, тотъ бесполезный паръ энтузіазма, который съ пренебреженіемъ смерти кидался въ океанъ общихъ мѣствъ и всегда напоминалъ мнѣ американскаго матроса, который былъ такимъ восторженнымъ поклонникомъ генерала Джексона, что однажды безъ всякой надобности кинулся съ вершины мачты въ море, воскликнувъ: «я умираю за генерала Джексона!» Да, хотя у насъ, нѣмцевъ, не было еще никакого флота, но мы имѣли уже

восторженныхъ матросовъ, которые умирали за генерала Джексона въ стихахъ и прозѣ. Талантъ былъ въ то время очень неприятный даръ природы, потому что онъ навлекалъ на обладателя его подозрѣніе въ отсутствіи всякаго характера. Завистливое безсиліе нашло, наконецъ, послѣ тысячелѣтнихъ исканій, свое мощное оружіе противъ его вольныхъ порывовъ генія—оно отклонило антитезу между талантомъ и характеромъ. Масса считала себя почти лично польщенною, когда слышала утверженіе, что славные люди, правда, обыкновенно очень плохіе музыканты, но зато хорошіе музыканты обыкновенно совсѣмъ не славные люди, быть же славнымъ человѣкомъ—вотъ что, а отнюдь не музыка—самое главное. Пустая голова горделиво указывала теперь на свое полное сердце, и добродѣтельный образъ мыслей сдѣлался козырною каргой. Я помню одного тогдашняго писателя, который ставилъ себѣ въ особенную заслугу, что не умѣлъ писать; за свой деревянный слогъ онъ получилъ почетный серебряный кубокъ.

Клянусь вѣчными богами! Въ то время дѣло шло о защитѣ неотчуждаемыхъ правъ человѣческаго духа, особенно въ печати. Такъ какъ эта защита составляла великую задачу моей жизни, то въ настоящемъ стихотвореніи я отнюдь не упускалъ ее изъ виду, и какъ тонъ его, такъ и содержаніе были протестомъ противъ плебисцита газетныхъ трибуновъ! И дѣйствительно, уже первые напечатанные отрывки «Атга Тролля» подняли желчь моихъ рыцарей «характеръ», моихъ римлянъ, обвинявшихъ меня не только въ литературномъ, но и въ общественномъ реакціонерствѣ, даже въ осмѣяніи священнѣйшихъ идей человѣчества. Что касается эстетическаго достоинства моей поэмы, то я охотно отдавалъ его на растерзаніе, какъ дѣлаю и въ настоящую минуту. Я написалъ ее для собственного удовольствія, въ причудливо фантастической манерѣ той романтической школы, гдѣ я прожилъ пріятнѣйшіе годы моей юности и въ заключеніе высѣкъ учителя. Въ этомъ отношеніи моя поэма, быть-можетъ, заслуживаетъ осужденія. Но ты лжешь Бругъ, ты лжешь, Кассій, лжешь и ты, Азиніусъ, когда утверждаете, что моя насмѣшка обрушивается на тѣ идеи, которыя составляютъ драгоцѣнное достояніе человѣчества и за которыя я самъ столько боролся и страдалъ. Нѣтъ, именно потому, что передъ поэтомъ эти идеи постоянно носятся въ ихъ великолѣпнѣйшей ясности и величіи, именно потому поэтомъ тѣмъ неудержимѣе овладѣваетъ жажда смѣха, когда онъ

видить, какъ грубо, тупо и недѣло могутъ быть понимаемы эти идеи ограниченными современниками. Въ этихъ случаяхъ онъ смѣется какъ бы надъ медвѣжьей шкурой, въ которую они временно наряжены. Есть зеркала до такой степени криво отшлифованныя, что даже Аполлонъ отражается въ нихъ карикатурой и вызываетъ въ зрителѣ смѣхъ. Но мы смѣемся только надъ карикатурой, а не надъ богомъ.

Еще одно слово. Нужно ли мнѣ особенно ставить на видъ, что пародія одного стихотворенія Фрейлиграта, по временамъ шуточно звучащая въ «Атта Троллѣ» и какъ бы образующая его комическую подкладку, отнюдь не имѣетъ цѣлью порицаніе самого поэта? Его я цѣню высоко, особенно въ настоящую пору и причисляю его къ значительнѣйшимъ поэтамъ, какіе появлялись въ Германіи со времени іюльской революціи. Первое собраніе его стихотвореній пришлось мнѣ прочесть очень поздно, именно въ то время, когда возникъ «Атта Троллъ». Быть-можетъ, именно тогдашнее настроеніе мое было причиной, что особенно «Мавританскій Князь» такъ увеселительно подѣйствовалъ на меня. Впрочемъ, это стихотвореніе славится, какъ самое удачное. Для читателей, которые съ нимъ совсѣмъ незнакомы—а такіе, вѣроятно, найдутся въ Китаѣ и Японіи, даже на Нигерѣ и въ Сенегаліи—замѣчу, что мавританскій князь, въ началѣ стихотворенія выходящій изъ своей бѣлой палатки, какъ затмившійся мѣсяцъ, имѣетъ возлюбленную, тоже черную, на лицо которой съ головы опускаются бѣлыя страусовыя перья. Побуждаемый своею воинственностью, онъ покидаетъ подругу и идетъ на битву съ неграми, въ которой гремитъ барабанъ, увѣшанный человѣческими черепами—ахъ тутъ онъ находитъ свое черное Ватерлоо, и побѣдители продаютъ его бѣлымъ. Эти влекутъ благороднаго африканца въ Европу, и тутъ мы находимъ его, нѣсколько времени спустя, на службѣ въ бродячей труппѣ коннаго цирка, которая поручила ему на своихъ представленіяхъ бой на турецкомъ барабанѣ. И стоитъ онъ мрачный и серьезный, у входа въ циркъ, и барабанить, но въ это время вспоминаетъ о своемъ прежнемъ величіи, вспоминаетъ, что нѣкогда онъ былъ самодержавный король на далекомъ, далекомъ Нигерѣ, и охотился на льва, на тигра..

«Онъ плачетъ, глаза покрываетъ туманъ,
И лопнулъ подъ сильной рукой барабанъ».

Генрихъ Гейне.

Писано въ Парижѣ, въ декабрѣ 1846 г.

ГЛАВА I.

Между мрачными горами,
Въ высь стремящимися гордо,
Убаюканъ дикимъ ревомъ
Водопадовъ, какъ видѣнье,

Приютился эlegantный
Котерэ, краса долины...
Бѣлыхъ домиковъ балконы
Влещутъ рою дамъ красивыхъ.

Отъ души смѣясь, дамы
Смотрятъ внизъ на шумный рынокъ,
Гдѣ танцуютъ два медвѣдя
Подъ унылый звукъ волынки.

Атта Троль съ его супругой,
По прозванью черной Муммой—
Тѣ танцоры; и веселый
Раздается смѣхъ повсюду.

Величаво выступаетъ
Атта Троль нашъ благородный;
Но косматая супруга
Далеко не такъ пристойна.

Я почти готовъ подумать,
Что она канканъ танцуетъ:
Неприличныя движенья
Grande Chaumière напоминаютъ.

Да и самъ жокакъ, который
На цѣпи супруговъ водить,
Непристойность этой пляски,
Какъ мнѣ кажется, замѣтилъ.

И подчасъ онъ преподноситъ
Ей ударъ хлыстомъ изрядный,
Такъ что ревъ косматой Муммы
Повторяютъ эхомъ горы.

Шесть мадоннъ на острой шляпѣ
Вожака, дабы повсюду
Головъ отъ вражьей пули
Иль отъ вшей служить защитой.

И кусокъ парчи церковной
На плечахъ, какъ плащъ, накинуть;
Подъ покрывкой этой видны
Длинный ножъ и пистолеты.

Былъ онъ въ юности монахомъ,
Послѣ—шайки атаманомъ,
Въ заключенье поступилъ онъ
У донъ Карлоса на службу.

Но когда со всей дружиной
Карлосъ въ бѣгство обратился,
И почти всѣ паладины
Принялися за ремѣсла,

(Панъ Шнаппанскій сталъ писатель),
То и нашъ монахъ принялся
Медвѣдей водить по селамъ—
Атта Тролля и супругу.

Ихъ обоихъ заставляеть
Онъ плясать передъ толпою;
Да! На рынкѣ котеретскомъ
Пляшетъ Атта Тролля въ оковахъ!

Атта Тролля, который прежде,
Словно царь лѣсовъ дремучихъ,
Жилъ средь высей горъ привольныхъ—
Передъ чернью грубой пляшетъ!

Ради гнуснаго металла
Долженъ тотъ плясать, который
Былъ когда-то столь могучимъ
И вселялъ повсюду ужасъ.

Мыслить онъ о юныхъ гѣдахъ,
Объ утраченномъ величьи—
И изъ сердца Атта Тролля
Рвется скорбное мычанье.

Мрачно онъ глядитъ, какъ черный
Мавровъ вождь у Фрейлиграта,

И, какъ скверно барабанилъ
Тотъ, такъ этотъ плохо пляшетъ.

Но увы! Не состраданье,
Смѣхъ онъ только возбуждаетъ.
И Жюльета надъ несчастнымъ
Потѣшается съ балкона.

У нея въ груди нѣтъ сердца,
Вѣдь французенка—Жюльета;
Жизнь во вѣшности; но вѣшность
У нея—очарованье.

Каждый взглядъ очей прекрасныхъ—
Лучезарныя тенета,
Въ нихъ, какъ пойманная рыбка,
Наше сердце томно бьется.

ГЛАВА II.

Если черный фрейлигратецъ,
Мавританскій повелитель,
Вдругъ забилъ по барабану
Такъ, что тотъ, грохоча, лопнулъ—

Ужъ и тутъ была опасность
Барабанной перепонкѣ.
Но представьте, если Мишка
Вдругъ съ цѣпи своей сорвется!

Смолкли музыка и хохоть,
Страшно дамы поблѣднѣли,
Съ крикомъ ужаса, толкаясь,
Съ рынка ринулись зѣваки.

Да, желѣзные оковы
Атта Троль внезапно сбросилъ,
Быстро, дикими прыжками
Мчался онъ средь узкихъ улицъ.

Все предъ нимъ посторонилось.
Мигомъ влѣзъ онъ на утесы,
Посмотрѣлъ назадъ съ усмѣшкой
И исчезъ средь горъ окрестныхъ.

А на рынкѣ опустѣломъ
Лишь одна осталась Мумма,
Да вожакъ ея. Со злобой
Шляпу на земь онъ бросаетъ,

Топчетъ всѣхъ мадоннъ ногами,
Рветъ съ нагого тѣла платье,
Медвѣдей неблагодарность
Съ дикимъ крикомъ проклинаетъ!

Вѣдь всегда онъ съ Атта Троллею
Словно съ другомъ обращался,
Обучилъ его и танцамъ;
Всѣмъ ему медвѣдь обязанъ!

Всѣмъ, какъ есть, и даже жизнью!
Вѣдь сто таллеровъ за шкуру
Атта Тролля предлагали—
И его жокакъ не продалъ!..

Наконецъ, вдвойнѣ ужасенъ,
Гнѣвъ взбѣшеннаго испанца
Весь обрушился на Мумму.
Бьетъ онъ черную плясунью...

А она, на заднихъ лапахъ
Передъ нимъ, съ мольбой во взорѣ,
Неподвижная стояла,
Какъ безмолвный скорби образъ.

Бьетъ ее онъ, обзывая
Королевою Христиной,
Обзываетъ доньей Муноцъ
И дѣвицей непотребной...

Приключилоя все это
Въ чудный, теплый лѣтній вечеръ;
Да и ночь, за днемъ любовно
Низойдя, была прекрасна.

Половину этой ночи
Скороталъ я на балконѣ.
Рядомъ Юлія стояла,
Соверщая въ небѣ звѣзды,

И со вздохомъ говорила:
«Звѣзды краше всѣхъ въ Парижѣ,
Отражаясь въ зимній вечеръ
Въ жидкой грязи шумныхъ улицъ!»

ГЛАВА III.

Грезы ночи! Фантастична
И безцѣльна эта пѣсня,

Какъ безцѣльны жизнь съ любовью
И земное все творенье.

Ради собственной забавы,
То гарцуя, то летая,
Въ царствѣ сказокъ и фантазій
Милый мой Пегасъ витаетъ.

Онъ не бюргерская кляча
Съ прилежаньемъ достохвальнымъ,
Не борьбы партійной лошадь
Съ яримъ топотомъ и ржаньемъ.

Чистымъ золотомъ подкованъ
Бѣлый конь мой, конь крылатый,
Беззаботно опускаю
Я жемчужные поводья.

Мчи меня, куда ты хочешь!
По крутымъ тропинкамъ горнымъ,
Гдѣ хранить насъ ревъ каскадовъ
Отъ безмыслія обрыва!

Мчи меня по тихимъ доламъ,
Гдѣ дубы растутъ высоко,
Гдѣ ручей былия саги,
По корнямъ струясь, лепечеть.

Дай воды мнѣ тамъ напиться,
Освѣжить мои рѣсницы;
Жажду я той свѣтлой влаги,
Что даетъ и знать, и видѣть.

Взоръ мой быстро проникаетъ
Въ глубину разсѣлинъ горныхъ
И въ пещеру Атта Тролля;
Мнѣ языкъ его понятенъ.

Странно! Мнѣ языкъ медвѣдей
Чѣмъ-то кажется знакомымъ.
Не слыхалъ ли этихъ звуковъ
Я въ своей отчизнѣ милой?

ГЛАВА IV.

Ронсеваль, долина чести!
Лишь твое услышу имя—

Расцвѣтаетъ снова въ сердцѣ
Голубой цвѣтокъ увядшій.

Въ блескѣ міръ встаетъ видѣній
Изъ времянь давно минувшихъ,
И глаза большіе духовъ
Смотрятъ такъ, что я пугаюсь.

Звонъ мечей я слышу! Бьются
Франковъ рыцари и мавры;
Съ воплемъ, словно истекая
Кровью, рогъ звучитъ Роланда!

Тамъ, въ долину ронсевальской,
Близъ Роландовской зарубки—
(Такъ зовется это мѣсто,
Гдѣ герой мечомъ Дюрандомъ,

Пролагая путь въ тѣснинѣ,
Такъ отчаянно ударилъ,
Что слѣды въ скалѣ отвѣсной
И до сей поры замѣтны)—

Въ мрачномъ каменномъ ущельѣ,
Сплошь обросшемъ цѣлымъ боромъ
Дикихъ елей—скрытъ глубоко
Входъ въ пещеру Атта Тролля.

Въ лонѣ мирнаго семейства
Отдыхаетъ онъ съ дороги
Отъ трудовъ и всѣхъ скитаній
Съ жожакомъ по бѣлу свѣту.

О, блаженное свиданье!
Онъ дѣтей нашелъ въ пещерѣ,
Тамъ, гдѣ ихъ родилъ онъ съ Муммой;
Двѣ сестры, четыре брата.

Медвѣдицы бѣлокуры,
Словно дочери пастора,
Медвѣжата буры; только
Одноухій, младшій, черенъ.

Этотъ младшій былъ любимчикъ
Муммы; разъ она, играя,
Откусила сыну ухо
И съ любовью нѣжной съѣла.

Онъ подростокъ гениальный!
И гимнастъ какой способный!

Онъ кувыркается, словно
Нашъ гимнастъ великій Масманъ.

По туземному воспитанъ,
Любитъ онъ, дышь рѣчь родную,
Не учился онъ жаргону
Древнихъ грековъ и латинянъ.

Воленъ, свѣжъ, и бодръ и веселъ,
Никакихъ онъ мыль не терпитъ,
Этой роскоши новѣйшей,
Какъ гимнастъ великій Масманъ.

Онъ особо геніаленъ,
Поднимаясь по деревьямъ,
Изъ глубокаго ущелья
Вдоль отвѣснаго утеса

До площадки скаль широкой,
Гдѣ подъ вечеръ, всей семьею,
Окруживъ отца, ребята
Съ нимъ ведутъ въ тиши бесѣду.

Говоритъ старикъ охотно,
Что онъ пережилъ на свѣтѣ,
Сколько видѣлъ сель и люда,
Сколько горя претерпѣлъ онъ,

Въ этомъ схожій съ Одисеемъ,
Съ тѣмъ различіемъ, однако,
Что скитался онъ съ супругой,
Съ черно-бурой Пенелопой.

Атта Троль имъ повѣствуетъ
Объ успѣхѣ колоссальномъ,
Что имѣлъ онъ за искусство
Танцевать у человѣка.

Увѣряетъ онъ: съ восторгомъ
Старъ и младъ ему дивились,
Какъ плясалъ онъ тамъ на рынкахъ
Подъ пріятный звукъ волынки.

Больше всѣхъ плѣнялись дамы
(Дамы—тонкій вѣдь цѣнитель),
И, умильно строя глазки,
Аплодировали шумно.

О, тщеславіе артиста!
Ухмыляясь, мыслить старецъ

О тѣхъ дняхъ, когда талантомъ
Онъ блисталъ передъ толпою.

Опьяненъ одушевленьемъ,
Нашъ медвѣдь на дѣлѣ хочетъ
Показать, что не хвастунъ онъ,
Что онъ впрямь танцоръ великій.

Быстро вскакиваетъ съ мѣста
И, какъ въ дни былые, снова
Пляшетъ, вставъ на заднихъ лапахъ,
Онъ гавоть, любимый танецъ.

Молча, смотря медвѣжата,
Всѣ съ разинутыми ртами,
Какъ отецъ ихъ странно скачетъ
Взадъ, впередъ при лунномъ свѣтѣ.

ГЛАВА V.

Посреди семьи, въ пещерѣ,
На спинѣ лежитъ печальный
Атта Тролль; въ раздумьи лапу
Онъ сосетъ, сосетъ и шепчетъ:

«Мумма, Мумма, перлъ мой черный!
Я тебя въ житейскомъ морѣ
Изловилъ, и въ морѣ жизни
Снова я тебя утратил!»

«Суждено-ль тебя мнѣ видѣть?
Иль, быть-можетъ, лишь за гробомъ,
Гдѣ душа, земли отрешья
Отряхнувши, просвѣтлѣетъ?»

«Ахъ! Еще бы хоть разочекъ
Полизать у Муммы рыльце!
У нея оно такъ сладко,
Какъ помазанное медомъ!»

«Ахъ! Еще бы хоть разочекъ
Мнѣ нюхнуть особый запахъ
Милой Муммы—онъ всегда мнѣ
Милъ, какъ розъ благоуханье!..»

«Но—увы!—она томится
На цѣпи во власти грубой
У проклятаго отродья,
По прозванью челоуѣка,

«Что себя царемъ считаетъ
На землѣ всего творенья!..
О, проклятье! Эти люди,
Эти аристократы,

«Свысока на насъ взирають,
Грабятъ женъ, дѣтей и на цѣпъ
Насъ сажаютъ—убиваютъ
Для торговли нашей шкурой!

«И особенно медвѣдямъ
Причинять такія бѣды
Правомъ ихъ они считаютъ,
Вѣчнымъ правомъ человѣка!

«Человѣческое право!
Кто вамъ далъ его, скажите?
Ужъ, конечно, не натура:
Ей чужда ненатуральность.

«Кто пожаловалъ вамъ, люди,
Привилегіи такія?
Никогда не дастъ ихъ разумъ:
Онъ не столь вѣдъ неразумень!

«Ужъ не тѣмъ ли вы насъ лучше,
Что вы жарите, варите
И печете вашу пищу,
Мы-жъ ее ѣдимъ сырою?

«Результатъ въ концѣ, однако,
Тотъ же самый. Нѣтъ, не въ этомъ
Благородство; благородень
Тотъ, чьи чувства и поступки

«Благородны. Но не тѣмъ ли
Вы насъ лучше, что науки
И искусства вамъ знакомы?
Да и мы не вовсе глупы!

«Развѣ нѣтъ собакъ ученыхъ?
Развѣ лошадь не считаетъ,
Какъ коммерціи совѣтникъ?
Зайцы плохо барабанятъ?

«Развѣ бобръ не отличался
Гидростатики познаниемъ?
Не обязаны-ль вы цалпѣ
Изобрѣтеніемъ клистира?

«А ослы не пишутъ критикъ?
Обезьяны не актеры?
Гдѣ найдете вы мимистку,
Какъ Батавія—мартышка?»

«Соловьи-ль не распѣваютъ?
Фрейлигратъ ли не писатель?
Льва воспѣть кто могъ, бы лучше,
Чѣмъ землякъ его, верблюдъ?»

«Въ танцахъ самъ достигъ успѣховъ
Я такихъ же, какъ въ писаньяхъ
Герръ фонъ-Раумеръ—развѣ лучше
Пишетъ онъ, чѣмъ я танцую?»

«Чѣмъ же, люди, чѣмъ вы лучше,
Насъ, звѣрей? Хоть вы высоко
Ваши головы несете—
Мысли низкія въ нихъ скрыты!»

«Ужъ не тѣмъ ли вы насъ лучше,
Что у васъ безъ шерсти кожа?
Но она вѣдь и у змѣя
Столь же гладка и блестяща...»

«Родъ людской! Родъ змѣй двуногихъ!
Я отлично понимаю,
Для чего штаны вамъ нужны:
Вы змѣвиную хотите»

«Наготу прикрыть чужою
Шерстью! Дѣти! Берегитесь
Этихъ тварей безволосыхъ,
Этихъ чудищъ въ панталонахъ!»

Сообщать не буду дальше,
Какъ медвѣдь о человѣкѣ
Резонировалъ такъ дерзко,
Защищая равноправность.

Вѣдь, въ концѣ концовъ, и самъ я
Человѣкъ, и этихъ бредней
Оскорбительно нелѣпныхъ
Повторять я не намѣренъ!..

Человѣкъ я, да! я лучше
Всякихъ прочихъ позвоночныхъ;
И рожденья преимуществъ
Никогда не уступлю я!

И въ борьбѣ съ звѣрями твердо
Я отстаивать намѣренъ
Родъ людской—съ его святыми,
Прирожденными правами!.

ГЛАВА VI.

Но, быть-можетъ, человѣку,
Какъ звѣриной высшей расѣ,
Будеть знать не бесполезно
О сужденьяхъ меньшей братьи.

Да, внизу, въ печальныхъ, мрачныхъ
Сферахъ общества животныхъ,
Въ этихъ низшихъ наслоеньяхъ
Злоба, спѣсь и скорбь гнѣзятся.

Что, въ согласіи съ закономъ,
И природой, и привычкой,
Установлено вѣками—
Тамъ нахально отрицають.

Это злое лжеученье,
Что юнцамъ внушаютъ старцы,
Не на шутку угрожаетъ
Всей культурѣ человѣка.

«Дѣти!—Атта Троль сердито
Говорить, вертясь тревожно
На постели безматрацной:—
Дѣти, будущее—наше!

«Если-бъ такъ, какъ я, медвѣди
И всѣ звѣри разсуждали —
Общихъ силъ соединеньемъ
Мы низвергли бы тирановъ.

«Если-бъ съ лошадыю въ союзѣ
Вепрь работать согласился,
Если-бъ слонъ обвилъ свой хоботь
Вкругъ роговъ быка по-братски;

«Если-бъ дѣйствовали дружно
Овцы, зайцы, обезьяны,
Волкъ съ медвѣдемъ всякой шерсти—
Не уйти отъ насъ побѣдѣ!

«Единенье, единенье!
Вотъ что нужно! Въ одиночку

Мы рабы, но всё въ союзѣ
Притѣснителей низвергнемъ!

«Единенье—и побѣда!
Монополи презрѣнной
Рухнетъ сила, и создастся
Царство честное животныхъ.

«Основнымъ закономъ будетъ
Равенство созданій божьихъ,
Безъ различія религій,
Цвѣта, запаха и шерсти.

«Всюду равенство! Высокихъ
Степеней осель достигнуть
Въ правѣ; льву-жъ подчасъ придется
И мѣшки таскать съ мукою.

«Что касается собаки,
То она холопъ, конечно:
Вѣдь съ поконъ вѣковъ съ ней люди
Обращались, какъ съ собакой;

«Но у насъ въ свободномъ царствѣ
Возвратимъ и ей мы снова
Неотъемлемое право,
И ее облагородимъ.

«Мы дадимъ евреямъ даже
Право полное гражданства
И со всѣмъ животнымъ царствомъ
Наравнѣ мы ихъ поставимъ.

«Только танцы бы евреямъ
Запретить на рынкахъ надо;
Я вношу поправку эту
Въ видахъ моего искусства:

«Ибо чуткости-то къ стилю,
Къ строгой пластикѣ движеній
Нѣтъ у этой расы; могутъ
Вкусъ у публики испортить».

ГЛАВА VII.

Мрачень, въ мрачномъ подземельи,
Въ тѣсный кругъ семьи забившись,
Человѣконенавистникъ
Атта Троллъ ворчитъ сквозь зубы:

«Люди! Хитрыя каналы!
Смѣйтесь! Но настанетъ время—
И отъ смѣха, и отъ гнета
Мы навѣкъ освободимся!

«Для меня всего обиднѣй
Кислосладкая гримаса
На губахъ; невыносима
Для меня улыбка эта!

«Лишь увижу я на лицахъ
Ту фатальную гримасу,
Затошнить меня, какъ будто
Въ животѣ кишки ворѣтить!

«И еще гораздо больше
Этимъ смѣхомъ, чѣмъ словами,
Проявляется вся гнусность,
Все безстыдство человѣка,

«Всюду смѣхъ у нихъ! И даже
Тамъ, гдѣ требуетъ приличье,
Быть особенно серьезнымъ—
Въ часъ торжественный любви!

«Всюду смѣхъ у нихъ! Смѣются
Даже въ танцахъ. Оскверняютъ
Этимъ смѣхомъ то искусство,
Что должно-бъ остаться культомъ!

«Да! Вѣдь танецъ въ оно время
Былъ священнымъ актомъ вѣры;
И жрецы плясали возлѣ
Алтаря, сомкнувшись кругомъ.

«Царь Давидъ передъ ковчегомъ
Танцевалъ во время оно;
Танецъ былъ богослуженье,
Родъ моленія ногами!

«Такъ и я въ такомъ же смыслѣ
Понималъ значенье танцевъ,
Предъ толпой пляша на рынкахъ
И стяжая одобренье.

«Сознаюсь, успѣхи эти
Часто радовали сердце,
Вѣдь заставить восхищаться
И враговъ—весьма пріятно!

«Но въ самомъ энтузіазмѣ
Смѣхъ у нихъ! Безсильны даже
Сами танцы улучшить ихъ,
Неизмѣнна въ нихъ фривольность!»

ГЛАВА VIII.

Много бургеровъ примѣрныхъ
На землѣ прескверно пахнутъ,
Между тѣмъ душатся амброй
Много княжескихъ холоповъ.

Сколько дѣвушекъ невинныхъ
Пахнутъ грубымъ сѣрымъ мыломъ,
Между тѣмъ порокъ нерѣдко
Умывается духами.

Потому не морщи носа,
О, читатель, коль пещера
Атта Тролля не напомнитъ
Аравійскихъ благовоній.

Ты побудь со мною вмѣстѣ
Въ этой душной атмосферѣ,
Да послушай, чтó вѣщаетъ
Нашъ герой родному сыну:

«Сынъ, мой сынъ, отцовскихъ чреселъ
Младшій отпрыскъ! Дай мнѣ ухо,
Я волью въ него завѣтъ мой,
Ты-жъ его запечатлѣешь:

«Берегись людскихъ сужденій,
Для души твоей тлетворныхъ,
Вѣдь порядочнаго въ свѣтѣ
Не найдется человѣка!

«Даже лучше, какъ нѣмцы,
Даже дѣти Туйскіана,
Наши праотцы отъ вѣка,
Такъ же точно развратились.

«Заразившись атеизмомъ,
Проповѣдуютъ безвѣрье—
Сынъ, мой сынъ, остерегайся
Бауэра и Фейербаха!

«Берегись быть атеистомъ,
Этимъ чудищемъ безъ вѣры

Въ Бога. Да, единъ Создатель
Сотворилъ весь этотъ мiръ!

«Въ вышины—луна и солнце,
Звѣзды (съ яркими хвостами,
Какъ равно и безъ хвостовъ)—
Отблескъ мощи безграничной!

«Въ глубины—земля и море
Служать эхомъ божьей славы,
Хвалить всякое творенье
Все величiе Его!

«Даже маленькая вошка
Въ бородѣ у пилигрима
Принимаетъ въ томъ участъе—
Славу Вѣчному поеть!

.
.

ГЛАВА IX.

Какъ языкъ кроваво красный,
Что высовывалъ изъ мрачной
Пасти съ злобною усмѣшкой
Мавровъ вождь у Фрейлиграта—

Всходитъ мѣсяцъ изъ-за темныхъ
Облаковъ. Вдали бушуютъ
Въ часъ полунощный сердито
Водопады, сна не зная.

Одиноко на утесѣ,
На своемъ любимомъ мѣстѣ,
Атта Троль стоитъ и въ пропасть
Онъ реветъ оттуда грозно:

«Да, медвѣдь я! Я тотъ самый,
Вы котораго зовете
Косолапымъ, Изегримомъ
И еще, Богъ знаетъ, какъ.

«Да, медвѣдь я, я тотъ самый
Звѣрь косматый, неуклюжий,
Что для васъ предметомъ служить
Издѣвательствъ и насмѣшекъ!

«Я—мишень острогамъ вашимъ,
Я—чудовище, которымъ

Вы пугаете подь вечерь
Вашихъ злыхъ, капризныхъ дѣтокъ!

«Я—созданье путовское
Вашихъ бабушкиныхъ сказокъ—
И о томъ кричу я громко
Миру подлому людскому.

«Знайте, знайте—я медвѣдь!
Не стыжусь происхожденья
И горжусь имъ—словно внукъ я
Моисея Мендельсона!»

ГЛАВА X.

Двѣ фигуры—дики видомъ
И мрачны—на четверенькахъ,
Ровно въ полночь пролагають
Путь сквозь чашу темныхъ сосѣнь.

Это Атта Троль-родитель
И сыночекъ одноухій...
Вотъ они остановились
На просвѣтъ възлѣ камня.

«Этотъ камень, ~~ты~~ молвилъ Атта:—
Алтаремъ служилъ друидамъ;
Здѣсь когда-то приносились
Человѣческія жертвы.

«Возмутительная гнусность!
Кровь въ честь Бога проливали!
Дыбомъ волосъ становится
У меня при этой мысли!

«Правда, стали просвѣщеннѣй
Нынѣ люди, и другъ друга,
Изъ усердія къ небеснымъ
Интересамъ, ужъ не рѣжутъ.

«Нѣтъ, не вѣры заблужденья,
И не бредъ, не суевѣрье
Ихъ теперь влекутъ къ убійствамъ;
А корысть и себялюбье.

«Да, за благами земными
Рвутся всѣ, давая другъ друга;
Нѣтъ грабительству предѣла,
Каждый крадетъ для себя!

«Достояньемъ общимъ каждый:
Завладѣть стремится лично,
А заграбивъ, восклицаютъ:
«Собственность! Права владѣнья!»

«Собственности! Права владѣнья!
Ложь! Грабежи! Могли лишь люди
Изобрѣсть такую смѣсь
Лжи, безмыслицы, лукавства!

Вѣдь природа намъ владѣльцевъ
Никогда не создавала;
Безъ кармановъ въ нашей шкурѣ
Всѣ на свѣтъ мы появились!

«Вѣдь ни у кого изъ тварей,
Чтобы краденое прятать,
Нѣтъ такихъ мѣшковъ на шкурѣ
Отъ рожденья! Только люди,

«Эти гладкія созданья,
Что всегда чужою шерстью
Прикрываются искусно—
Такъ же ловко ухитрились

«Завести себѣ карманы—
Неестественность такую,
Какъ и собственность, какъ право
Быть владѣльцемъ... Люди воры!..

«О, какъ я ихъ ненавижу!
Эту ненависть въ наслѣдство
Передать тебѣ хочу я!
Здѣсь клянись мнѣ въ ней, о, сынъ мой!

«Будь врагомъ смертельнымъ подлыхъ
Притѣснителей! До смерти
Будь врагомъ непримиримымъ!
Сынъ мой, поклянись мнѣ въ этомъ!»

И поклялся сынъ, какъ клялся
Аннибалъ когда-то. Мѣсяць
Освѣщаль старинный камень
И обоихъ мизантроповъ.

Мы позднѣе поразскажемъ,
Какъ остался вѣрнень клятвѣ
Молодой медвѣдь; прославимъ
Мы его въ другой поэмѣ.

Такъ же точно Атта Троля
Мы пока теперь оставимъ,
Чтобы тѣмъ вѣрнѣ пулей
Поразить его позднѣ.

Государственный преступникъ
Противъ царственной особы
Человѣка! Уличенный,
Будешь ты судиться завтра.

ГЛАВА XI.

Роемъ спящихъ баядерокъ
Горы кажутся въ одеждахъ
Бѣлой мглы; ихъ очертанья
Вѣтеръ утренній колеблетъ.

Но ихъ скоро всѣхъ разбудить
Лучезарный богъ; сорветъ онъ
Съ нихъ послѣднюю одежду,
Озарить красу нагую.

Я отправился съ Ласкаро
Раннимъ утромъ на охоту
За медвѣдями—и въ полдень
Подошли мы къ Pont-d'Espagne.

Такъ зовется мость, ведущій
Отъ французовъ въ край испанскій,
На десять вѣковъ отставшій
Отъ новѣйшаго прогресса.

На десять вѣковъ отстали
Эти варвары-испанцы;
Варвары моей отчизны
На столѣтье лишь отстали.

Робко, грустно я покинулъ
Землю Франціи святую,
Эту родину свободы
И любимыхъ мною женщинъ.

Помѣстился посреди
Pont d'Espagne испанецъ бѣдный.
Нищета его свѣтилась
И въ глазахъ, и въ дырахъ платья.

Дѣргалъ пальцами худыми
Струны старой мандолины;

Звуку рѣзкому съ насмѣшкой
Эхомъ вторило ущелье.

Иногда онъ наклонялся
Съ дикимъ смѣхомъ надъ стремниной,
Вслѣдъ за тѣмъ еще безумнѣй
Онъ бречаль и пѣлъ при этомъ:

«У меня въ срединѣ сердца
Золотой поставленъ столикъ,
А вокругъ столика четыре
Золотыхъ такихъ же стульца.

«А на стульчикахъ присѣли
Крошки-дамочки въ шиньонахъ,
И играютъ въ карты—только
Всѣхъ обыгрываетъ Клара

«И при томъ хитро смѣется...
Ахъ! въ моемъ ты сердцѣ, Клара,
Вѣчно въ выигрышѣ будешь;
Ты всѣ козыри имѣешь!»

Мостъ пройдя, съ самимъ собою
Говорилъ я: странно, право,
Что безуміе усѣлось
На мосту томъ пограничномъ!

Тутъ не символъ ли обмѣна
Мыслей этихъ двухъ народовъ?
Или этотъ сумасшедшій—
Земляковъ своихъ заглавье?..

Лишь подъ вечеръ добралися
Мы въ убогую посаду,
Гдѣ дымились на нечистыхъ
Блюдахъ олеа-потрида.

Тамъ поѣлъ я и гарбанцось,
Крупныхъ, грузныхъ точно пули,
Неваримыхъ и для нѣмца,
Хоть и выросъ онъ на клецкахъ.

Столь же скверной оказалась
И постель—вся въ насѣкомыхъ,
Какъ усыпанная перцемъ...
Клоцъ—врагъ злѣйшій человѣка!

Хуже гнѣва сѣтень тигровъ
Непріязненность единой

Этой столь ничтожной твари,
Къ вамъ въ постель заплзшей на ночь;

Плохо, если ты допустишь
Искусать тебя; но хуже,
Если ты клопа раздавишь
Вонь всю ночь не дастъ покоя!

Да, всего страшнѣе въ мѣрѣ
Битва съ гадиною скверной,
Коей вонь оружемъ служить—
Битва съ мерзкими клопами!

ГЛАВА XII.

Ахъ, какъ всѣ—ручные даже—
Фантазируютъ поэты!
Говорятъ они: природа
Есть великій, чудный храмъ!

Храмъ, котораго красоты
Умъ и сердце въ высь уносятъ;
Солнце, мѣсяцъ, звѣзды—свѣтятъ
Въ немъ, какъ въ куполѣ лампы.

Да, добрѣйшіе, конечно!
Но сознайтесь, въ этомъ храмѣ
Нѣтъ совсѣмъ удобныхъ лѣстницъ;
Всѣ онѣ изъ рукъ вонь скверны!

То взбирайся, то спускайся,
То карабкайся на скалы,
То скачи чрезъ пень-колоду—
И ногамъ, и духу мѹка!

Близъ меня шагаль Ласкаро,
Блѣдень, длинень, точно свѣчка.
Все молчитъ онъ, не смѣется—
Мертвый сынъ какой-то вѣдьмы.

Да, молва, что онъ покойникъ,
Но колдунья-мать, Урака,
Сохранять его умѣетъ
Все какъ будто бы живого.

Ну, и лѣстницы же въ храмѣ!
До сихъ поръ мнѣ не понятно,
Какъ, сорвавшись внизъ, ни разу
Не сломаль себѣ я шеи!

Какъ бушуютъ водопады!
Какъ по соснамъ вѣтеръ хлещетъ!
Вожетъ бѣдныя! Внезапно
Разразились ливнемъ тучи...

Въ скромной хижинѣ рыбацкѣй
Мы нашли на lac de Gobe
Кровь уютный и форелей,
Превосходнѣйшихъ по вкусу.

Самъ рыбакъ, больной и старый,
Развалился въ жесткомъ креслѣ;
Двѣ племянницы-красотки
Возлѣ дяди суетились,

Двѣ толстухи-ангелочки,
Точно съ Рубенса картины,
Съ золотистыми кудрями,
Со здоровымъ яснымъ взглядомъ.

Объ сильнаго сложенья,
Страхъ и радость возбуждаютъ,
А изъ ямочекъ на щечкахъ
Такъ и свѣтится лукавство!

Эти милыя созданья
Жарко спорили: какое
Изъ лѣкарствъ больному дядѣ
Будеть болѣе по вкусу.

То одна ему подносить
Жбанъ съ отваромъ листьевъ липы,
То другая угощаетъ
Бузины настоємъ крѣпкимъ.

— Не хочу я этихъ зелій—
Крикнулъ старецъ въ нетерпѣннѣ:—
Дайте мнѣ вина, чтобъ гостя
Угостить питьемъ лучше!

Но вино ли въ самомъ дѣлѣ
Дали мнѣ на lac de Gobe—
Я не знаю. Въ Брауншвейгѣ
Счелъ бы я его за «мумме».

Мѣхъ былъ лучшей козьей шкуры
И вонялъ онъ превосходно;
Но старикъпилъ такъ охотно
И сталъ вмигъ здоровъ и веселъ.

Говорилъ онъ про бандитовъ,
Про дѣла контрабандистовъ,
Что свободно проживаютъ
Средь лѣсистыхъ Пиренеевъ.

Также изъ былыхъ исторій
Зналъ онъ много, между прочимъ.
И про битву великановъ
Съ медвѣдями въ дни былые.

Да, гиганты и медвѣди
Здѣсь боролись за господство
Этихъ горъ и этихъ доловъ
Прежде, чѣмъ явились люди.

Но съ приходомъ человѣка
Вмигъ исчезли великаны;
Видно, мало мозгу скрыто
Въ головахъ такихъ громадныхъ.

Говорятъ, что эти дурни,
Береговъ достигнувъ моря
И увидѣвши, какъ небо
Отразилось въ синей глади,

Море приняли за небо
И съ надеждою на Бога
Въ небо ринулись толпою
И всѣ вмѣстѣ потонули.

Что касается медвѣдей—
Человѣкъ ихъ истребляетъ
Понемногу; ежегодно
Ихъ становится все меньше.

— Такъ одинъ другому мѣсто
Уступаетъ,—молвилъ старецъ;—
За паденьемъ человѣка
Царство карликовъ настанетъ,
«Этихъ крошекъ хитрдумныхъ,
Нынѣ въ нѣдрахъ горъ живущихъ,
Гдѣ они трудолюбиво
Добываютъ груды злата.

«Какъ выглядываютъ бойко
Ихъ лукавыя головки
Изъ расщелинъ скаль—я часто
Видѣлъ самъ при лунномъ свѣтѣ.

«И боюсь я: эти карлы
Одолѣютъ насъ богатствомъ;
Наши-жъ внуки, какъ гиганты,
Въ водяное небо кануть!»

ГЛАВА XIII.

Средь тѣснины скалъ высокихъ
Дремлетъ озеро во мракѣ;
Въ небесахъ меланхолично
Звѣзды блѣдныя мерцають.

Ночь и тишь. Удары весель.
Точно плещущая тайна,
Челнъ скользитъ, а кормчимъ служатъ
Двѣ племянницы большого

И гребутъ легко и плавно...
Въ темнотѣ, при блескѣ звѣздномъ,
Руки голыя мелькають,
Голубыя очи свѣтятъ...

Рядомъ сѣлъ со мной Ласкаро,
Какъ всегда, молчитъ и блѣденъ...
И съ испугомъ я подумалъ:
Ужъ не вправду ли онъ мертвый?

Да не умеръ ли и самъ я?
Можетъ-быть, теперь плыву я
Съ привидѣніями къ царству
Замогильныхъ хладныхъ тѣней?

Это озеро—быть-можетъ,
Мрачный Стиксъ? и Прозерпина,
За отсутствіемъ Харона,
Мнѣ дала своихъ прислужницъ?

Нѣтъ, неправда! Я не умеръ,
Не угасъ я; пламя жизни
У меня въ груди трепещеть,
И играетъ, и клокочетъ.

Эти дѣвушки—съ веселымъ,
Шаловливымъ взмахомъ весель,
Что въ меня порой, дурачась
И смѣясь, водою брызжутъ—

Эти свѣжія созданья—
О, конечно, не видѣнья

И не выходцы изъ ада,
Не служанки Прозерпины!
Чтобъ вполнѣ разубѣдиться
Въ замогильности красавицъ,
Чтобъ себя вполнѣ увѣрить,
Что и самъ я полонъ жизни,
Съ жаромъ я прильнулъ губами
Къ алымъ ямочкамъ на щечкахъ;
А отсюда—точно выводъ:
Я цѣлую—значить, живъ я!
Выйдя на берегъ, вторично
Милыхъ дѣвъ поцѣловалъ я;
Только этою монетой
Плату взять онѣ рѣшились.

ГЛАВА XIV.

Смотрятъ радостно подь солнцемъ
Горъ лиловыя вершины;
Какъ гнѣздо стрижа, деревня
На крутомъ ютится склонѣ.
Докарабкавшись въ деревню,
Взрослыхъ тамъ ужъ не засталъ я;
Дѣтвора одна осталась,
Неспособная къ летанью.
Рой мальчишекъ и дѣвчонокъ
Въ нахлобученныхъ ермолкахъ
Бѣлой или красной шерсти
На лугу играли въ свадьбу.
Подойдя къ дѣтямъ поближе,
Видѣлъ я, какъ принцъ-мышенокъ
На колѣни палъ предъ кошкой,
Молодою цесаревной.
Бѣдный принцъ! Его вѣнчаютъ
Съ цесаревной. Мигомъ кошка
Хватъ мышенка и загрызла;
Мыши—смерть, игрѣ—конецъ.
Цѣлый день почти провелъ я
У дѣтей, болтая съ ними.
Очень имъ узнать хотѣлось,
Кто я и зачѣмъ пришелъ я?

— Милые друзья!—сказаль я:—
Изъ Германіи я родомъ;
Много водитсѣ медвѣдей
Тамъ, и я на нихъ охочусь.

«Съ многихъ тамъ содраль я шкуру
Черезъ ихъ медвѣжки уши;
Правда, самъ бываль при этомъ
Ихъ когтями оцарапанъ.

«Но возитсѣ ежедневно
Съ косолапыми звѣрями
Въ дорогой моей отчизнѣ—
Наконецъ, мнѣ надоѣло.

«Вотъ сюда я и явился
Поискать получше дичи;
Испытать желаю силу
На великомъ Атта Троллѣ.

«То противникъ благородный
И меня достойный... Дома,
Ахъ! бывало очень часто,
Что стыдился я побѣды».

При прощаньи, окружила
Дѣтвора меня и съ пляской
Провожала, напѣвая:
«Жирофлино, Жирофлета!»

Подъ конецъ ко мнѣ изъ круга
Вышла самая меньшая
И, присѣвши два-три раза,
Голоскомъ запѣла тонкимъ:

«Если встрѣчу короля я,
Книксенъ дѣлаю два раза;
Если встрѣчу королеву,
Книксенъ дѣлаю я трижды;

«А когда мнѣ на дорогѣ
Попадетсѣ чортъ съ рогами,
Книксенъ мой четыре раза...
Жирофлино, Жирофлета!»

«Жирофлино, Жирофлета!»—
Вторить хоръ ей шаловливо,
И у ногъ моихъ кружится
Хороводъ съ веселымъ пѣньемъ,

И за мною вслѣдъ въ долину
Раздавалось милымъ эхомъ,
Точно птичекъ щебетанье:
«Жиروفлино, Жиروفлета!»

ГЛАВА XV.

Скаль утесистыхъ громады
Громоздятся въ безпорядкѣ,
Словно скопище чудовищъ,
Съ давнихъ поръ окаменѣвшихъ.

А надъ ними пролетаютъ
Тучи сѣрыя, какъ будто
Двойники ихъ—блѣдный снимокъ
Этихъ дикихъ исполиновъ.

Водопадъ вдали бушуетъ,
Въ чашѣ сосенъ воетъ вѣтеръ...
Шумъ зловѣщій, беспощадный,
Какъ отчаянія вопли.

Ни души кругомъ не видно.
Жутко на сердцѣ. На сгнившихъ
Еляхъ вялыми крылами
Машутъ стаи черныхъ галокъ.

Близъ меня идетъ Ласкаро,
Нѣмъ и блѣденъ; да и самъ я
Не похожъ ли на безумье,
За которымъ смерть шагаетъ?

Отвратительная мѣстность!
Не печать ли здѣсь проклятья?
Я какъ будто пятна крови
На корняхъ деревьевъ вижу.

Подъ однимъ изъ нихъ таится
Въ землю вросшая избушка;
Точно съ робкою мольбою
Кровь глядитъ на насъ убогій.

Въ этой хижинѣ каготы
Обитаютъ; то остатокъ
Племени, въ глубокомъ мракѣ
Жизнь печальную влачащій.

Въ сердцѣ басковъ и понинѣ
Отвращеніе къ каготамъ,

Какъ тяжелое наслѣдство
Изъ эпохи фанатизма.

Видѣлъ я въ баньерскомъ храмѣ
Дверь съ желѣзною рѣшеткой;
Эта дверь служила входомъ,
Какъ сказали мнѣ, каготамъ.

Имъ строжайше запрещали
Всѣ другіе входы въ церковь;
И они, какъ бы украдкой,
Пробирались въ храмъ Господень.

Тамъ, на низенькой скамейкѣ,
Нашъ каготъ молился Богу
Взаперти, какъ зачумленный,
Отдѣленъ отъ прочей паствы,

Но благословенный свѣточъ
Вѣка новаго сіяетъ,
Свѣтъ его разсѣялъ злыя
Средневѣковыя тѣни!

Въ низкую избу кагота
Я вошелъ и дружелюбно
Протянулъ я брату руку;
(Спутникъ ждалъ меня у входа),

И затѣмъ его ребенка
Приласкалъ. Прильнувши жадно
Къ груди матери, сосалъ онъ,
Какъ паукъ больной и тощій.

ГЛАВА XVI.

Коль смотрѣть на эти горы
Издали—онѣ сіяютъ,
Точно пурпуромъ и златомъ
Залитыя блескомъ солнца;

Но вблизи вся эта роскошь
Исчезаетъ, какъ нерѣдко
На землѣ эффекты свѣта
Вводятъ васъ въ обманъ печальный.

То, что ты считалъ за пурпуръ
Или золото—лишь снѣгомъ
Оказалось, просто снѣгомъ,
Одинокимъ и унылымъ.

Тамъ, на высяхъ горъ, я слышалъ,
Какъ хрустѣлъ тотъ снѣгъ убогій
И безчувственному вѣтру
Повѣрялъ свои печали.

«О, какъ медленно,—стоналъ онъ:—
Время тянется въ пустынѣ!
Безконечны дни и годы,
Какъ замерзнувшая вѣчность!

«О, я бѣдный снѣгъ! О если-бъ,
Вмѣсто этихъ горныхъ высей,
Я упалъ туда въ долину,
Гдѣ цвѣты благоухаютъ!

«Тамъ, растаявъ, превратился
Я въ ручей бы, и въ деревнѣ
Мыть лицо моей водою
Приходили бы красотки.

«Можетъ-быть, я докатился-бъ
И до моря; тамъ, я въ жемчугъ
Превратился-бъ и корону
Королевскую украсилъ».

Услыхавъ такія рѣчи,
Я сказалъ: «О, снѣгъ мой милый!
Сомнѣваюсь, чтобъ въ долину
Ждалъ тебя удѣлъ блестящій.

«Ты утѣшься. Превращаться
Въ жемчугъ—трудно; ты, быть-можетъ,
Тамъ упалъ бы просто въ лужу
И въ помой обратился!»

Между тѣмъ, какъ я со снѣгомъ
Такъ бесѣдовалъ—вдругъ выстрѣлъ
Раздался—и бурый грифъ
Съ высоты упалъ на землю.

То Ласкаро забавлялся
На охотѣ. Но суровость
На лицѣ была все та же;
Только стволъ ружья дымился.

Молча, вырвалъ онъ у птицы
Изъ хвоста перо и, вставивъ
Въ войлочную шляпу, снова
Зашагалъ спокойно дальше.

Чѣмъ-то страшнымъ мнѣ казалась
Тѣнь его съ перомъ на шляпѣ,
Вслѣдъ за нимъ скользя по снѣгу
Черной длинною фигурой.

ГЛАВА XVII.

Есть долина въ Пиренеяхъ,
Имя ей—«ущелье духовъ».
Съ двухъ сторонъ ея утесы
Вверхъ бѣгутъ стѣной отвѣсной.

Тамъ, надъ страшною стремниной,
Какъ сторожевая башня,
Виснеть хижина Ураки;
Я туда пришелъ съ Ласкаро.

Языкомъ мудреныхъ знаковъ
Сталь онъ съ матерью своею
Совѣщаться—какъ бы вызвать
И убить намъ Атта Тролля,

Потому что отыскали
Мы слѣды его. Избѣгнуть
Насъ не можетъ онъ. Дни жизни
Сочтены твои, о, Атта!

Но дѣйствительно-ль старуха—
Выдающаяся вѣдьма,
Каковой ее считаетъ
Населенье въ Пиренеяхъ—

Утверждать я не рѣшаюсь.
Но, насколько знаю—вѣшность
Подозрительная очень:
Вѣки красныя гноятся,

Взглядъ недобрый, ядовитый;
Говорятъ, что лишь посмотреть
На корову—какъ у бѣдной
Молоко тотчасъ исчезнетъ;

Увѣряютъ, что убила,
Лишь сухой рукой погладивъ,
Множество свиней жирнѣйшихъ
И быковъ великолѣпныхъ.

О подобныхъ преступленьяхъ
Доносили мировому;

Но судья былъ вольтерьянецъ
И возрѣвнй современныхъ,
Безъ глубокихъ убѣжденй
И безъ вѣры, такъ что даже
Онъ скептически глумился
Надъ несчастными истцами.

Офицьяльно же Урака
Честнымъ дѣломъ промышляетъ:
Чучела изъ птицъ готовить,
Также травами торгуеть.

Вся изба была набита
Тѣмъ товаромъ. Страшно пахли
Белена и белладона,
Бузина, омела, клеверъ;

И разставлена красиво
Группа чучель бурыхъ грифовъ
Съ распростертыми крылами
И громаднымъ хищнымъ клювомъ.

Ужъ не запахъ ли растений
Отуманилъ мнѣ сознанье?
На меня всѣ эти птицы
Странно дѣйствовали какъ-то.

Можетъ-быть, все это—люди,
Обращенные навѣки,
При посредствѣ чаръ колдуньи,
Въ неподвижныхъ жалкихъ чучель?

Смотрятъ такъ упорно, скорбно,
И при этомъ съ нетерпѣньемъ;
А порой какъ бы косятся
Боязливо на колдунью.

А Урака, возлѣ печки
Сѣвъ на корточки съ Ласкаро,
Плавить съ нимъ свинецъ въ чугунокѣ,
Туть же пули выливаетъ.

Заколдованныя пули
Смерть готовятъ Атта Троллю.
По лицу старухи пламя
Краснымъ отблескомъ играетъ;

Непрерывно, но беззвучно
Шевелить губами вѣдьма;

Заклинанья ли бормочеть,
Чтобъ удачно вышли пули? —

То хихикаеть, то сыну
Головой кивнеть. Но этотъ
Продолжаетъ дѣло молча
И серьезно, точно мертвый.

Сильно всею обстановкой
Удрученный, подошелъ я
Подышать къ окну и взглядомъ
Погрузился въ глубь долины.

Что я видѣлъ въ это время—
Между полночью и часомъ—
Опишу я поэтично
Въ нижеслѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА XVIII.

Время было полнолуныя,
Въ ночь святого Іоанна,
Въ часъ, когда «ущельемъ духовъ»
Мчится дикая охота.

Изъ окна избы Ураки
Наблюдать я могъ отлично,
Какъ по узкому ущелью
Сонмы двигались видѣній.

Это зрѣлище всецѣло
Раскрывалось предо мною;
Туть я видѣлъ все веселье
Мертвецовъ, изъ гроба вставшихъ.

Крики, шелканье бичами,
Лай собачій, кѣней ржанье,
Звукъ роговъ и дикій хохоть
Раздавались по ущелью.

Впереди, какъ авангардомъ,
Мчалась стая крупной дичи—
Дикихъ вепрей и оленей;
И вослѣдъ имъ своры гончихъ;

Рядъ охотниковъ за ними
Всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ—
Такъ съ Немвродомъ Ассирійскимъ
Вхалъ рядомъ Карлъ Десятый.

Всѣ неслись на бѣлыхъ коняхъ;
А за ними вслѣдъ пѣхотой
Торопливо шли пикеры
И съ свѣтильниками слуги.

Много лицъ въ ватагѣ этой
Мнѣ казались знакомы;
Не король ли Артусъ—этотъ
Въ золотыхъ доспѣхахъ рыцарь?

Не Ожье-ль Датчанинъ—этотъ
Въ мѣдномъ панцырѣ, съ отливомъ
Столь зеленымъ, что похожъ онъ
На болотную лягушку?

Много и героевъ мысли
Въ этомъ сонмѣ я увидѣлъ;
Нашъ Вольфгангъ былъ мною узнавъ
По очей живому блеску;

Генгстенбергомъ осужденный,
Онъ не въ силахъ спать въ могилѣ.
И въ языческой компаньи
Продолжаетъ скачку жизни.

По чарующей улыбкѣ
Также я узналъ Вильяма;
Вѣдь и этотъ грѣшникъ также
Пуританами былъ проклятъ

И участвовать онъ тоже
Долженъ въ этой дикой скачкѣ.
Рядомъ съ нимъ—какой-то всадникъ
На ослѣ... Святое небо!

По молитвенному виду,
Добродѣтельной ермолкѣ
И безпомощной тревогѣ
Узнаю я Франца Горна.

Такъ какъ нашъ пріятель старый
Комментировалъ Шекспира,
То по смерти съ нимъ онъ, бѣдный,
Долженъ ѣздить на охоту!

Францъ мой мирный долженъ мчаться,
Онъ—ходить едва дерзавшій,
Онъ—который подвизался
Въ болтовнѣ лишь, да въ молитвѣ!

Вѣдь навѣрно возмутятся
Дѣвы старыя, узнавши,
Что взлетѣнный когда-то ими
Францъ—теперь охотникъ дикій!

Мчась въ галопъ, Вильямъ великій
Саркастически взираетъ,
Какъ убогій комментаторъ
На ослѣ за нимъ трясется;

Какъ, изъ силы выбиваясь,
За сѣдло схватившись крѣпко,
Онъ по смерти, какъ при жизни,
Отъ него отстать не хочетъ!

Много дамъ я также видѣлъ
Въ этомъ сонмѣ привидѣній,
Особливо—нимфъ прелестныхъ,
Съ ихъ роскошнымъ, стройнымъ тѣломъ;

На коняхъ онѣ сидѣли,
Всѣ миѳологично голы;
Только волосы спадали
Внизъ плащами золотыми.

Всѣ въ вѣнкахъ—онѣ жезлами,
Сплошь увитыми листвою,
Изгибаясь прихотливо,
Плавно въ воздухѣ махали.

Тутъ же рыцарши-дѣвицы
Въ платьяхъ, наглухо закрытыхъ,
Гордо выпрямаясь на сѣдлахъ,
Съ бѣлымъ соколомъ на ручкѣ.

Какъ пародія, за ними,
На косматыхъ тощихъ клячахъ
Пронесилась группа женщинъ,
Комедьянтски разодѣтыхъ.

Лица были миловидны,
Но отчасти и нахальны,
И тряслись отъ дикихъ криковъ
Нарумяенныя щеки.

Эхо весело разноситъ
Звукъ роговъ и громкій хохотъ,
Лай собачій, коней ржанье,
Щелкъ бичей, «Галло!» и «Гуссал!»

ГЛАВА XIX.

Но всѣхъ краше выдѣлялись
Посрединѣ вереницы
Три фигуры—не забыть мнѣ
Этихъ образовъ чудесныхъ!

Безъ труда одну узналъ я
По серпу луны въ прическѣ:
На конѣ, какъ изваянье,
Гордо ѣхала Діана.

Бедра, грудь полуприкрыты
Ниспадающей туникой;
Лунный отблескъ сладострастно
Пробѣгалъ по бѣлымъ членамъ.

Ликъ былъ тоже бѣлъ, какъ мраморъ,
Но и холоднѣе, какъ мраморъ.
Неподвижность благородныхъ,
Строгихъ чертъ была ужасна.

Но въ очахъ темнѣе ночи
Пламя страшное пылало—
Ослѣпляющее душу,
Пожирающее пламя!

Ахъ, какая перемѣна
Съ ней, которая когда-то,
Въ цѣломудрія гордынѣ,
Актеона псамъ голоднымъ

Отдала на растерзанье,
Обративъ его въ оленя!..
Не за это-ль прегрѣшенье
Ей пришлось теперь платиться

Средь компаніи веселой,
Далеко не непорочной,
Съ нею въ воздухъ летая
По ночамъ простою смертной?

Поздно, но зато сильнѣе
Въ ней проснулось сладострастье
И въ очахъ ея пылаетъ,
Адскимъ пламенемъ сверкая.

Жаль ей лѣтъ, пропавшихъ даромъ,
Лѣтъ былыхъ, когда мужчина

Былъ красивѣй; но добрѣту
Ей теперь число замѣнить.

Вотъ красавица другая;
Хоть черты не столь античны,
Но чудесно озаряетъ
Ихъ кельтическая вѣжность.

То волшебница Абунда.
Безъ труда ее узналъ я
По пріятности улыбки
И по радостному смѣху.

Ликъ здоровый и румяный,
Точно Грезомъ нарисованъ;
Ротъ сердечкомъ, весь открытый,
Съ бѣлоснѣжными зубами.

Раздувалъ любовно вѣтеръ
Голубое одѣянье;
Даже въ самыхъ лучшихъ грѣзахъ
Плечъ подобныхъ я не видѣлъ.

Чтобъ ее расцѣловать, я
Чуть не прыгнулъ изъ окошка;
Тутъ бы мнѣ пришлось плохо—
Я себѣ сломалъ бы шею.

А она бы размѣялась,
Если-бъ я предъ нею въ пропасть,
Окровавленный, скатился—
Ахъ, знакомъ мнѣ смѣхъ подобный!

Ну, а третій женскій образъ,
Такъ твое задѣвшій сердце,
Что онъ былъ: чертовка тоже,
Какъ и эти два другіе?

Чортъ ли это былъ или ангелъ—
Я не знаю. Вѣдь у женщинъ
Не узнаешь, гдѣ начался
Чортъ и гдѣ оконченъ ангелъ.

Чары дивныя востока
На лицѣ больномъ и жгучемъ,
И костюмъ напоминалъ мнѣ
Героинь Шехерезады.

Губы сочны, какъ гранаты,
Носъ лилейный и съ горбинкой,
Строенъ, гибокъ станъ, какъ пальма
Средь оазиса пустыни.

Иноходца, на которомъ
Возсѣдала дочь востока,
За узду вели два мавра,
Рядомъ шедшіе съ царицей.

Да, она была супруга
Властелина Іудей,
Пожелавшая, чтобъ Иродъ
Даль ей голову пророка.

За такое преступлень
Проклята она: носиться
Будеть съ дикою охотой
Вплоть до страшнаго суда.

И въ рукахъ она все время
Держитъ блюдо съ головою
Іоанна и цѣлуетъ
Эту голову со страстью.

Да, она его любила!
Нѣтъ въ писаніи объ этомъ,
Но въ народѣ есть сказанье
О любви Иродіады.

Вѣдь иначе непонятна
Прихоть этой дамы; развѣ
Нелюбимаго мужчины
Голова нужна для женщинъ?

Можетъ-быть, она во гнѣвѣ
На него за равнодушье
Обезглавить повелѣла;
Но лишь только принесли ей

Эту голову на блюдѣ—
Какъ она, лишась разсудка,
Зарыдала—и скончалась
Отъ безумія любви.

Отъ безумія любви!
Плеоназмъ слова такія!
Вѣдь любовь не что иное
Какъ великое безумье!

Какъ уже сказалъ я—скачетъ
По ночамъ Иродіада,
Вставъ изъ гроба съ головою
Окровавленной въ рукахъ;

Но порой, въ капризѣ женскомъ,
Кверху голову бросаетъ,
Снова ловить, съ дѣтскимъ смѣхомъ,
Словно мячикомъ играя.

Мимо ѣдучи, взглянула
На меня царица нѣжно
И кокетливо кивнула,
Такъ что весь затрепеталъ я.

Трижды длинной вереницей
Проносился сонмъ видѣній;
Трижды чудное видѣнье
Мнѣ привѣтливо кивало.

И когда исчезли тѣни,
И замолкнулъ шумъ нестройный—
Долго милые поклоны
У меня въ мозгу пылали;

И всю ночь безъ сна валялся
Я, усталый, на соломѣ,
(Такъ какъ въ хижинѣ Ураки
Тюфяковъ не оказалось)—

И все думать: что бы значилъ
Твой таинственный поклонъ?
Почему смотрѣла нѣжно
На меня Иродіада?

ГЛАВА XX.

Утро. Солнце мечетъ стрѣлы
Въ саванъ бѣлаго тумана;
Онъ, какъ раненый, алѣетъ,
Тая въ яркомъ блескѣ солнца.

И одержана побѣда:
Юный день, какъ триумфаторъ,
Въ блескѣ славы выступаетъ . . .
По нагимъ вершинамъ горнымъ.

Въ гнѣздахъ, скрытыхъ подъ листвою,
Громко птицй хоръ щебечетъ;

Запахъ травъ несется въ воздухъ,
Какъ концертъ благоуханій.

Раннимъ утромъ мы спустились
Внизъ въ глубокую долину,
И пока искалъ Ласкаро
По землѣ слѣды медвѣдя—

Я убить старался время
Размышленьемъ. Но отъ мыслей
Подъ конецъ я утомился,
И немного мнѣ взгрустнулось.

Наконецъ, усталый, грустный,
Я прилежъ на мохъ зеленый
Въ тѣнь развѣсистаго вяза,
Гдѣ струился ключъ студеной.

Онъ таинственнымъ журчаньемъ
Мозгъ мой страшно одурманилъ,
Такъ что думы и мышленья
Въ головѣ моей исчезли.

Охватила душу жажда
Грёзь, и смерти, и безумья,
Жажда видѣть трехъ наэздницъ
Изъ процессіи видѣній.

Гдѣ вы, образы ночные?
Васъ спугнулъ зари румянецъ;
Но куда вы улетѣли?
Гдѣ таятся днемъ, при солнцѣ?

Подъ развалинами храмъ,
(Такъ гласить молва), въ Романьи
Укрывается Діана
Отъ господства новой вѣры.

Только въ сумракъ полуночный
Выходитъ она дерзаетъ
И съ языческою братьей
Потѣшается охотой.

И волшебница Абунда
Также труситъ назареевъ;
Цѣлый день она проводитъ
Въ неприступномъ Авалунѣ.

Этотъ островъ скрытъ далёко
Въ тихомъ морѣ романтизма;
Донести туда способны
Только крылья милой сказки.

Нѣтъ тамъ пристани заботѣ,
Пароходамъ, привозящимъ
Рой филистеровъ докучныхъ
Съ ихъ табачнымъ сквернымъ дымомъ.

Никогда не долетаетъ
Колокольный звонъ на островъ,
Этотъ бумъ-бамъ-бумъ печальный,
Для волшебницъ ненавистный.

Безъ стѣсненья и боязни,
Вѣчной юностью блистая,
Тамъ царить среди веселья
Вѣлокурая Абунда.

Тамъ, смѣясь, она гуляетъ
Межъ высокими цвѣтами
Со своей веселой свитой
Замогильныхъ паладиновъ.

Но гдѣ ты, Иродіада,
Укрываешься? Ахъ, знаю —
Ты мертва, лежишь въ могилѣ
Возлѣ стѣнъ Ерусалима!

Днемъ—какъ трупъ нѣмой, холодный
Спишь ты въ мраморной гробницѣ;
Но въ полночный часъ, услышавъ
Щелкъ бичей, «Галло!» и «Гусса!»

Ты несешься съ дикимъ сонмомъ
Тѣхъ Діанъ, Абундъ и прочихъ
Женъ веселыхъ, для которыхъ
Ненавистны крестъ и мѣки.

Драгоценная компанья!
Если-бъ мнѣ носиться съ вами!
Я всегда съ тобою рядомъ
Вѣхаль бы, Иродіада!

Больше всѣхъ тебя люблю я!
Больше греческой богини

Больше сѣверной той феи,
Я люблю тебя, еврейка!

Я люблю тебя! Я чую
Это по биенью сердца.
Полюби меня! Моею
Будь и ты, Иродіада!

Будь возлюбленной моею!
Брось ту голову нѣмую
Вмѣстѣ съ блюдомъ—и отвѣдай
Яствѣ получше, повкуснѣе.

Рыцарь я, вполне пригодный
Для тебя: мнѣ дѣла мало,
Что мертва, что проклята ты—
Я совсѣмъ безъ предразсудковъ.

Вѣдь и въ собственномъ спасеніи
Далеко я не увѣренъ.
Да и самъ я живъ еще ли—
Въ томъ порою сомнѣваюсь!

Буду рыцаремъ твоимъ я,
Вѣрнымъ cavalier sergent.
И носить твою мантилью,
Исполнять твои капризы.

И ночь каждую съ тобою
Буду мчаться въ дикомъ сонмѣ,
Будемъ весело смѣяться
Болтовнѣ моей безумной;

Коротать тебѣ я стану
Время ночи. Но съ зарею,
Радость скроется—и буду
У твоей сидѣть могилы.

Да! сидѣть и горько плакать
Цѣлый день на той могилѣ,
Гдѣ возлюбленная скрыта,
Возлѣ стѣнъ Ерусалима.

А прохожіе евреи
Будутъ думать, что я плачу
О погибшемъ нашемъ храмѣ
И святомъ Ерусалимѣ.

ГЛАВА XXI.

Аргонавты-пѣшеходы
По крутымъ горамъ, въ охотѣ
Не за золотымъ руномъ, а только
За простой медвѣжьей шкурой —

Ахъ, мы бѣдные герои
Современнаго покроя!
Не найти намъ пѣснопѣвца,
Чтобъ себя увѣковѣчить!

Но и мы вѣдь претерпѣли
Нуждъ не мало! Что за ливень
Разразился на утесъ,
Гдѣ ни дерева, ни дрожекъ!

Всѣ разверзлись хляби неба!
Льетъ и хлещетъ, какъ изъ вѣдеръ!
Ужъ Язонъ навѣрно не былъ
Смоченъ такъ въ своей Колхидѣ.

«Зонтикъ! Зонтикъ мнѣ! За зонтикъ
Тридцать шесть царей!»—вопилъ я,—
Но напрасно: дождь проклятый
Поливалъ безъ остановки.

Изнуренные, сердиты,
Оба мокрые, какъ мыши,
Мы вернулись поздней ночью
Снова въ хижину Ураки.

Тамъ, у яркаго камина,
Своего большого mopca
Вѣдьма тщательно чесала;
Но, оставивши работу,

Занялась старуха нами:
Приготовила постель мнѣ,
Развязала эспардиллы,
Неудобнѣйшую обувь,

Помогла стащить мнѣ также
И штаны; они прилипли
Такъ къ ногамъ, какъ прилипаетъ
Дружба добраго болвана.

«Шлафрокъ мнѣ сухой! За шлафрокъ
Тридцать шесть царей!»—вопилъ я, —
Но вотще—и паръ на тѣлѣ
Шель отъ вымокшей рубашки.

Весь дрожа, едва зубъ на зубъ
Попадая, у камина
Я стоялъ—потомъ свалился,
Словно пьяный, на солому...

Но не мѡгъ заснуть я. Щурясь,
Я смотрѣлъ, какъ вѣдьма, съ сына
Снявши платье, на колѣняхъ
У себя его держала.

Жирный мопсъ стоялъ съ ней рядомъ
И въ своихъ переднихъ лапахъ
Онъ держалъ горшокъ, откуда
Мазь брала она и ею

Растирала сыну быстро
Грудь, бока и поясницу;
Терла съ торопливой дрожью
И при этомъ напѣвала

Сыну пѣсню, какъ надъ люлькой,
Тонко, жалобно гнусавя.
Въ это время какъ-то странно
Въ очагѣ трещало пламя.

Точно трупъ, костлявый, желтый,
Сынъ лежалъ въ рукахъ Ураки,
Съ гробовой печалью въ блѣдномъ,
Широко раскрытомъ взглядѣ.

Ужъ не вправду ли онъ мертвый,
И ему сильнѣйшимъ зельемъ
Чувство матери втираеть
Заколдованную жизнь?

Станный полусонъ горячки!
Члены всѣ оцѣпенѣли,
Чувства-жъ бодрствуютъ въ тяжелой,
Отвратительной тревогѣ!

Какъ меня жестоко мучилъ
Запахъ травъ! Я напряженно

Вспоминать, гдѣ слышалъ прежде
Запахъ тотъ же—но напрасно.

Какъ пугало завыванье
Вѣтра! Въ немъ я слышалъ стоны
Бѣдныхъ высохшихъ созданій,
Слышалъ голосъ мнѣ знакомый.

Но сильнѣй всего смущался
Я тѣмъ рядомъ птичьихъ чучель,
Что разставленъ былъ на полкѣ
Надъ моею головою.

Тихо двигая крылами,
Грифы внизъ ко мнѣ склоняли
Клювы, схожіе по виду
Съ человѣчьими носами.

Ахъ, гдѣ я носы такіе
Прежде видѣлъ? Было это
Или въ Гамбургѣ на рынкѣ,
Или въ Франкфуртѣ—не помню!

Наконецъ, я погрузился
Въ настоящій сонъ—и мѣсто
Этихъ призраковъ не спящихъ
Сновидѣнья заступили.

Снилось мнѣ, что вдругъ избушка
Превратилась въ залъ огромный,
Съ колоннадою высокой,
Съ яркимъ блескомъ жирандолей.

Музыканты-невидимки
Исполняли изъ «Роберта»
Нечестивый танецъ схимницъ;
Я одинъ гулялъ по залу.

Наконецъ, широко двери
Распахнулись; вижу—входятъ
Величавымъ, тихимъ шагомъ
Удивительные гости:

Привидѣнья и медвѣди!..
Каждый косолапый важно
Вель съ собою привидѣнье,
Все закутанное въ саванъ.

И пустились эти пары
Въ вальсъ по бальному паркету.
Любопытная картина
Возбуждала смѣхъ и ужась!

Медвѣдямъ тяжеловѣснымъ
Въ тактъ плясать трудненько было
Съ роемъ призраковъ воздушныхъ—
Тѣ легко, какъ вихрь, кружились

И безжалостно тащили
За собою бѣдныхъ Мишекъ;
Ихъ сопѣнье заглушало
Даже контрабасъ оркестра.

Временами межъ собою
Грузно сталкивались пары,
И медвѣдь толкнувшей дамѣ
Въ задъ давалъ пинка ногою,

Временами также саванъ
Кавалеръ срываль у дамы
Съ головы, и тутъ наружу
Мертвый черепъ появлялся.

Наконецъ, захохотали
Дружно трубы и литавры,
Загремѣли барабаны,
И въ галопъ пустились пары,

Но конца ужъ я не видѣлъ,
Ибо вдругъ медвѣдь неловкій
Наступилъ мнѣ на мозоли—
Такъ что съ крикомъ я проснулся.

ГЛАВА XXII.

Фебъ, на дрожкахъ лучезарныхъ,
Огневыхъ коней стегая,
Мчался и наполовину
Ужъ свершилъ свой путь небесный,

Между тѣмъ какъ я въ глубокомъ
Снѣ лежалъ и видѣлъ странныхъ
Медвѣдей и привидѣній
Въ прихотливыхъ арабескахъ.

Поддень былъ, какъ я проснулся.
Я лежалъ одинъ въ избушкѣ,
А хозяйка и Ласкаро
Рано вышли на охоту.

Дома только мопсъ остался;
Онъ стоялъ на заднихъ лапахъ
У котла, держа въ передней
Лапѣ ложку; и, казалось,

Приученъ былъ превосходно—
Чуть начнетъ кипѣть похлебка,
Помѣшать въ котлѣ скорѣе
И сдувать съ навара гѣву.

Но и я-ль не околдованъ?
Или все еще въ горячкѣ?
Я ушамъ не вѣрю—мопсъ
Говорить по-человѣчи!

Да! На швабскомъ діалектѣ
Говорить онъ; и, какъ-будто
Весь въ свои ушедши мысли,
Рѣчь такую произносить:

«Бѣдный я писатель швабскій!
Суждено мнѣ на чужбинѣ
Жизнь влачить несчастнымъ мопсомъ
И стеречь котель у вѣдьмы!

«Что за гнусное злодѣйство—
Колдовство! О, какъ трагиченъ
Жребій мой! По-человѣчи
Чувствовать—въ собачьей шкурѣ!

«Ахъ, остаться бы мнѣ дома,
У товарищей по школѣ!
Тамъ они не чародѣи,
Никого не околдуютъ!

«Оставаться бы мнѣ дома
Съ Карломъ Майеромъ, съ пирожнымъ
Милой родины, съ лапшою
Добродѣтельныхъ похлебокъ!

«Грусть по родинѣ—терзанье!
Если-бъ мнѣ хоть дымъ увидѣть,

Вылетающій изъ кухонь
Въ часъ, когда варятся клецки!»

Умиленный этой рѣчью,
Быстро я вскочилъ съ постели,
Сѣлъ къ камину и бѣднягѣ,
Соболѣзнув, сказалъ:

«О, пѣвецъ мой благородный!
Какъ попалъ ты къ этой вѣдьмѣ?
И за что тебя въ собаку
Такъ жестоко превратили?»

Онъ же радостно воскликнулъ:
«Значить, вы не изъ французовъ?
Нѣмецъ вы? И вамъ понятенъ
Мой печальный монологъ?»

«Ахъ, землякъ! Какое горе,
Что легационсратъ Кѣлле,
Въ погребкѣ, за кружкой пива
Диспутируя со мною,

«Постоянно тотъ же тезисъ
Мнѣ доказываль—что только
Путешествуя, возможно
Приобрѣсть образованье,

«Какъ то было съ нимъ. Желая
Съ ногъ кору скорѣ сбросить
И, какъ Кѣлле, наострится
Въ тонкомъ свѣтскомъ обращеньи—

«Я отечество покинулъ
И, ища образованья,
Добрался до Пиренеевъ
И до хижины Ураки.

«Къ ней письмо Юстинусъ Кернеръ
Далъ, меня рекомендуя;
Могъ ли думать я, что этотъ
Другъ мой съ вѣдьмами въ сношеньяхъ?»

«Приняла меня Ураки
Дружелюбно; но, о ужась!
Эта дружба превратилась
Скоро въ чувственную похоть.

«Да, зажегся гнусный пламен
У нея въ груди изсохшей,
И порочная мерзавка
Соблазнить меня пыталась.

«Я-жь взмолился: «Ахъ, простите,
Мнѣ, madame! Я не фривольный
Гётеанецъ, состою я
Въ стихотворной швабской школѣ.

«Нравственность намъ служить музой;
У нея изъ толстой кожи
Панталоны. Ахъ, оставьте
Непорочной добродѣтель!

«У однихъ поэтовъ—сила,
У другихъ—воображенье,
Или страсть; но добродѣтель
Лишь у насъ, поэтовъ швабскихъ!

«Въ ней все наше достоянье!
Не срывайте же одежды,
Нравственно благочестивой,
Наготу! мою закрывшей!»

«Такъ сказалъ я; но Урака,
Иронично улыбнувшись,
Головы моей коснулась
Тонкой вѣткою омелы.

«И почувствовалъ тотчасъ же
Я ознобъ—какъ будто члены
Покрывались кожей гуся;
Но совсѣмъ не гуся кожа

«То была, а шкура мопса;
Съ той минуты злополучной
Превращеннымъ я остался,
Какъ вы видите, въ собаку!»

Бѣдный парень! Отъ рыданій
Продолжать не могъ онъ рѣчи,
И такъ горько, горько плакалъ,
Что почти истекъ слезами.

— Слушайте!—сказалъ я грустно:—
Не могу-ль я отъ собачьей
Шкуры васъ освободить
И вернуть опять искусству?—

Но онъ поднялъ безутѣшно,
Полнь отчаянья нѣмого,
Кверху лапы и промолвилъ,
Наконецъ, съ тяжелымъ стономъ:

«До кончины міра буду
Я плѣненнымъ въ шкурѣ мопса,
Если дѣвственницы чистой
Доброта не сниметъ чары;

«Да, спасетъ меня лишь дѣва,
Не познавшая мужчины
И которая такое
Можетъ выполнить условье

«Наканунѣ дня Сильвестра
Сплошь прочесть должна та дѣва
Пфიცера стихотворенья—
И при этомъ не заснуеть!

«Коль она при этомъ чтеньи
Не сомкнетъ очей невинныхъ,
Я спасенъ, я человѣкомъ
Стану вновь, я рассобаченъ!»

— Ахъ,—сказаль я:—въ этомъ разѣ
Самъ я вамъ помочь не въ силахъ;
Потому, что я, во-первыхъ,
Не невинная дѣвица;

«Во-вторыхъ, еще тѣмъ меньше
Прочитать я въ состояньи
Пфიცера стихотворенья—
И при этомъ не заснуеть».

ГЛАВА XXII.

Изъ колдуньиной берлоги
Снова мы сошли въ долину;
Наши ноги снова стали
На несказочную почву.

Прочь, видѣнья! Дѣти ночи!
Дихорадочныя грѣзы!
Снова трезво и разумно
Мы займемся Атта Троллемъ.

Средь своихъ дѣтей, въ пещерѣ,
Спитъ сномъ праведника старый

Атта Троль. Но, наконецъ, онъ.
Просыпается, зѣвая.

Рядомъ жметса одноухій,
Чешеть онъ себѣ затылокъ,
Какъ поэтъ, что риему ищетъ
И скандируетъ по лапамъ.

Тутъ же, близъ отца, подобны
Лиліямъ четвероногимъ,
На спинѣ лежать, мечтая,
Дочки стараго медвѣдя.

Что за мысли, что за грѣзы
Сладостно волнуютъ душу
Этихъ дѣвственницъ-медвѣдицъ?
Увлажень ихъ взглядъ слезами.

Всѣхъ взволнованнѣй меньшая.
Въ щекотаніи блаженномъ
Сердце юное трепещетъ—
Чуетъ силу Купидона.

Да, стрѣла малютки-бога
Въ грудь сквозь шкуру къ ней проникла,
И—о, небо!—тотъ, кто ею
Обожаемъ—человѣкъ!

И зовутъ его Шнашпанскій.
Въ генеральной ретирадѣ
Пробѣжалъ онъ передъ нею
Какъ-то утромъ черезъ горы.

Сердце женщинъ сострадаетъ
Злоключеніямъ героевъ;
На лицѣ-жъ его лежала,
Какъ всегда, нужда въ финансахъ.

Всей его военной кассой—
Двадцатью двумя грошами,
Привезенными въ Испанью,
Завладѣлъ донъ-Эспартеро.

И часовъ не спасъ онъ даже!
Тамъ, въ ломбардѣ пампелунскомъ,
Онъ оставилъ этотъ цѣнный
Даръ, полученный въ наслѣдство.

Удиралъ онъ безъ оглядки;
Но и самъ, того не зная,

Одержалъ побѣду лучше
И дороже—въ плѣнъ взялъ сердце.
Да! медвѣдей врагъ ей дорогъ!
О, несчастное созданье!
Знай отецъ про эту тайну—
Заворчалъ бы онъ свирѣпо,
И, какъ старый Одоардо,
Что Эмилию Галотти
Заколеть, руководимый
Честью бюргера простого—
Такъ и Троль рѣшился-бъ лучше
Умертвить собственолопно
Дочь родную, чѣмъ позволить
Ей упасть въ объятя принца!
Въ настоящую-жъ минуту
Онъ настроенъ благодушно,
Въ мысляхъ нѣтъ—смять розу прежде,
Чѣмъ ее сгубила буря.
Въ благодушномъ настроеньи
Атта Троль лежитъ въ пещерѣ.
Какъ предчувствіе кончины,
Въ немъ стремленье въ міръ загробный.
— Дѣти!—онъ сказалъ, и слезы
Вдругъ въ большихъ глазахъ блеснули:—
Дѣти! Путь земной мой конченъ,
Намъ приходится разстаться.
«Нынче утромъ мнѣ приснился
Сонъ глубокаго значенья,
И душа была объята
Сладкимъ чувствомъ близкой смерти.
«Я совсѣмъ не суетвѣренъ,
Не фразеръ-медвѣдь; однако,
Есть межъ небомъ и землею
Много тайнъ необъяснимыхъ.
«Полонъ думъ о мірѣ, жизни,
Я забылся сномъ, зѣвая.
Вдругъ мнѣ снится, что лежу я
Подъ большимъ вѣтвистымъ дубомъ.
«Изъ вѣтвей его по каплямъ
Внизъ сочится медъ янтарный,

Прямо въ ротъ мнѣ попадаетъ—
И въ душѣ моей блаженство!

«Вверхъ съ восторгомъ взоръ поднявши,
Вижу на верхушкѣ дуба
Семь дѣтенышей-медвѣдей,
Бойко лазающихъ по сучьямъ.

«Что за милыя созданья!
Нѣжно розоваго цвѣта
Шерсть была и точно крылья
На плечахъ образовала.

«Да, у розовыхъ медвѣдей
Были шелковыя крылья,
И небесно тонкимъ, флѣйтнымъ
Голоскомъ малютки пѣли.

«Вдругъ, какъ ледъ, похолодѣлъ я;
И душа изъ брэнной шкуры
Въ высь рванулась, точно пламя,
И въ лучахъ взлетѣла къ небу».

Такъ онъ говорилъ дрожащимъ,
Мягкимъ тономъ. . На минуту
Замолчалъ... Но вдругъ тревожно
Навострились уши Троля;

Быстро онъ вскочилъ съ постели
И, дрожа отъ восхищенья,
Заревѣлъ въ восторгѣ дикомъ:
«Дѣти! Слышите вы голосъ?

«Да вѣдь это, дѣти, голосъ
Вашей матери! О, знаю,
Знаю я ревъ милой Муммы!
Мумма! Мумма! перлъ мой черный!»

Съ этими словами быстро
Атта Троль, какъ сумасшедшій,
Устремился изъ пещеры...
Ахъ, онъ ринулся въ погибель!

ГЛАВА XXIV.

Въ той долинѣ Ронсевальской
И на томъ же самомъ мѣстѣ,
Гдѣ погибъ во дни былые
Карла доблестный племянникъ—

Тамъ же палъ и Атта Тролъ,
Палъ, убитый изъ засады,
Палъ, какъ тотъ, кого Иуда—
Ганелонъ изъ Майнца—предалъ!

Ахъ, супружеской любовью—
Лучшимъ чувствомъ у медвѣдя,
И воспользовалась вѣдьма,
Какъ коварной западнею.

Голосъ милой черной Муммы
Перенять она сумѣла
Такъ, что даже Атта Тролля
Изъ пещеры приманила.

Точно окрыленъ желаньемъ,
Онъ бѣжалъ черезъ долину,
Онъ обнюхивалъ утесы—
Не за ними-ль скрылась, Мумма?

Но скрывался тамъ Ласкаро!
Прямо въ сердце Атта Тролля
Пулю онъ всадилъ; кровавый
Полился потокъ изъ раны.

Пошатнулся бѣдный Атта
Разъ другой—и повалился
Онъ со стономъ... Содрогнулся...
«Мумма!»—былъ послѣдній возгласъ...

Такъ герой погибъ позорно.
Такъ онъ умеръ. Но бессмертнымъ
Вновь воскреснетъ послѣ смерти
Онъ въ созданіи поэта.

Онъ воскреснетъ въ звукахъ пѣсень,
И хорей четырехстопный
По лицу земли широко
Разнесетъ медвѣжьё славу.

И*** ему воздвигнетъ
Славный памятникъ въ Валгаллѣ,
А на памятникѣ надпись
Въ стиллѣ*** лапидарномъ:

«Тролъ, медвѣдь тенденціозный,
Нравственно религіозный,
Подъ соблазномъ духа вѣка
Ставший чистымъ санкюлотомъ.

«Въ танцахъ плохъ былъ; но принципы
Онъ носилъ въ груди косматой;
Иногда вонялъ изрядно;
Не талантъ—зато характеръ!».

ГЛАВА XXV.

Предъ деревнею стояли
Тридцать восемь старыхъ женщинъ
Въ старобаскскихъ красныхъ шалкахъ,
И одна мѣжь ними бойго,

Какъ библейская Дебора,
Била въ бубны и плясала
Съ громкой пѣснью въ честь Ласкаро,
Истребителя медвѣдей.

Вотъ четыре дюжихъ парня
Тащатъ павшаго медвѣдя;
Онъ сидитъ на креслахъ прямо,
Какъ больной на теплыхъ водахъ.

За покойнымъ, какъ родные,
Шли Ласкаро и Урака.
Вѣдьма кланялась смущенно
И направо, и налево.

Мэръ села, на этотъ случай,
Обращая къ народу,
Рѣчь держалъ предъ зданьемъ думы.
Говорилъ онъ тамъ о многомъ:

Напримѣръ, о флотѣ, прессѣ,
О вопросѣ свекловичномъ,
О партійности зловерной,
О Людовикѣ Филиппѣ;

Рядъ заслугъ сопоставляя
Короля, онъ незамѣтно
Перешелъ затѣмъ къ медвѣдю,
Къ славѣ подвига Ласкаро.

«Ты, Ласкаро!—рекъ ораторъ,
И съ лица трехцвѣтнымъ шарфомъ
Потъ старательно онъ вытеръ:—
Ты, Ласкаро! ты, Ласкаро!..

«Ты французовъ и испанцевъ
Славно спасъ отъ Атта Тролля!

Ты герой обѣихъ націй,
Пиренейскій Лафайетъ».
При такомъ официальномъ
Прославленіи Ласкаро
Покраснѣлъ самодовольно
И приятно засмѣялся,
И отрывистою рѣчью,
Торопясь и заикаясь,
Заявилъ онъ благодарность
За такую честь большую.
Съ удивленьемъ всѣ смотрѣли
На неслыханное дѣло,
И таинственно, съ боязнью,
Перешептывались бабы:
«Глянь—Ласкаро засмѣялся!
Покраснѣлъ, смотри, Ласкаро
Говорить Ласкаро началъ —
Онъ, умершій сынъ колдуньи!..»
Въ тотъ же день содрали шкуру
Съ Атта Тролля и продали
Съ молотка. За сотню франковъ
Скорняку она досталась.
Онъ подбилъ великолѣпно
Эту шкуру красной байкой,
А затѣмъ ее въ Парижѣ
За двойную цѣну продалъ.
Лишь изъ третьихъ рукъ Жюльета,
Какъ коверъ, ее купила
И въ своей парижской спальнѣ
У постели положила.
О, какъ часто, поздней ночью,
Я босой стоялъ на этой
Бурой шкурѣ Атта Тролля,
На его земныхъ останкахъ!
И съ глубокою печалью
Вспоминалъ слова поэта:
«То, что въ пѣснѣ вѣчно живо,
Въ жизни то должно погибнуть».

ГЛАВА XXVI.

Ну, а Мумма? Ахъ, вѣдь Мумма—
Женщина! Непостоянство—

Имя имъ! Ахъ, эти жены!
Какъ фарфоръ, онѣ непрочны.

Да, когда судьба жестоко
Съ ней супруга разлучила,
Не скончалась Мумма съ горя,
Не сошла съ тоски въ могилу.

Нѣтъ, напротивъ, продолжала
Танцовать она, какъ прежде,
Передъ публикой почтенной,
Добиваясь одобреній.

Наконецъ, она въ Парижѣ,
При Jardin des Plantes, добыла
Постоянное мѣстечко,
Обезпеченье до смерти

Тамъ, однажды, въ воскресенье,
Я гулялъ съ моей Жюльетой,
Объясняя ей природу,
Міръ растений и животныхъ.

Я показывалъ жирафовъ,
Кедръ ливанскій, дромадера,
Золотыхъ фазановъ, зебровъ;
Наконецъ, мы въ разговорѣ

Подошли къ барьеру ямы,
Гдѣ содержатся медвѣди,
И—о праведное небо!
Что же въ ямѣ я увидѣлъ!

Тамъ огромный, дикій Мишка
Изъ Сибири, бѣлоснѣжный,
Вель съ медвѣдицей амурь
Черезчуръ уже любовно.

И въ медвѣдицѣ, по томной
Поволокѣ глазъ блестящихъ,
Я узналъ тотчасъ же Мумму,
Атта-Троллеву супругу!

То она передъ мною!
Эта черная дочь юга
Здѣсь теперь сошлася съ русскимъ,
Съ этимъ варваромъ полярнымъ!

Негръ, стоявшій у рѣшетки,
Намъ сказалъ, оскала зубы:

«Есть ли зрѣлище прекраснѣй
Созерцанья двухъ влюбленныхъ?»

«Но—спросилъ я:—съ кѣмъ, позвольте,
Говорить я честь имѣю?»

Онъ на это съ удивленіемъ:

«Неужли не узнаете?

«Мавровъ вождь! У Фрейлиграта
Барабанившій. Въ ту пору
Мнѣ въ Германіи трудненько
Приходилось: все чужіе,

«Но въ Парижѣ, гдѣ служу я
Въ сторожахъ, гдѣ я растенья
Нахожу моей отчизны,
Нахожу и львовъ, и тигровъ—

«Здѣсь уютнѣй мнѣ и лучше,
Чѣмъ у васъ, гдѣ ежедневно
Приходилось барабанить
И кормиться очень скверно.

«Я женился на кухаркѣ
Бѣлокурой изъ Эльзаса,
И въ ея объятяхъ милыхъ,
Какъ на родинѣ, живется.

«Ноги у моей супруги
Мнѣ слоновъ напоминаютъ,
А ея французскій говоръ—
О моей родимой рѣчи.

«Крикнетъ гнѣвно—мнѣ сдается,
Это грохотъ барабана,
Что обшить былъ черепами,
И пугаль и льва, и змѣя.

«Но порой она льетъ слезы
При лунѣ, какъ крокодилы,
Выходящіе на берегъ
Подышать ночной прохладой.

«А какой прекрасной пищей
Угощаетъ! Я толстѣю!
Съ африканскимъ аппетитомъ
Снова ѣмъ я, какъ на Нигрѣ.

«Отрастилъ себѣ брюшко я!
Вотъ оно изъ-подъ рубашки

Смотришь, точно черный мѣсяцъ
Изъ-за бѣлыхъ облаковъ».

ГЛАВА XXVII.

(Августу Варнамену фонъ-Энзе).

«Бога ради, мой маэстро
Людовико, гдѣ вы эту
Чепуху всю наловили?»—
Кардиналъ воскликнулъ Эсте,

Прочитавъ повѣствованье
О неистовствахъ Орланда,
Посвященныхъ Аріостомъ
Со смиреньемъ монсиньору.

Да, Варнгагенъ, старый другъ мой,
Вижу я, что та же фраза
Съ губъ твоихъ сорваться хочетъ,
Съ той же тонкою улыбкой.

Ты порой, читая, даже
И смѣешься, но нерѣдко
Лобъ морщинится высокій
И встаетъ воспоминанье:

«Не звучать ли здѣсь мнѣ наши
Грѣзы юности съ Brentano,
И Фуке, и Шамиссо,
Голубою лѣтней ночью?»

«То не звонъ ли на молитву
Изъ часовни въ чащѣ лѣса?
И не тутъ-же-ль звукъ знакомый
Бубенцовъ дурацкой шапки?»

«Въ соловьиный хоръ порою
Ревъ врывается медвѣдя;
И его опять смѣняетъ
Тихій шопотъ привидѣній;

«У безумья видъ разумный,
Мудрость точно помѣшалась;
Стоны смерти въ рѣзкій хохотъ
Превращаются внезапно...»

Да, мой другъ, все это—звуки
Изъ временъ давно минувшихъ;

Только въ старый тонъ основный
Трели новыя прокрасились:

Гордъ мой голосъ; но порою
Ты замѣтишь въ немъ и робость.
Снисходительности друга
Отдаю мою поэму.

Это, можетъ-быть, послѣдній
Звукъ романтики свободной!
Въ дни борьбы, сраженій шумныхъ,
Онъ заглохнетъ незамѣтно.

Времена не тѣ! И птицы
Ужъ не тѣ! Не тѣ и пѣсни!
Вонъ гогочутъ! Точно гуси,
Что спасали Капитолий!

Вонъ и воробьи щебечутъ!
Въ лапкахъ съ свѣчечкой грошовой,
А кичатся и грозятся,
Какъ орелъ съ громами Зевса!

Тутъ и горлицъ воркованье;
Пресытись любовью, стали
Ненавидѣть, и ужъ возять
Не Венеру, а Беллону.

А жужжанье-то какое
Миръ свирѣпо потрясаетъ!
Это все весны народовъ
Колоссальные жуки!

Времена не тѣ! И птицы,⁷
Ужъ не тѣ! Не тѣ и пѣсни!
Я любилъ бы ихъ, быть-можетъ,
Если-бъ мнѣ другія уши!

ГЕРМАНІЯ.
—
ЗИМНЯЯ СКАЗКА.
(1844).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эту поэму написалъ я въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, въ Парижѣ, и свободный воздухъ этого города прорывается въ нѣкоторыхъ строфахъ гораздо рѣзче, чѣмъ собственно хотѣлось мнѣ самому. Я не преминулъ тотчасъ же приняться за смягченіе и выбрасываніе всего того, что не могло перенести нѣмецкаго климата. Тѣмъ не менѣе, когда я, въ мартѣ мѣсяцѣ, послалъ манускриптъ къ моему издателю въ Гамбургъ, мнѣ было представлено для соображенія все еще много сомнительныхъ мѣстъ. Я долженъ былъ еще разъ взяться за фатальную работу передѣлыванья, и очень легко могло случиться, что тогда-то именно серьезные тоны смягчились болѣе, чѣмъ нужно, или слишкомъ весело были заглушены звономъ погремушекъ юмора. Въ нетерпѣніи я опять сорвалъ фиговые листки, прикрывавшіе наготу кое-какихъ мыслей и, можетъ-быть, оскорбилъ этимъ жеманно-стыдливыя уши. Я очень жалѣю объ этомъ, но утѣшаю себя сознаниемъ, что и болѣе великіе авторы были повинны въ подобномъ же прегрѣшеніи, Аристофана я не беру тутъ въ примѣръ, потому что онъ былъ слѣпой язычникъ, и его аеинская публика, хотя и имѣла классическое образованіе, но мало что знала о нравственности. Гораздо удобнѣе было бы мнѣ сослаться на Сервантеса и Мольера: первый писалъ для высокаго дворянства обѣихъ Кастилій, второй—для великаго короля и великаго двора въ Версали. Ахъ, я и забылъ, что мы живемъ въ чрезвычайно мѣщанское время, и, къ сожалѣнію, я ужъ предвижу, какъ многія дщери образованныхъ сословій на Шпрее, если ужъ не на Альстерѣ, сморщатъ свой болѣе или менѣе горбатенькій носикъ, читая мою бѣдную поэму! Но еще съ большимъ прискорбіемъ я предвижу вопли тѣхъ фарисеевъ національности, которые идутъ

теперь рука об руку съ антипатіями нѣмецкихъ правительствъ, пользуются полной любовью и уваженіемъ цензуры и даютъ тонъ газетной прессы, когда дѣло коснется до нападений на тѣхъ противниковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ противники и ихъ высокопоставленныхъ принциповъ. Сердце наше защищено броней отъ неудовольствія этихъ геройскихъ лакеевъ въ черно-красно-золотой ливрѣ. Я слышу ужъ ихъ пивные голоса: «Ты позоришь даже наши цвѣта, измѣнникъ отчизны, другъ французовъ, который ты хочешь уступить свободный Рейнъ!» Успокойтесь. Я буду чтить и уважать ваши цвѣта, когда они будутъ того заслуживать, когда они перестанутъ быть забавой людей праздныхъ или холоповъ. Водрузите черно-красно-золотое знамя на вершинѣ нѣмецкой мысли, сдѣлайте его штандартомъ свободаго чловѣчества, и я отдамъ за него лучшую кровь моего сердца. Успокойтесь; я люблю отечество столько же, сколько и вы. Ради этой любви я тринадцать лѣтъ прожилъ въ изгнаніи и именно ради этой же любви возвращаюсь опять въ изгнаніе, можетъ-быть навсегда, но ужъ, во всякомъ случаѣ, не хныкая и не искривляя лицо въ страсготерпческую гримасу.

Я другъ французовъ точно такъ же, какъ другъ и всѣхъ людей, если они умны и хороши, и потому что я самъ не настолько глупъ и дурень, чтобы желать моимъ нѣмцамъ и французамъ, этимъ избраннымъ народамъ цивилизаціи, сломать себѣ шею для пользы Англии и Россіи и къ злорады всѣхъ дворянчиковъ-недорослей и іезуитовъ нашей планеты. Будьте покойны; я никогда не уступлю Рейна французамъ уже по той совершенно простой причинѣ, что Рейнъ принадлежитъ мнѣ. Да, онъ принадлежитъ мнѣ по неотъемлемому праву рожденія; я свободаго Рейна еще больше свободный сынъ; на его берегу стояла колыбель моя, и я совсѣмъ не вижу, почему Рейнъ долженъ принадлежать кому-нибудь другому, а не его дѣтямъ. Правда, что я не могу включить въ составъ нѣмецкаго государства Эльзасъ и Лотарингію такъ легко, какъ вы это дѣлаете, потому что жители этихъ странъ крѣпко привязаны къ Франціи за тѣ права, которыя они приобрѣли во время французскихъ государственныхъ переворотовъ—за тѣ законы равенства и свободныя учрежденія, которыя чрезвычайно пріятны мѣщанскому нраву, хотя оставляютъ желать еще весьма многого для желудка массы. И все-таки эльзасцы и лотарингцы снова примкнутъ къ Германіи, когда

нѣ довершимъ то, что начали французы; когда мы опере-
димъ ихъ въ дѣлѣ такъ, какъ уже опередили въ мысли;
когда мы поднимемъ до ея послѣднихъ результатовъ; когда
уничтожимъ сервиллизмъ до его послѣднихъ притоновъ; когда
мы перестанемъ унижать Бога, живущаго на землѣ въ
людяхъ; когда мы возстановимъ въ ихъ достоинствѣ обѣднѣй,
лишенный счастья народъ, и поруганный геній, и опозо-
ренную красоту, — какъ говорили и пѣли наши великіе
поэты, и какъ этого хотимъ мы, ученики ихъ... Да, не
только Лотарингія и Эльзась, а вся Франція достанется
намъ тогда; вся Европа, весь міръ—весь міръ сдѣлается
нѣмецкимъ! Объ этомъ призваніи и всемірномъ владычествѣ
Германіи часто мечтаю я, когда гуляю подъ дубами.
Таковъ мой патріотизмъ!

Въ одной изъ ближайшихъ книгъ я возвращусь еще къ
этой темѣ съ твердой рѣшимостью, съ строгимъ безпри-
страстіемъ и во всякомъ случаѣ честно. Я приму во вни-
маніе самыя крайнія противорѣчія, если они происходятъ
отъ убѣжденія. Я терпѣливо прошу тогда самую грубую
непріязнь; я дамъ отвѣтъ даже глупости, будь только она
задумана честно. Напротивъ, все свое молчаливое презрѣ-
ніе посвящу я тому безмозглому негодю, который изъ
жалкой зависти или нечистоплотной личной ядовитости
будетъ стараться уронить въ общественномъ мнѣніи мое
доброе имя и для этого воспользуется маской патріотизма,
если ужъ не религіи и морали. Въ этомъ отношеніи анар-
хическое состояніе нѣмецкихъ политическихъ и литератур-
ныхъ газетъ эксплуатировалось иногда съ такимъ талан-
томъ, что я просто не надивлюсь. Право, Шуфтерле не
умеръ; онъ еще живъ, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ стоитъ
во главѣ прекрасно образованной шайки литературныхъ
разбойниковъ, которые проказать въ богемскихъ лѣсахъ
нашей газетной прессы, притаившись подъ каждымъ ку-
стикомъ, подъ каждымъ листкомъ и внимая малѣйшему
свисту своего достойнаго атамана.

Генрихъ Гейне.

Гамбургъ, 17-го сентября 1844 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

То было печальной ноябрьской порой;
Мрачнѣе все день становился,
Рвалъ вѣтеръ поблекшіе листья съ вѣтвей,
И тутъ я въ дорогу пустился.

И чуть до границы доѣхалъ, въ груди-
Почувствовалъ я—застучало
Сильнѣй, и мнѣ кажется даже—въ глазахъ
Мокренько какъ будто бы стало.

И чуть я услышалъ нѣмецкій языкъ.
Въ душѣ у меня ощутилось
Вдругъ странное что-то: мнѣ чудилось, кровь
Изъ сердца пріятно сочилась.

Малютка-артистка запѣла; она
И очень чувствительно пѣла,
И очень фальшиво; но тронуть меня
Игрою глубоко сумѣла.

Мнѣ пѣла она про любовь, про 'ея
Мученія, жертвы, свиданья—
Тамъ, въ выси небесной, въ той лучшей странѣ,
Гдѣ всѣ исчезаютъ страданья.

Мнѣ пѣла она о юдоли земной,
О счастьѣ, всегда скоротечномъ,
О мірѣ загробномъ, гдѣ духъ, просвѣтлень,
Въ блаженствѣ купается вѣчномъ.

Мнѣ пѣла она отреченія пѣснь,
Небесную айапопю;
Ребенка-народъ, чтобъ унять его плачь,
Давно ужъ баюкаютъ ею.

Я знаю мелодію, знаю и текстъ,
И авторовъ знаю прекрасно;
Я знаю—тайкомъ они пили вино,
Ить воду совѣтуя гласно.

Нѣтъ, новую пѣснь, о, друзья! пропою
Для васъ я—пѣснь лучшаго, склада:
Устроить небесное царство себѣ
Намъ здѣсь на землѣ уже надо.

Ужъ здѣсь на землѣ будемъ счастливы мы:
Про голодъ ни слуху, ни духу,
Того, что добыто прилежной рукой,
Не жрать ужъ лѣнивому брюху.

Достаточно хлѣба растеть здѣсь внизу,
Всѣмъ хватить по милости Бога;
И миртовъ, и розъ, красоты и утѣхъ,
И сладкихъ горошинокъ много.

Да, сладкій горошекъ, чуть лопнуть стручки,
Для всякаго въ свѣтѣ найдется;
А горнее царство пускай воробьямъ
И духамъ его достается.

Коль вырастутъ крылья по смерти у насъ,
Къ вамъ, въ горнія ваши селенья,
Взлетимъ мы и вмѣстѣ покушаемъ тамъ
Блаженнѣйшихъ тортовъ, варенья.

Да, новую пѣснь,—пѣснь прекраснѣе той!
Съ ней флейтамъ и скрипкамъ едва ли
Сравниться! Долой *miserere*! Звонить
По мертвымъ въ церквахъ перестали.

Помолвлена дѣва Европа; ее
Ждетъ съ богомъ свободы вѣнчанье;
Лежатъ другъ у друга въ объятяхъ они,
Блаженствуютъ въ первомъ лобзаньи.

И если-бъ вѣнчались они безъ попа—
Отнюдь не ослабилсѣ-бъ этимъ
Ихъ брачный союзъ. Много лѣтъ жениху,
Невѣстѣ и будущимъ дѣтямъ!

Да, новая, лучшая пѣсня моя—
Хвалебное брачное пѣнье!
Въ душѣ моей яркія звѣзды встаютъ—
Небесныхъ даровъ откровенье.

Восторженно, дико пылають онѣ,
Текутъ огневыми ручьями...
Я чувствую чудную силу въ себѣ,
Я вырвалъ бы дубы съ корнями.

Чуть сталь я на землю родную—во мнѣ
Волшебные соки струятся,
До матери вновь прикоснулся гигантъ,
И снова въ немъ силы родятся.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Межъ тѣмъ какъ малютка про счастье въ раю
Пускала подъ музыку трели,
Досмотрщики прусскіе мой чемоданъ
Внимательно весь осмотрѣли.

Все въ немъ перенюхали, рылись до дна
Въ рубашкахъ, платкахъ, панталонахъ,
Искали тамъ кружевъ, вещей золотыхъ,
А также и книгъ запрещенныхъ.

Глупцы! Ну, чего въ чемоданѣ искать!
Вѣдь тамъ ничего не найдется.
Моя контрабанда въ моей головѣ
Повсюду со мною везется.

Въ ней кружева есть, такъ тонки, что до нихъ
Всѣмъ брюссельскимъ очень далѣко:
Мнѣ стѣитъ ихъ вынуть оттуда—и васъ
Колотъ они будутъ жестоко.

Я въ ней драгоценные камни ношу,
Брильянты въ вѣнецъ дней грядущихъ,
Клейноды для храмины новыхъ боговъ,
Въ великомъ Невѣдомомъ сущихъ.

И смѣю увѣрить, что множество въ ней
Есть тоже и книгъ схороненныхъ;
Моя голова—это птичье гнѣздо
Щебечущихъ книгъ запрещенныхъ.

Повѣрьте, и въ книжныхъ шкапахъ Сатаны
Зловреднѣ ихъ не бываетъ;
Гораздо опаснѣй онѣ даже тѣхъ,
Что Фонъ-Фаллерслебенъ слагаетъ.

Стоявшій бокъ о бокъ со мной пассажиръ
Замѣтилъ, что здѣсь предо мною

Огромный таможенный прусскій союзъ,
Весь скованный цѣпью одною.

«Таможенный прусскій союзъ,—онъ сказалъ:—
Народности нашей положить
Основу; отчизнѣ раздробленной онъ
Въ едино сплотиться поможетъ.

«Единство онъ внѣшнее намъ принесетъ—
Вотъ то, что зовутъ матерьяльнымъ;
Цензура-жъ духовнымъ единствомъ снабдитъ—
И, значить, вполне идеальнымъ.

«Единство внутри принесетъ намъ она,
И въ мысляхъ, и въ чувствахъ; намъ нужно,
Чтобъ родина наша единой была,
Единой внутри и наружно».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Спитъ въ ахенскомъ древнемъ соборѣ въ гробу
Карлъ Magnus; пускай не смѣшаетъ
Его кто-нибудь съ Карломъ Майеромъ—тѣмъ,
Что въ швабской землѣ проживаетъ.

Я вовсе не склоненъ въ соборѣ въ гробу
Лежать, какъ мертвецъ-императоръ;
Мнѣ было-бъ пріятнѣе въ Штутгартѣ жить,
Какъ самый плохой литераторъ.

На ахенскихъ улицахъ скучно и псамъ,
И молятъ они со смиреньемъ:
«Прохожій, о, дай намъ пинка! Можетъ-быть,
Онъ будетъ для насъ развлеченьемъ».

Прошлялся я въ этомъ проклятомъ гнѣздѣ
Часочекъ-другой; снова встрѣтилъ
Тамъ прусскихъ военныхъ и въ нихъ перемѣвъ
Особенныхъ я не замѣтилъ.

Все сѣрые тѣ же плащи, воротникъ
Высокій и красный остался
(Сей цвѣтъ знаменуетъ французскую кровь—
Какъ Кернеръ-пѣвецъ выражался);

Все тотъ же цедантскій, дубовый народъ,
Попрежнему въ каждомъ движеніи
Прямые углы, и на каждомъ лицѣ,
Замерзнувъ, лежитъ самогнѣнье.

Все такъ же на-вытяжку ходятъ они
Шагами ходульно-прямыми.
Какъ будто тотъ фухтель, которымъ ихъ встарь
Лутили, проглоченъ былъ ими.

Да, фухтель еще не исчезнулъ вполне,
У нихъ онъ внутри приютился,
И въ нынѣшнемъ дружескомъ «ты» до сихъ поръ
«Онъ» старыхъ временъ сохранился.

Усы—это новый липъ фазисъ косы
Стариннаго времени; косамъ,
Висѣвшимъ тогда на затылкѣ, теперь
Висѣть указали подъ носомъ.

Нашелъ я довольно красивымъ костюмъ
Теперешней арміи конной;
Шишакъ мнѣ особенно нравится, шлемъ
Съ верхушкой стальной, заостренной.

Тутъ рыцарствомъ вѣсть, тутъ вспомнишь сейчасъ
Романтики милую пору;
Тикъ, Уландъ, Фукé и мадамъ Монфокопъ
Являются нашему взору.

Тутъ вспомнишь всѣ прелести среднихъ вѣковъ
Съ ландскнехтами ихъ и пажами,
Которые вѣрность носили въ сердцахъ,
А задъ расшивали гербами.

Тутъ вспомнишь турниры, крестовый походъ,
Культъ женщинъ и Богу обѣты,
И вѣры тотъ вѣкъ безпечатный, когда
Еще не являлись газеты.

Да, да, очень нравится мнѣ этотъ шлемъ,
Онъ—знакъ остроумья на тронѣ.
Его изобрѣлъ нашъ король. Остроты
Достаточно въ этомъ фасонѣ.

Я только боюсь, коль случится гроза—
Въ вашъ міръ романтической старей,
Пожалуй, притянутся тѣмъ остриемъ
Новѣйшаго грома удары.

А вспыхнетъ война—такъ уборъ головной
Полегче кушитъ васъ принудить:
Вашъ средневѣковый, тяжелый шишакъ
Помѣхою въ бѣгствѣ вамъ будетъ.

На вывѣсѣ аженской почты опять
Явилась мнѣ птица, глубоко
Противная мнѣ, и вперила въ меня
Свое ядовитое око.

Поганая птица! Ну, только-бъ тебѣ
Попастъ въ мои руки—повѣрь, я
И хищные когти твои отрублю,
И выщиплю всѣ твои перья.

Затѣмъ у меня на высокомъ шестѣ
Ты въ воздухѣ будешь качаться,
И рейнскихъ стрѣлковъ я туда приглашу
Въ веселой стрѣльбѣ упражняться.

Кто птицу спшибетъ мнѣ, тому молодцу
Корону и скиптръ поднесу я;
Мы тушъ протрубимъ и «Ура, нашъ король!
Да здравствуетъ!» крикнемъ, ликуя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ Кёльнѣ вечеромъ поздно пріѣхаль я; тутъ
Услышалъ я Рейна шептанье,
Тутъ воздухъ нѣмецкій обвѣялъ меня,
Тотчасъ оказавши вліянье

На мой аппетитъ. И яичницы я
Поѣлъ съ ветчиною; но соли
Въ ней было такъ много, что это запить
Рейнвейномъ пришлось поневолѣ.

Какъ золото, въ рюмкахъ зеленыхъ рейнвейцъ
Все такъ же, какъ прежде, блистаетъ;
Но если ты рюмокъ не въ мѣру хватилъ,
Онъ въ носъ ударять начинается.

Такъ сладко щекочетъ въ носу у тебя,
Съ блаженствомъ разстаться нѣтъ мочи...
Меня потянуло пойти погулять
По улицамъ въ сумракѣ ночи.

Рядъ каменныхъ зданій смотрѣлъ на меня,
Какъ-будто хотѣлъ онъ сказанья
Минувшихъ вѣковъ мнѣ повѣдать, открытъ
Священнаго Кёльна преданья.

Да, здѣсь міръ поповскій въ былые года
Своимъ благочестіемъ правилъ;

Здѣсь было господство тѣхъ «темныхъ мужей»,
Которыхъ фонъ-Гуттенъ ославилъ.

И въ средневѣковомъ канканѣ монахъ
Съ монахиней здѣсь изощрились;
И Менцлемъ кѣльнскимъ, Гохстратеномъ, здѣсь
Доносцы ехидно писались.

Здѣсь многое множество книгъ и людей
Пожары костровъ уносили,
При чемъ раздавался церковный трезвонъ,
И «Кирие элейсонъ» гнусили.

Здѣсь глупость и злоба открыто, какъ псы,
По улицамъ бѣгали блудно;
Ихъ родъ, по слѣпой къ инновѣрцамъ враждѣ,
Узнать и доселѣ нетрудно.

Но что я увидѣлъ? Во мракѣ ночномъ
Встаесть, озаряясь луною,
Фигура колосса, какъ дьяволъ черна—
То кѣльнскій соборъ предо мною.

Бастиліей духа онъ долженъ былъ стать,
И думалъ коварный сынъ Рима:
«Навѣрно зачахнетъ нѣмецкая мысль,
Тюрьмой колоссальной тѣсняма».

Но Лютеръ пришелъ, и сказала онъ свое
Великое «Стойте!»—и скоро
Работу пришлось прекратить; съ этихъ поръ
Не стало ужъ больше собора.

Его неоконченность радуесть насъ:
Нашли въ ней себѣ оправданье
И памятникъ вѣчный германская мощь,
И съ ней—протестантства призванье.

О, жалкій и глупый—соборный Совѣтъ!
Рукою безсильной вы мните
Все-жъ старую крѣпость достроить, за трудъ
Неконченный взяться хотите!

Безумье! Пусть вашъ колокольчикъ въ церквахъ
Звенить себѣ, сколько угодно,
Пусть вамъ подаянье даетъ еретикъ
И даже еврей—все безплодно!

Пусть въ пользу собора великій Францъ Листъ
Концерты даетъ; пусть любезно

Король-декламаторъ читаетъ стихи
Предъ публикой—все бесполезно!

Не будетъ достроенъ вагъ кельнскій соборъ,
Хотя и доставленъ глупцами
Изъ Шваби, съ этою цѣлью, большой
Корабль, нагруженный камнями.

Не будетъ достроенъ, кричи не кричи
Вороны и совы—та птица,
Которой пріятно, любя старину,
Въ пыли колоколенъ ютятся.

Да, даже настанетъ такая пора,
Что, вмѣсто его окончанья,
Въ конюшню Совѣтъ предпочтетъ обратить
Всю внутренность этого зданья.

«Но если въ конюшню его обратятъ,
То вотъ затрудненье какое:
Куда перенестъ трехъ волхвовъ, что давно
Въ ковчегѣ лежатъ на покоѣ?»

— Вотъ странный вопросъ! Въ наше время никто
Нужды не имѣетъ стѣсняться:
Нисколько не трудно восточнымъ волхвамъ
Въ другую квартиру убраться.

Вы въ Мюнстерѣ можете ихъ помѣстить—
Совѣтъ мой разуменъ, повѣрьте—
Въ трехъ клѣткахъ желѣзныхъ, повѣшенныхъ тамъ
На башнѣ святого Ламберти.

Когда-бъ оказалось, что нѣтъ одного
Изъ этого триумвирата,—
Ну, что же! въ замѣну восточному взять
На западѣ можно собрата.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Я къ рейнскому мосту, на «Заячій валъ»
Пришелъ—и теперь предо мною
Струилъ свои воды мой батюшка Рейнгъ,
Свѣтятся подъ спокойной луною.

— Здорово, почтенный мой батюшка Рейнгъ!
Ну, какъ тебѣ здѣсь поживалось?
Не разъ я съ тоскою тебя вспоминалъ
И сердце къ тебѣ устремлялось!

Сказать я—и слышу въ рѣчной глубинѣ^ѣ
Сердитые странные звуки,
Какъ будто бы кашель глухой старика,
Ворчанье со вздохами скуки.

«Здорово, сынокъ! Мнѣ пріятно, что тѣ
Меня не забылъ; вѣдь примѣрно
Тринадцать ужъ лѣтъ мы не видѣлись. Мнѣ
Жилось это время прескверно.

«Я въ Бибрихѣ камни глоталъ, и они,
Признаться, невкусные были;
Но Никласа Беккера, другъ мой, стихи
Желудокъ сильнѣй отягчили.

«Меня такъ воспѣлъ онъ, какъ будто бы я
Еще непорочная дѣва,
Съ которой никто не посмѣетъ сорвать
Вѣночекъ, страшась ся гнѣва.

«Когда мнѣ ее, эту глупую пѣснь,
Услышать порою случится,
Готовъ я всю бороду вырвать свою,
Въ себѣ же самомъ утопиться.

«Что я не чистѣйшая дѣва—про то
Французы всѣхъ лучше узнали;
Съ моею водой они часто свои
Побѣдныя воды мѣшали.

«Глупѣйшая пѣснь и глупѣйшій поэтъ!
Меня онъ позорно ославилъ;
Притомъ политически тоже меня
Въ двусмысленномъ свѣтѣ поставилъ:

«Вѣдь если французы воротятся, мнѣ
Придется краснѣть отъ смущенья—
Мнѣ, часто у неба, въ горячихъ слезахъ,
Просившему ихъ возвращенья.

«Французииковъ очень любилъ я всегда,
Любилъ этихъ милыхъ мальчишекъ.
Что, все еще скачутъ они и поютъ?
Все держатся бѣлыхъ питанишекъ?

«Весьма бы хотѣлось ихъ вновь повидать,
Но только боюсь, что, пожалуй,
Насмѣшки пойдутъ изъ-за этихъ стиховъ
Проклятыхъ—и ради скандалу.

«Альфредъ де-Мюссé, забіяка-гамець,
Быть-можетъ, командуя ими,
Придетъ барабанщикомъ ихъ, и въ меня
Ударитъ острогами злыми».

Такъ плакался бѣдный мой батюшка Рейнь,
Не могъ оставаться въ покоѣ.
Чтобъ духъ въ немъ поднять, въ угѣшеніе я
Сказалъ ему слово такое:

— Насмѣшки французовъ, мой батюшка Рейнь,
Не бойся; французы были
Исчезли; и нынче не тотъ ужъ народъ;
Штаны у нихъ тоже иные.

Штаны ихъ не бѣлы, а красны теперь;
И пуговики новыя дали;
Не скачутъ ужъ больше они, не поютъ,
Задумчивы головы стали.

Они философствуютъ, темой бесѣдъ
Имъ служатъ Кантъ, Фихте и Гегель;
Пить начали пиво, и курятъ табакъ,
Есть тоже любители кегель.

Такіе-жъ филистеры стали, какъ мы,
Пожалуй, и насъ перегонятъ;
Межъ нихъ вольтерьянцевъ нѣтъ болѣ; они
Теперь къ Генгстенбергу ужъ клонятъ.

Альфредъ де-Мюссé, это правда, гамець
Попрежнему; только напрасно
Не бойся, насмѣшника скверный языкъ
Сковать мы сумѣемъ прекрасно.

Коль злой остроюю его барабанъ
Ударитъ, мы свиснемъ другою,
Позлѣ—о томъ, что случилось съ нимъ
У барынь красивыхъ порою.

Итакъ, успокойся! Ту скверную пѣснь
Забудь до послѣдняго слова;
Пѣснь лучшую скоро услышишь. Прощай,
Съ тобой мы увидимся снова!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Во слѣдъ Паганини повсюду ходилъ
Его Spiritus familiaris;

То въ видѣ собаки, то въ видѣ людскомъ—
Поэта Георгія Гаррисъ.

Предъ важнымъ событьемъ встрѣчалъ Бонапартъ
фигуру кроваваго цвѣта;
Свой демонъ быть данъ и Сократу; не бредъ
Фантазиі было все это.

Да самъ я, за письменнымъ сидя столомъ,
Самъ видѣлъ порою ночью—
Зловѣщій невѣдомый гость иногда
Стоялъ у меня за спиною.

Онъ что-то скрывалъ подъ плащомъ, и когда
Случайно оно открывалось,
То странно блестяло, и мнѣ топоромъ,
Судьи топоромъ представлялось.

Приземистъ и плотенъ по виду онъ былъ;
Глаза точно звѣзды; въ писаньи
Онъ мнѣ не мѣшалъ и спокойно всегда
Въ далекомъ стоялъ разстояньи.

Прошло много лѣтъ съ той поры, какъ ко мнѣ
Мой странный товарищъ являлся—
И вдругъ въ эту тихую лунную ночь
Онъ въ Кѣльнѣ со мной повстрѣчался.

Задумчиво шлялся по улицамъ я,—
Вдругъ вижу его за спиною;
Какъ тѣнь неотступенъ: иду я—идеть;
Я стану—онъ станетъ со мною.

Стоить—и какъ будто чего-то онъ ждеть;
Пойду я умышленно скоро—
Онъ тоже шаги ускоряетъ. И такъ
Пришли мы на площадь собора.

Въ досадѣ, къ нему обратясь, я сказалъ:
— Тебя призываю къ отвѣту:
Чего ты явился за мною ходить
Въ пустыню полночную эту?

Тебя я встрѣчаю всегда въ тѣ часы,
Когда міровыя стремленья
Родятся въ груди у меня, а въ мозгу
Пронесаются молнии мышленья.

Въ меня неподвижный и пристальный взглядъ.
Вперилъ ты. Отвѣтъ: что скрываешь

Съ таинственнымъ блескомъ подь этимъ плащомъ?
Кто ты и чего ты желаешь?

Онъ сухо, почти флегматически, мнѣ
Отвѣтилъ:—«Свои заклинанья,
Пожалуйста, брось; неумѣстны совсѣмъ
Здѣсь громкія эти воззванья.

«Отнюдь я—не призракъ былого; не всталъ,
Какъ пугало, я изъ могилы;
Философъ я слабый, мнѣ тоже цвѣты
Реторики вовсе не милы.

«Натурой я практикъ; спокоенъ всегда;
Молчанье во всемъ сохраняю;
Но знай—что задумано въ мысляхъ тобой,
Немедленно я исполняю.

«И если мнѣ даже приходится ждать,
Ждать долго—работѣ всецѣло
Я отдаю, пока не удастся она.
Ты мыслишь, я дѣлаю дѣло.

«Ты—властный судья, я—покорный палачъ;
Ты ставишь рѣшеніе, я же
Послушно исполнить спѣшу приговоръ,
Хотя бы несправедный даже.

«Предъ консуломъ въ Римѣ, бывало, всегда
Съ сѣкирою ликторъ шагаетъ;
Ты съ ликторомъ тоже; но онъ съ топоромъ
Ужъ сзади тебя провожаетъ.

«Да, знай, я—твой ликторъ; вездѣ за тобой
Хожу, и въ любое мгновенье
Къ услугамъ твоимъ мой блестящій топоръ;
Я—мысли твоей исполненье...»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пришелъ я домой, и уснулъ—точно былъ
Святымъ убаюканъ я духомъ.
Въ нѣмецкихъ постеляхъ такъ сладко лежать—
Онѣ вѣдь наполнены пухомъ..

Какъ часто въ изгнаньи мечталъ я съ тоской
Про сладость родимой перины,
Когда я въ бессонныя ночи лежалъ
На жесткихъ матрацахъ чужбины.

Прекрасно и спится, и грезится намъ
На нашей постели пуховой;
На эти минуты съ нѣмецкой души
Спадаютъ земныя оковы.

Она себя чувствуетъ свободной, и въ высь,
Въ небесныя мчится селеня.
О, души нѣмецкія! Въ грезахъ ночныхъ
Какъ выпренни ваши паренья!

Заслыша вашъ гордый полетъ, въ небесахъ
Блѣднѣютъ безсмертныя боги;
И крыльевъ размахомъ звѣзду за звѣздой
Сметааете вы по дорогѣ.

Французамъ и русскимъ подвластна земля,
Британцамъ все море покорно,
Но въ царствѣ воздушномъ мечтательныхъ грѣзъ
Владычество наше безспорно.

Здѣсь въ нашихъ рукахъ гегемонія; здѣсь
Мы всё нераздѣльно слотились,
Не такъ, какъ другіе народы—они
На плоской землѣ укрѣпились...

Когда я заснулъ, мнѣ привидѣлся сонъ:
По улицамъ древняго Кёльна,
Облитымъ сіяніемъ яркимъ луны,
Я странствовалъ снова безцѣльно.

Мой черный, таинственный спутникъ опять
Шелъ слѣдомъ за мною. Сгибались
Колѣни мои, я ужасно усталъ—
Но мы все впередъ подвигались,

Все дальше и дальше. Въ груди у меня
Разрѣзаннымъ сердце лежало,
Зіяя, и красными каплями кровь
Изъ раны сердечной бѣжала.

Порой я обмакивалъ пальцы въ нее
И—случаи были нерѣдки—
На разныхъ воротахъ домовъ по пути
Кровавыя дѣлалъ отмѣтки.

И только что знакъ я поставлю такой
На домѣ—какъ звонъ погребальный
Вдали раздавался и неся, какъ стонъ
Болѣзненно тихій, печальный.

А на небѣ мѣсяць тускнѣлъ, темнота .
Сгущалась, и въ дикой погонѣ
Зловѣщія тучи грядами неслись
За нимъ, точно черные кони.

Мой темный товарищъ съ своимъ топоромъ.
Попржнему шелъ нераздѣльно
За мною, и долго по улицамъ мы
Вдвоемъ все бродили безцѣльно.

Бродили, бродили—и снова пришли
На площадь собора; находимъ
Въ полночную пору всѣ двери его
Открытыми настѣжь—и входимъ.

Въ громадномъ пространствѣ царилъ лишь смерть,
И ночь, и молчанье, горѣли
Мѣстами лампы, какъ будто бы тьму
Тѣмъ явственнѣй сдѣлать хотѣли.

Я долго ходилъ вдоль высокихъ колоннъ,
И только шаги за спиною
Я слышалъ; то былъ мой сопутникъ; и здѣсь
Онъ шелъ шагъ за шагомъ со мною.

И вотъ мы въ капеллѣ восточныхъ волхвовъ;
Свѣчами она пламенѣла
И массой своихъ драгоцѣнныхъ камней
И золота ярко блестяла.

Но чудо какое! Святые волхвы,
Что тамъ неподвижно лежали
Ужъ столько столѣтій—теперь на своихъ
Гробницахъ они возсѣдали.

Скелеты облекъ фантастичный нарядъ;
Украшены гордо вѣнцами
Ихъ желтые черепы; держатъ и скиптръ
Они костяными руками.

Какъ въ кувлахъ пружинныхъ, ихъ кости, давно
Иссохшія, вновь шевелились;
И въ воздухѣ запахи гнили, а съ ней—
И ладана тоже, носились.

Одинъ даже ртомъ шевельнулъ, и ко мнѣ
Онъ рѣчь обратилъ съ объясненьемъ,
До крайности длиннымъ, за что я ему
Обязанъ высокимъ почтеньемъ:

Во-первыхъ, за то, что онъ мертвъ; во-вторыхъ,—
Царемъ онъ когда-то считался;
А въ-третьихъ,—его признавали святымъ...
Но я равнодушнень остался

И такъ, засмѣявшись, ему отвѣчалъ:
— Чтò проку въ твоихъ убѣжденьяхъ?
Я вижу, что съ прахомъ прошедшихъ временъ
Ты связанъ во всѣхъ отношеньяхъ.

Ступайте отсюда! Вамъ мѣсто одно—
Во мракѣ глубокой могилы;
Сокровища этой капеллы беретъ
Жизнь, полная власти и силы.

Грядущаго конница радостно здѣсь,
Въ соборныхъ стѣнахъ, поселится;
Не выйдете мирно—такъ палками васъ
Заставлю я въ бѣгство пуститься.

Сказалъ я, назадъ обернулся—и вдругъ
Ужасное встрѣтилъ сверканье
Ужасной сѣкиры: мой спутникъ нѣмой,
Понявши мое приказанье,

Приблизился быстро съ сѣкирой своей
Къ былыхъ суевѣрій скелетамъ
И началъ несчастныхъ рубить и рубить
Безъ всякой пощады. Отвѣтомъ

Ударамъ отгрянуло эхо отъ стѣнъ,
Отъ сводовъ! Струями полился
Кровавый потокъ изъ груди у меня;
И въ ужасѣ я пробудился.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

До Гагена стòить изъ Кельна проѣздъ
Пять талеровъ прусскихъ; достался
Билетъ мѣ въ открытомъ возкѣ; дилижансъ
Ужъ занятымъ весь оказался.

Осенняя сырость; телѣга въ грязи
Кряхтѣла. По скверной дорогѣ
И скверной погодѣ, всему вопреки,
Я весь былъ въ отрадной тревогѣ.

Вѣдь это же воздухъ отчизны! Онъ жжетъ
Своею живительной силой

Мнѣ щеки. Вся эта дорожная грязь—
Вѣдь грязь моей родины милой!

Лошадки привѣтно махали хвостомъ,
Какъ будто я другъ ихъ старинный,
И мнѣ Аталантовыхъ яблокъ милѣй
Былъ круглый пометъ лошадиный.

Вотъ Мюльгеймъ проѣхали. Городъ хорошъ,
Хорошій и нравъ у народа—
Прилежный и скромный. Я здѣсь не бывалъ
Съ весны тридцать-перваго года.

Въ ту пору на всемъ былъ цвѣточный нарядъ,
И птицы въ вѣтвяхъ щебетали,
И весело солнце пускало лучи,
И люди, надѣясь, мечтали—

Мечтали: «Ну, скоро уѣдутъ отсель
Всѣ тощіе рыцари наши;
Изъ длинныхъ желѣзныхъ бутылокъ нальемъ
Питья имъ въ прощальныя чаши.

«И съ пѣснями, съ пляской, съ хоругвью своей
Трехцвѣтной свобода прибудеть;
Пожалуй, что ея изъ гроба для насъ
И самъ Бонапартъ вызванъ будетъ!»

Ахъ, Господи! Рыцари все еще здѣсь!
И сколько изъ этихъ болвановъ,
Что, тощи, какъ спички, къ намъ въ землю пришли,
Теперь превратились въ пузановъ!

У блѣдныхъ каналій, глядѣвшихъ тогда
Надсждою, вѣрой, любовью,
Теперь, въ угощеніяхъ напимъ виномъ,
Носы точно налиты кровью.

Свобода же ногу свихнула себѣ,
Хромаетъ, нѣтъ бранной отваги;
На башняхъ парижскихъ висятъ, опускась,
Печально трехцвѣтные флаги.

Возсталъ, между тѣмъ, императоръ; но такъ
Строптивость его усмирили
Британскіе черви, что онъ допустилъ,
Чтобъ снова его схоронили.

Я самъ погребеніе видѣлъ, когда
Златую везли колесницу,

На коей златяя богини побѣдъ
Златую держали гробницу.

Медлительно вдоль Елисейскихъ Полей,
Подъ Аркой затѣмъ Триумфальной,
Сквозь снѣжные хлопья, сквозь ѣдкій туманъ
Тянулся поѣздъ погребальный.

Въ игрѣ музыкантовъ былъ страшный разладъ—
Отъ стужи они коченѣли;
Орлы со штандартовъ своихъ на меня
Съ печальнымъ привѣтомъ глядѣли.

Толпой привидѣній казался народъ,
Ушедшій весь въ память былого;
Предъ нимъ императорскій сказочный сопъ
Былъ, чарами вызванный, снова.

Я плакалъ въ то утро печальное. Взоръ
Невольно слезой омрачился,
Когда предо мной крикъ забытый любви,
Крикъ: «Vive l'Empereur!» прокатился.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Изъ Кёльна съ осьмого три-четверти мы
Уѣхали; къ тремъ уже были
На Гагенской станціи; здѣсь въ этотъ часъ
Проѣзжихъ обѣдомъ кормили.

Тутъ старо-германская кухня была,
Въ ея красотѣ настоящей.
Привѣтъ моей кислой капустѣ! По мнѣ
Твой запахъ всѣхъ запаховъ слаще.

Каштаны въ зеленой капустѣ! Ыдакъ
У матушки ихъ я когда-то.
Привѣтъ и родимой трескѣ! Какъ умно
Ты плаваешь въ маслѣ!.. О, свято

Во вѣкъ остается для нѣжныхъ сердецъ
Отечество!.. Очень, призваться,
Люблю я и яйца, и мелкихъ сельдей—
Когда хорошо прокопятся.

Какъ радостны въ брызжущемъ жирѣ своемъ
Сосиски! Смущенно лежали
Дрозды, какъ жаркое изъ крошекъ-дѣтей,
Въ компотѣ, и мнѣ щебетали:

«Здорово, земляк! Ужъ давненько тебя
Не видѣли мы! За границей
Ты все проживалъ—и компанію тамъ
Водилъ съ иноземною птицей».

Межь яствъ и гусыня была—существо
Чувствительной, кроткой породы;
Кто знаетъ? Быть-можетъ, любила она
Меня въ мои юные годы.

Смотрѣла она на меня такъ тепло,
Такъ преданно, нѣжно, уныло;
Душа въ ней, цвѣтно, пѣжна и мягка,
Но тѣло прежесткое было.

Свиную головку къ обѣду, затѣмъ,
Намъ подали тоже на блюди;
У пась по сю пору вѣнчаютъ свиней
Листами лавровыми люди.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Сейчасъ же за Гагеномъ стало темно,
И странный ознобъ всю дорогу
До Унны въ кишкахъ ощущалъ я; лишь тамъ,
Въ трактирѣ, согрѣлся немного.

Здѣсь пуншу стаканъ получалъ я изъ рукъ
Привѣтливой юной красотки;
Какъ шелкъ золотой—ея кудри; глаза—
Какъ отблески мѣсяца кротки.

Ея шепелявый вестфальскій акцентъ
Съ восторгомъ слышалъ опять я,
И память о прошломъ въ паряхъ пуншевыхъ
Воскресла; васъ, милые братья,

Я вспомнилъ,—васъ, други вестфальцы мои,
И Геттингенъ, гдѣ напивались
Мы съ вами, и нѣжно въ объятяхъ сплетаясь,
Подъ столъ, наконецъ, опускались.

Да, милыхъ и добрыхъ вестфальцевъ всегда
Любилъ я; такой это вѣрный,
Надежный и крѣпкій народъ, безъ слѣда
Хвастливости, лжи лицемерной.

Какъ славно, со львиной душою своею,
Стояли они на мензурѣ!

Въ ихъ тѣрцахъ и квартахъ законы блюлись
Согласно ихъ честной натурѣ.

Прекрасно фехтуютъ, прекрасно и пьютъ;
Когда поцѣвуютъ ихъ губы
Союзъ закрѣпляютъ, то плачутъ они—
Чувствительно-нѣжные дубы!

Пусть небо хранить тебя, славный народъ,
Пусть счастье оно посылаетъ
На нивы твои, и отъ славы, отъ войнъ,
Отъ всякихъ героевъ спасаетъ.

Сынамъ твоимъ пусть помогаетъ всегда
Сдавать самый легкій экзаменъ;
А дочекъ прилично и мило ведетъ
Подъ чепчикъ супружескій.—Amen!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Вотъ дѣсь Тевтобургскій, описанный намъ
У Тацита; вотъ передъ нами
Тѣхъ топей классическихъ мѣсто, гдѣ Варъ
Завязъ со своими полками.

Здѣсь Германа дланью онъ былъ пораженъ,
Херусскаго славнаго князя...
Побѣда нѣмецкой народности здѣсь
Одержана въ этой-то грязи.

Когда бы съ ордой бѣлокурою своею
Не выигралъ Германъ сраженья,
Конецъ бы нѣмецкой свободѣ, и намъ
Римлянами-бъ быть, безъ сомнѣнья.

Къ намъ римскіе нравы и римскій языкъ
Властительно были-бъ привиты;
Весталки бы въ Мюнхенѣ даже нашлись,
И швабы звались бы: квиниты.

Гаруспексомъ Генгстенбергъ сталъ бы, въ кишкахъ
Бычачьихъ искалъ бы отвѣтовъ;
Неандеръ въ авгуры пошелъ бы, отъ птицъ,
Въ полетѣ ихъ, ждалъ бы совѣтовъ.

Бирхъ-Пфейферъ, какъ римскія барыни встарь,
Пила бы экстрактъ терпентина,
(У нихъ. говорятъ, отъ того ароматъ
Прекрасный имѣла урина).

И не былъ бы Раумеръ нѣмецкая дрянь,
Онъ сдѣлался-бъ—римскій Дрянацій,
Безъ риномъ сочинялъ бы стихи Фрейлиграть
Какъ нѣкогда Флаккусъ Горацій.

Грубьянъ-попрошайка, напѣ батюшка Япѣ
Звался бы теперь Грубѣанусъ;
Me Hercule! Масманъ бесѣды бы велъ
Латынью—Маркъ Тулліѣ Масманусъ.

Поборники правды дрались бы теперь
Съ гиенами, тиграми, львами
Въ аренахъ; сражаться бы имъ не пришлось
Въ ничтожныхъ журнальчикахъ съ псами;

На мѣсто трехъ дюжинъ владыкъ *одного*
Перона имѣли-бъ народы;
Себѣ мы бы рѣзали жилы на зло
Презрѣннымъ убійцамъ свободы.

Напѣ Шеллингъ вторымъ бы Сенекою былъ
И кончилъ бы тѣмъ же конфликтомъ;
Корнелиусъ могъ бы услышать отъ насъ,
Что «*sacatum non est pictum*».

Но слава Творцу! Германъ римлянъ разбилъ,
И изгнаны имъ иноземцы;
Варъ напѣ со своими полками, и мы
Остались непрежнему нѣмцы.

Мы нѣмцы, какъ прежде; опять говоримъ
Мы все по-нѣмецки; куда бы
Ни двинулись, Esel—название осла,
Не asinus; швабы все—швабы.

И Раумеръ, какъ прежде, нѣмецкая дрянь,
Украшенъ онъ орденомъ знакомъ;
Все риомами пишетъ стихи Фрейлиграть,
Не сталъ онъ Гораціемъ Флаккомъ.

И Масманъ латынью рѣчей не ведетъ,
Бирхъ-Пфейферъ творитъ только драмы,
Не пьетъ терпентину дрянного она,
Какъ римскія свѣтскія дамы.

О, Германъ, тебѣ мы обязаны всѣмъ!
Народъ благодарнымъ остался
И въ Детмольдѣ памятникъ ставить тебѣ—
Я самъ на него подписался.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Ползеть наша бричка въ лѣсной темнотѣ.
Вдругъ трескъ подо мной. Отлѣтѣло,
Сломавшись, у насъ колесо. Мы стоимъ.
Совсѣмъ незабавное дѣло!

Слѣзаетъ почтарь и въ деревню спѣшить;
А я одинокій остался
Средь лѣса и въ пору полночную. Вдругъ
Кругомъ вой зловѣщій раздался.

То волки голодною глоткой своей
Такъ дико, сойдясь, завываютъ;
Въ ночной темнотѣ огневые глаза,
Какъ свѣчи, горять и сверкають.

Навѣрно, узнавъ о прїѣздѣ моемъ,
Почетный прїемъ захотѣли
Мнѣ сдѣлать они—освѣтили свой лѣсъ
И хоромъ привѣтъ мнѣ заплѣли.

Да, ясно я вижу теперь: это мнѣ
Устроили здѣсь серенаду.
Я сталъ въ позитуру и имъ произнесъ
Съ растроганнымъ видомъ тираду:

— Товарищи-волки! Я счастливъ, себя
Увидѣвъ сегодня въ собраньи
Сердечъ благородныхъ, изъ коихъ ко мнѣ
Съ любовью летитъ завыванье.

Что въ эту минуту прочувствовалъ я,
Не выразить словомъ, конечно;
Ахъ, этотъ прекраснѣйшій часъ для меня
Останется памятнымъ вѣчно.

Примите мою благодарность за то
Довѣріе, коимъ почтили
Меня, и съ которымъ вы мнѣ ужь не разъ
Въ невзгодные дни послужили.

Товарищи-волки! Изъ васъ ни одинъ,
Во мнѣ усмнясь, не попался
На удочку плутовъ, кричавшихъ, что я
На сторону цесовъ передался;

Что сталъ я отступникъ, что скоро вступлю
Гофратомъ я въ стадо овечье;

Считалъ унизительнымъ я для себя
Оспаривать это злорѣчье.

Хоть шубой овечьей порою себя.
Въ холодное время, я грѣю,
Но вѣрите, что счастье овецъ никогда
Мечтой не бывало моею.

Да, я не овца, не треска, не гофратъ,
Не песь,—только волки мнѣ любы;
Я волкомъ остался, какъ былъ; у меня
Все волчье—и сердце, и зубы!

Я волкъ и по-волчьи выть буду всегда;
Здѣсь каждый рассчитывать можетъ
Всегда на меня; помогайте себѣ
Вы сами—и Богъ вамъ поможетъ.

Такую-то рѣчь я теперь произнесъ,
Совсѣмъ не готовившись; эти
Слова, изувѣчивъ ихъ, Кольбѣ помѣстилъ
Потомъ во «Всеобщей Газетѣ».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Вотъ Падерборнъ. Солнце сегодня взошло
Съ сердитымъ такимъ выраженьемъ;
Вѣдь занято скучной работой оно—
Дурацкой земли освѣщенъемъ.

Освѣтитъ одну половину на ней
И быстро направитъ въ другую
Полетъ лучезарный—а первая, глядь,
Ужъ въ тьму погрузилась ночную.

Не можетъ управиться съ камнемъ Сизифъ,
Данаевы дочери даромъ
Льютъ воду въ ихъ бочку, и солнце вотще
Горитъ надъ земнымъ нашимъ шаромъ.

Туманъ разошелся, и алой зари
Лучи предо мной освѣтили
У края дорожнаго образъ Того,
Кого ко кресту пригвоздили.

Я полонъ глубокою скорбью, когда
Увижу Твой образъ распятый...

.
.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

По голой равнинѣ, при вѣтрѣ сыромъ,
Въ грязи мы плетемся уныло;
Но въ сердцѣ моемъ и звучить, и поеть:
«Ты, солнце, каратель-свѣтило!»

Такъ старая пѣсня кончалась—ее
Мнѣ нянюшка часто пѣвала.
«Ты, солнце, каратель-свѣтило!»—какъ зовъ
Лѣсного рожка, прозвучало.

Та пѣсня постъ объ убійцѣ; онъ жилъ
Въ довольствѣ, въ весельи блестящемъ;
Но вотъ, наконецъ, онъ былъ найденъ въ лѣсу
На ивѣ плакучей висящимъ.

И къ дереву смертный его приговоръ
Прибить былъ гвоздями; свершило
Судилище фѣмы свой мстительный судъ—
Ты, солнце, каратель-свѣтило!

Убійца былъ солнцемъ къ суду привлеченъ,
Оно обвинить побудило;
Отigliи крикъ былъ на смертномъ одрѣ:
«О, солнце, каратель-свѣтило!»

Чуть вспомню ту пѣсню—и няню свою
Старушку сейчасъ вспоминаю:
Всѣ складки, морщины на смугломъ лицѣ
Такъ живо себѣ представляю!

Въ деревнѣ вестфальской родившись, она
Имѣла запасъ превосходный
Преданій, и страшныхъ волшебныхъ легендъ,
И сказокъ, и пѣсни народной.

Съ какимъ я бисніемъ сердца внималъ
Разказу про царскую дочку,
Что, косы плетя золотыя, въ стени
Сидѣла весь день въ одиночку.

Гусей сторожихой служила она;
Когда-жъ вечеркомъ загоняла
Ихъ въ городъ обратно, всегда у воротъ
Въ глубокой печали стояла.

Прибита была къ нимъ коня голова—
Она королевнѣ знакома!

Ахъ, конь этотъ бѣдный есѣ вѣдь принесѣ
Въ чужбину изъ отчаго дома.

Вздыхаетъ до слезъ королевская дочь:
«О, Фалада мой, ты повѣнчѣ!»
Коня голова отвѣчаетъ съ воротъ:
«Ахъ, я за тебѣя безутѣшечъ!»

Вздыхаетъ до слезъ королевская дочь:
«Когда-бъ моя мать это знала!»
Коня голова отвѣчаетъ съ воротъ:
«Ей сердце-бъ та вѣсть разорвала!»

Не смѣядохнуть, я старухѣ внималъ,
Когда, уже въ тонѣ серьезномъ,
О Ротбартѣ рѣчь заводила она,
О немъ, императорѣ грозномъ.

Она увѣряла—совсѣмъ онъ не мертвъ,
Какъ думаетъ мѣръ нашъ ученый;
Онъ живъ и скрывается только въ горѣ,
Дружиной своей окруженный.

Кифгейзеръ гора та зовется; внутри
Пещера; высоко аркады
Возносятся въ залахъ, въ которыхъ горятъ
Таинственнымъ свѣтомъ лампы.

И первая зала—конюшня; туда
Войди—и увидишь стоящихъ
За яслями тысячъ и тысячъ коней
Въ серебряныхъ сбруяхъ блестящихъ.

Осѣдланы, взнузданы кони; но всѣ
Недвижны; не слышно ни ржанья,
Ни стука копытъ; точно собраны здѣсь
Желѣзные всѣ изваянья.

А въ залѣ второй на соломѣ лежатъ
Десятками тысячъ солдаты;
Воннственно грозны ихъ лица—народъ
Здоровый такой, бородатый.

Съ оружемъ, въ бронѣ съ головы и до ногъ
Вся армія эта, но тоже
Лежатъ храбрцы неподвижно; сковаль
Ихъ сонъ непробудный на ложѣ.

Вдоль стѣнъ третьей залы громадный запасъ
Изъ разныхъ металловъ оружья—

Тутъ шлемы, топорики, копья, броня,
Мечи, старофранкскія ружья.

Немного здѣсь собрано пушекъ, но ихъ,
Трофей чтобъ построить, хватило;
Чёрно-золото-красное знамя надъ нимъ
Высоко воздвигнуто было.

Въ четвертой живетъ императоръ. Сидить
На каменномъ стулѣ, рукою
Могучей опёршись о каменный столъ,
Съ опущенной къ ней головою.

Сидить онъ, ужъ много вѣковъ; борода,
Какъ пламя красна, достигаетъ
Уже до земли; онъ то глазомъ моргнеть,
То брови сурово сдвигаетъ.

Онъ спитъ или думаетъ думу? Рѣшить
Нельзя; но пусть только настанетъ
Желанный, давно ожидаемый часъ—
И онъ богатырски воспрянетъ.

Онъ схватитъ почтенное знамя, и крикъ:
«Вставать! на коня!» пронесется
По заламъ высокимъ; слышавъ его,
Вся конница быстро проснется.

И вскочитъ, оружемъ стуча, на коней,
Топочущихъ, ржущихъ ретиво;
Труба загремѣла, и въ мѣръ боевой
Помчались всадники живо.

Всѣ выспались вдоволь; и бьются они
Отлично, и ѣздятъ отлично;
Убийцъ покарать императоръ рѣшилъ
И судить онъ ихъ самолично;

Убийцъ, чье коварство въ былые года
Германію жизни лишило—
Чистѣйшую дѣву въ кудряхъ золотыхъ...
О, солнце, каратель-свѣтило!

Пусть, въ замкахъ укрывшись, считаютъ себя
Спокойными наглые трусъ—
Отъ мстительной нетли они не уйдутъ
Отъ гнѣвной руки Барбаруссы!..

Чудесныя сказки старушки моей
Звучать такъ отрадно, такъ мило!

Мое суевѣрное сердце поеть:
«О, солнце, каратель-свѣтило!»

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Холодный, какъ ледъ, какъ иголки, колючь,
Льетъ дождикъ; по грязной дорогѣ
Лошадки, печально хвостомъ шевеля,
Волочать усталыя ноги.

Почтарь мой на козлахъ трубить въ свой рожокъ,
Я старую пѣсенку знаю:
«Три всадника ѣдутъ рядкомъ изъ воротъ!»
Я въ смутныя грѣзы впадаю.

Клонила дремота меня—я заснулъ,
И сонъ, наконецъ, мнѣ приснился,
Что я съ императоромъ Ротбартомъ вдругъ
Въ волшебной горѣ очутился.

На каменномъ стулѣ, на каменнѣй столъ
Опершись, уже не сидѣть онъ,
И важнаго вида, въ какомъ представлять
Привыкли его, не имѣлъ онъ.

По заламъ своимъ онъ спокойно гулялъ,
Болтая со мной откровенно,
И, какъ антикварій, показывалъ все,
Что рѣдкостно было и цѣнно.

Въ палатѣ съ оружемъ онъ мнѣ объяснилъ,
Какъ долженъ быть въ дѣло пускаемъ
Бердышъ; тутъ же ржавчину съ многихъ мечей
Стиралъ онъ своимъ горностаемъ.

Метелкой изъ перьевъ павлиньихъ затѣмъ
Очистилъ отъ пыли булаты,
Доспѣхи различнаго рода—щиты,
Забрала, и шлемы, и латы.

Смелъ пыль и со знамени онъ и сказалъ:
«Вотъ чѣмъ я горжусь наиболѣе,
Что нѣтъ до сихъ поръ червоточинъ въ древкѣ,
И шелкъ не попорченъ отъ моли».

Когда же въ ту залу мы съ нимъ перешли,
Гдѣ тысячи воиновъ, къ бою
Готовыхъ, лежали и спали—старикъ
Сказалъ мнѣ, довольный собою:

«Здѣсь тише должно говорить и ходить,
Чтобъ сонъ не прервали солдаты;
Столѣтье опять истекло, и какъ разъ
Сегодня день выдачи платы».

И вотъ онъ тихонько приблизился къ нимъ
И каждому—вижу—солдату
Украдкой, чтобъ сонъ не нарушить его,
Въ карманъ положилъ по дукату.

Увидѣвъ, что я удивленъ, онъ сказалъ:
«На каждаго здѣсь человѣка
Положенъ за службу дукать, и его
Плачу я въ послѣдній день вѣка».

При этомъ старикъ ухмылился. А тамъ,
Гдѣ кони безмолвно рядомъ
Стояли недвижно, онъ руки потеръ
Съ особенно радостнымъ взглядомъ.

И сталъ лошадей поголовно считать,
Ихъ хлопать по бедрамъ руками;
Считалъ и считать онъ, при чемъ шевелилъ
Тревожно и быстро губами.

«Иѣтъ, все еще, вижу, неполонъ комплектъ—
Сердьясь, наконецъ, замѣчаетъ:—
Солдаты и оружья достаточно мнѣ,
А вотъ лошадей не хватаетъ.

«Скупать наилучшихъ коней я давно
Своихъ ремонтеровъ отправилъ
По цѣлому свѣту—и къ прежнимъ конямъ
Ужъ новыхъ немало прибавилъ.

«Жду только комплекта—тогда, на врага
Ударивъ, добуду свободу
Отчизнѣ и ждущему съ вѣрой меня
Такъ долго родному народу».

Такъ мнѣ говорилъ императоръ,—а я:
— Ударь, старина мой почтенный,
Ударь,—коль не хватитъ коней у тебя,
Возьми ты ослось для замѣны.

Но Ротбартъ съ улыбкою мнѣ возразилъ:
«Совсѣмъ нѣтъ нужды торопиться;
Вѣдь Римъ не въ одинъ же построили день,
Лишь медленно дѣло спорится.

«Что нынче не вышло, то завтра придет;
Дубъ крѣпнеть не слѣшно, но рьяно;
И въ римской имперіи пословица есть,
Что «*chi va piano, va sano*».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Толчокъ эппажа меня разбудилъ;
Но снова рѣсницы упали,
И скоро опять и заснулъ, и опять
Мнѣ Ротбартъ приснился. Гуляли,

Какъ прежде, по заламъ пустыннымъ мы съ нимъ,
Волтая; про то и про это
Разспрашивалъ онъ и услышать желалъ
Всѣ новости нашего свѣта.

Оттуда десятки ужъ цѣлые лѣтъ
Старикъ не имѣлъ никакого
Извѣстья,—почти съ Семилѣтней войны
Хотя бы единое слово!

«Что дѣласть Каршинъ? Моисей Мендельсонъ?—
Разспрашивалъ онъ съ интересомъ.—
Людвикъ Пятнадцатый какъ съ Дюбарри—
Своею графиней-метрессой?»

— О, какъ,—я вскричалъ:—ты отсталъ, государь!
Моисея давно схоронили
Съ супругой Ревеккой; и сына-то ихъ,
Абрама, ужъ косточки сгнили.

Отъ брака Абрама и Ліи рожденъ
Сынъ Феликсъ, мальчишка проворный.
Ему въ христіанствѣ весьма повезло,
Ужъ онъ капельмейстеръ придворный.

И старая Каршинъ уже умерла,
И дочь ея, Кленке, скончалась;
Въ живыхъ, говорятъ, только внучка ея,
Гельмина фонъ-Хези, осталась.

Пока былъ Людвикъ Пятнадцатый живъ,
Жилось Дюбарри превосходно;
На старости лѣтъ гильотиннымъ ножомъ
Казнили ее всенародно.

Людвикъ Пятнадцатый умеръ въ своей
Постели спокойной кончиной;

Шестнадцатый вмѣстѣ съ супругою былъ
Публично казнень гильотиной.

На казнь королева безстрашно пошла,
Какъ сану ея подобало;
Когда же Дюбаррї къ гильотинѣ вѣли,
Кричала она и рыдала.

Тутъ вдругъ императоръ, какъ вкопанный, сталъ
Съ нугливо-испуганной миной
И мнѣ говорить: «Бога ради, скажи,
Что значить: казнить гильотиной?»

— Казнить гильотиною,—я объяснилъ:—
Новѣйшая это метода,
Которою въ гробъ отправляютъ людей
Всѣхъ званій и всякаго рода.

При этой методѣ пускается въ ходъ
Новѣйшая тоже машина:
Ее изобрѣлъ господинъ Гильотэнъ,
Названье по немъ—гильотина.

Ремнями къ доскѣ ты привязанъ; ее
Опустятъ; ты вдвинуть въ продольный
Проходъ межъ двухъ бревенъ высокихъ; вверху
Повѣшенъ топоръ треугольный.

Потянуть за шнуръ—и топоръ съ высоты
Внизъ живо и весело мчится;
При случаѣ этомъ твоя голова
Въ мѣшокъ подъ доскою катится.

Но тутъ императоръ меня перебилъ:
«Молчи! Я объ этой машинѣ
И знать не хочу! Сохрани меня Богъ
Дать ходъ у себя гильотинѣ!

«Король съ королевой! Ремнями! Къ доскѣ
Привязаны! Слыхано-ль это?
Вѣдь тутъ нарушаютъ почтенья законъ,
Тутъ гибель всего этикета!

«Да ты-то и самъ кто такой, чтобъ ко мнѣ
Такъ смѣло, на *ты* обращаться?
Постой, я до дерзостныхъ крыльевъ твоихъ,
Мальчишка, сумѣю добратся.

«Всю желчь твоя рѣчь подымаетъ во мнѣ—
Такъ страшно она дерзновенна!

Твое ужь дыханье преступно: оно
Отчизнѣ и трону измѣна!»

Когда на меня раздраженный старикъ
Накинулся съ бѣшенымъ шумомъ,
Я тоже вскипѣлъ и далъ волю своимъ
Завѣтнѣйшимъ чувствамъ и думамъ.

— Герръ Ротбартъ!—воскликнулъ я громко:—ты духъ
Изъ сказокъ; ступай уложиться
И мирно усни; а ужь мы безъ тебя
Свободы сумѣемъ добиться.

Республики партія насъ осмѣетъ,
Начнетъ насъ колоть остротами,
Увидѣвъ, что призракъ, со скитромъ въ рукахъ.
Съ короной, господствуетъ нами.

Не люблю мнѣ больше и знамя твое;
Нѣмечниковъ глупое рвеніе
Къ цвѣтамъ черно-красно-золотому въ меня
Ужь буршемъ внесло отвращеніе.

Всего было-бъ лучше—тебѣ навсегда
Въ Кифгейзерѣ старомъ остаться;
Да намъ, вообще, императоръ теперь
Нисколько не нуженъ, признаться.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Во снѣ съ государемъ поссорился я—
Во снѣ, разумѣется; въявѣ
Такъ грубо съ особой такой говорить
Считаемъ себя мы не въ правѣ.

Во снѣ, идеальныхъ лишь грѣзахъ своихъ.
Мы, нѣмцы, монархамъ дерзаемъ
Нѣмецкія чувства высказывать тѣ,
Что въ сердцахъ глубоко скрываемъ.

Проснувшись, себя я увидѣлъ въ лѣсу.
Видъ этихъ деревъ, этой прозы,
Реально нагой, деревянной—тотчасъ
Разсѣялъ минутныя грѣзы

Вершинами строго качали дубы,
Въ киваньи березъ осужденны
Читалъ я—и крикнулъ:—Монархъ дорогой,
Прости мнѣ мое дерзновеніе!

Прости мнѣ, о, Ротбартъ, горячность мою!
Я знаю, ты много мудрѣе
Меня—я теряю терпѣнье легко...
Приди, императоръ, скорѣе!

Коли гильотина не правится—ты
Останься при старомъ: дворянству—
Попрежнему мечъ, а веревку съ петлей—
Мѣщанамъ, купцамъ и крестьянству.

Порой лишь мѣняй ты методу: повѣсь
Двухъ-трехъ изъ дворянскаго званья,
А гражданъ простыхъ и крестьянъ обезглавь --
Мы все въ вѣдъ Господни создашья.

Вновь судъ уголовный, судъ плахи введи,
Что создалъ съ немалымъ успѣхомъ
Карль Пятый,—и снова народъ раздѣли
По гильдіямъ, классамъ и цехамъ.

Священной имперіи римской опять
Дай жизнь и всю силу былую;
Верни намъ, со всей обстановкой смѣшной,
Старинную ветошь гнилую.

Да, средневѣковый порядокъ, какой
Дѣйствительно былъ въ свое время,
Снесу я охотно; сними только съ насъ
Уродства двуполаго бремя—

Штиблетнаго рыцарства нашего, той
Противнѣйшей смѣси, гдѣ либо
Готическій бредъ, либо новая ложь,
Гдѣ люди—ни мясо, ни рыба.

Гони комедьянтовъ, театры закрой;
Конецъ положи ихъ затѣвѣ—
Дѣла старины пародировать намъ.
Приди, императоръ, скорѣе!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Мы въ крѣпости Мюнденѣ. Славныя въ ней
Орудья и все укрѣпленья;
Но съ прусскою крѣпостью дѣло имѣтъ
Я чувствую мало влеченья.

Пріѣхали подъ вечеръ мы, и когда
Подъемнымъ мостомъ проѣзжали,

Зловѣще стоналъ онъ подъ нами, а рвы,
Какъ темныя пасти, зіяли.

И рядъ бастіоновъ смотрѣлъ на меня
Съ угрозой такой, такъ сурово;
Большія ворота, желѣзомъ бряча,
Раскрылись и заперлись снова.

Ахъ, стало такъ мрачно въ душѣ у меня.
Какъ пѣкогда было съ душою
Улисса, когда завалилъ Полифемъ
Отверстье пещеры скалою.

Но вотъ, къ экипажу капралъ подошелъ.
«Какъ имя?»—спросилъ. Отвѣчаю:

— Никто—мое имя; я докторъ глазной
И бѣльма гигантамъ снимаю.

Въ гостиницѣ стало еще тяжелѣй,
Противно мнѣ кушанье было:
Въ постель я сейчасъ же улегся, но спать
Не могъ—одѣяло давило.

Ложалъ я въ пуховой постели; съ боковъ
По ситцевой красной гардинѣ,
Истертый давно золотой балдахинъ,
Въ немъ грязная кисть посрединѣ.

Проклятая кисть! Не давала всю ночь
Она мнѣ минуты покою,
Съ угрозой, какъ мечъ Дамоклеса, вися
Какъ разъ надъ моей головою.

Порой, головою змѣиной она
Казалась; я слышалъ шипѣнье:
«Ты въ крѣпости здѣсь и останешься въ ней,
Навѣки твое заточенье».

— О, если-бъ возможно мнѣ было теперь—
Вздыхалъ я съ тоскою унылой:—
Быть дома, въ Парижѣ, въ Faubourg Poissonière,
Сидѣть у жены моей милой!

Я чувствовалъ также—на лбу у меня
Какъ будто бы что-то черпали;
Мнѣ чудился цензоръ съ холодной рѣкой—
И мысли мои убѣгали.

Жандармы, укутавши въ саванъ себя,
Какъ призраковъ бѣлыхъ собранье,

Постель окружили, и слышалось мнѣ
Зловѣщее цѣни бряцанье.

Ахъ, призраки эти схватили меня,
Куда-то съ собой потащили—
И вотъ на крутомъ я утесѣ; къ нему
Цѣпями меня пригвоздили.

Опять балдахинная гадкая кисть
Виситъ надо мной! Но теперь я
По виду за коршуна принялъ ее—
И когти, и черныя перья.

Въ ней сходство увидѣлъ я съ прусскимъ орломъ;
Меня обхватилъ онъ когтями,
Выклевалъ печень изъ груди—и я
Стоналъ, обливался слезами.

И долго стоналъ я,—но крикнуть иѣтухъ,
И сонъ лихорадочный скрылся;
Я въ Минденѣ въ потной постели лежалъ,
Орелъ снова въ кисть превратился.

Спѣшилъ съ экстра-почтою выѣхать я
И только средь вольной природы,
Уже на землѣ Бюкебургской, вздохнулъ
Съ живымъ ощущеньемъ свободы.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

О, какъ ты ошибся, Дантонъ!—и за то,
Что было рѣшенье такъ ложно,
Пришлось поплатиться! Отчизну унести
Съ собой на подошвахъ возможно.

Чуть-чуть что не княжество все Бюкебургъ
Къ моимъ сапогамъ прилѣпилось;
По грязнымъ дорогамъ такимъ проходить
Мнѣ въ жизни впервые случилось.

Я въ городъ сошелъ; на родное гнѣздо
Хотѣлось взглянуть мимоходомъ;
Здѣсь дѣдушка мой появился на свѣтъ,
А бабушка—гамбургка редомъ.

Въ Ганноверѣ прѣѣхалъ я въ полдень; съ сапогъ
Мнѣ счистили грязь; поспѣшаю
Осматривать городъ; поѣздки свои
Я съ пользой всегда совершаю.

Мой Богъ, да какая же здѣсь чистота!
На улицахъ грязи не видно,
Роскошныя зданья стоятъ предо мной,
Все такъ величаво, солидно.

Особенно площадь понравилась мнѣ:
Въ прекрасныхъ домахъ вся окружность;
Живеть тутъ король, тутъ его и дворецъ—
Красивая очень наружность—

(Дворцовая, то-есть). У входныхъ дверей
Двѣ будки, и стражи предъ ними
При ружьяхъ и въ красныхъ мундирахъ; они
Свирѣпыми смотреть такими!

«Здѣсь,—мой объяснилъ чичероне:—живеть
Эрнстъ Аугустусъ, старый мужчина
Дворянскаго званія, тори и лордъ,
По лѣтамъ совсѣмъ молодчина.

«Онъ здѣсь идиллически мирно живеть;
Надежныѣ всякихъ солдатовъ
Его охраняетъ боязненный нравъ
Любезнѣйшихъ нашихъ собратовъ.

«Мы видимся съ нимъ, и всегда отъ него
Я жалобы слышу о долѣ
Скучнѣйшей, ему присужденной судьбой—
Въ Ганноверѣ быть на престолѣ.

«Къ великобританской онъ жизни привыкъ,
И здѣсь ему тѣсно, и гложетъ
Несчастнаго сплинъ; за него я боюсь—
Пожалуй, повѣситься можетъ.

«Третьягодня утромъ его я засталъ
Въ тоскѣ у камина сидѣвшимъ;
Онъ собственноручно готовилъ клистиръ
Собакамъ своимъ заболѣвшимъ».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Изъ Гарбурга въ Гамбургъ проѣхалъ я въ часъ.
Быль вечеръ. Дышала природа
Прохладой и нѣгой; и звѣздочки мнѣ
Кивали съ небснаго свода.

Явился я къ матушкѣ милой; она
Почти испугалась сначала

Отъ радости. «Ахъ мой сыночекъ дорогой!»—
Всплеснувши руками, вскричала.

«Дитя дорогое! Тринадцать вѣдь лѣтъ
Съ тобой мы не видѣлись; знаешь;
Навѣрно, ты голоденъ очень; скажи,
Чего ты покушать желашь?»

«Есть рыба, есть жареный гусь у меня
И сочные есть апельсины».
— Прекрасно; и рыбы, и гуся давай,
Давай и свои апельсины.

Я ѣлъ съ аппетитомъ. У матушки видѣ
Былъ бодрый такой и счастливый.
Разспрашивать стала о томъ, о другомъ,
Иной былъ вопросъ щекотливый.

«Хорошъ на чужбинѣ уходи за тобой?
Жена твоя, милый сыночекъ,
Хозяйство ведетъ ли умѣло? Чинить
Изъяны носковъ и сорочекъ?»

— Мамашенька, рыба твоя хороша,
Но ѣсть ее надо безгласно;
Вѣдь косточки въ горло нетрудно попасть,
И ты мнѣ мѣшаешь напрасно.

Покончилъ я съ славною рыбой, и гусь
Былъ лоданъ. Тутъ матушка стала
Разспрашивать снова, и мнѣ иногда
Вопросъ щекотливый давала.

«Гдѣ лучше живется, мой милый? У насъ,
Во Франціи-ль? Какъ твое мнѣнье?
Какому изъ этихъ народовъ, скажи,
Ты склоненъ отдать предпочтенье?»

— Нѣмецкіе гуси весьма хороши,
Мамашенька милая; все же
Французы искуснѣй шипигуютъ гусей;
Вкуснѣе подливки ихъ тоже.

Откланялся тоже и гусь. А за нимъ
Ко мнѣ съ заявленіемъ почтенья
Пришли апельсины; ихъ сладость была
Достойна вполнѣ удивленья.

А матушка все продолжала свои
Разспросы о сотняхъ предметовъ

Съ большимъ удовольствіемъ; было межъ нихъ
Немало пикантныхъ сюжетовъ.

«Какого ты образа мыслей теперь?
Политикой все продолжаешь,
Мой сынъ, увлекаться? Какую своей
Ты партію нынче считаешь?»

— Мамашенька милая, очень вкусны
Твои апельсины; глотаю
Съ большимъ удовольствіемъ сладкій ихъ сокъ,
А корки всегда я бросаю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Полгорода выжегъ пожаръ; но его
Тотчасъ же отстраивать стали;
Какъ полуобстриженный пудель стоитъ
Мой Гамбургъ въ унылой печали.

Изъ улицъ старинныхъ ужъ многихъ теперь
Съ прискорбьемъ найти не могу я.
Гдѣ домъ, гдѣ впервые узналъ я любовь
И прелесть ея поцѣлуя?

Гдѣ та типографья, въ которой въ печать
Мои «Reisebilder» давались?
Гдѣ погребъ, въ которомъ я устриць глоталъ,
Какъ только онѣ появлялись?

А Дрёкваль? Гдѣ Дрёкваль? Напрасно его
Найти я стараюсь. Не стало
Того павильона, гдѣ я поѣдалъ
Такъ много пирожныхъ, бывало.

Не стало и ратуши той, гдѣ сенатъ
И бюргерства члены царили.
Добыча пожара! Святыню святынь
Огни дерзновенно спалили!

Еще по сю пору отъ ужаса здѣсь
Вздыхаютъ, и въ слезной печали
Они всю исторію страшную мнѣ
Про бывшій пожаръ рассказали.

«Вдругъ разомъ со всѣхъ загорѣлось концовъ,
Все скрылось подъ дымомъ и блескомъ
Пожарнаго пламени. Башни церковей
Пылали и падали съ трескомъ.

«И старая биржа сгорѣла, куда
Ужъ столько вѣковъ непреложно
Шли наши отцы и вели тамъ дѣла
Такъ честно, какъ было возможно.

«Но банка, серебряной здѣшной души,
Не тронулъ огонь; сохранились
У насъ, слава Богу, тѣ книги, куда
Всѣ наши расчеты вносились.

«Для насъ даже въ самыхъ далекихъ краяхъ
Подписка пошла, слава Богу,
И восемь миліоновъ—отличный гешефтъ!—
Успѣли собрать понемногу.

«Раздачей пособій совѣтъ управлялъ—
Вполнѣ христіане, все лица
Изъ самыхъ почтеннѣйшихъ; шуйца у нихъ
Не знала, что брала десница.

«Въ открытыя руки къ намъ деньги текли
Изъ всѣхъ государствъ; присылали
Намъ тоже съѣстные припасы, и все
Признательно мы принимали.

«Наслали намъ вдоволь постелей, одеждъ,
И мясо, и хлѣбъ, и бульоны;
А прусскій король собирался прислать
Къ намъ даже свои батальоны.

«Ущербъ матеріальный покрылся вполнѣ,
И это мы цѣнимъ сердечно;
Но нашъ перепугъ, перепугъ—никогда
Не будетъ отплаченъ, конечно!»

— Вамъ, милые люди,—я ихъ ободрялъ:—
Стонать—непригодное дѣло;
Вѣдь Троя былъ городъ получше, чѣмъ вашъ,
А тоже и въ немъ все сгорѣло.

Постройте дома свои снова; опять
На улицахъ грязь осушите;
Добудьте получше пожарный обозъ;
Законы свои улучшите;

Не сыпьте вы въ свой черепаховый супъ
Кайенскаго перцу чрезмѣрно;
И карповъ не нужно такъ жирно варить—
Отъ нихъ заболѣешь навѣрно.

Индѣйки вамъ вредъ принесутъ небольшой,—
Но бойтесь бѣды несомнѣнной .
Отъ птицы коварнѣйшей, снесшей яйцо
Въ парикъ бургомистра почтенный.

Назвать эту птицу фатальную вамъ,
Какъ я полагаю, не надо...
Чуть вспомню о ней, повернется въ моемъ
Желудкѣ вся пища съ досады.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Хоть городъ совсѣмъ измѣнился, но въ немъ
Народъ измѣнился едва ли
Не больше. Подобье ходячихъ руинъ,
Всѣ бродятъ въ уныньи, въ печали.

Худые еще худощавѣй теперь,
А толстые—тѣ утолщились;
Ребята—уже старики; старики
Въ ребята почти всѣ обратились.

Изъ тѣхъ, что телятами были при мнѣ,
Я многихъ увидѣлъ быками;
Немало здѣсь теже смиренныхъ гусятъ—
Надменными стали гусями.

Я встрѣтилъ и старую Гудель; она
Накрашена, точно сирена;
Фальшивыя черныя кудри у ней,
И зубы, какъ бѣлая гѣна.

Всѣхъ лучше успѣлъ сохраниться мой другъ—
Торговецъ бумагъ; желѣзною
Подернулся волосъ густой. Иоаннъ
Креститель съ нимъ схожъ головою.

* * я лишь издали видѣлъ; шмыгнувъ
Онъ мимо, какъ будто взволнованъ.
Я слышалъ, что умъ у него погорѣлъ,
Но Биберомъ былъ застрахованъ.

Увидѣлъ и цензора я своего;
На рынкѣ гусиномъ со мною
Онъ встрѣтился разъ—одряхлѣвшій такой,
Съ печально согбенной спиною.

Мы руку другъ другу пожали; въ глазу
У старца блеснула слезинка;

Какъ счастливъ онъ былъ, что увидѣлъ меня!
Всѣхъ тронула-бъ эта картинка.

Не всѣхъ мнѣ, однако, найти привелось—
Похитила многихъ могила
Ахъ, даже съ моимъ Гумпеліно судьба
Вновь встрѣтиться мнѣ не судила.

Недавно великій свой духъ испустилъ
Навѣки сей мужъ благородный,
У трона Іеговы онъ, днесъ серафимъ,
Паритъ просвѣтленный, свободный.

И нѣтъ Адониса кривого; его
Напрасно искалъ я повсюду;
На улицахъ онъ продавалъ намъ фарфоръ-
Кувшины, ночную посуду.

Мой маленькій Мейеръ въ живыхъ ли еще—
Совсѣмъ неизвѣстно мнѣ это;
Мнѣ очень досадно, что справиться я
О немъ позабылъ у Корнета.

Скончался и преданный пудель Саррасъ.
Готовъ о закладъ я побиться,
Что Кампе пріятнѣй бы вмѣсто его
Десятка поэтовъ лишиться.

Съ древнѣйшихъ временъ населеніе здѣсь—
Евреи, затѣмъ христіане.
У первыхъ съ послѣдними общее есть—
Придерживать деньги въ карманѣ.

Христіане—народъ вообще не дурной;
Они и обѣдаютъ славно,
И платятъ всегда по своимъ векселямъ
До дней граціонныхъ исправно.

Евреи опять раздѣляются здѣсь
На партіи: новая—Богу
Молиться стекается въ храмъ; старики,
Какъ прежде, идутъ въ синагогу.

У новой—протесты: считаютъ они
Свинину дозволеннымъ блюдомъ,
И всѣ—демократы; а въ старой—больны
Аристократическимъ зудомъ.

Люблю я и тѣхъ, и другихъ; но клянусь
Тобою, о, праведный Боже,
Что нѣкая рыбка—зовуть ее шпротъ
Копченый—мнѣ много дороже!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Сравнить, какъ республику, Гамбургъ нельзя
Съ Венецей, Флоренцей безспорно;
Но въ Гамбургѣ устрицы лучше; ихъ сортъ
У Лоренца—самый отборный.

Прекрасный былъ вечеръ, когда я туда
Отправился съ Кампе въ компаньи;
Хотѣлось намъ устрицъ поѣсть и на нихъ
Рейнвейна свѣршить возліянье.

Нашелъ я и милое общество тамъ.
Я радостно принялъ въ объятія
Старинныхъ друзей, напримѣръ, Шофенсъ;
Тутъ были и новые братья.

Тутъ встрѣтилъ я Вилле; лицо у него—
Ей-Богу,—альбомъ настоящій,
Гдѣ четко студенты, начальства враги,
Вписались рукой колотящей.

И Фуксъ былъ межъ нами—язычникъ слѣпой
И личный противникъ Іегдвы;
Лишь въ Гегеля вѣруеть онъ, да еще,
Пожалуй, въ Венеру Кановы.

Мой Кампе хозяйничалъ; онъ раздавалъ,
До-нельзя довольный, поклоны,
Привѣты, улыбки; блаженствомъ сіялъ,
Какъ взоръ просвѣтленный Мадонны.

Съ большимъ аппетитомъ и ѣлъ я, и пилъ,
Въ дунѣ помышляя при этомъ:
Мой Кампе великій дѣйствительно мужъ,
Онъ сталъ всѣхъ издателей цвѣтомъ.

Другой бы издатель, быть-можетъ, пропастъ
Мнѣ съ голоду далъ безсердечно;
А этотъ, добрѣйшій, и пить мнѣ даетъ;
Его не покину я вѣчно.

Хвалу я Тебѣ воздаю, о, Творецъ,
Сей сокъ виноградный создавший
И Юлія Кампе съ небесныхъ высотъ
Въ издатели мнѣ ниспославшій.

Хвалу я Тебѣ воздаю, о, Творецъ,
Жизнь давшій своимъ всемогущимъ
«Да будетъ!» рейнвейну на твердой землѣ
И устрицамъ, въ морѣ живущимъ.

При этомъ еще Ты лимоны создалъ,
Чтобъ устрица ими крошилась;
Дай, Отче, теперь, чтобъ сегодня во мнѣ
Вся пища какъ должно сварилась!

Рейнвейнъ размягчаетъ мнѣ сердце всегда,
Смиряетъ онъ духъ мой мятежный
И въ немъ зажигаетъ потребность любви—
Любови къ человѣчеству нѣжной.

Изъ комнатъ на улицу тянетъ меня;
Всю ночь прогулялъ бы; въ объятія
Душа ищетъ дуну другую; слядишь,
Мелькнуть ли гдѣ бѣлыя платья.

Въ такіе часы расплываюсь я весь,
Такъ сладостно сердце томится,
Всѣ кончики мнѣ кажутся сѣры тогда,
Елены—всѣ женскія лица.

Гуляя, я въ улицу Дребанъ пришелъ
И вижу при лунномъ мерцаньи
Жену предъ собой—величава, свѣтла,
Съ высокою грудью созданье.

Лицо было кругло, здоровьемъ цвѣло,
Глаза—бирюза синевою,
Ланиты—двѣ розы, ротъ—вишня, и носъ.
Былъ тоже слегка съ краснотою.

Главу покрывалъ полотняный болпакъ,
Весь бѣлый, затѣйно скроенный—
Зубчатые стѣны и баненки; схожъ
По виду съ стѣнною короной.

Края ея бѣлой туники до икры—
Что это за икры!—спускались,

А самыя ноги мнѣ парой колоннъ
Въ дорическомъ стилѣ казались.

Лицо незнакомки носило въ себѣ
Свойствъ самыхъ земныхъ выраженье;
Но сверхчеловѣчная задняя часть
Вѣщала о высшемъ рожденьи.

Ко мнѣ подошла и сказала она:
«Привѣтъ мой на Эльбѣ! Скитался
Тринадцать ты лѣтъ, и я вижу, такимъ,
Какъ прежде, донинѣ остался.

«Быть-можетъ, ты ищешь прекрасныхъ тѣхъ душъ,
Съ которыми въ прежніе годы
Такъ часто всю ночь проводилъ ты въ мечтахъ
Средь этой роскошной природы.

«Ихъ всѣхъ поглотила чудовище-жизнь,
Стоглавая гидра. Былого
И милыхъ твоихъ современницъ, увы,
Тебѣ не найти уже снова.

«Тебѣ не найти уже милыхъ цвѣтовъ
Которымъ душой молодою
Ты несъ поклоненье; увяли они,
Развѣяны бурей злою.

«Увяли, изсохли, ногами судьбы
Растоптаны даже жестоко...
Мой другъ, ужъ таковъ неизмѣнный удѣлъ
Всего, что прекрасно, высоко».

— Кто ты?—я вскричалъ:—на меня ты глядишь,
Какъ старой поры сновидѣнье!
Великая! гдѣ ты живешь? Получу-ль
Тебя проводить дозволенье?

Съ улыбкой она: «Ошибаешься ты,
Меня за *такую* считаая;
Я лучшаго тона особа, вполне
Прилична, морально чиста я.

«Нѣтъ, я не мамзелька какая-нибудь
Лореточка легкаго вѣса.
Узнай же: богиня Гаммонія я,
И Гамбурга я патронесса.

«Смутился ты, даже испуганъ, пѣвецъ
Съ такою безстрашной душою!..
Что-жь? все-таки хочешь меня проводить?
Ну, слѣдуй сейчасъ же за мною!»

Но съ хохотомъ громкимъ я ей отвѣчалъ:
— Идемъ! За тобою я смѣло
Послѣдую всюду, хотя-бъ въ самый адъ
Мѣся повести ты хотѣла!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ именно узкою лѣстничкой вверхъ
Дошелъ я—сказать не умѣю;
Быть-можетъ, незримые духи меня
Внесли за богиней моею.

Здѣсь, въ спальнѣ Гаммоніи, быстро часы
Прошли для меня; тутъ призналась
Богиня, что въ ней симпатія ко мнѣ
Большая всегда сохранялась.

«Ты знаешь,—сказала она:—для меня
Въ дни прежніе не было въ мірѣ
Пѣвца драгоцѣннѣй того, кто воспыль
Мессію на набожной лірѣ.

«Вонъ тамъ, на комодѣ, ты видишь, стоитъ
Глопштоковскій бюстъ по сю пору;
Но я ужъ давно обратила его
Въ болванъ головному убору.

«Любимецъ мой—ты; изголовье мое,
Смотри, твой портретъ украшаетъ;
И рамку лица дорогого всегда
Лавровый вѣнокъ обвиваетъ.

«Порой ты, однако,—признаться должна,—
Меня оскорблялъ очень больно,
Такъ зло надъ моими сынами глумясь;
Оставь ихъ въ покоѣ, довольно!

«Надѣюсь, что время тебя отъ такихъ
Безчинствъ, наконецъ, излѣчило
И больше терпимости даже къ глупцамъ
Въ душѣ у тебя поселило.

«Скажи мнѣ, однако, какъ вздумать ты могъ
Во время столь позднее года
Поѣхать на сѣверъ? Вѣдь скоро у насъ
Ужъ зимняя станеть погода»

— Богиня моя!—я отвѣтилъ:—на днѣ
Души человѣка таятся,
Сномъ скованы мысли, и часто онѣ
Не во-время вдругъ пробудятся.

Наружно еще мнѣ недурно жилось;
Внутри же все съ большею силой
Тревожное чувство росло—занемогъ
Тоской я по родинѣ милой.

И воздухъ французскій, столь легкій всегда,
Давить меня сталъ; все яснѣе
Я чувствовалъ—чтобъ не задохнуться, мнѣ
Въ Германію надо скорѣе.

Я запаха жаждалъ болоть торфяныхъ,
Родного табачнаго дыма;
Дрожала нога, нетерпѣньемъ поспать
Нѣмецкую землю томима.

Вздыхалъ по ночамъ я, душою легѣлъ
Я въ Гамбургъ къ «Плотиннымъ Воротамъ»,
Туда, гдѣ родная старушка живетъ
Съ ней въ близкомъ сосѣдствѣ и Лотта.

Вздыхалъ и о славномъ моемъ старикѣ
Который меня безпрестанно
Журилъ, но зато же и добрымъ моимъ
Защитникомъ былъ постоянно.

Изъ устъ его—«глупаго мальчика» мнѣ
Услышать хотѣлось бы снова;
Бывало, звучали въ душѣ у меня,
Какъ музыка, эти два слова.

Манили меня и нѣмецкій дымокъ,
Изъ трубъ синей стружкой летящій,
И нижнесаксонскихъ соловушекъ трель
Въ таинственной буковой чащѣ.

Стремился душою я даже въ мѣста
Прошедшихъ страданій, готовый

Вновь чувство извѣдать, съ какимъ я тогда
Несъ крестъ и вѣнецъ свой терновый.

Вновь плакать хотѣлъ я, гдѣ плакалъ въ тѣ дни
Слезами горчайшими въ жизни...
Вѣдь, кажется, глупая эта тоска
Зовется любовью къ отчизнѣ?

О ней я не очень люблю говорить;
По-моему, въ сущности это—
Болезнь, какъ другая; я раны свои
Стыдливо скрываю отъ свѣта.

Гадка мнѣ та сволочь, что съ цѣлью будить
Въ сердцахъ умиленья порывы
Несетъ напоказъ патриотство свое
И вмѣстѣ—его всѣ нарывы.

Безстыдные нищѣ, грязная дрянь!
У всякаго просить подать ей
Хоть грошъ популярности ради Христа,
Для Менцеля съ швабскою братьей.

Богиня, сегодня ты видишь меня
Настроеннымъ какъ-то слезливо;
Я боленъ немного, но я полѣчусь,
Здоровье воротится живо.

Да, я нездоровъ, и отраду принести
Могла бы ты сердцу больному
Хорошею чашкою чаю, въ нее
Подливши немного и рому.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Богиня мнѣ сдѣлала чай и туда
Прибавила рому; сама же
Пить ромъ принялась, не разбавивъ его
Ни капелькой чайною даже.

Къ плечу моему прислонилась она
Своей головой, чѣмъ коронѣ
Въ своемъ кошапѣ причинила изъянъ,
И въ кроткомъ сказала мнѣ тонѣ:

«Со страхомъ я думала часто о томъ,
Что ты безъ надзора, далеко,

Средь этихъ фривольныхъ французовъ живешь,
Въ Парижѣ, пріютѣ порока.

«По улицамъ бродишь, и нѣтъ близъ тебя
Издателя-нѣмца при этомъ,
Который, какъ менторъ, тебѣ бы служилъ
Охраной и добрымъ совѣтомъ.

«А тамъ искушенье вѣдь такъ велико,
На каждомъ шагу тамъ встрѣчаешь
Сильфидъ нездоровыхъ, и очень легко
Покой свой душевный теряешь.

«Не ѣди обратно, останься у насъ!
Здѣсь царствуютъ добрые нравы,
Цвѣтутъ точно такъ же и въ нашей средѣ
Невинныя игры, забавы.

«Останься въ Германіи; все здѣсь найдешь
Ты лучше, чѣмъ въ прежнее время;
Прогрессъ ты, конечно, замѣтилъ у насъ,
Впередъ все идетъ наше племя.

«Цензура ужъ тоже совсѣмъ не строга,
Самъ Гофманъ сталъ мягче подъ старость,
Твои «Reisebilder» не будутъ впередъ
Черкать его юная ярость.

«И самъ ты сталъ старше и мягче теперь,
Со многимъ начнешь примиряться,
И даже прошедшее будетъ тебѣ
Въ иномъ, лучшемъ свѣтѣ являться.

«Да, крайность въ томъ мнѣннѣ, что прежде дѣла
Такъ скверно шли въ нашей отчизнѣ;
Отъ рабства, какъ нѣкогда въ Римѣ, спастись
Могъ каждый, лишивъ себя жизни.

«Свободою мысли народъ обладалъ,
И въ массы ее пропускали;
Стѣсненье терпѣли немногіе—тѣ,
Кто книги печатать желали.

«У насъ никогда не царилъ произволь,
Законъ соблюдали мы строго,
Чиновной кокарды лишитъ только судъ
Могъ даже врага-демагога.

«Да, слишкомъ ужъ скверно у насъ не жилось,
Хоть годы тяжелые были:
Голодною смертью еще никого
Въ нѣмецкой тюрьмѣ не убили.

«Въ прошедшемъ Германіи нашей цвѣло
Такъ много прекрасныхъ явленій
Незлобья и вѣры; теперь же царить
Пора отрицаній, сомнѣній.

«Духъ внѣшней практичной свободы, увы,
Убьетъ идеалъ, что носили
Мы въ сердцѣ своемъ искони—идеалъ,
Чистѣйшій, какъ грѣзы у лилій.

«Прекрасной поэзіи нашей огонь
Ужъ тоже совсѣмъ угасаетъ;
«Король мавританъ» Фрейлиграта въ числѣ
Другихъ королей умираетъ.

«Внукъ будетъ и кушать, и пить, но уже
Не въ мирномъ, нѣмомъ созерцаньи,
Какъ предокъ; готовится шумный спектакль;
Идилліи рушится зданье.

«О, будь ты способенъ къ молчанью—печать
Я съ книги судьбы сорвала бы,
Грядущее время въ моихъ зеркалахъ
Волшебныхъ увидѣть дала бы.

«Да, то, что всегда я отъ смертныхъ людей
Скрывала—ты былъ бы сподобенъ
Увидѣть: въ грядущемъ отчизну твою.
Но—ахъ!—ты молчать не способенъ!»

— Богиня моя!—я въ восторгѣ вскричалъ:—
Мнѣ дастъ наслажденье картина
Грядущей Германіи! О, покажи!
Молчать я могу, я мужчина!

Какою ты клятвой въ молчаньи меня
Связать ни хотѣла-бъ, люблю
Я съ полной охотой тебѣ принесу;
Итакъ, назначай же—какую?

Она отвѣчала: «Клянися мнѣ такъ,
Какъ нѣкогда клясться заставилъ

Отецъ Авраамъ Эльязара, когда
Въ дорогу его онъ отправилъ.

«Поднявъ одѣянье мое, положивъ
Ко мнѣ подъ стегно свою руку,
Клянись ни въ рѣчахъ, ни въ писаньяхъ своихъ
Не дать пророниться ни звуку!»

Торжественный мигъ! Точно древность въ меня
Дыханьемъ повѣяла нынѣ,
Когда по обычаю праотцевъ я
Давалъ свою клятву богинѣ.

Поднявши одежду ея, положилъ
Я къ ней подъ стегно свою руку
И клялся въ рѣчахъ и писаньяхъ своихъ
Не дать пророниться ни звуку.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Румянцемъ пылало богини лицо,
(Быть-можетъ, отъ рома къ коронѣ
Прихлынула кровь)—и сказала она
Мнѣ въ грустномъ до крайности тонѣ:

«Стара становлюсь я: въ тотъ самый вѣдь день,
Какъ Гамбургъ, я свѣтъ увидала;
Царицею рыбьей была моя мать,
Здѣсь въ устьѣ рѣки проживала.

«Отецъ мой былъ славный, великій монархъ;
Carolus Magnus онъ звался.
Самъ Фридрихъ Великій, пруссаговъ король,
Съ нимъ мощью, умомъ не сравнялся.

«Тотъ стулъ, на которомъ вѣнчанье пріять
Онъ въ Ахенѣ, тамъ и остался;
А стулъ, на которомъ онъ ночью сидѣлъ,
Въ наслѣдство супругѣ достался.

«А матушка мнѣ завѣщала его.
Онъ съ виду невзраченъ, но вѣрьте —
Пусть Ротшильдъ даетъ мнѣ всѣ деньги свои,
Я съ нимъ не разстанусь до смерти.

«Вотъ, видишь, тамъ старое кресло въ углу
Ободрана кожа со спинки,

А въ мягкой подушкѣ сидѣнья его
Моль выѣла всѣ волосинки.

«Но ты подойди и на немъ подыми
Подушку—и тутъ предъ тобою
Отверстіе круглое будетъ; котель
Увидишь подъ этой дырою.

«Волшебныя силы въ волшебномъ котлѣ
Варятся; и если ты вложишь
Въ отверстіе голову, явственно въ немъ
Увидѣть всю будущность можешь.

«Увидишь Германіи будущность; тамъ
Вся бродитъ она, какъ фантазмы;
Но ты не пугайся, коли изъ котла
Начнутъ подыматься міазмы!»

Улыбкою странной окончила рѣчь
Богиня; но я не смутился
И въ страшную эту дыру головой
Пытливо тотчасъ опустился.

Что въ ней я увидѣлъ—сказать не могу,
Молчать вѣдь я клялся... Мнѣ тоже
Позволено только чуть-чуть намекнуть,
Чего я нанюхался... Боже!

Теперь еще гадко, какъ вспомнится мнѣ
Гнуснѣйшій прологъ—испаренье...
Казалось, что это—изъ кожи сырой
И старой капусты смѣшенье.

Когда же во слѣдъ за прологомъ идти
Пары настоящіе стали,
Подумалъ я, Боже, что здѣсь тридцать шесть
Навозныхъ канавъ очищали.

Я знаю прекрасно—когда-то Сень-Жюсть
Сказалъ въ Комитетѣ Спасенья,
Что въ мускусѣ съ масломъ изъ розъ не найдетъ
Великій недугъ исцѣвленья.

Но эта грядущей Германіи вонь
Превысила все, что дотолѣ
Мой носъ могъ представить себѣ. Наконецъ,
Не въ силахъ сносить ее болѣ,

Липился я чувствъ... А когда вновь глаза
Открылъ я, то рядомъ со мною
Сидѣла богиня, и я припадалъ
Къ широкой груди головою.

Сверкаль ея взоръ, и пылали уста,
И ноздри дрожали; горѣла
Вакхически вся и, поэта обнявъ,
Вдругъ въ дикомъ экстазѣ заплѣла.

«Есть въ Тулѣ король; изъ сокровищъ своихъ
Всѣхъ выше, цѣннѣе считаетъ
Онъ кубокъ одинъ; чуть хлебнетъ изъ него —
Тотчасъ же сознание теряетъ.

«Идеями, трудно понятными намъ,
Его наполняется разумъ;
Въ такія минуты упрятать тебя
Онъ можетъ внезапнымъ указомъ.

«Не ѣзди на сѣверъ; не дайся тому,
Кто въ Тулѣ сидитъ на престолѣ,
Его полицейскимъ, жандармамъ его
И всей исторической школѣ.

«Останься со мною; тебя я люблю;
Пить вина мы въ Гамбургѣ будемъ
И устрицъ живой современности ѣсть;
О темномъ грядущемъ забудемъ.

«Закрой его крышкой, — что-бъ напихъ утѣхъ
Противная вонь не мрачила;
Тебя я люблю, какъ поэта у насъ
Еще ни одна не любила.

«Тебя я цѣлую, и чувствую, какъ
Вселяетъ въ меня вдохновеніе
Твой гений; чудесное душу мою
Объяло, смотри, опьяненіе.

«Я словно на улицѣ, пѣнье на ней
Ночныхъ сторожей раздается...
О, милый мой спутникъ въ блаженствѣ моемъ,
То пѣснь Гименея поется!

«Вотъ ѣдетъ служителей конныхъ отрядъ;
Ихъ факелы ярко пылаютъ.

И факельный танецъ танцуютъ они;
И скачутъ, кружатся, играютъ.

«Высокопочтенный и мудрый сенатъ,
Старѣйшины вышли для встрѣчи;
Межь нихъ бургомистръ; вотъ откашлялся онъ,
Готовясь къ привѣтственной рѣчи.

«Идутъ и посольства при здѣшнемъ дворѣ
Въ блестящемъ своемъ облаченьи,
И сдержанно намъ отъ сосѣднихъ державъ
Приносятъ они поздравленье.

«Духовная вотъ депутація; въ ней
Пасторы, равнины... но, Боже!
Я вижу и Гофмана въ этой толпѣ,
Съ нимъ ножницы цензора тоже!

«Онѣ зазвенѣли въ рукахъ дикаря,
Онѣ съ ними къ тебѣ устремился
И въ самое мясо свирѣло вонзиль...
Ты лучшаго мѣста лишился».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Что этой диковинной ночью потомъ
Еще совершилось—объ этомъ
Впослѣдствіи вамъ расскажу я, когда
Настанутъ дни теплые, лѣтомъ.

Притворства и лжи поколѣнье теперь
На убыль пошло, слава Богу;
Болѣзнь лицемѣрья, надѣюсь, его
Въ могилу сведеть понемногу.

Растетъ поколѣнье новое; въ немъ
Ни лжи, ни грѣховъ не найду я;
Свободная воля, свободная мысль!
Ему-то, ему все скажу я.

Цвѣтетъ уже юность; оцѣнить она
И гордость, и нѣжность поэта,
И будетъ привѣтливо сердцемъ его
Горячимъ, какъ солнце, согрѣта.

Какъ солнце, вселюбяще сердце мое,
Поспорить съ огнемъ чистотою;

Настроили Граціи лиру мою
Своей благородной рукою;

И, эта та самая лира, друзья,
На коей отецъ мой блаженный
Пѣлъ въ годы минувшіе—Аристофанъ,
Любимецъ Камень неизмѣнный.

Та самая лира, на коей воспѣлъ
Онъ нѣкогда Пайстетероса,
Который, вступивъ съ Базилеею въ бракъ,
Въ міръ облачный съ нею унесся.

Въ послѣдней главѣ я слегка подражалъ
Концу его «Птицъ»—сочиненья,
Которое лучше всѣхъ пьесъ остальныхъ
Отца моего, безъ сомнѣнья.

Весьма хороша и «Лягушки». Ею
Теперь въ переводѣ поставитъ
На сценѣ въ Берлинѣ рѣшили; хотятъ
Они короля позабавить.

Король любитъ пьесу. Въ немъ, значить, развитъ
Къ античному вкусу. А бывало,
Отца его—пѣнье новѣйшихъ квакушъ
Гораздо сильнѣй забавляло.

Король любитъ пьесу. Однако же, будь
Въ живыхъ ея авторъ понинѣ,
Ему-бъ не совѣтовалъ я—самому
Теперь появиться въ Берлинѣ.

Навѣрное очень бы плохо пришлось
Живущему Аристофану;
Вѣднѣгъ устроили-бъ скоро у насъ
Изъ хоровъ жандармскихъ охрану.

Чернь, вмѣсто вилянья хвостами, могла-бъ
Ругать, получивъ дозволенье.
Полиціи было-бъ приказано взять
Пѣвца подъ свое наблюденье.

Король! я тебѣ, вѣрь, желаю добра;
Послушай благого совѣта:
Чти, сколько угодно, умершихъ пѣвцовъ—
Живого не трогай поэта!

Живого поэта страшись оскорблять!
Въ рукахъ его пламя и стрѣлы
Ужаснѣй Зевеса громовъ, что создалъ
Поэта же вымыселъ смѣлый.

Ты вѣленъ, коль хочешь, весь міръ оскорблять —
И древнихъ носителей свѣта
Въ поляхъ олимпійскихъ, и новыхъ боговъ;
Но только не трогай поэта!

Я знаю, что боги казнятъ за грѣхи
Безжалостно племя людское,
Что пламя довольно въ аду горячо,
Тамъ насъ превращаютъ въ жаркое;

Но есть вѣдь святые—изъ ада они
Молитвами грѣшныхъ выводятъ;
Дары по церквамъ, панихиды не разъ
Ходатаевъ въ небѣ находятъ.

Въ день судный придетъ, наконецъ, и Христось;
Онъ ада врата одолѣетъ,
Но будетъ хоть строгъ Его судъ—ускользнуть
Молодчиковъ много успѣетъ.

Но есть и другія геенны; изъ нихъ
Уже невозможно спасенье;
Безплодны молитвы, бессильно помочь
Спасителя міра прощенье.

О Дантовомъ «Адѣ», тѣрцинахъ его
Ужасныхъ ты слышалъ, быть-можетъ?
Тому, кто поэтомъ туда заточень,
Ужъ богъ никакой не поможетъ.

Отъ этихъ поющихъ огней даже самъ
Спаситель не дастъ избавленья..
Смотри, чтобъ тебя не пришлось намъ обречь
На этого ада мученья!

ПРИМѢЧАНІЯ

къ VI тому.

Къ стр. 10. «Подъ Линами» — извѣстная улица въ Берлинѣ (Unter den Linden).

Къ стр. 15. Ремсетъ—приморскій городъ въ англійскомъ графствѣ Кентъ.

Къ стр. 23—24. Точки въ подлинникѣ.

Къ стр. 33. Стихотвореніе «Къ дочери моеѣ возлюбленной» написано послѣ посѣщенія поэтомъ въ Гамбургѣ своей бывшей возлюбленной, кузины, въ это время находившейся уже въ замужествѣ за купцомъ Фридендеромъ. Оно относится къ 1844 г., но Штротманъ основательно помѣстилъ его въ отдѣлѣ тѣхъ посмертныхъ стихотвореній, которыя написаны до 1830 г., такъ какъ оно находится въ самой близкой связи съ жизнью Гейне въ его молодые годы.

Къ стр. 38. «Театральныя крысы» — такъ называются во Франціи кордебалетныя танцовщицы (rats).

Къ стр. 39. Стихотв. «Мнѣ было велѣно судьбой» и слѣдующее за нимъ «Скорбь Вавилонская» — написаны къ женѣ поэта въ разгарѣ его болѣзни.

Къ стр. 41. Слово «избирательный» здѣсь — терминъ химическій (какъ въ романѣ Гёте «Избирательное Сродство»). Въ химіи смыслъ его такой: нѣсколько веществъ, приведенныхъ въ соприкосновеніе, соединяются между собою такъ, какъ будто каждое изъ нихъ *выбираетъ*.

Къ стр. 42. О «Мухкѣ» см. въ біографіи. — Это стихотвореніе, по словамъ Альфреда Мейснера, — послѣднее, написанное Гейне.

Къ стр. 48. Къ заглавію «Воспоминаніе» въ рукописи Гейне прибавлены слова: «Переводъ съ англійскаго, Sentimental Magazine, т. XXXV». Штротманъ замѣчаетъ, что эта прибавка очевидно выдуманная авторомъ и что стихотвореніе оригинальное.

Къ стр. 51. Стихотв. «Вюннебергіада» написано, вѣроятно, въ 1816 г. Вюннебергъ — товарищъ Гейне по дюссельдорфскому лиціу. — Черніаль — ихъ товарищъ, особенно отличавшійся въ гимнастическихъ упражненіяхъ.

Къ стр. 52. Астѣверъ — учитель въ дюссельдорфскомъ лиціѣ. — Дамень — тоже учитель тамъ же.

Къ стр. 54. Послѣдній куплетъ «Вюннебергіады» написанъ рукою не Гейне; по мнѣнію Эльстера, его сочинилъ одинъ изъ учениковъ,

товарищей поэта. — *Онъ свиной восталь въ поэмъ* — извѣстно, что свреи не ѣдятъ свинопсы. — Францъ фонъ Ц. — Цуккамалио, товарищъ Гейне по дюссельдорфскому лицейу.

Къ стр. 55. Стихотв. «Рекомендую, другъ»... написано при посылкѣ Гётевскаго «Фауста».

Къ стр. 56. Consilium — сокращенное Consilium abeundi, удаление студента на время изъ университета; такому удаленію Гейне былъ подвергнутъ въ 1821 г.

Къ стр. 57. Сонетъ Шлегелю написанъ еще въ то время, когда Гейне слушалъ его лекціи и находился подъ его вліаніемъ.

Къ стр. 58. *«Имуществомъ своимъ все недоволенъ ты...»*, т. е. имуществомъ литературнымъ: далѣе перечислены главнѣйшія работы Шлегеля по исторіи поэзіи. — Георгъ С. — Сарториусъ, профессоръ исторіи въ Геттингенѣ въ то время, когда Гейне былъ тамъ студентомъ.

Къ стр. 59. Жанъ-Батистъ Руссо, нѣмецкій поэтъ, товарищъ Гейне по боннскому университету.

Къ стр. 61. Штейнманъ — другъ Гейне въ молодые годы, послѣ смерти поэта написавшій его біографію, гдѣ много вымысла, и издавшій большое количество стихотвореній, яко бы написанныхъ Гейне, на самомъ дѣлѣ поддѣльныхъ.

Къ стр. 62. Стихотвореніе *«Мою печаль, мое мученье»* написано, какъ посвященіе дядѣ поэта, банкиру Саломону Гейне, «Лирическаго интермеццо» и двухъ трагедій «Ратклиффъ» и «Алманзоръ»; эти три произведенія были въ первомъ изданіи напечатаны вмѣстѣ. — *«Руками сильными...»* и т. д. написано при посылкѣ другу поэта, Христианіи, трагедіи «Ратклиффъ». — *«Я сладкую любовь искалъ»* написано при посылкѣ другу поэта, Меркелю, трагедіи «Ратклиффъ».

Къ стр. 70. *«Но къ чему... создалъ Богъ...»* Конецъ этого стихотворенія Штродтманъ не напечаталъ вслѣдствіе его «слишкомъ большой неприличности».

Къ стр. 71. *«И назойливо за хвостъ дергать бѣднаго пустылась»* — французское выраженіе «дергать чорта за хвостъ» (tiger le diable par la queue) значитъ — назойливо выпрашивать денегъ.

Къ стр. 72. Пэанъ — хоровалъ пѣснь древне-греческой лирики. Къ этому стихотворенію Штродтманъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: «Гейне былъ твердо убѣжденъ, что его балетъ «Фаустъ» (см. II т. нашего изданія), который онъ въ 1849 г. предложилъ для постановки Королевской Оперѣ въ Берлинѣ, былъ поставленъ тамъ въ 1854 г. балетмейстеромъ Тальони подъ названіемъ «Сатанилла». Въ нѣсколькихъ письмахъ онъ горько жаловался, что Мейерберъ, бывшій въ то время «генералъ-директоромъ» этого театра, не вступился за его авторскія права и тѣмъ лишилъ его значительнаго дохода».

Къ стр. 73. Стихотвореніе «Клопъ» написано на богатаго вѣнскаго композитора Иосифа Дессауэра, о которомъ шла молва, что онъ хвастался слишкомъ близкою благосклонностію къ нему Ж. Сандъ. (О Дессауэрѣ говоритъ Гейне и въ «Лютеціи» (см. II т. нашего изданія, стр. 44—45 и 221—224. — *И дессаускій маршъ триумфально играютъ.* Такое названіе имѣлъ маршъ, которымъ былъ встрѣченъ при вступленіи въ Парижъ герой семилѣтней войны, принцъ Леопольдъ Дессаускій (см. тамъ же въ «Лютеціи»). — *Такъ же совсѣмъ не идутъ, какъ часы Шлезингера.* Издатель сочиненій Дессауэра, Шлезингеръ, подарилъ ему, въ видѣ гонорара, золотые часы, которые оказались очень плохими.

Къ стр. 74. *Музыкаитишкѣ жалкиѣ Моцартъ*—Сяонтини (см. «Лютецію» стр. 73 и слѣд.).

Къ стр. 75. *Коль чернѣй занавѣсь изъ шему* и т. д. Это черная повязка, которую Гейне носилъ на глазахъ во время болѣзни.

Къ стр. 76. Генрихъ фонъ-Офтердингенъ, одинъ изъ нѣмецкихъ минзингеровъ. «Голубой пѣвѣтокъ» въ его пѣсняхъ—символь романтической мечтательной грусти.

Къ стр. 80. «*Miserege*» (латинск. слово значитъ «помилуй!») — первое слово церковной пѣсни, которая поется въ Римѣ, при папскомъ служеніи, на Страстной недѣлѣ; знаменить по музыкѣ Аллегри.

Къ стр. 93. *Во славу гения Джьякомо*—Мейербера.

Къ стр. 94. Стимфалиды—баснословныя хищныя птицы съ желѣзными крыльями, когтями и клювами.

Къ стр. 95. Стихотворенія «Какой-то демонъ злой» и «Губами Іуды» вызваны поступкомъ сына банкира Саломона Гейне послѣ смерти этого послѣдняго (см. нашу біографію).

Къ стр. 96. Подъ «Афроненбургомъ» подразумѣвается загородный домъ банкира Саломона Гейне.

Къ стр. 100—102. Четыре сонета, «Лернейская Гидра» и «*Herakles Musagetes*» не включены проф. Эльснеромъ въ его изданіе стихотвореній Гейне, вѣроятно потому, что напечатанный ихъ Штротдманъ снабдилъ эти стихотворенія слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Помѣщенные здѣсь четыре сонета, равно какъ и «Лернейская Гидра» и «Гераклъ Музагетъ» найдены въ бумагахъ Гейне, но, какъ исключеніе, написаны не его рукой и не его секретаремъ». Штротдманъ однако справедливо замѣчаетъ, что за подлинность этихъ стихотвореній ручается несомнѣнно лежащая на нихъ печать Гейневской музы. — Найдены были тутъ же и 5-й сонетъ, который Штротдманъ нашелъ невозможнымъ напечатать, благодаря его «слишкомъ циническому содержанию».

Къ стр. 102. *Herakles Musagetes*. *Heracles* — Геркулесъ, *Musagetes*—одно изъ прозвищъ бога Аполлона, значитъ—руководитель музы. Линосъ, мнѣическій пѣвецъ, котораго убилъ Аполлонъ своею лирой. Почему Гейне замѣнилъ Аполлона Геркулесомъ—неизвѣстно. — Такъ какъ тутъ, въ пѣснѣ Линоса, рѣчь идетъ о мнѣическомъ родоначальникѣ германцевъ, Тевтѣ, и о ихъ народномъ героѣ Арминіи, то очевидно, что подъ Линосомъ поэтъ подразумѣвалъ какого-нибудь изъ старыхъ поэтовъ—«нѣмечниковъ», на которыхъ вообще обрушивалась сатира Гейне, а подъ Геркулесомъ — или самого себя, или вообще представителей молодой, общечеловѣческой поэзіи.

Къ стр. 103. *Стражъ благочестія въ Штутгартѣ* — Вольфангъ Менцель.

Къ стр. 104. *Швабской школь тоже дать наслѣдство надо* и т. д. О «швабской школь» см. въ IV т. нашего изданія статья «Швабское зеркало». Когда къ одному тому «Нѣмецкаго Альманаха музъ» былъ приложенъ портретъ Гейне, то всѣ участвовавшіе въ этомъ изданіи поэты «швабской школы» отказались отъ сотрудинчества въ немъ.—Сынъ Фетиды—Ахиллесъ. Онъ же и Пелидъ.

Къ стр. 110. Артуръ—послѣдній кельтскій король передъ завоеваніемъ Англій англосаксами. По легендѣ о немъ, народъ не вѣрилъ, что онъ умеръ, и былъ убѣжденъ, что онъ вернется и освободитъ свою страну отъ ига побѣдителей.

Къ стр. 118. Поэма «*Бимини*» осталась неоконченной, или, по крайней мѣрѣ, не обработанной, судя по нѣкоторой скомканности послѣдней главы. По времени сочиненія, Штротдманъ относитъ ее къ тѣмъ

произведениямъ, которыя написаны послѣ появленія въ печати «Романдеро», т. е. послѣ 1851 г.

Къ стр. 120. Пезарро (*собственно Пеццаро*), род. въ 1478 г., сперва искатель приключеній въ Америкѣ, потомъ намѣстникъ Карла V, въ Перу, отличившійся коварствомъ и неслыханною жестокостью; былъ убитъ въ 1541 году.—Кортесъ—завоеватель Мексики для Карла V; онъ же открылъ Калифорнію.

Къ стр. 121. Радецій—извѣстный австрійскій фельдмаршалъ; ум. въ 1858 г.—Гайнау—австрійскій генералъ, ум. въ 1853 г.—*О Жуанъ Понсъ-де-Леонъ*. Но слѣдуетъ смѣшивать его съ знаменитымъ испанскимъ поэтомъ, Люисомъ Понсъ-де-Леонъ, род. въ 1527; Жуанъ Понсъ-де-Леонъ открылъ Флориду въ 1512 г.

Къ стр. 126. *Этому второму Христовору*. Первый Христофоръ—тезка Колумба—католическій святой, имя котораго окружено многими легендами.—Круглый столъ Артура—собраніе 12 рыцарей миѳическаго короля Артура (или Артуса).

Къ стр. 128. *Сто тысячъ добрыхъ пезовъ*. Прежняя испанская (теперь мексиканская и южно-американская) монета.

Къ стр. 151—152. Всѣ точки на этихъ страницахъ—въ подлинникѣ.

Къ стр. 152. Стихотв. «*Мужчины, дамы, двушки...*» написано по случаю образовавшагося въ 1819 г. во Франкфуртѣ, комитета для постановки памятника Гёте. Объявленная подписка дала такіе ничтожные результаты, что дѣло не состоялось.—*Въ грязи пеленокъ... вамъ близко былъ ребенокъ*. Гёте, какъ извѣстно, родился во Франкфуртѣ и провелъ тамъ первые молодые годы.—*Цѣлитель-князь*—принцъ Голенозъ, прославившійся своими чудесными исцѣленіями.

Къ стр. 153. *Въ садикѣ юноша*—баронъ фонъ-Ауффенбергъ, напыщенный драматургъ, написавшій за время между 1819 и 1821 г. восемь трагедій и одну героическую оперу.—«Эдомъ» равносильно «врагу евреевъ», такъ какъ эдомиты, потомки Эдома или Исава, всегда находились во враждѣ съ израильтянами.—Стихотв. «*Разразись ты громкимъ воплемъ*»—написано какъ бы въ видѣ вступленія къ новеллѣ «Бахаракской Равнинѣ» (см. III т.).

Къ стр. 154. Фридрихъ Шлегель и Карлъ Галлеръ перешли въ католическую церковь и сдѣлались ея фанатическими защитниками; второй началъ дѣйствовать въ своихъ сочиненіяхъ и какъ самый ограниченный политическій реакціонеръ.—Буркъ (собственно Беркъ)—знаменитый государственный дѣятель Англии, выступившій во время англійскихъ войнъ за освобожденіе ревностнымъ защитникомъ народныхъ правъ, но бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ заклятымъ врагомъ первой французской революціи.—Пандекты—составная часть Юстиніанова «Corpus juris».—Glossa—вообще комментарий; въ наукѣ права—краткія объясненія къ статьямъ того же «Corpus juris».—Каносса—старый замокъ, передъ которымъ императоръ Генрихъ IV въ 1077 г. принесли свое покаяніе папѣ Григорію VII.

Къ стр. 155. Стихотв. «Германія» написано въ 1840 г.—Зигфридъ герой поэмы «Нибелунги».

Къ стр. 156—157. «*Мѣсто лобное*» близъ Регенсбурга—Валгалла (см. V т. прим. къ стр. 261).

Къ стр. 157. Тетъ—миѳическій родоначальникъ германцевъ (оттуда тевтоны).—Шиндерганесъ—извѣстный разбойникъ.—Оттонъ—греческій король.—Корнеліусъ—глава нѣмецкой новой школы живописи.

Къ стр. 158. Цейше—извѣстный географъ, занимавшійся также из-

слѣдованіями древне-германскаго языка.—Яковъ Гриммъ—знаменитый филологъ.—Рюккертъ—извѣстный поэтъ.

Къ стр. 159. Подъ «Новымъ Александромъ» подразумѣвается прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV.—*Историческою школою... окруженъ*. Въ противодѣйствіе рационалистическому духу XVIII в., въ началѣ XIX образовалась, особенно въ области правовѣдѣнія—школа, поставившая себѣ задачу доказать важность историческаго развитія общества. Главные дѣятели ея: Савиньи и Эйхгорнъ.

Къ стр. 161. *Менторъ мой, мой Аристотель*. Это богословъ и историкъ, Ансильонъ, бывшій воспитателемъ короля.—*Онъ посредникомъ служилъ крайнихъ взглядовъ*. Имѣется въ виду сочиненіе Ансильона: «Zur Vermittelung der Extreme in den Meinungen».—Въ 1842 г. была поставлена на берлинской сценѣ «Антигона» Софокла.—Въ сороковыхъ годахъ въ нѣмецкомъ обществѣ очень настоятельно высказывалась мысль о необходимости основанія военнаго флота, и на этотъ предметъ было сдѣлано много частныхъ пожертвованій.—Прутцъ и Фаллерслебенъ—политическіе поэты.

Къ стр. 162. «Царь негровъ» на кораблѣ «Фрейлигратъ»—примѣнительно къ стих. этого поэта «Мавританскій Король». — Майеръ, Пфицеръ, Швабъ и Келле — поэты «швабской школы» (см. выше).—Бирхъ-Пфейферъ—писательница.

Къ стр. 165. Стихотв. «Общество юныхъ козовъ» направлено противъ Рихарда Вагнера, съ которымъ Гейне въ сороковыхъ годахъ былъ довольно близокъ, но потомъ разошелся. Картина, нарисованная въ этомъ стихотвореніи, вызвана сочиненіями Вагнера «Музыка будущаго» и «Опера и драма».

Къ стр. 166. О какой оперѣ «венгерскаго пьяниста», т. е. Листа, говорится здѣсь—неизвѣстно; никакой оперы Листъ не писалъ.—Шарантонъ—домъ умалишенныхъ въ Парижѣ.

Къ стр. 167. Гетто—название той части города въ Италіи и на востоцкѣ, гдѣ евреи имѣли право жительства.

Къ стр. 169. Подъ «Симплициссимусомъ» подразумѣвается здѣсь извѣстный революціонный поэтъ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, Георгъ Гервегъ. (Симплициссимусъ — заглавіе знаменитаго романа Гриммельсгаузена—въ XVII ст.—изображающаго нравы Германіи во время тридцатилѣтней войны).

Къ стр. 170. Гансъ-Саксъ—поэтъ XV ст., бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ сложникомъ. — *Это ужели тотъ самый «Живой»?* Революціонныя стихотворенія Гервега были напечатаны подѣ заглавіемъ «Стихи Живого» (Gedichte eines Lebendigen).—О Пюклеръ Мюскау см. во II и IV т. нашего изданія, стр. 15 и 53; одно изъ его сочиненій называлось «Письма Умершаго».—*И золото теста пропало*. Гервегъ былъ женатъ на дочери богатаго еврейскаго купца.

Къ стр. 171. *Письма тиранамъ писалъ студенчески дерзостнымъ слоюзомъ*. Въ 1842 г. Гервегъ имѣлъ аудіенцію у короля Фридриха Вильгельма IV (см. стихотвореніе Гейне «Аудіенція» въ наст. т.), и послѣ ея написалъ королю письмо въ очень непочтительномъ тонѣ, которое было напечатано безъ вѣдома автора, за что этотъ послѣдній былъ высланъ изъ Пруссіи. — *Спасителя родины въ, въ восторгѣ мукя, встрѣчали*. Въ 1842 г. Гервегъ совершилъ своего рода триумфальное шествіе по всей Германіи.—*Когда отъ ружейной пальбы у него...* Въ апрѣлѣ 1848 г. Гервегъ, во главѣ составленнаго изъ французовъ и нѣмцевъ отряда рабочихъ, вторгнулся въ Баденъ, былъ разбитъ виртембергскимъ войскомъ и самъ спасся, только благодаря мужеству своей жены.

Къ стр. 172. Стихотвореніе «Воевода Вислухій» (въ подлинникѣ «König Langohr I») написано, какъ думаютъ, на Наполеона III.

Къ стр. 174. *Баярдъ Гаймона сыновей*. Четыре сына Гаймона — герои очень популярнаго средне-вѣковаго романа. Баярдъ—ихъ лошадь.

Къ стр. 179. *Работаетъ pour le roi de Prusse...* — французская поговорка, означающая работу даромъ.

Къ стр. 180. *Трубадуръ Пандектъ де Савиньи*. Савиньи знаменитый профессоръ римскаго права. О Пандектахъ см. выше, прим. къ стр. 154.—О Масманѣ неоднократно въ предыдущихъ томахъ.

Къ стр. 184. Иванъ Безземельный—эрцгерцогъ Іоганнъ Австрійскій, германскій намѣстникъ съ 1848—1849.—*Обращаться съ трубой ты дома давно научилась*. Жена Іоганна была дочь начальнига почтовой станціи.

Къ стр. 186. Кревинкель—въ одной комедіи Коцебу названіе мѣстечка, жители котораго отличаются крайнею провинціальною ограниченностью, страстью къ слетнямъ и т. п. Очевидно, здѣсь подъ Кревинкелемъ понимается какой-нибудь дѣйствительный городъ Германіи; по всей вѣроятности, Гамбургъ или Франкфуртъ.

Къ стр. 187. О стихотв. «Аудіенція» (см. выше, примѣч. къ стр. 171).

Къ стр. 188. Гаммонія—богиня-покровительница Гамбурга.

Къ стр. 193. Гуэнь—другъ Мейербера.

Къ стр. 194. Брандусъ—музыкальный издатель.—«*И предшественникъ-издатель*»—Морицъ Шлезингеръ.

Къ стр. 195. *Тутъ самъ Богъ и вся натура*, — намекъ на оперу «Богъ и натура», написанную Мейерберомъ въ юности.—*У меня же партитура*, т. е. «А я купилъ партитуру Пророка».—Maestro Fiascосо—юмористическая передѣлка имени Мейербера—Джялкомо.

Къ стр. 196. Подъ Кобесомъ I выведенъ Венедей (см. т. I, стр. 582).—Рёмеръ—ратуша во Франкфуртѣ.

Къ стр. 199. Функены—въ прежнее время названіе муниципальной гвардіи въ Кельнѣ. Въ карнавальныхъ процессіяхъ этого города функены играютъ роль до сихъ поръ.

Къ стр. 200. Дрикесъ и Марицебилъ—см. V т., примѣч. къ стр. 274.

Къ стр. 201. «Михель послѣ марта»—послѣ извѣстныхъ событій въ мартѣ 1848 г.

Къ стр. 202. Арндтъ — патриотическій поэтъ времени войнъ за освобожденіе.—Ягн-батюшка — неоднократно выше.—Буршеншафтеры — члены «буршеншафтовъ», союзовъ, учрежденныхъ съ цѣлью возстановить религіозно-патриотическій духъ старой Германіи.

Къ стр. 205. «Алманзоръ», написанный Гейне въ его студенческіе годы, находился въ самой тѣсной связи съ его личностью, его внутреннимъ міромъ. «Въ эту пьесу, — говоритъ онъ, — я вложилъ мое собственное я, вмѣстѣ съ моими парадоксами, моею мудростью, моею любовью, моею ненавистью и моимъ всѣмъ безуміемъ». Независимо отъ отраженія здѣсь его любовныхъ страданій въ ту пору (см. біографію въ I т. настоящаго изданія), сюжетъ этой трагедіи, по объясненію самого автора, «религіозно-полемическій и касается современныхъ интересовъ»; въ этомъ отношеніи она находится въ близкой связи съ тогдашнимъ участіемъ Гейне въ еврейскомъ движеніи; мавры XV столѣтія, выступающіе въ трагедіи, на самомъ дѣлѣ—евреи XIX вѣка (объ этомъ см. также въ біографіи, стр. 42—43). Неудовлетворительность «Алманзора» въ художественномъ отношеніи сознавалъ самъ авторъ, когда писалъ Штейнману въ 1821 г. «Къ моему ужасу

я нахожу, что это великолѣпное произведеніе, къ которому я самъ относился съ изумленіемъ и обоготвореніемъ, не только *нехорошимъ* трагедія, но и вообще совсѣмъ не заслуживаетъ названія трагедіи. Да, въ ней есть восхитительно прекрасныя мѣста и сцены; оригинальность всюду пробивается наружу, всюду сверкаютъ поразительно поэтическія картины и мысли, такъ что цѣлое какъ бы блещетъ въ алмазномъ одѣяніи. Такъ говорить тщеславный авторъ, восторженный поклонникъ поэзіи. Но строгій критикъ, неумолимый драматургъ смотритъ совсѣмъ въ инныя очки, качаетъ головой и заявляетъ, что все это цѣлое—прекрасная фигура, двигающаяся посредствомъ проволоки. «*Трагедія должна быть вся дѣйствіе (drastich)*» — бормочетъ онъ—и это—смертный приговоръ моему трагедіи.. Быть-можетъ, я лишень драматическаго дарованія? Вѣсьма возможно. Или не повліяли ли на меня снова французскія трагедіи, которыми я еще недавно восхищался? Это, пожалуй, правдоподобнѣе». Два года спустя, онъ, однако, опять находилъ «Алманзора» (такъ же, какъ и вторую свою трагедію «Ратклиффа») «очень хорошо» и ставилъ ее даже выше появившагося почти въ то же самое время «Лирическаго интермеццо!»—Трагедія «Алманзоръ» была представлена всего одинъ разъ на брауншвейгской сценѣ въ 1823 г. и жестоко освистана. Причиною тому были какъ сценическая несостоятельность этого произведенія, такъ и нѣкоторыя внѣшнія случайныя обстоятельства.

Къ стр. 205. По недосмотру нами пропущенъ слѣдующій эпиграфъ къ «Алманзору» (принадлежащій автору):

«Не думайте, друзья, что эта пѣснь
 Прекрасная, которую сегодня
 Я вамъ дарю—плодъ лишь моей одной
 Фантазіи. Она наполовину—
 Эпическій рассказъ, наполовину—
 Трагическое дѣйствіе; среди нихъ
 Лирическихъ цвѣтовъ прекрасныхъ тоже
 Немало вы найдете. Романтиченъ
 Ея сюжетъ; пластична форма; но
 Вся въ цѣлости своей она исходитъ
 Изъ внутренняго міра. Бьются въ ней
 Христіанинъ и мусульманинъ, сѣверъ
 И югъ; въ концѣ является любовь
 И бьющихся соединяетъ миромъ».

Къ стр. 206. *О, бойся донъ Фернанда* и т. д. Дѣйствіе трагедіи происходитъ въ царствованіе Фердинанда Католика и Изабеллы Кастильской, во время трагическаго паденія господства мавровъ въ Гренадѣ.

Къ стр. 210. *Мендозы крестъ*. Гейне ошибочно поставилъ здѣсь имя Мендозы; этотъ послѣдній былъ только авторъ «Исторіи войны съ Гренадой» и участія въ политическомъ движеніи не принималъ. Инквизиціонныя судилища въ царствованіи Фердинанда установилъ его всесильный министръ, кардиналъ Хименець.

Къ стр. 214. *Тамъ, гдѣ впервые высадился Тарикъ*. Тарикъ—мавританскій полководецъ въ VIII ст., призванный въ Испанію на помощь противъ вестъ-готовъ сыновьями изгнаннаго короля Витицы. Онъ—основатель Гибралгара въ мѣстѣ своей высадки на испанскій берегъ.

Къ стр. 216. *Гдѣ Мединунъ сидѣлъ одинъ, о Лейлѣ вздыхал*. «Медшнунъ и Лейла»—романтическая поэма персидскаго поэта Низами.

Къ стр. 237. *Я гору Каффъ несъ на себѣ*. Каффъ—название горы, которая, по народному сказанію, окружаетъ міръ; собственно Кавказъ.

Къ стр. 244. «*Квиорога и Риго*!» При сочиненіи «Алманзора» Гейне былъ такъ увлеченъ «современными интересами», что къ событіямъ XV ст. примѣнялъ событія своего вѣка. Квиорога—испанскій генералъ и политическій дѣятель, участвовавшій въ національной войнѣ противъ Наполеона I. Риго—его товарищъ въ этомъ движеніи, революціонеръ, повѣшенный въ 1823 г.

Къ стр. 264. Перепечатывая въ 1851 г. написанную въ концѣ 1822 г. трагедію «Вильямъ Ратклиффъ», Гейне предпослалъ ей предисловіе, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: «Эта пьеса—важный документъ среди судебныхъ бумагъ моей жизни, какъ поэта. Ею именно резюмируется мой поэтический «періодъ бури и натиска», который въ «Юношескихъ страданіяхъ» моей «Книги Пѣсенъ» нашель себѣ очень неполное и темное выраженіе. Молодой авторъ, который здѣсь тяжелымъ безпомощнымъ языкомъ лепечетъ только мечтательные звуки непосредственнаго природнаго чувства, тамъ въ «Ратклиффѣ», говорить трезвымъ, совершеннолѣтнимъ языкомъ и открыто произноситъ свое послѣднее слово. Это слово сдѣлалось съ тѣхъ поръ лозунгомъ, при возгласеніи котораго блѣдныя лица нищеты и бѣдствія покрываются пурпурнымъ румянцемъ, а краснощекіе сыны счастья блѣднѣютъ до цвѣта извести. На очагѣ честнаго Тома въ «Ратклиффѣ» закипаетъ уже тотъ великій «суповой» вопросъ, въ которомъ въ настоящее время уже мѣшаютъ ложками тысячи испорченныхъ поваровъ и пѣнистая накипь котораго увеличивается съ каждымъ днемъ. Удивительный баловень судьбы—поэтъ! Онъ видитъ передъ собой совершенно выросшими тѣ дубовые лѣса, которые на самомъ дѣлѣ дремлютъ еще въ своихъ желудяхъ, и ведетъ бесѣду съ тѣми поколѣніями, которые еще не родились на свѣтъ. Они нашептываютъ ему свои тайны, и онъ выбалтываетъ эти тайны передъ толпой на площади. Но его голосъ заглушаетъ громкимъ шумомъ страстей данной минуты; не многіе слышатъ его, никто не понимаетъ. Фридрихъ Шлегель назвалъ историка пророкомъ, который смотритъ назадъ въ прошедшее; съ болѣшимъ правомъ можно бы сказать о поэтѣ, что онъ историкъ, глазъ котораго видитъ будущее. — Я написалъ «Вильяма Ратклиффа», въ Берлинѣ, Unter den Linden, въ послѣдніе три дня января 1821 г. *), когда солнечные лучи съ какою-то приторно телловатою благосклонностью освѣщали покрытыя снѣгомъ крыши и печально обнаженные деревья. Написалъ я разомъ и прямо начисто. Во время писанья чудилось мнѣ, что я слышу надъ головою шелестъ, точно хлопанье птичьихъ крыльевъ. Когда я рассказалъ объ этомъ моимъ друзьямъ, молодымъ берлинскимъ поетамъ, они съ страннымъ выраженіемъ лица переглянулись между собой и единогласно увѣрили меня, что съ ними, при сочиненіи стиховъ, никогда ничего подобнаго не случилось». — Кромѣ вышеупомянутаго «соціального» значенія, которое приписывалъ этой пьесѣ Гейне, она имѣетъ и чисто личный интересъ: здѣсь на первомъ планѣ несчастная любовь автора къ своей кузинѣ Амаліи (см. біографію). Въ письмѣ къ Иммерману онъ говорилъ, что въ этой трагедіи заключается «общая исповѣдь» (Hauptconfession), а въ нижеслѣдующихъ стихахъ къ Меркелю точнѣе объяснялъ это замѣчаніе:

«Я сладкую любовь искалъ,
И злая ненависть отвѣтомъ мнѣ была;

*) Это ошибки памяти; не въ 1821, а въ 1822 г.

И слезы лиль, я проклиналъ,
И кровь моя изъ сотенъ ранъ текла;
И сволочь всякую я бралъ себѣ въ друзья;
Я съ нею день и ночь, компанію водилъ—
И вотъ, какъ изучилъ все это я,
Тогда «Ратклифа» я спокойно сочинилъ.

Произведенію этому, тоже значительно грѣшасшему въ художественномъ отношеніи, авторъ въ первое время—да отчасти и впоследствии—почему-то придавалъ большую цѣну. «Я убѣжденъ,—писалъ онъ Иммерману:—въ достоинствѣ этой трагедіи, ибо она—правда, или я самъ—ложь; все остальное, что я написалъ и еще пишу, пропадетъ, да и пусть пропадетъ». А въ стихахъ къ Христіани говорилъ: «Я и мое имя погибнуть, но эта пѣснь будетъ жить вѣчно».—На нѣмецкой сценѣ «Ратклифъ» никогда не былъ поставленъ; только въ Италиі, нѣсколько лѣтъ назадъ, была сдѣлана неудачная попытка представленія; въ Россіи сюжетъ трагедіи былъ передѣланъ въ оперу П. А. Кюи.

Къ стр. 265. *Откуда мечъ твой весь въ крови?* и т. д. Эти слова, нѣсколько разъ повторяющіяся въ пьесѣ—изъ знаменитой народной шотландской баллады.

Къ стр. 297. Поэма «Атта Троллъ» была написана въ ту пору, когда въ Германіи была въ большомъ ходу и пользовалась большою популярностью политически либеральная тенденціозная поэзія. Хотя высказывающіяся лучшими изъ этихъ поэтовъ мысли не расходились съ воззрѣніями Гейне, но на него непріятно дѣйствовали какъ ихъ манера, такъ особенно то обстоятельство, что вопросъ о политическихъ убѣжденіяхъ отодвигалъ на задній планъ вопросъ о достоинствѣ художественномъ. Это, равно какъ и утрированный пафосъ многихъ народныхъ трибуновъ, вызывали въ Гейне сатирическое настроеніе и дали ему мысль представить убіеніе неуклюжаго тенденціознаго медвѣдя романтическими охотниками.—Въ началѣ 1846 г., т. е. черезъ четыре года послѣ сочиненія «Атта Троллъ» Гейне писалъ Варнгагену: «Тысячелѣтнее царство романтики кончилось, и я самъ былъ ея послѣднимъ и отрекшимся отъ престола сказочнымъ королемъ. Не сорви я съ моей головы вѣнца и не надѣнь простого платья, они бы безъ церемоніи отрубили мнѣ голову. Четыре года назадъ, прежде чѣмъ я сдѣлался отступникомъ отъ самого себя, у меня была еще охота повозиться при лунномъ свѣтѣ со старыми товарищами по царству грѣзъ—и я написалъ «Атта Тролля», лебединую пѣснь умирающаго періода, и посвятилъ ее вамъ. Такъ оно и слѣдовало, потому что вы были самымъ родственнымъ соратникомъ моимъ, какъ въ шуткѣ, такъ и въ серьезномъ дѣлѣ. Вы вмѣстѣ со мною помогали хоронить старое время и оказывали акушерскія услуги при рожденіи новаго. Да, мы помогли ему выйти на Божій свѣтъ, и теперь пускаемся: съ нами дѣлается то же, что съ бѣдной курицей, которая высидѣла утинія яйца и съ ужасомъ видитъ, какъ новорожденные птенцы кидаются въ воду и съ удовольствіемъ плаваютъ... Дальнѣйшія объясненія касательно смысла поэмы и т. п. смотри въ предисловіи автора.

Къ стр. 303. Grande Chaumière—извѣстное увеселительное мѣсто въ Парижѣ, царство самаго распущеннаго канкана.

Къ стр. 304. Донъ Карлосъ—младшій братъ испанскаго короля Фердинанда VII (ум. въ 1833 г.), вступившій послѣ его смерти въ борьбу за наслѣдство престола съ вдовою Фердинанда, Маріей. Хри-

стиной, отставившею престолъ для своей дочери Изабеллы. — Подъ «паномъ Шнаппанскимъ» (снeппарр—франц. слово, означающее бездѣльника, темнаго человѣка) подразумѣвается князь Феликсъ Лихновскій, сперва служившій въ Пруссіи, потомъ перешедшій къ донъ Карлосу, который сдѣлалъ его бригаднымъ генераломъ. По возвращеніи изъ Испаніи онъ написалъ «Воспоминанія о 1837—1839 г.». Въ сентябрѣ 1848 г. онъ былъ убитъ во Франкфуртѣ чернью во время ея возстанія.—*Черный мавровъ вождь у Фрейлихрата*. См. предисловіе автора къ поэмѣ.

Къ стр. 306. Дошья Муноць — королева Марія Христина, скоро послѣ смерти своего мужа вышедшая за одного изъ своихъ лейб-гвардейцевъ, дона Муноца. — Въмѣсто трехъ послѣднихъ куплетовъ II главы въ посмертныхъ стихотвореніяхъ найденъ слѣдующій вариантъ:

Фантастична и безцѣльна
Пѣснь моя—сонъ лѣтней ночи;
Какъ любовь, какъ жизнь безцѣльна—
Все практичное ей чуждо.
Не ищите въ ней защиты
Нашихъ высихъ интересовъ;
Имъ служить всегда мы будемъ—
Но хорошей прозой только.
Да, въ хорошей прозѣ будемъ
Мы сражаться съ игомъ рабства,
А въ стихахъ, а въ пѣснѣ блещетъ
Намъ давно звѣзда свободы.
Здѣсь, въ блаженномъ царствѣ пѣсни.
Здѣсь ужъ не съ кѣмъ намъ сражаться;
Здѣсь играть давайте тирсомъ
И вѣнчать чело цвѣтами!

Къ стр. 308. *Голубой цвѣтокъ увядшій*. Романтическій поэтъ Новалисъ въ одномъ изъ своихъ романовъ выставилъ «голубой цвѣтокъ» символомъ романтической мечтательной грусти.

Къ стр. 309. О Масманѣ см. неоднократно въ предыдущихъ томахъ.

Къ стр. 312. Фонъ-Раумеръ—извѣстный историкъ.

Къ стр. 313. Въ посмертныхъ бумагахъ найдены слѣдующіе четыре стиха, какъ начало VI главы:

«Въ той большой конюшнѣ Бога,
Что землей мы называемъ,
Есть для каждой твари ясли—
И всегда съ хорошимъ кормомъ.

Къ стр. 316. *Дити Туйскіана*. Туйско — древнѣйшій богъ германцевъ. — *Остерегайся Бауэра и Фейербаха*. Бауэръ—авторъ нѣсколькихъ религіозно-философскихъ сочиненій.—Фейербахъ—знаменитый дѣятель въ этой же области.

Къ стр. 318. Моисей Мендельсонъ—извѣстный философъ, другъ Лессинга.

Къ стр. 321. Посада—трактиръ.—Олеа-потрида—прянное кушанье изъ различнаго мяса.—Гарбанцось—глецки изъ гороха.

Къ стр. 323. Мумме—крьпкое и сладкое пиво, изготовляемое въ Брауншвейгѣ. Названо такъ по имени своего изобрѣтателя, Христиана Мумме.

Къ стр. 325. Въ посмертныхъ бумагахъ найдены слѣдующіе три куплета, которые могутъ считаться началомъ XIII главы:

Ночь, сверкал въ звѣздахъ, горы
Облегла, какъ плащъ изъ черныхъ
Горностаевъ, весь ушитый
Хвостиками золотыми.
Былъ, само собой, помѣшанъ
Мѣховщикъ, что горностаевъ
Сдѣлалъ черными, хвосты же,
Вмѣсто черныхъ, золотыми.
Фрейлигратъ, повѣсься съ горя,
Что не ты придумалъ этотъ
Плащъ изъ черныхъ горностаевъ,
Съ хвостиками золотыми!

Къ стр. 329. Каготы—остатокъ первобытнаго племени, выброшенный изъ общества, вслѣдствіе существующаго мнѣнія о господствѣ въ немъ проказы; нѣсколько экземпляровъ его уцѣлѣло въ Испаніи и южной Франціи.

Къ стр. 334. *Наши Вольфгангъ*—т. е. Гёте.—*Генгстенбергомъ осужденный*. Генгстенбергъ—берлинскій профессоръ, богословъ-фанатикъ, написалъ крайне рѣзкую статью о романѣ Гёте «Избирательное Сродство». — *Я узналъ Вильяма*—т. е. Шекспира.— Францъ Горнь—авторъ многотомнаго сочиненія «Драматическія сочиненія Шекспира».

Къ стр. 335. «*Галло!*» и «*Гусса!*»—охотничій крикъ.

Къ стр. 337. Фей Абунда—лицо изъ скандинавской мифологіи.— Грезъ—знаменитый французскій живописецъ конца XVIII в., славившійся особенно изображеніемъ женскихъ головокъ.

Къ стр. 347. Карлъ Мейеръ—поэтъ швабской школы. (См. статью «Швабское зеркало» въ IV т. нашего изданія).

Къ стр. 348. Легационсратъ Келле—авторъ стихотвореній и политическихъ статей, много путешествовавшій.— Юстинъ Кернеръ—извѣстный поэтъ, бывшій убѣжденнымъ спиритомъ и производившій у себя дома многіе опыты и наблюденія.

Къ стр. 349. *Не срывайте же одежды, нравственно благочестивой, наготу мою прикрывшей*. Это слова Гёте. По поводу стихотвореній упоминаемаго ниже поэта Пфидера, Гёте писалъ Цельтеру вообще о стихотворцахъ этой категоріи: «Удивительно, какъ эти господа до такой степени искусно драпируются въ нравственно-религиозно-поэтическій нищенскій плащъ, что хоть локоть и проглядываетъ изъ-подъ него, но этотъ изъязънъ принимаешь за поэтическій умыселъ».

Къ стр. 350. *Пфидера стихотворенья*. См. предыдущее примѣчаніе. О Пфидерѣ Гёте говорилъ въ томъ же письмѣ. «Этотъ писатель, кажется, одаренъ дѣйствительнымъ талантомъ и хорошей челоувѣкъ. Но при чтеніи его у меня на душѣ стало такъ плачевно (armselig), и я послѣшно отложилъ книжечку въ сторону, такъ какъ во время холеры надо строгаише воздерживаться отъ всякихъ расслабляющихъ средствъ».

Къ стр. 351. *И зовутъ его Шнаппанскій*. См. примѣчаніе къ стр. 304.— *Завладезь донъ Эспартеро*. Донъ Эспартеро знаменитый испанскій генераль, одержавшій много побѣдъ надъ войсками донъ Карлоса.

Къ стр. 352. *Старый Одоардо*—отецъ Эмилии Галотти въ Лессинговой трагедіи съ этимъ заглавіемъ. — *Въ мысляхъ нѣтъ — смять розу прежде, чѣмъ се стубила буря*. Слова Эмилии Галотти. Когда отецъ, заколовъ ее, восклицаетъ: «Боже мой, что я сдѣлалъ!» она отвѣчаетъ: «Сломалъ розу прежде, чѣмъ листья ея развѣяла буря».

Къ стр. 354. *И*** ему воздвигнетъ... въ*** стилъ лапидарномъ*. Подъ первыми тремя звѣздочками подразумѣвается король баварскій Людовикъ I, построившій около Регенсбурга «Валгаллу» (въ подражаніе мнѣической Валгаллѣ), гдѣ выставлены бюсты замѣчательныхъ нѣмецкихъ дѣятелей. Подъ вторыми звѣздочками—тоже онъ, имѣвшій привычку писать такъ-называемымъ «лапидарнымъ» стилемъ.

Къ стр. 359. Шамиссо, Brentano и Фуке—писатели романтической школы; особенно два послѣдніе.

Къ стр. 361. «Германія, зимняя сказка», была написана послѣ поѣздки Гейне изъ Парижа въ Гамбургъ. Въ Германіи, со времени своего переселенія во Францію, Гейне не былъ тринадцать лѣтъ.

Къ стр. 366. Въ посмертныхъ стихотвореніяхъ Гейне найдено слѣдующее, составляющее вступленіе къ «Германіи» и озаглавленное: «Прощаніе съ Парижемъ»:

«Прощай, мой Парижъ! Мы сегодня должны
 Съ тобою,—увы,—разлучиться!
 Въ избыткѣ всѣхъ благъ оставляю тебя,
 Моя дорогая столица!
 Нѣмецкое сердце мое злой недугъ
 Съ недавняго времени гложеть;
 Живущій на сѣверной родинѣ врачъ
 Одинъ излѣчить его можетъ.
 Онъ вылѣчитъ вмигъ. Объ искусствѣ его
 Идетъ превосходная слава;
 Но мысль объ ужасныхъ лѣкарствахъ его
 Теперь ужъ страшитъ меня, право.
 Прощай, мой кипучій французскій народъ,
 Прощайте, веселые братья!
 Дурацкой тоскою отъ васъ я гонимъ,
 Но скоро вернусь къ вамъ опять ѣя.

Что дѣлать? Представьте—душа у меня
 Болитъ отъ томительной грусти
 По запаху торфа родимой земли,
 По рѣпѣ и кислой капустѣ,
 По черному хлѣбу, по вони сигаръ,
 Ночной охранительной стражѣ,
 Блондиночкамъ-дочкамъ пасторскихъ семействъ,
 Гофратамъ и грубости даже.
 По матери тоже—открыто скажу—
 Томлюсь я глубокой тоскою;
 Тринадцать ужъ лѣтъ я не видѣлся съ ней,
 Старушкой моей дорогою.
 Прощай, и жена моя милая! Ты
 Не можешь понять мою мѹку:
 Тебя я цѣлую такъ крѣпко, но все-жъ
 Рѣшаюсь на эту разлуку.
 Мучительной жаждой уносить меня
 Отъ счастья, сладчайшаго въ жизни.

Ахъ, я задохнусь, коль не дать подышать
 Мнѣ воздухомъ въ милой отчизнѣ.
 До спазмовъ доходятъ волнение, тоска,
 Растя все сильнѣе, сильнѣе..
 Дрожать мои ноги отъ жажды попать
 Нѣмецкую землю скорѣе.
 Въ концѣ декабря я вернусь—и совсѣмъ;
 Надѣюсь, безъ злого недуга;
 Тогда новогоднихъ подарковъ тебѣ
 Куплю, дорогая супруга!..

(Перев. П. И. Вейнберга).

Къ стр. 366. Эйапопея—колыбельная пѣснь.

Къ стр. 368. «*До матери вновь прикоснулся гигантъ...*» и т. д. Намекъ на мифологическаго гиганта Антэя, который каждый разъ, какъ касался матери-земли, пріобрѣталъ неодолимую физическую силу.—«*Въ ней кружево есть... колоть они будутъ жестоко*»—Здѣсь въ нѣмецкомъ подлинникѣ непереводаемая игра словомъ *Spitzen*, которое значить и «кружево», и «колкий».—Фонъ Фаллерслебенъ (Гофманъ)—нѣмецкій политическій поэтъ сороковыхъ годовъ; его «Неполитическія Пѣсни» и другія стихотворенія неоднократно подвергались цензурнымъ и полицейскимъ преслѣдованіямъ.

Къ стр. 369. Карлъ Майеръ—писатель «швабской школы» (см. «Швабское зеркало», IV т., стр. 324), которую неоднократно осмѣивалъ Гейне. Въ подлинникѣ тутъ игра словъ: «*Magnus*» (великій) и *Maueg* (собственно *maior*),—сравнительная степень отъ *agnus*.—Юстинъ Кернеръ, извѣстный нѣмецкій поэтъ времени войнъ «за освобожденіе», заклятый врагъ французовъ, воинственные пѣсни котораго произвели сильное впечатлѣніе.

Къ стр. 370. *И въ мытишинѣ дружескомъ «ты» до сихъ поръ...* и т. д. Въ презрительной или пренебрежительной рѣчи, обращаемой къ прислугѣ и вообще низшему сословию, нѣмцы употребляютъ мѣстоимѣніе третьяго лица, вмѣсто втораго.—Уландъ, Тикъ и Фукé—извѣстные поэты романтической школы.—Иоганна фонъ-Монфоконъ—заглавіе романтической драмы Коцебу.—*Онъ*—знакъ остроумья на тронѣ—намокъ на извѣстное остроуміе короля Фридриха Вильгельма IV.

Къ стр. 372. *Здѣсь было господство тѣхъ «темныхъ мужей»* и т. д.—Гуттенъ—знаменитый гуманистъ эпохи Возрожденія, авторъ «Писемъ о темныхъ людяхъ»—рѣзкой сатиры на монашество того времени.—Гохстратенъ—одинъ изъ самыхъ яростныхъ противниковъ Меланхтона и Лютера.—Менцель—извѣстный писатель, запятнавшій себя гнусными доносами на литературную школу, извѣстную подъ названіемъ Молодой Германіи. О немъ неоднократно выше.—«*Кирье Элейсонъ!*» (греч.)—Господи помилуй!

Къ стр. 373. На колокольнѣ церкви св. Ламберти въ Мюнхенѣ находятся три желѣзныхъ клѣтки, въ которыхъ были помѣщены трупы казненныхъ анабаптистовъ: Яна Лейденскаго, Книшпердолинга и Крехлинга.

Къ стр. 374. Никласъ Беккеръ—авторъ знаменитой патріотической пѣсни «*Sie sollen ihn nicht haben*» (Онъ—т. е. Рейнъ—не достанется имъ, т. е. французамъ), написанной въ 1810 г., когда французы замыслили завоевать лѣвый берегъ Рейна.

Къ стр. 375. А. де-Мюссе отвѣчалъ на пѣснь Беккера стихотворе-

нiемъ, которое начиналось словами: «*Nous l'avons eu, votre Rhin allemand.*».—Генгстенбергъ (1802—1869)—лютеранскiй богословъ, отличавшiйся крайнею строгостю своихъ убъжденiй и своей оппозициiи католической церкви.—*Spiritus Familiaris*—то же, что домовой (въ добромъ значенiи).

Къ стр. 376. О Гаррисъ см. «Флорентинскiя ночи» (т. III).

Къ стр. 381. «*И мнѣ Аталантовыхъ яблокъ милѣй...*» Аталанта (въ греч. мифологiи) славилась красотою и быстротою бѣга и на состязанiяхъ побѣждала всѣхъ, искавшихъ ея руки; наконецъ Гиппоментъ побѣдилъ ее, бросивъ ей подъ ноги золотыя яблоки, чѣмъ затруднилъ ея бѣгъ и получилъ возможность обогнать ее.

Къ стр. 383. *Стоять на мезурѣ*, т. е. въ фехтовальномъ поединкѣ.

Къ стр. 384. Тэрцы и кватры—фехтовальные приемы.—Гаруспексъ—въ древнемъ Римѣ жрецъ, предсказывавшiй будущее по кишкамъ животныхъ.—Генгстенбергъ (см. выше).—Неандръ (ум. 1850 г.)—профессоръ богословiя въ Берлинѣ.—Бирхъ-Шфейферъ—романистка и драматическая писательница.

Къ стр. 385. Раумеръ—извѣстный историкъ.—Масманъ—ярый тевтоманъ, жестоко осмѣянный Гейне въ «Путевыхъ Картинахъ».—Корнелюсъ—извѣстный живописецъ.—Латинская фраза значить: «Пачканье не есть живопись».

Къ стр. 387. Кольбъ—редакторъ «Аугсбургской Газеты», другъ Гейне. Статьи Гейне очень часто сокращались и исправлялись редакциею по цензурнымъ условiямъ.

Къ стр. 388. Судилище фѣмы (*Femgericht*)—вѣроятно, отъ старонѣмецкаго слова «feme», судъ выборныхъ лицъ въ среднiе вѣка; пользовался большимъ влиянiемъ.

Къ стр. 389. Ротбартъ (рыжая борода)—императоръ Фридрихъ Барбаросса.

Къ стр. 393. *Chi va piano, va sano*—тише ѣдешь, дальше будешь.—Каршинъ, Анна Луиза—поэтесса и импровизаторша (ум. 1891 г.).—Моисей Мендельсонъ, извѣстный философъ времени Фридриха В.—Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди, сынъ Моисея Мендельсона—знаменитый композиторъ.

Къ стр. 397. *Никто—мое имя*. Такой отвѣтъ далъ и Одиссей циклопу Полифему у Гомера («Одиссея», пѣснь 9). Слово «бѣльма» имѣеть отношенiе къ тому, что Полифемъ былъ слѣпъ на одинъ глазъ.

Къ стр. 398. Бюкебургъ—резиденцiя княжества Шаумбургъ-Липпе, всего съ 5.000 жителей.—«*Отчизну унести съ собою на подошвахъ возможно*». Когда Дантону, послѣ казни Гебера и его партii, совѣтовали бѣжать, онъ отвѣтилъ, что «отечество не унесешь съ собою на своихъ подошвахъ».

Къ стр. 399. Эрнстъ-Августъ, до восшествiя на ганноверскiй престолъ, былъ влiятельнымъ членомъ партii тори въ англiйскомъ верхнемъ парламентѣ.

Къ стр. 401. Дрекваль—еврейскiй кварталъ въ Гамбургѣ.

Къ стр. 403. «*Отъ птицы коварнѣйшей...*» и т. д. Эта птица—прусскiй орелъ. (Въ первой редакции окончанiе 3-й главы, послѣ словъ: «Явилась мнѣ птица» было: «Которой названiе—прусскiй орелъ»).—Въ прежнее время, въ земляхъ сѣверной Германiи, не находившихся подъ властью Пруссiи, орла обзывали въ насмѣшку кукушкой. Подъ «яйцомъ, что эта птица снесла въ парикъ бургомистра», подразумѣвается приглашенiе, обращенное Пруссiею къ другимъ нѣмецкимъ государствамъ—вступить въ прусско-нѣмецкiй таможенный союзъ.—*—*—подъ

этими тремя звѣздочками подразумѣвается Адольфъ Галле, зять банкира Содомена Гейне, причинившій поэту много непріятностей.—Биберъ—основатель гамбургскаго «Страховаго отъ огня союза».

Къ стр. 404. Гумпелино—одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ «Путевыхъ Картинахъ» Гейне; настоящая его фамилія—Гумпель; онъ былъ гамбургскій банкиръ.—Мейеръ—литературный критикъ и театральнй рецензентъ.—Корнетъ—извѣстный пѣвецъ и директоръ гамбургскаго театра.—Кампе—извѣстный издатель.

Къ стр. 405. Шофепье—врачъ.—Вилле—журналистъ; за что наносились ему врагами университетскаго начальства удары—неизвѣстно.—Фуксъ—послѣдователь крайнихъ взглядовъ въ философіи.

Къ стр. 406. Дребанъ—улица въ Гамбургѣ, на которой по вечерамъ собирались женщины легкаго поведенія.

Къ стр. 409. Старушка, живущая у плотины—мать Гейне.—Лотта—его сестра Шарлотта.—«Славный старикъ»—банкиръ Саломонъ Гейне (см. біографію).—*Мьста прошедшихъ страданій...* и т. д. Намекъ на несчастную любовь Гейне къ своей кузинѣ Амаліи, дочери Саломона Гейне (см. біографію).

Къ стр. 412. «Мавританскій король» (Der Mohrenkönig)—одно изъ лучшихъ стихотвореній Фрейлиграта.

Къ стр. 414. «Здѣсь тридцать шесть навозныхъ канавъ очищали...» Въ то время въ Германіи было тридцать шесть владѣтельныхъ лицъ.—Сень-Жюсть—другъ Робеспьера.

Къ стр. 415. Подъ «королемъ Тула» (сказочная мѣстность) подразумѣвается прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV. Подъ этимъ баснословнымъ именемъ онъ выведенъ и въ знаменитомъ стихотвореніи Гейне «Новый Александръ» (стр. 159).

Къ стр. 417. Пайстегерось и Базилея—главныя дѣйствующія лица въ комедіи Аристофана «Птицы».—«Въ послѣдней главѣ я смекнулъ подражалъ концу его «Птицы». Подражаніе въ томъ, что какъ Пайстегерось (народный совѣтъ) женится на Базилеѣ (верховное господство), такъ авторъ «Германіи» вступаетъ въ союзъ съ богинею Гаммонією.

Оглавленіе

VI ТОМА.

ДОБАВЛЕНІЯ КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ.

СТГ.

I. Пѣсни любви.

Отсюда далеко жилъ въ прежни годы я	Перев. <i>П. И. Вейберга.</i>	5
Любвнный привѣтъ	» <i>Д. Д. Минаева.</i>	5
Любвнная жалоба	»	6
Душевное томленіе	»	7
Бѣлый цвѣтокъ	»	7
Ей	»	8
Цвѣты головки поднимають	»	8
Звѣзды ночи золотыя	»	9
День цѣлый я думалъ	»	9
Когда у милой я сажу	»	10
Подъ Липами, мой другъ	»	10
Я давно не вѣрю въ небо	»	10
Въ жару любви	»	11
Никакъ позабыть не могу я	» <i>Н. П. Грекова.</i>	11
До боли губы цапковала ты	» <i>Д. Д. Минаева.</i>	11
Когда меня ты обняла украдкой	»	11
Дитя мое, мня конфузишь ты	» <i>П. И. Вейберга.</i>	12
Отвагой былою охваченъ я вновь	»	12
Я-бъ хотѣлъ, чтобъ мои пѣсни	» <i>Д. Д. Минаева.</i>	12
Цвѣточки милые!	» <i>П. И. Вейберга.</i>	12
Я пѣсни творю небольшія	»	13
Надъ ручьемъ склонилась	» <i>Д. Д. Минаева.</i>	13
Почтенная барышня!	» <i>П. В. Быкова.</i>	13
Божественъ мигъ	» <i>Д. Д. Минаева.</i>	14
Ты прекрасная хозяйка	»	14
Тебѣ, равнодушной и вялой	»	14
Какая ложъ въ объятяхъ скрыта	»	14
Ремсгетъ	» <i>П. И. Вейберга.</i>	15
Ремсгетъ	»	15
Когда два сердца разобьются	»	16
Во всяческихъ образахъ я	»	16

Наканунъ свадьбы	Перев. П. И. Вейнберга.	17
Какою гармоніей милой	»	18.
О глазки, прекрасныя смертныя звѣзды	»	19
Прорывается звуками пѣсни	»	19
Какое желтыхъ розъ значенье	»	19
Блаженный мигъ	»	19
Печально и вмѣстѣ забавно	»	19
Блаженства человекъ исполненъ	»	20
Въ жизни съ дурами	»	20
Въ мартѣ началась любовь моя	»	20
О какъ быстро возникаетъ	»	21
Какъ прекрасна ты	»	21
Не пугайся, дорогая!	П. В. Быкова.	22
Прощай	Д. Д. Минаева.	22
Берта	И. Я. Лебедева.	22
Въ соборѣ	М. М. Бродовскаго.	23
Какъ лилейно бѣлы руки	П. И. Вейнберга.	24
Раненый, больной, страдая	А. Я. Мейснера.	24
Соловьи поютъ безъ правилъ	П. И. Вейнберга.	25
Храни васъ Господа забота	»	25
Теперь, мой другъ	»	25
Какъ ты и хнычешь	»	26
На груди букетъ трехцвѣтный	»	26
Снился мнѣ дѣвушка	М. Л. Михайлова.	26
Къ Женни	А. Н. Плещеева.	26
Китти.		
Въ платоническихъ влеченьяхъ	А. Я. Мейснера.	27
Китти, Китти умираетъ	П. И. Вейнберга.	28
Уходящее лѣто	А. Я. Мейснера.	28
Сегодня я провела чудесно день	Д. Д. Минаева.	29
Счастье во снѣ	П. И. Вейнберга.	29
Глаза, что мной давно забыты	»	29
Тщеславье шепчетъ мнѣ	»	30
Прекрасенъ тихій блескъ	»	30
Письмо, что она написала	»	30
Быстрой козочкою мчится	»	31
То счастье, что меня вчера	»	31
Пѣснь пѣсней	Ф. В. Вишневскаго (Черниловца).	31
Къ дочери моей возлюбленной	П. И. Вейнберга.	33
Утромъ	»	34
Холодная сердца	А. Н. Линдегрень	34
Отважный рискъ!	П. И. Вейнберга.	35
Нѣтъ, ни одна на свѣтѣ	»	36
Все пламя любви	»	36
Сомнѣнья нѣтъ	»	36
Другъ, какое преступленіе!	»	37
Селимена	»	37
Въ часахъ песочныхъ, вижу я	Д. Д. Минаева.	37
Матильда подала букетъ	»	38*

	СТР.
Мнѣ было велѣно судьбой	Перев. <i>Д. Д. Минаева.</i> 39
Скорбь Вавилонская	» <i>М. Л. Михайлова.</i> 39
Избирательный бракъ	» <i>Д. Д. Минаева.</i> 41
Мушкѣ	» » 42
Цветокъ лотоса	» <i>А. Н. Линдсгрена.</i> 46
Своими думами тебя я оковалъ	» <i>А. Гилрова.</i> 46
Вели мнѣ тѣло рвать клещами	» <i>Д. Д. Минаева.</i> 47
Слова, одни слова	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 47
Смерть подошла!	» » 48
Воспоминаніе	» » 48

II. Разное.

Вюннебергиада	Перев. <i>О. Н. Чюминой.</i> 51
Францу фонъ Ц.	» <i>Д. Д. Минаева.</i> 54
Когда настанетъ часъ	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 55
Когда я въ Оттензенѣ былъ	» » 55
Рекомендую, другъ, тебѣ	» » 55
Тамъ, гдѣ «Роланда уголокъ».	» <i>П. Зоричъ.</i> 55
Фрицу фонъ-Бейгель	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 56
Безъ заботъ, печали и недуга	» » 56
Картина	» » 56
Aucassin und Nicolette	» <i>Д. Д. Минаева.</i> 57
Предчувствіе	» » 57
А. В. Шлегелю:	
1) Сомнѣніе ума — червякъ	» » 57
2) Имуществомъ своимъ все недо- воленъ ты	» » 58
Георгу С. въ Геттингенѣ	» » 58
Ж. Б. Руссо	» » 59
Свѣтъ для меня былъ	» » 59
Трагикомическій сонетъ	» » 60
Ночь на Драхенфельсѣ	» » 60
Фрицу Штейнману	» » 61
Сонъ и жизнь	» » 61
Въ лѣсъ зеленый хочу я уйти	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 62
Мою печаль, мое мученье	» » 62
Руками сильными на двери царства	» » 62
Я сладкую любовь искалъ	» » 62
Философскій камень, дружбу и любовь	» » 63
Зеленѣютъ лѣсъ и поле	» » 63
Любовь и ненависть	» » 63
Ты знаешь хорошо	» » 63
И день, и ночь стихи я сочинялъ	» » 64
Подымайтесь вы, старья грѣзы	» » 64
Въ облакахъ скользить луна	» <i>Д. Д. Минаева.</i> 65
Закутавшись въ тучи	» » 65
Море отдыхаетъ подъ лучомъ луны.	» <i>П. И. Вейнберга.</i> 65
Гдѣ?	» » 66
Предостереженіе	» » 66
Къ свѣдѣнію	» » 66
Добрый совѣтъ	» » 67

Дузли	Перев. П. И. Вейнберга.	67
Изъ области телеологіи	»	68
По ту и по эту сторону Рейна	» Д. Д. Минаева.	70
Рационалистическое толкованіе	»	70
Въ интрижкахъ съ дамами	» П. И. Вейнберга.	70
И днемъ и ночью	»	71
Жилъ на свѣтѣ чортъ	»	71
Если ты съ дамой сошелся	»	71
Эдуарду Г.	» П. И. Вейнберга.	71
Иванъ	»	72
Клопъ	»	73
Цитронія	» А. Н. Линдсгрена.	74
Аллилуйя	» Д. Д. Минаева.	76
Мошенникъ и мошенница	» П. И. Вейнберга.	78
Боленъ, болеть безнадежно	» Д. Д. Минаева.	79
Былъ ясенъ весь мой день	» П. И. Вейнберга.	80
Miserere	»	80
Тѣло и душа	» Д. Д. Минаева.	82

Къ „Лазарю“.

Брось свои иносказанья	» М. Л. Михайлова.	83
Съ любовью черная жена	» О. Б. Миллера.	83
Ахъ, какъ медлительно ползеть	»	84
Влачась когда-то въ край изъ края	» А. Я. Мейснера.	84
Я видѣлъ, какъ дѣтски смѣялись	»	85
Я помню дѣвицей тебя бѣлокурой	» О. Н. Чюминой.	85
Пускай присяжными разсудка	»	86
Нежданной молніей, вполнѣ	» А. И. Майкова.	86
Образъ сфинкса надѣленъ	» О. Н. Чюминой.	87
Три старухи, одна съ другой схожи	» П. И. Вейнберга.	87
Меня не манить рай небесный	» Д. Д. Минаева.	88
Дикимъ хаосомъ ходить въ мозгу	» П. И. Вейнберга.	89
Когда насосется ужъ дѣсыта пьявка	»	90
Въ сердцѣ гая сокрушительный пылъ	»	91
О вѣчность, да какъ ты долга!	»	91
Дни, года, вѣка ужасной пытки	»	91
Вспоминать о немъ не надо!	» Д. Д. Минаева.	92
Morphine	»	92
Жажда покоя	» Н. П. Грекова.	93
Въ маѣ	» П. И. Вейнберга.	94
Средневѣковая грубость	»	94
Какой-то демонъ злой	»	95
Губами Іуды они цѣловали меня	»	95
Афронтенбургъ	» М. Л. Михайлова.	96
У кого въ груди есть сердце	»	98
Ночью, съ бѣшеной угрозой	» П. И. Вейнберга.	98
Умирающій	»	98
Ж. Б. Руссо	»	99

Сонеты.

Рой мыслей, что одна въ другую вдѣта	»	»	100
Что можетъ быть отраднѣй	»	»	100

	СТР.
Старуху-тетушку когда-то я имѣлъ	Перев. П. И. Вейнберга. 101
Желалъ бы очень я всегда идти	» » 101
Лернейская гидра	» » 101
Herakles Musagetes	» » 102
Завѣщаніе	» » 103
Эпидлогъ	» » 104

III. Романы и рассказы.

Освященіе	Перев. Д. Д. Минаева. 105
Урокъ	» П. И. Вейнберга. 106
Умирающій Альманзоръ	» Д. Д. Минаева. 107
Бѣгство	» П. И. Вейнберга. 107
Невѣрная Лиза	» » 108
Вѣдьма	» » 108
Пѣсня маркизантки	» Д. Д. Минаева. 109
Король Артуръ	» » 110
Невольничій корабль	» Э. Б. Миллера. 110
Филантропъ	» П. И. Вейнберга. 114
Юдоль скорби	» » 116
Эдуардъ	» Д. Д. Минаева. 117
Бимини	» П. И. Вейнберга. 118
Капризы влюбленныхъ	» Д. Д. Минаева. 138
Красныя туфли	» » 140
Стрекоза	» П. И. Вейнберга. 141
Стрекоза	» Д. Д. Минаева. 143
Изъ временъ косъ въ мужской при- ческѣ	» П. И. Вейнберга. 144
Добродѣтельный пѣсь	» А. Н. Плещева. 145
Лошадь и оселъ	» П. И. Вейнберга. 146

IV. Современныя стихотворенія.

Сынъ безумья!	Перев. Д. Д. Минаева. 14 ²
Мужчины, дамы, дѣвушки, внимайте.	» П. И. Вейнберга. 15 ²
Бамбергъ и Вюрцбургъ	» Д. Д. Минаева. 15 ³
Эдому	» » 15 ³
Разразись ты громкимъ воплемъ	» П. И. Вейнберга. 15 ³
Отступнику	» » 154
Гимнъ	» » 154
Отрывокъ	» » 154
Германія	» Д. Д. Минаева. 155
Политическому поэту	» П. И. Вейнберга. 155
Георгу Гервегу	» Д. Д. Минаева. 156
Хвалебныя пѣсни королю Людовику	» » 156
Новый Александръ	» » 159
Нашъ флотъ	» » 161
Силезскіе ткачи	» » 163
Мими	» » 163
Общество юныхъ котовъ	» Э. Б. Миллера. 165
Подслушанное	» П. И. Вейнберга. 167
Добрый совѣтъ	» Д. Д. Минаева. 162
Посредничество	» » 169

	СТР.
Симплиссимусъ I	Перев. П. И. Вейнберга. 169
Воевода Вислоухій I	» 172
Ослы-избиратели	» Д. Д. Минаева. 176
Все зависитъ отъ количества	» П. И. Вейнберга. 178
Отвѣтъ	» 181
Странствующія крысы	» 182
Въ Германіи, драгой моей отчизнѣ	» 183
Иванъ Безземельный	» Д. Д. Минаева. 184
Воспоминаніе	» 186
Аудіенція	» 187
Воспоминаніе о Гаммоніи	» 188
Переселеніе въ Елисейскія поля	» А. Н. Линдегеръ. 190
Торжественный гимнъ	» П. И. Вейнберга. 193
Эпилогъ къ торжественному гимну	» Д. Д. Минаева. 195
1649—1793—??	» А. Н. Линдегеръ. 195
Кобесъ I	» П. И. Вейнберга. 196
Легенда замка	» П. О. Морозова. 201
Михель послѣ марта	» П. И. Вейнберга. 201
Трагедіи.	
Алманзоръ	Перев. О. Б. Миллера. 205
Вильямъ Ратклиффъ	» К. В. Орлова. 264
Атта Тролль	» Н. А. Брянскаго. 297
Германія	» П. И. Вейнберга. 361
Примѣчанія къ VI тому	419

